

МАСТЕРСКАЯ ПСИХОЛОГИИ

Ю. П. ПЛАТОНОВ

**ОСНОВЫ ЭТНИЧЕСКОЙ
ПСИХОЛОГИИ**

*Рекомендовано в качестве учебного пособия
Учебно-методическим объединением вузов РФ
по социальной работе*

Санкт-Петербург
2003

Рецензенты: доктор психологических наук *И. П. Волков*;
доктор психологических наук *В. А. Машков*

*Рекомендовано в качестве учебного пособия
Учебно-методическим объединением вузов РФ
по социальной работе*

Платонов Ю. П.

П 37 Основы этнической психологии. Учеб. пособие. — СПб.: Речь, 2003. — 452 с.

В учебном пособии представлены основные разделы одного из ключевых направлений социальной психологии – этнической психологии, приведены методики этнопсихологической диагностики.

Пособие предназначено для студентов, специалистов в области психологии, социологии, народоведения, политологии.

Данное учебное пособие является переработанным и дополненным изданием книги «Этническая психология» (2001).

ББК 88.2

ISBN 5-9268-0244-X

© Платонов Ю. П., 2003

© Издательство «Речь», 2003

© Борознец П. В. (оформление обложки), 2003

ISBN 5-9268-0244-X

ПРЕДИСЛОВИЕ

О, Запад есть Запад,
Восток есть Восток,
И вместе им не сойтись...

Р. Киплинг

Этносы... народы... нации... В последнее время мы все чаще сталкиваемся с этими словами. Слышим их как на бытовом уровне, так и из уст ученых, политиков, руководителей государств.

Межэтнические отношения стали важнейшим элементом социальной и политической реальности. Этнические конфликты, этническое насилие, к сожалению, сопутствуют новейшей истории России. Общество сегодня расплачивается за отсутствие в прошлом достаточного интереса к специфике межэтнических отношений. Игнорировать эти проблемы опасно, так как они угрожают самой целостности России, а отыскать способы их решения без понимания сознательных и бессознательных устремлений людей, объединенных в этническую общность, невозможно.

Современная этническая психология не представляет единого целого как по тематике проблем, так и по методам их изучения. В ней существует множество направлений, из которых наиболее важны следующие:

- кросс-культурные исследования, которые направлены на выяснение особенностей символического мира и ценностных ориентаций представителей разных культур, а, следовательно, и этносов, и неразрывно связаны с соответствующими разделами этнографии, этнологии, антропологии и ряда других наук;

- исследования этнического сознания и самосознания, этнической идентичности, опирающиеся на понятийный аппарат и методы соответствующих разделов прикладной социальной психологии и направленные на изучение социальных установок, социальных стереотипов, межгрупповых отношений и т. п.;
- исследования этнических особенностей социализации новых поколений, понятийный аппарат и методы которых близки социологии, социальной и возрастной психологии.

В этнопсихологических исследованиях в настоящее время проявляются три основные тенденции.

Прежде всего, это тенденция *культурного релятивизма*. Все культуры рассматриваются в целом как равные по значимости и ценности. Психологические различия народов объясняются влиянием этнокультурных переменных с учетом некоторых биологических факторов.

Тенденция *абсолютизма* предполагает сравнительный анализ психологических феноменов как одинаково присущих этническим общностям вне зависимости от уровня развития. В результате делается вывод, что представители одного этноса более интеллектуальны или более депрессивны, чем представители другого, поэтому существуют различия между ними, а, следовательно, и превосходство одних народов над другими.

И наконец, тенденция *универсализма*, которая предполагает, что базовые психологические феномены являются общими для всех, но их выражение зависит от их уровня развития и истории народа. Сами же этносы равны и только внешне отличаются друг от друга.

Язык, происхождение, обычаи, материальная культура, идеология выступают определяющими признаками этноса, поэтому актуальным является тезис: «Мы — такие-то, а все прочие — другие». Это явление универсально, поскольку отражает некую физическую или биологическую реаль-

ность, которая, по существу, и представляет собой предмет этнической психологии.

Исследования в области этнической психологии требуют аккуратного и внимательного подхода, ибо необоснованные заключения о психологических особенностях тех или иных народов могут оскорбить их национальные чувства. Поэтому для специалистов, работающих в области межэтнических отношений, будут полезны те знания, которые изложены в данной книге.

ЭТНОСФЕРА КАК ОБЪЕКТ ЭТНИЧЕСКОЙ ПСИХОЛОГИИ

ГЛАВА 1. ЭТНОСФЕРА ЗЕМЛИ: ПЛЕМЕНА, НАРОДЫ, НАЦИИ

Землю населяет множество народов, находящихся на разных стадиях социально-экономического и культурного развития. Они представляют собой особый вид социальной общности людей, определяемый совокупностью таких признаков, как общность языка и территории, близость культуры и быта, общность исторического развития и, в некоторых случаях, принадлежностью к одному государству.

По принятой в российской этнологии динамике становления народов как этносов к самому раннему их типу относятся племена, характерные для первобытнообщинного строя [7]. С рабовладельческой и феодальной формациями связан такой тип этноса, как народ (некоторые исследователи считают, что для каждой из этих формаций характерны свои типы этносов). С развитием товарно-денежных (капиталистических) отношений и усилением экономических связей возникает и такой тип этноса, как нация.

Вследствие неравномерности социально-экономического и политического развития разных стран и регионов в настоящее время на Земле сосуществуют три типа этносов: племя — народ — нация.

Исторически самый ранний тип этносов — племя. Племена состояли из нескольких (первоначально, вероятно, двух

или трех) родов — социальных ячеек, связанных кровными узами. Для племен эпохи первобытнообщинного строя (кроме ее завершающего этапа) было характерно отсутствие социального расслоения.

В настоящее время племена в чистом виде встречаются крайне редко, причем термином «племя» различные исследователи обозначают этносы с весьма разным уровнем социально-экономического и культурного развития. Одни из таких «племен» насчитывают миллионы, другие — сотни или десятки тысяч, третьи — лишь тысячи или даже сотни человек. Только немногие (самые отсталые и малочисленные) этнические группы обладают сейчас особенностями, присущими настоящим племенам, чаще же этносы сохраняют лишь некоторые черты племенной структуры. Обычно современные «племена» уже включены в той или иной форме в систему феодальных или даже капиталистических отношений и, подобно народам, распадаются на социальные группы. Черты племенной организации сохраняются прежде всего у кочевых и полукочевых народов, которые исследователи чаще всего и включают в число так называемых племен.

В процессе разложения первобытнообщинного строя общность интересов многих племен приводила к появлению их союзов, таких, например, как Лига ирокезов в Северной Америке, союз трех племен ацтеков в Мексике, союз зулусских племен в Южной Африке, татаро-монголы в Евразии. Образование этих союзов, сопровождавшееся развитием хозяйственных межплеменных и культурных связей, вело к постепенному смешению племен, к замене прежних кровнородственных связей связями территориальными. Так родился новый тип этносов — народ: исторически сложившаяся языковая, территориальная, экономическая и культурная общность людей, предшествующая нации.

Первыми сформировались народы рабовладельческой эпохи (древнеегипетская, древнеэллинская и др.). В Европе

процесс образования народов завершился в основном в период феодализма (древнерусская — из восточнославянских племен полян, древлян, вятичей и др., польская — из славянских племен поморян, вислян, мазовшан и др., немецкая — из германских племен саксов, алеманов и др.); из разноразличных племен, смешавшихся в результате завоевания одних другими (северофранцузская и провансальская народности — из галльских племен, римских колонистов и германских племен франков, вестготов и бургундов и т. п.).

В процессе образования народов по мере усиления хозяйственно-экономических и культурных связей между ними язык одного народа (обычно более многочисленного или более развитого) становился общим, а остальные языки низводились до роли диалектов или вовсе исчезали; формировалась определенная территориальная, культурная и хозяйственная общность. Впрочем, эта общность (особенно в экономическом отношении) была еще неустойчивой. Одним из показателей сложившейся общности служил новый единый этноним, под которым народ становился известным соседям.

С развитием экономических и культурных связей ликвидируется характерная для народов хозяйственная разобщенность, происходит превращение их в нации. Присущие народам признаки получают новое качество: нации отличаются устойчивой общностью территории, экономики и культуры, общим языком; наконец, формируются общие черты национального характера, более четкое этническое самосознание.

Обычно нации — результат этнического развития народов, чье название они, как правило, сохраняют. Однако народы, разделенные государственными границами, часто дают начало нескольким этническим образованиям (например, португальцы и галисийцы, немцы и австрийцы и т. д.). Древнерусский народ послужил общим корнем русского, украинского и белорусского народов, сложившихся впоследствии в нации.

Нередки случаи, когда в формировании одной нации участвовало или участвует несколько народов (так, индонезийская нация формируется из яванцев, мадурцев и других народностей). Распространены случаи образования этнографических групп при длительном отрыве части народа от основного этнического массива (в результате миграционных процессов, изменения государственных границ и т. п.). Весьма отчетливо выделяются группы, различающиеся в профессиональном отношении.

Следует подчеркнуть, что трехчленное деление этносов (племя — народ — нация) не отражает всего многообразия существующих на Земле форм этнических общностей. Картину усложняют проживающие во многих странах (особенно они характерны для стран иммиграции) переходные этнические группы — иммигранты первого, второго или более поздних поколений, частично подвергшиеся ассимиляции основной нацией. Они еще окончательно не оторвались от народа своей родной страны и целиком не влились в этнос принявшей их страны (к таким группам относятся, например, немцы, шведы, итальянцы в США и Канаде). Переходные группы формируются и в зоне этнических границ, где контактируют два и более народа. Характерная черта этих групп — двойное этническое самосознание.

Указанное деление не учитывает существования этнических общностей различных уровней, к каким, например, относятся казаки — обособленная группа русских. Она и та же совокупность людей может входить одновременно в состав нескольких этнических общностей разного ранга, что и создает их своеобразную «иерархию».

У любых, даже самых сплоченных и консолидированных, народов имеются группы, сохраняющие отличия от основного этнического массива. Такие группы, получившие наименование этнографических, представляют собой территориально обособленные части народности или нации, культура и быт которых сохраняют своеобразие (они

имеют свои наречия или говоры, обладают спецификой в материальной и духовной культуре, могут отличаться в религиозном отношении и т. д.). Этнографические группы обычно образуются при ассимиляции народностью или нацией инонациональной группы или же при слиянии племен в народность, когда эти племена еще сохраняют некоторые характерные черты. Существуют и общности, охватывающие целую группу народов, — так называемые метаэтнические, или надэтнические, общности. Они объединяют несколько народов, у которых появились элементы общего самосознания, основанного на этногенетической близости или на длительном хозяйственном и культурном взаимодействии, а в классовом обществе — и на политических связях. К таким общностям можно отнести, например, славянские, романские, монгольские и другие народы, близкие не только по языкам, но в определенной мере и по культуре и быту.

Бывают и этнорелигиозные метаэтнические общности. Например, индуизм оказал огромное влияние на всю общественную и культурную жизнь разноразличных народов Южной Азии, и сейчас индуистские народы этого региона, бесспорно, образуют определенную общность.

В рамках многонациональных государств складывались и складываются этнополитические общности, которые также можно с известной долей условности отнести к метаэтническим. При формировании таких общностей наблюдается постепенное социально-экономическое и культурное сплочение всех или почти всех народов соответствующей страны, этническое же и языковое сближение у них выражено значительно слабее.

История свидетельствует о том, что процессы, при которых несколько небольших этносов сливались в один большой или малая этническая общность растворялась в составе крупного народа (то есть процессы этнического объединения), имели место в самых различных районах и

в разных социально-экономических условиях. Что же касается противоположных им процессов этнического разделения, то они были особенно характерны для раннего периода развития человечества: рост народонаселения привел к членению племен и к расселению людей по земному шару. Лишь в некоторых регионах мира этноразделительные процессы продолжают и сейчас играть заметную роль. Так, переселение европейцев в Америку, Австралию и, отчасти, в Африку сопровождалось формированием там новых этносов. Новые народы возникают и при разделении единых этносов изменяющимися государственными границами, пример тому — возникновение новых государств (СНГ).

Этнические процессы весьма разнообразны, многоплановы и с трудом поддаются глубокому изучению. Особую популярность в 90-е годы XX в. приобрела *теория этногенеза Л. Н. Гумилева*.

Теория Гумилева является на сегодняшний день наиболее яркой философско-исторической концепцией, объясняющей возникновение, развитие и угасание народов, империй, цивилизаций. Суть этой теории сводится к следующему.

Основным действующим лицом истории являются этносы, поскольку они представляют собой наиболее устойчивые и активные человеческие общности, охватывающие всех людей; нет человека вне этноса, каждый человек принадлежит только к одному этносу. Этнос — система, развивающаяся в историческом времени, имеющая начало и конец.

Универсальный критерий различия этносов между собой — стереотип поведения, то есть особый поведенческий язык, который передается по наследству, но не генетически, а через условно-рефлекторный механизм сигнальной наследственности, когда потомство путем подражания перенимает от родителей и сверстников поведенческие стереотипы, являющиеся одновременно и адаптивными навыками.

Системными связями в этносе служат ощущения «своего» и «чужого», а не сознательные отношения; ощущение реальности стереотипа порождает самосознание и противопоставление «мы — они».

Единство этноса поддерживается геобиохимической энергией биосферы, эффект которой определяется как пассионарность — непреодолимое стремление к достижению какой-либо цели, пусть даже иллюзорной, но для осуществления которой ее носители (пассионарии) готовы пожертвовать как собственной жизнью, так и жизнью своего потомства; психологически пассионарность проявляется как импульс подсознания, противоположный инстинкту самосохранения — и индивидуального, и видового.

В зависимости от соотношения пассионарного импульса (P) и инстинкта самосохранения (J), Гумилевым описано три характерных поведенческих типа: а) пассионарии ($P > J$); б) гармоничные люди ($P = J$); в) субпассионарии ($P < J$).

Статистически в этносе преобладают гармоничные люди; доли пассионариев и субпассионариев в процентном отношении незначительны, но их изменение определяет геобиохимическое состояние этноса как закрытой системы дискретного типа.

В зависимости от удельного веса пассионарности этнос в своем жизненном цикле (в процессе этногенеза) проходит ряд стадий: фазу подъема пассионарности (скрытую, или инкубационную, и явную); фазу предельной пассионарности (акматическую); фазу надлома (то есть резкого спада пассионарности); инерционную фазу (постепенного спада пассионарности); фазу потери пассионарности (фазу обскурации); мемориальную фазу, когда после некоторой регенерации пассионарности этнос превращается в реликт, являющийся верхним звеном геобиоценоза определенного ландшафта.

Вспышка этногенеза — результат пассионарного толчка, определенной органической мутации, которая, в свою очередь, вызывается либо непосредственно, космическим

облучением поверхности Земли вдоль определенной линии, либо посредством передачи пассионарного признака генетически — благодаря половым контактам пассионариев с менее пассионарными особями. Процесс этногенеза характеризуется угасанием энергии живого вещества (пассионарности) из-за сопротивления среды и в любой момент может быть прерван внешним вмешательством, особенно в моменты перехода от фазы к фазе; при этом этнос частично истребляется, частично «рассыпается рознь».

Этносы имеют сложную структуру, включая в себя субэтносы, консорции и конвиксии, и сами составляют более сложные структуры — суперэтносы, объединяемые общей доминантой. Между разными этносами возможны следующие типы связи: симбиоз (добрососедство), ассимиляция (слияние), ксения (добровольное объединение без слияния), химера (объединение без слияния путем подчинения одного этноса другим, чуждым ему по доминанте), война за господство на определенной территории (внутри суперэтноса), война на истребление (при враждебных контактах на суперэтническом уровне).

Поскольку импульс пассионарности имеет чисто энергетический характер, направленность расходования этой энергии зависит от выбора доминанты — определенной идеи, чаще всего религиозной, которая составляет мироощущение и жизненную программу ее носителей. Все мироощущения делятся на жизнеутверждающие (теистические и оптимистичные) и жизнеотрицающие (атеистические и пессимистичные). При этом только первый тип мироощущений может стать основой нормальной жизни этноса.

В мировой этнологии принято выделять два основных вида этнических процессов: этноэволюционные и этнотрансформационные [6; 12]. Процесс называется *этноэволюционным* в том случае, когда при изменении отдельных компонентов этнос или какая-либо его группа тем не менее остаются самими собой, то есть их этническое само-

сознание не изменяется; при *этнотрансформационном* процессе самосознание изменяется, и этническая принадлежность человека становится иной.

В зависимости от преобладания центростремительных или центробежных тенденций этнические процессы подразделяются на две основные типологические группы: **этническое объединение** и **этническое разделение**. При характеристике конкретных типов этнических процессов в каждой из этих групп процессы могут быть по своей этнической сути и этноэволюционными, и этнотрансформационными, а также смешанными — эволюционно-трансформационными.

Процессы этнического объединения весьма различны по характеру, однако у них есть некоторые общие черты. Прежде всего, любому процессу этнического объединения свойственно культурное и языковое сближение вовлеченных в процесс лиц; постепенно нивелируются, а иногда и полностью уничтожаются имеющиеся между людьми различия.

Формы этнического объединения различны. Этнологи выделяют пять основных форм этого процесса: этническая фузия, этническая консолидация, этническая ассимиляция (и близкая к ней этническая конверсация), межэтническая интеграция, этногенетическая миксация.

Этнической фузией называется слияние нескольких ранее самостоятельных этносов, родственных по языку и культуре, в единый новый, более крупный этнос. Так, этнической фузией может быть названо слияние восточнославянских племен (полян, северян, древлян, волынян, дулебов, белых хорватов, уличей, тиверцев, дреговичей, радимичей, полочан, кривичей, вятичей, ильменских словен) в древнерусский народ.

Процесс этнической фузии протекает с разной скоростью, зависящей от комплекса влияющих на этот процесс факторов, и в частности — от уровня социального и этнического развития страны, в которой идет этот процесс, от интенсивности хозяйственных и иных связей между отдельными ее

частями. Чем выше уровень развития страны и чем теснее связи между ее частями, тем быстрее происходит этническая фузия.

Весьма существенна для интенсивности протекания этнической фузии также степень языковой, культурной, религиозной и расовой близости групп, участвующих в процессе. Как указывалось выше, в процессе этнической фузии обычно участвуют родственные между собой этносы, однако степень родства может быть различной, и чем она выше, тем быстрее протекает процесс.

Некоторое влияние оказывает сложность этнической структуры населения территории, где идет процесс, поскольку слишком большое количество мелких этнических образований (пусть даже очень близких друг другу в языково-культурном отношении), несомненно, замедлит процесс этнической фузии.

Для идущих в развивающихся странах процессов этнической фузии большое значение имеет наличие у складывающейся этнической общности письменности, которая может играть важную роль в интенсификации процесса. Конечно, ускорение процесса возможно только в том случае, если для всего участвующего в нем этнического массива избран какой-нибудь один диалект (наличие нескольких литературных форм может существенно осложнить положение).

Вторая форма этнического объединения — *этническая консолидация* — характеризуется внутренним сплочением более или менее значительного этноса в ходе сглаживания различий между имеющимися внутри него локальными группами. Этот процесс характерен для подавляющего большинства крупных и средних этнических общностей. Например, после того как русские сложились в единый народ, в течение длительного времени шло сближение локальных групп (население Московской, Тверской, Новгородской и других земель).

Из локальных этнических групп формируются новые народы и нации. Например, в Африке из недавних племенных объединений складываются такие значительные народы или даже нации, как хауса, йоруба, ибо. Быстро идет консолидация многих народов Индии, Филиппин и других стран Азии.

Этническая фузия и этническая консолидация — два тесно связанных между собой процесса. Со временем этническая фузия переходит в этническую консолидацию. Поэтому при исследовании конкретного этнического процесса порой бывает довольно трудно дать его типологическую характеристику: является ли он конечной стадией этнической фузии или начальной стадией этнической консолидации.

Однако несмотря на безусловную связь двух рассмотренных процессов, сущность их различна: если первый из них является этнотрансформационным процессом и приводит к смене этнического самосознания, то второй процесс этноэволюционен и к смене самосознания не ведет.

Третья форма этнического объединения — *этническая ассимиляция* — особенно широко распространена в экономически развитых странах, и прежде всего в тех из них, где много иммигрантов. Она характеризуется растворением ранее самостоятельного этноса или его части в среде другого, обычно более крупного народа. Таким образом, ассимиляция будет для одной стороны — ассимилируемых — этнотрансформационным процессом, поскольку у них изменится этническое самосознание. Для другой же стороны — ассимилирующих — этническая ассимиляция будет процессом этноэволюционным, так как самосознание этого этноса остается прежним.

Этническая ассимиляция захватывает разнообразные группы населения: как национальные меньшинства, иногда даже имеющие свою этническую территорию, так и иммигрантов. В последнем случае темпы ассимиляции зависят

от многих факторов: близости языка и культуры иммигрантов и коренных жителей, степени национальной сплоченности иммигрантов, сохранения ими политических и культурных связей со своей родиной, характера расселения в принявшей их стране (смешанное или компактное расселение, оседание в городах или сельской местности), расовых различий, отношения правящих кругов страны к тем или иным группам иммигрантов и т. д.

Различают естественную и насильственную этническую ассимиляцию. Первая происходит в процессе контакта этносов и обусловлена самим ходом социально-экономического развития той или иной страны. Насильственная ассимиляция имеет место в тех странах, где этносы неравноправны. Она — результат радикальной ассимиляторской политики политической элиты титульного этноса, направленной на искоренение языка и культуры национальных меньшинств. Такая политика проводится в отношении русских в Прибалтике латышами и эстонцами.

Ассимиляционный процесс имеет неодинаковую скорость, которая зависит от сочетания таких факторов, как численность ассимилируемой группы, характер ее расселения, время пребывания в ассимилирующей среде, род занятий ассимилируемой группы и ее хозяйственные связи с основным населением территории, социально-правовое состояние и семейное положение ассимилируемых, частота вступления в смешанные браки, наличие или отсутствие контактов с родиной (если речь идет об эмигрантских группах), отношение к ассимилируемой группе со стороны окружающей этнической среды, близость ассимилируемых и ассимилирующих по языку, культуре, религии, расе, соотношению уровней культуры ассимилируемого меньшинства и ассимилирующего большинства, уровень развития этнического самосознания и т. д.

Характер влияния большинства из перечисленных факторов очевиден. Но некоторые требуют пояснения.

Так, на первый взгляд может показаться, что сходство хозяйственных занятий ассимилируемых и ассимилирующих должно ускорять их сближение. На самом же деле влияние этого фактора противоречиво. В большинстве случаев сходные занятия, конечно, способствуют интенсификации ассимиляционного процесса: попадая в близкую ей хозяйственную среду, ассимилируемая группа быстро сливается с ней. Однако иногда сходство хозяйственных занятий вызывает конкурентные столкновения между пришлым и коренным населением, что может затруднить ассимиляционный процесс.

Следует отметить и такой фактор, как семейное положение ассимилируемых. По этому признаку всех иммигрантов (речь идет о мужчинах, именно они чаще преобладают среди приезжих) можно разделить на три категории: женатых, приехавших без семей; женатых, приехавших с семьями; холостых. Быстрее всех ассимилируются холостяки, вступая в браки с местными девушками. Что же касается лиц, привезших на новое местожительство свои семьи, то они ассимилируются сравнительно медленно, так как в семейных ячейках сохраняется, а иногда и воспроизводится старая этническая общность. Еще более затруднена ассимиляция иммигрантов, оставивших свои семьи на родине. Живя думами о возвращении в родные края, они смотрят на страну пребывания как на временное пристанище, которое им рано или поздно предстоит покинуть. Вынужденные адаптироваться к местным условиям, они, вместе с тем, не желают растворяться в новой среде.

На этническую ассимиляцию влияет и соотношение уровней культуры контактирующих народов. Быстрее всего этот процесс идет, при прочих равных условиях, у групп, поселяющихся среди этноса с приблизительно одинаковым с ними уровнем культуры. Довольно быстро протекает ассимиляция и в том случае, когда иммигранты попадают в среду, несколько превышающую (но не очень значительно) их по

уровню культуры. А вот при резких различиях в уровне культуры, особенно когда приезжие превосходят местное население в культурном отношении, процесс ассимиляции очень затруднен.

Когда в ассимиляционном процессе взаимодействуют два очень близких по языку и культуре этноса (например, русские и белорусы), этот процесс резко интенсифицируется и приобретает ряд черт, сближающих его с консолидационным и фузионным процессами. Такая форма этнического объединения существенно отличается от обычного ассимиляционного процесса, когда взаимодействуют два неродственных или весьма отдаленно родственных народов, и называется этнической конверсацией.

Еще одной формой этнообъединительных процессов является *межэтническая интеграция*, состоящая во взаимодействии внутри государства или какого-нибудь крупного региона нескольких существенно различающихся по языку и культуре этносов; взаимодействии, которое приводит к возникновению у них ряда общих черт. В результате межэтнической интеграции складываются не этносы, а особые межэтнические (метаэтнические) общности, которые в отдаленной перспективе могут слиться в единый народ (а могут и не слиться). Эти своеобразные общности представляют собой группу этносов, которая обладает элементами общего самосознания (оно может быть основано на длительном хозяйственном и культурном взаимодействии, политических связях и т. д.). Хотя межэтническая интеграция — это в основном этноэволюционный процесс, поскольку самосознание у отдельных этносов сохраняется, появление зачатков общего самосознания у метаэтнических общностей позволяет все же говорить о самой начальной стадии этнической трансформации.

Процессы межэтнической интеграции присущи всем длительно существующим полиэтничным государствам (например, Римской империи). Естественно, что с распадом мно-

гонационального государства процесс межэтнической интеграции прекращается.

Пятая форма этнообъединительных процессов — *этногенетическая миксация*, в ходе которой новый этнос образуется путем слияния народов, не связанных родством, — встречается довольно редко. Иногда этот процесс как бы продолжает межэтническую интеграцию, однако, в отличие от нее, имеет этнотрансформационный, а не этноэволюционный характер. После завершения в основных чертах формирования нового этноса этногенетическая миксация может перейти в этническую консолидацию.

Процессы этногенетической миксации наиболее свойственны Латинской Америке, однако в прошлом они имели место и в других регионах. Этногенетической миксацией может быть названо формирование башкирского этноса, который образовался как из тюркских, так и из финно-угорских групп, включив в себя как монголоидные, так и европеоидные элементы.

Хотя процессы **этнического разделения** были особенно ярко выражены на ранних этапах человеческой истории, они идут в ряде районов мира и сейчас. Существуют две формы этноразделительных процессов: этническая парциация и этническая сепарация.

При *этнической парциации* происходит разделение единого прежде этноса на несколько более или менее равных частей, причем ни один из новых этносов не отождествляет себя полностью со старым (этот процесс в какой-то мере можно рассматривать как антипод этнической фузии). Так, в результате разделения территории некогда единого древнерусского народа государственными границами из него выделились три близких между собой по языку и культуре, но вполне самостоятельных народа: русские, украинцы и белорусы.

При *этнической сепарации* от того или иного этноса отделяется его часть, обычно сравнительно небольшая, которая со временем превращается в самостоятельный этнос

(этот процесс можно в известной мере считать антиподом этнической ассимиляции). Этническая сепарация вызывается разными причинами: переселением какой-то группы исходного этноса, политико-государственным обособлением небольшой части народа, религиозным обособлением этнической группы. Например, переселение в XVII в. части ойратов в Россию привело к созданию калмыцкого народа.

Важную роль в формировании многих наций играли и продолжают играть политические факторы, и в первую очередь — государственное обособление. Это относится, например, к голландцам, отколовшимся от родственных им фламандцев. Образование двух отдельных государств: Германии и Австрии — привело к возникновению самостоятельных наций, говорящих на одном языке. Почти все латиноамериканские нации сложились в рамках возникших государств, и политические границы стали этническими.

Если этническая парциация представляет собой чисто этнотрансформационный процесс, то этническая сепарация трансформационна только для той части исходного этноса, которая обособляется в отдельный народ.

Иногда в одном и том же массиве населения одновременно идут разные процессы (например, этническая консолидация какого-нибудь народа с одновременной ассимиляцией им иммигрантских групп).

Этнологический обзор народов, населяющих Землю, конечно, требует классификации их описаний. Такие описания позволяют систематизировать народы или группы народов по широкому спектру признаков: географическому, антропологическому, лингвистическому, хозяйственно-культурному, социально-экономическому, — по характеру материальной и духовной культуры, религиозной принадлежности и др.

Одни описания основаны в первую очередь на исследовании этнической принадлежности народов, их происхождения и путей формирования; при этом первостепенное зна-

чение имеют данные сравнительно-исторического языкознания, антропологии, систематизированные сведения о материальной и духовной культуре. Другие исходят из анализа явлений, свойственных разным народам и их группам, независимо от этнической принадлежности, наличия или отсутствия культурных контактов. Прежде всего это признаки хозяйственной деятельности, зависевшие в прошлом в большой мере от природно-географических условий, экологии и в значительно меньшей степени — от этнических и культурных традиций. Таково же и описание народов по уровню развития социальных отношений, а также по религиозной принадлежности. Предлагаемые ниже описания основываются на работах отечественных этнологов и этнодемографов [6; 13; 16; 25].

ГЛАВА 2. ГЕОГРАФИЧЕСКОЕ ОПИСАНИЕ ЭТНОСФЕРЫ

Этот вид описания необходим для упорядочения описываемых народов при этнографическом страноведении. Посредством географического описания выделяются условные географические регионы, в которых расселены народы мира. Географическое описание не отвечает на вопросы о происхождении народов, процессах их формирования, хозяйственном и культурном облике, об уровне социально-экономического развития, но позволяет пространственно упорядочить и распределить этносы по регионам. Хотя в отдельных случаях географическое соседство народов имеет связь с их этническим и культурным родством либо привело в ходе истории к сложившейся определенной общности в хозяйственных и культурных традициях, выяснить это, как считают этнологи, можно только с помощью других, не географиче-

ских, данных. Впрочем, в отдельных случаях фактор географического расселения народов может иметь существенное значение при решении собственно этнологических проблем.

Однако единого, принятого во всех странах и всеми учеными, географического описания не существует. Например, в русской дореволюционной и советской науке было принято выделять в качестве отдельных географических регионов Среднюю Азию и Казахстан, в зарубежной литературе они обычно включаются в состав Центральной Азии. В отечественной этнографии выделялись как самостоятельные регионы зарубежная Азия и зарубежная Европа, в настоящее время такое деление потеряло смысл. Многие еще не ясно в географической принадлежности ряда регионов бывшего Советского Союза (страны Балтии, Молдова и др.). Таких случаев неясности и несогласованности в географических группировках народов немало.

Рассмотрим относительно простое географическое описание этносферы по континентам и регионам.

Австралия и Океания

Общая численность населения — около 26 млн чел. В области выделяются подобласти — Австралия и Тасмания, Новая Зеландия, Полинезия, Меланезия, Микронезия.

- ✓ К первой подобласти (около 20 млн чел.) относятся Австралия, Тасмания, Новая Зеландия, Кокосовые острова (Килинг), Норфолк и остров Рождества.
- ✓ Полинезию (более 500 тыс. чел.) составляют государство Восточное Самоа (острова Кука, Мидуэй, Ниуэ, Питкэрн, Токелау, Уоллис, Футуна), государство Французская Полинезия.
- ✓ В Меланезию (более 4,8 млн чел.) входят политико-административное образование Папуа — Новая Гвинея, острова Вануату, Новая Каледония, Соломоновы острова, остров Фиджи.
- ✓ В Микронезию входят Марианские, Каролинские и Маршалловы острова, острова Кирибати и Науру.

Азия

Общая численность населения — более 3 млрд чел. В зарубежной Азии выделяют следующие подобласти:

- ✓ **Западная Азия** (более 190 млн чел.). В нее входят государства Афганистан, Бахрейн, Израиль, Иордания, Йемен, Ирак, Катар, Кувейт, Ливан, Объединенные Арабские Эмираты, Оман, Саудовская Аравия, Сирия, Турция;
- ✓ **Южная Азия** (около 1000 млн чел.). К ней относятся государства Бангладеш, Бутан, Индия, Мальдивская Республика, Непал, Пакистан, Шри-Ланка;
- ✓ **Юго-Восточная Азия** (более 400 млн чел.). Государства: Бруней, Вьетнам, Индонезия, Камбоджа, Лаос, Малайзия, Мьянма (Бирма), Сингапур, Таиланд, Филиппины, остров Тимор;
- ✓ **Восточная Азия** (около 1500 млн чел.). В нее входят государства Китай, Корейская Народно-Демократическая Республика, Республика Корея, Япония и территории Аомынь (Макао) и Сянган (Гонконг);
- ✓ **Центральная Азия** (более 2 млн чел.). Государство Монгольская Народная Республика. Часто к Центральной Азии относят также входящий в состав Китая Тибет.

Возможно, что с точки зрения географического описания к Центральной Азии могут быть отнесены Таджикистан, Узбекистан, Туркменистан и Казахстан (в этом случае численность населения существенно возрастает).

К Азии относятся Западная, Южная и Восточная Сибирь, а также российский Дальний Восток. Однако они являются частью России, в составе которой и рассматриваются.

К странам Азии относят обычно также государства Закавказья: Азербайджан, Армению и Грузию.

Америка

- ✓ **Северная Америка** (около 300 млн чел.). К ней относятся Канада, США, Гренландия, Сен-Пьер, Микелон и Бермудские острова.

- ✓ **Центральная и Южная Америка** (более 400 млн чел.). В нее входят:

- центральная материковая зона. Государства: Гватемала, Гондурас, Коста-Рика, Мексика, Никарагуа, Панама, Сальвадор;
- карибская зона. Аруба, Багамские острова, Барбадос, Виргинские острова, Гаити, Гваделупа, Гренада, Доминиканская Республика, Куба, Мартиника, Пуэрто-Рико, Тринидад и Тобаго, Ямайка;
- тропическая южная зона. Государства: Боливия, Бразилия, Венесуэла, Гайяна, Колумбия, Парагвай, Перу, Суринам, Эквадор;
- умеренная южная зона: Аргентина, Уругвай, Чили, Фолклендские (Мальвинские) острова.

Африка

Численность народов Африки составляет около 800 млн чел.

- ✓ **Северная Африка.** Государства: Алжир, Египет, Ливия, Марокко, Судан, Тунис.
- ✓ **Восточная Африка.** Государства: Бурунди, Джибути, Замбия, Зимбабве, Кения, Мадагаскар, Сейшельские острова, Сомали, Танзания, Уганда, Эфиопия и Эритрея.
- ✓ **Южная Африка.** Государства: Ботсвана, Лесото, Намибия, Свазиленд, Южно-Африканская Республика.
- ✓ **Центральная Африка.** Государства: Ангола, Габон, Заир, Камерун, Конго, Центрально-Африканская Республика, Чад.
- ✓ **Западная Тропическая Африка.** Государства: Бенин, Буркина-Фасо, Гамбия, Гана, Гвинея, Гвинея-Бисау, Кабо-Верде, Кот д'Ивуар, Либерия, Мавритания, Мали, Нигер, Нигерия, Сенегал, Сьерра-Леоне, Того.

Европа

Численность населения, включая Россию, составляет 800 млн чел.

- ✓ **Восточная Европа:** европейская часть России, Беларусь, Венгрия, Латвия, Литва, Молдова, Польша, Румыния, Словакия, Украина, Чехия, Эстония.

- ✓ Южная Европа. Государства: Албания, Андорра, Болгария, Ватикан, Греция, Испания, Италия, Мальта, Португалия, Сан-Марино, Югославия, а также территория Гибралтар.
- ✓ Западная и Центральная Европа. Государства: Австрия, Бельгия, Лихтенштейн, Люксембург, Монако, Нидерланды, Германия, Франция, Швейцария.
- ✓ Северная Европа. Государства: Великобритания, Дания, Ирландия, Исландия, Норвегия, Финляндия, Швеция.
Как самостоятельный политико-географический регион выделяется Россия, включающая европейскую часть, Северный Кавказ, Сибирь и Дальний Восток.

ГЛАВА 3. ХОЗЯЙСТВЕННО-КУЛЬТУРНОЕ ОПИСАНИЕ ЭТНОСФЕРЫ

Этот вид описания основывается на этнографических (этнологических) методах исследования хозяйства и культуры и используется при изучении этногенеза народов и их этнической истории, истории хозяйства, материальной и духовной культуры, проблем, связанных с этническими процессами, культурных и исторических отношений между народами. Хозяйственно-культурные исследования свидетельствуют, с одной стороны, об индивидуальных особенностях каждой культуры, а с другой — о глобальной непрерывной связи между человеческими культурами, что позволяет обнаруживать закономерности их развития. Осмысление путей прогресса культуры и его этапов началось еще в эпоху античности, когда были предприняты попытки связать этапы развития общества с определенными ступенями хозяйственного и культурного процесса и были выде-

лены три его стадии: собирательство и охота, пастушество, земледелие, — что способствовало переходу от дикости к варварству и от варварства к цивилизации. Эта схема, основанная на эмпирических наблюдениях и логических умозаключениях, длительное время в той или иной мере оказывала воздействие на взгляды ученых. К XVIII в. получила распространение идея о прохождении всеми народами пути от простейших видов хозяйственной деятельности к более сложным и совершенным.

В середине XIX в. немецкий экономист Ф. Лист выделил пять ступеней хозяйственного и культурного развития: дикость; пастушество; земледелие; земледелие в сочетании с ремеслом; земледелие, ремесло и торговля. Идея прохождения культурным прогрессом определенных этапов содержалась в трудах многих эволюционистов: А. Бастиана, И. Бахофена, Дж. Мак-Леннана, Эд. Тейлора и др. Попытка периодизации культурного развития человечества на основе материальных факторов производства и культуры была предпринята Л. Г. Морганом. Однако при этом не были соблюдены обязательные для любого описания условия фундаментальности и сопоставимости признаков, заложенных как критерии выделяемых этапов, а также не учтено различие хозяйства и культуры в разных природно-географических зонах Земли, что вызвало серьезную критику его концепции со стороны противников прямолинейных эволюционистских построений.

Значительный вклад в разработку проблемы хозяйственной и культурной систематики внес этнолог и географ Фридрих Ратцель, предложивший классифицировать культурные явления в их географическом многообразии.

Большое внимание рассматриваемым проблемам уделяли исследователи, разрабатывавшие концепцию «культурных кругов» (Л. Фробениус, Ф. Гребнер), а также основатель «культурно-исторической школы» В. Шмидт и многие его сторонники.

Проблемы описания хозяйственных и культурных явлений нашли отражение в трудах основателя американского «исторического метода» Ф. Боаса. Его ученики — О. Мэсон, К. Уисслер, В. Холмс, Э. Сэпир — разработали систему «культурных ареалов» Северной Америки кануна европейской колонизации.

Значительный шаг вперед в решении проблемы периодизации этапов развития хозяйства и культуры сделал русский этнограф В. Г. Тан-Богораз. Его концепция свободна от механических установок сторонников теории «культурных кругов», ибо она в значительной мере строилась на принципах историзма.

Отечественные ученые, основываясь на положениях о единстве исторического процесса и закономерностях движения человечества по ступеням развития культуры и смены способов производства, стали разрабатывать концепцию культурных общностей в виде хозяйственно-культурных типов. Одновременно велась работа по выделению «историко-культурных», или «историко-этнографических», областей.

В современном понимании хозяйственно-культурные типы — это комплексы хозяйства и культуры, исторически сложившиеся у разных народов, близких по социально-экономическому развитию и обитающих в сходных условиях среды. Преобладает точка зрения, гласящая, что начало формирования хозяйственно-культурных типов восходит к эпохе палеолита — времени появления человека современного вида. Они возникали, формировались, развивались, частично исчезали на протяжении всей истории в ходе адаптации людей к окружающей среде, политическим и социально-экономическим условиям, хозяйственного использования природных ресурсов в системе жизнеобеспечения. При этом одни типы сложились еще в глубокой древности, в эпоху присваивающего хозяйства, другие возникли на разных континентах позднее, в процессе распространения навыков земледелия, скотоводства, металлургии, ремесла. Существующая

в настоящее время хозяйственно-культурная типология охватывает общества от времени появления первобытнообщинного строя в позднем палеолите и до начала индустриальной эпохи и внедрения механизации в сельское хозяйство.

Основные, определяющие признаки хозяйственно-культурного типа — характер, облик и уровень развития хозяйства и хозяйственной деятельности людей. Облик и характер культуры имеют при этом большое, но не решающее значение, так как культуры народов мира разнообразны. В отличие от бесчисленных разновидностей явлений культуры, хозяйственно-культурные типы, даже с учетом промежуточных хозяйственных подтипов, достаточно ограничены и, что особенно существенно, могут тесно увязываться с этапами социально-экономического развития, способами производства, так как они включены в экономику самим процессом хозяйственной деятельности и относятся к экономическому фундаменту общества. Хозяйственно-культурный тип — органическая составная часть любого способа производства, практически конкретное материальное его воплощение, его основание. Категория «хозяйственно-культурный тип» выступает связующим звеном между производительными силами и производственными отношениями. Включенная в систему способов производства (помним понятия «производительные силы» и «производственные отношения») категория «хозяйственно-культурный тип» наполняет эту систему живым содержанием, показывает локальные варианты, органически соединяя совокупность хозяйственно-производственных навыков и экономику в общественном производстве с многообразием природной среды. Таким образом, хозяйственно-культурный тип, с одной стороны, характеризует хозяйственно-производную, технологическую сторону способа производства, а с другой — его конкретное этнокультурное выражение, этнологический облик общественной системы в целом и социально-экономических укладов в частности. Хозяйственно-культурный

тип — историческая категория, и именно смена типа, а не только развитие отдельных элементов культуры (орудий труда и технологии), ведет к изменению способа производства. Одновременно со сменой хозяйственно-культурного типа происходили и изменения в производственных отношениях. Такой подход позволяет тесно увязать хозяйственно-культурную типологию с наиболее крупными эпохами в социальном развитии человечества — первичной, догосударственной (эпоха до возникновения цивилизации), и вторичной, начавшейся со сложения цивилизации и первых государств. Соответственно, хозяйственно-культурный тип четко коррелирует и со способами производства.

Предложено несколько видов хозяйственно-культурного описания — от относительно простых, включающих основные, наиболее характерные типы, до очень сложных, в которых наряду с основными типами перечисляется множество подтипов, переходных форм и т. д., имеющих не универсальное, а лишь локальное распространение. Расширительное толкование хозяйственно-культурных типов открывает дорогу к субъективному подходу к описанию, неопределенности не только переходных форм, но и типов, что делает систематику недостаточно последовательной и аргументированной. Вследствие этого целесообразно включать в хозяйственно-культурное описание только основные, наиболее характерные для разных регионов Земли и бесспорные типы, тесно увязывая их с социально-экономической периодизацией, что позволяет четко разграничить типы на разных этапах развития общества.

Первичная, первобытнообщинная, эпоха включает в себя два типа: присваивающий и первобытно-производящий.

Присваивающий тип. Общества, относящиеся к наиболее архаической группе хозяйственно-культурной деятельности, обычно не знакомы с выплавкой и горячей обработкой металлов. Орудия изготавливаются из традиционных материалов: кости, рога, дерева, камня, раковин, а также из

полученных от более развитых соседей заготовок металла, который обрабатывается холодным «неолитическим» способом. Хронологически типы этой группы относятся к эпохам камня и палеометалла, но на периферии развитых обществ и государств они существуют вплоть до новейшего времени, постепенно сменяясь более производительными видами хозяйственной деятельности.

Наиболее примитивным присваивающим типом является тип «бродячих охотников и собирателей», некогда широко распространенный в тропической экваториальной зоне и сохраняющийся в наши дни только в немногих, географически изолированных и неблагоприятных для жизнедеятельности областях тропических лесов Юго-Восточной Азии, Южной Америки и Австралии. При крайне ограниченных пищевых ресурсах и слабой вооруженности бродячие охотники и собиратели почти ежедневно, с короткими дневками и ночлегами, передвигаются, собирая по пути все съестное. Их хозяйственные навыки, материальная и духовная культура находятся на самом низком из известных науке уровне развития.

Примерно таков же уровень социального, материально-культурного развития племен, занимавшихся на побережьях озер, рек, морей главным образом собирательством даров моря и растительных продуктов, прибрежным рыболовством.

Значительно более развиты племена, которые связаны со специализированной охотой и собирательством, требующими более высокого уровня развития производительных сил. Для них характерны следующие виды хозяйственно-культурной деятельности:

- специализированная охота и собирательство в тропиках;
- охота, рыболовство, собирательство в умеренном поясе;
- пешая таежная охота;
- арктическая охота на морского зверя;
- охота на оленей;

- охота, рыболовство, собирательство с зачатками земледелия и животноводства.

Все перечисленные выше виды хозяйственно-культурной деятельности образуют первобытно-присваивающий способ производства.

Первобытно-производящий тип. Примерно 10 тысяч лет тому назад, а может быть, и несколько раньше в так называемых «первичных» (по Н. И. Вавилову) центрах, в предгорьях сухих и влажных субтропиков Восточного Средиземноморья, юго-запада Средней Азии, позднее в Северной Африке, Южной, Юго-Восточной и Восточной Азии, а также в Америке начало складываться комплексное присваивающе-производящее хозяйство, в котором земледелие и животноводство стали постепенно занимать ведущее место. На естественно или искусственно орошаемых, обрабатываемых ручным способом (палками или мотыгами) землях выращивались первоначально преимущественно зерновые, а затем и другие сельскохозяйственные культуры. Наряду с уже одомашненной собакой были domestцированы сначала мелкий, а затем и крупный рогатый скот, свинья, транспортные животные, птица. В результате сложились следующие типы:

- комплексное хозяйство ранних земледельцев субтропиков;
- земледелие и животноводство умеренного пояса в древности;
- ручное земледелие тропиков.

Эти хозяйственно-культурные типы стали основой первобытно-производящего способа производства.

По мере развития производительных сил и роста численности населения началось освоение «вторичных центров» и стало возникать производящее хозяйство, главным образом в аллювиальных долинах рек, где сложился тип плужных и ручных земледельцев древних цивилизаций тропиков и субтропиков Северной Африки, Западной, Южной, Юго-Восточной и Восточной Азии, Центральной и Южной

Америки. На рубеже IV и III тысячелетий до н. э. возникают древнейшие государства Западной Азии и Северной Африки, расцветает цивилизация. Соответствующий этому типу способ производства может быть назван «азиатским», или общинно-государственным деспотическим. Происходит становление вторичной эпохи.

Под мощным влиянием древних цивилизаций начинается процесс распространения производящего хозяйства в тропиках, где возникает тип традиционного земледелия и животноводства предгосударственных и раннегосударственных образований Тропической Африки, ставший основой африканского способа производства.

В V–IV тысячелетиях до н. э. под влиянием «первичных» и «вторичных» центров производящее хозяйство сначала в виде ручного, а позднее плужного земледелия получает распространение в полосе умеренного климата; складывается тип земледельцев и животноводов лесной и лесостепной зоны Европы (варварский дофеодалный способ производства). Общества, находившиеся на этой стадии развития, не достигли уровня цивилизации.

К этой же эпохе относятся и два следующих хозяйственно-культурных типа.

Первый из них — тип пастушеского скотоводства, возникшего примерно одновременно с появлением хозяйственно-культурного типа древнего ирригационного земледелия в предгорных местностях (бывших некогда «первичными» центрами становления производящего хозяйства) и распространившегося позднее в степные и пустынные зоны (патриархально-пастушеский способ производства).

По мере распространения пастушеского скотоводства на степные и пустынные просторы и вследствие изменений климата, повлекших за собой сдвиги в природной среде, а также под влиянием определенных социально-экономических и политических факторов пастушество становилось со временем все более подвижным, и в начале I в. до

н. э. складывается тип кочевых и полукочевых скотоводов (номадный способ производства). Наибольшее развитие кочевничество получило в Средней, Западной и Центральной Азии, а в средние века — и в Восточной Африке. На протяжении всей истории кочевников отдельные их группы переходили к оседлости вследствие разложения экстенсивного пастбищного скотоводства и формирования предклассового патриархально-племенного строя. У осевших групп, переходивших к интенсивным формам хозяйственной деятельности (земледелие и др.), возникали классовые отношения. В наше время номадный способ производства сохранился только в отдельных пустынных и горных местностях зарубежной Азии, Северной и Восточной Африки.

В античное время в Южной Европе складывается тип плужного земледелия Древней Греции и Древнего Рима (рабовладельческий способ производства).

К средним векам относится возникновение типов плужного земледелия в государствах Азии и Африки, средневекового ремесленно-торгового городского типа (на основе этих типов складывается феодальный способ производства).

На последующий, индустриальный, период хозяйственно-культурное описание не распространяется.

ГЛАВА 4. АНТРОПОЛОГИЧЕСКОЕ ОПИСАНИЕ ЭТНОСФЕРЫ

Антропология изучает происхождение человека (антропогенез), его эволюцию, образование человеческих рас, морфологические и физиологические особенности человека. Для этнологии наиболее важным является раздел этнической антропологии.

Расами называются биологические подразделения человечества современного вида (*Homo sapiens* — неоантропа), различающиеся общими наследственными физическими особенностями, связанными с общим происхождением и определенной областью обитания. Одним из первых создателей описания расовых различий был французский ученый Франсуа Бернье, опубликовавший в 1684 г. работу, в которой употребил термин «раса».

Большинство ученых придерживаются теории моноцентризма, согласно которой расовая дифференциация происходила после образования человека современного вида в одном центре (предположительно в Восточном Средиземноморье и соседних областях Южной Европы, Северной и Восточной Африки и Западной Азии). В конце палеолита, вероятно, возникли два очага расообразования: западный (северо-восток Африки и юго-запад Азии) и восточный (юго-восток и восток Азии). Позднее, расселяясь по земному шару и смешиваясь между собой, человеческие популяции образовали современные расы.

Среди рас современных людей в первую очередь выделяют наиболее крупные подразделения, обычно называемые большими расами. До недавнего времени различали три большие расы: *европеоидную*, *монголоидную* и *негроавстралоидную*, или *экваториальную*. В последние годы многие исследователи вместо единой экваториальной расы выделяют две самостоятельные — *негроидную* и *австралоидную*. Выдвигаются также гипотезы о существовании более крупных биологических подразделений человечества — двух расовых стволов: *западного*, или *атланти-средиземноморского*, и *восточного*, или *тихоокеанского* (в состав первого входят *европеоиды* и *негроиды*, в состав второго — *монголоиды* и *австралоиды*). Отдельные ученые в состав западного ствола включают также австралоидов, в результате восточный ствол у них состоит из одних монголоидов.

В зоне контактов больших рас существует ряд переходных и смешанных расовых типов. Под переходными обычное понимают такие типы рас, которые сформировались в столь отдаленные времена, что теперь трудно установить, являются ли они результатом смешения двух рас или же сохраняют древние черты, существовавшие у больших расовых стволов до их расчленения. Смешанные же расовые типы образовывались не только в древности, но и в средневековье, а также в новое и новейшее время. Характерные представители переходных расовых типов — дравиды типа Южной Индии и эфиопы на востоке Африки, смешанные типы — метисы и мулаты Америки.

Внутри больших рас выделяются расовые группы, которые, в свою очередь, делятся на малые расы, последние состоят из еще более мелких расовых типов.

Для негроидов характерны курчавые черные волосы, интенсивно пигментированная кожа, карие глаза, слабое или среднее развитие третичного волосяного покрова, умеренно выступающие скулы, сильно выдающиеся вперед челюсти, слабо выступающий широкий нос, толстые губы. Негроидные признаки наиболее ярко выражены у населения, живущего в Африке к югу от Сахары. К негроидам относятся и низкорослые центральноафриканские пигмеи, или негрилли, отличающиеся очень низким ростом, а также южноафриканские бушмены и готтентоты, у которых негроидные черты (крайняя степень курчавости волос) сочетаются с монголоидными особенностями (желтоватая кожа цвета подсыхающей ливной, уплощенное лицо, наличие эпикантуса — кожной складки верхнего века, прикрывающей слезный бугорок во внутренних углах глаз).

Европеоиды отличаются волнистыми или прямыми мягкими волосами разных оттенков, большей частью сравнительно светлой кожей, сильным развитием третичного волосяного покрова, слабо выступающими скулами и челюстями, узким выступающим носом, тонкими или средней

толщины губами. Европеоиды делятся на две основные группы — северную и южную, которые различаются главным образом по цвету волос и глаз. Северная группа, наиболее депигментированная, преобладает у народов Скандинавии и населения соседних с ней районов; южная, для которой характерны смуглая кожа, темные волосы и карие глаза, — у южных европейцев, народов Северной Африки, Передней, Средней и Южной Азии. Большая часть Европы — это зона переходных форм, которые не могут быть отнесены ни к северной, ни к южной группе. Северные и южные европеоиды (а также переходные формы) на основании различий в росте, цвете кожи и глаз, формы головы делятся на большое количество малых рас. В составе северной группы выделяют атланти-балтийскую и беломорско-балтийскую расы (переходные формы — альпийская, среднеевропейская, восточноевропейская), в составе южной группы — средиземноморскую, индо-афганскую, адриатическую (динарскую), переднеазиатскую (арменоидную), памиро-ферганскую расы.

Для монголоидов характерны прямые жесткие темные волосы, слабое развитие третичного волосяного покрова, желтоватый оттенок кожи, карие глаза, уплощенное лицо с сильно выдающимися скулами, узкий или среднеширокий нос с низким переносьем. По происхождению и многим признакам к ним близки американские индейцы, у которых, однако, общий монголоидный облик сглажен, эпикантус встречается редко, нос выступает обычно сильно. Монголоиды Азии делятся на две основные группы: *континентальную* и *тихоокеанскую*. Континентальные монголоиды отличаются более широким лицом и некоторыми другими чертами. Особое место среди монголоидов занимает арктическая группа, у которой сочетаются признаки континентальных и тихоокеанских монголоидов и, кроме того, имеются специфические черты (например, очень узкий нос).

К югу от тихоокеанских монголоидов живут южные группы монголоидов — представители так называемой малайской расы, обнаруживающие немало австралоидных признаков (волнистые волосы, довольно обильный рост бороды, более темная кожа, толстые губы, относительно широкий нос). Поэтому их вместе с японцами и населением Восточной Индонезии, подвергшимся интенсивной метисации с различными группами австралоидов, сейчас чаще всего не включают в состав монголоидов, а считают смешанными и переходными формами между азиатской ветвью монголоидной большой расы и австралоидной большой расой. Следует все же подчеркнуть, что граница между тихоокеанскими и южными монголоидами значительно менее определена, чем между другими большими расами, а также смешанными и переходными формами.

Австралоиды имеют темную окраску кожи, широкий нос, толстые губы, что сближает их с негроидами, но они отличаются от последних волнистыми волосами (австралийцы, веддоиды), сильным развитием третичного волосяного покрова (австралийцы), иногда несколько ослабленной пигментацией. В отличие от всех других больших рас, отдельные группы австралоидов: аборигены Австралии, папуасы и меланезийцы, веддоиды, а также негритосы и айны — сильно различаются по расовым признакам. Аборигены Австралии по пигментации близки к негроидам, а по форме волос и развитию третичного волосяного покрова — к европеоидам. У папуасов и меланезийцев, имеющих ярко выраженные австралоидные черты, волосы, так же, как и у негроидов, курчавые (папуасы отличаются от меланезийцев особой, так называемой ложносемитической крючковидной формой носа). Веддоиды, имея в общем австралоидный облик, выделяются низким ростом, слабым развитием бороды, надбровных дуг, умеренно широким носом. Генетически связаны с другими австралоидами, но резко отличаются от них по внешнему облику крайне низ-

корослые и курчавоволосые негритосы и айны, для которых характерны отдельные особенности больших рас (европеоидные — светлая кожа и очень сильно развитый третичный волосяной покров, австралоидные — широкий нос и покатый лоб, монголоидные — уплощенность лица и наличие эпикантуса).

Обычно особо выделяют смешанные расовые типы населения Мадагаскара, Полинезии и Микронезии, Гавайских островов, для которых характерны сочетания монголоидных, австралоидных и европеоидных (а для населения Мадагаскара — и негроидных) признаков.

Кроме указанных выше внешних различий, характерных для расовых групп, у них существуют и другие особенности, главным образом физиологические и биохимические, географические вариации которых совпадают или в определенной мере коррелируются с разными расами или расовыми типами. Так, расы отличаются друг от друга по группам крови, белкам сыворотки, деталям строения зубов, вкусовыми ощущениями на фенилтиокарбамид, видами цветовой слепоты (дальтонизм) и т. п.

Между расами, в отличие от этносов, языков и религий, бывает очень трудно или даже невозможно установить сколько-нибудь точные границы. Смешение рас длится многие тысячелетия и представляет собой непрерывный и все более ускоряющийся процесс (на долю смешанных и промежуточных расово-гетерогенных групп приходится около 30% всех людей). Поэтому расовые отличия обычно хорошо заметны у далеко расположенных друг от друга групп.

Следует подчеркнуть, что по основным видовым морфологическим, физиологическим и психологическим признакам человечество едино. Расовые различия не относятся к биологически наиболее важным особенностям строения человеческого тела и проявляются в сравнительно небольшом количестве признаков. Вполне жизнеспособное и плодотворное потомство рождается от браков между представи-

телями любых рас. Полная биологическая и социально-культурная полноценность всех рас и смешанных групп доказывает несостоятельность реакционных концепций о существовании «высших» рас, используемых для обоснования расизма.

Чрезвычайно сложен вопрос о соотношении расовых и этнических общностей. Совершенно разные признаки, положенные в основу выделения тех и других, свидетельствуют о разной природе этих общностей. В то же время, расовые типы людей в древности складывались на основе тех же территориальных групп человечества, что и этнические общности. Племена первоначально были однородными в расовом отношении. Постепенно, в ходе социально-экономического развития и в результате расселения по земному шару, группы разных племен стали смешиваться. Этнические образования носят общественный характер, расовые же группировки имеют преимущественно биологическую основу. В силу различной природы этнических и расовых групп совпадения границ тех и других становятся более редкими — сейчас можно назвать лишь несколько случаев таких совпадений. Народы могут быть однородны на уровне больших рас, но почти всегда гетерогенны в отношении подразделений этих рас. Народы Европы, например, в подавляющем большинстве относятся к европеоидной большой расе, но почти каждый из них включает в себя представитель двух, а то и всех трех групп этой расы (северной, переходной и южной). Что же касается расовых типов большой европеоидной расы (беломорско-балтийского, альпийского, динарского и др.), то их границы с границами этническими тем более не совпадают.

Точно так же не совпадают границы между расами и языковыми подразделениями. Например, языки тюркской группы распространены и среди представителей монголоидной расы (якутов, тувинцев и др.), большинство же носителей тюркских языков смешаны в расовом отношении. К различ-

ным большим расам принадлежат и народы, говорящие на языках уральско-юкагирской семьи. Подобных примеров можно привести много.

Яркой иллюстрацией интенсивного смешения расовых типов при образовании этносов служит подавляющее большинство стран Америки. В отличие от Старого Света, где процессы метисации проходили в древности и в средневековье, здесь они протекали в последние три-четыре столетия и в широких масштабах продолжают и сейчас.

Большинство современных народов Америки образовались в результате смешения двух или даже трех рас. При этом ввезенные в Америку из Африки негры, принадлежавшие к разноязычным племенам, будучи расселены в новых местах своего обитания вперемежку с белыми, быстро сменили свои племенные языки на господствующий язык соответствующей страны (английский, испанский, португальский, французский). Смешиваясь с коренным населением, они в некоторых странах становились одним из основных этнических компонентов формирующихся наций (таких, как бразильская, кубинская и др.). В других же странах, особенно в США, процесс их слияния с белым населением искусственно тормозился политикой расовой дискриминации.

Приведем краткое описание географического распространения рас и расовых типов по крупным регионам.

В России большинство населения принадлежит к европеоидной расе (86,1% всего населения), представленной двумя своими группами, но с резким преобладанием переходных форм. Северную группу составляют народы финно-угорской группы и северо-западные группы русских, южная же включает в себя народы Северного Кавказа. К переходным формам относится большая часть русских, украинцев, белорусов и некоторых других народов европейской части России. Коренные народы Восточной Сибири и Дальнего Востока принадлежат к континентальной группе монголоидов, а эскимосы и палеоазиаты образуют арктическую груп-

пу этой расы. В Поволжье, на Урале, в Западной Сибири и Казахстане издавна образовалась контактная зона между европеоидами и монголоидами, причем выраженность признаков монголоидной расы усиливается к востоку. Народы Западно-Сибирской низменности и Саяно-Алтайской зоны, у которых преобладают монголоидные признаки, входят в уральскую расовую группу. Слабо выраженные признаки монголоидной расы отмечены у живущих в Поволжье и на Урале народов (мордвы, марийцев, башкир и татар), их расовый тип принято называть лапоноидным и субуральским.

В эпоху Великого переселения народов значительные массы монголоидного населения Центральной Азии проникли в степную полосу Западной Сибири, в Казахстан, Среднюю Азию и степи Юго-Восточной Европы, коренное население которых в основном относилось к европеоидам. В результате здесь образовались два смешанных расовых типа: южносибирский, распространенный главным образом среди современных казахов (у них признаки монголоидной расы явно преобладают), и среднеазиатский, характерный для туркмен, узбеков и частично для таджиков (здесь автохтонное население было более густым и примесь монголоидного элемента проявилась менее отчетливо). Первые русские переселенцы в Сибирь, смешавшись с местным населением, сформировали небольшие по численности своеобразные группы, отличающиеся не только в этнокультурном, но и в расовом отношении (камчадалы, карымы, ясащные и др.).

Население Европы почти полностью (за исключением недавних иммигрантов из Африки, Южной Азии и Вест-Индии) относится к европеоидной расе. Жители крайних северных и южных областей Европы довольно сильно различаются по расовому типу, мало сходства можно обнаружить между высокорослыми светловолосыми и светлоглазыми норвежцами (северными европеоидами), с одной стороны, и невысокими темноволосыми и темноглазыми итальянцами (юж-

ными европеоидами) юга Италии — с другой. Вместе с тем смена признаков в Европе происходит настолько постепенно, что невозможно провести более или менее четкую границу не только между малыми расами, но и между северными и южными европеоидами и переходными формами.

Условно принято считать, что на территории Скандинавских стран, Исландии, большей части Великобритании, Ирландии, Нидерландов и севере Германии распространены северные европеоиды атлантико-балтийской расы. Большую часть населения Пиренейского полуострова, юго-западной Франции, южной и центральной Италии, южной Греции, островов Средиземного моря относят к средиземноморской, а население бывших югославских республик, северной Греции, Болгарии, севера Италии и юга Австрии — к динарской расе южных европеоидов. Все остальное население Европы включает в свой состав различные, трудно поддающиеся разграничению расовые типы, объединяемые довольно расплывчатым понятием «переходные и средневропейские формы» европеоидов. В целом же около 17% населения Европы относят к северным европеоидам, 32% — к южным и несколько более 50% — к переходным и средневропейским формам.

Саами на севере Европы относятся к смешанной лапоноидной расе, в формировании которой приняли участие как европеоидные, так и монголоидные элементы. Некоторые, очень слабо прослеживаемые монголоидные признаки обнаруживаются у венгров, а также у населения Германии и Финляндии. У населения крайнего юга Европы кое-где наблюдается небольшая примесь негроидной расы.

Необычно сложна в антропологическом отношении зарубежная Азия — здесь распространены значительные группы всех четырех больших рас человечества. Европеоиды (около 29% населения) представлены различными расами южной группы — переднеазиатской, индо-афганской, памиро-ферганской, распространенными в Передней Азии и

Северной Индии. Монголоиды (около 31% населения) делятся на северных, или континентальных (монголы, тунгусо-маньчжурские народы), и восточных, или тихоокеанских (корейцы, северные китайцы). К монголоидам тесно примыкают смешанные и переходные формы между монголоидной и австралоидной расами. К таким формам относятся: типы южноазиатской группы, или южные монголоиды (25% населения), — южные китайцы, индонезийцы, филиппинцы, народы Индокитая; японский тип (5% населения), в составе которого прослеживаются некоторые айские элементы; и восточноиндонезийский тип (население Молуккских островов).

Численность представителей австралоидной расы в Азии очень невелика (всего 7,7 млн чел.), но распространены они во многих районах. Веддоидный тип, помимо веддов Шри-Ланки, встречается у отдельных групп дравидийских народов мунда, а также бхиллов, относящихся к индоарийской языковой группе; папуасско-меланезийский тип — у народов восточной Индонезии и Ириан Джая; негритосский — у аэтов Филиппин, семангов Малайзии, андамцев Индии; айский — у айнов Японии.

В зоне древних контактов между южной ветвью европеоидов и веддоидами образовался южноиндийский тип (почти 10% населения); наиболее характерными его представителями являются народы Южной Индии, большей частью относящиеся по языку к дравидийской семье.

Более половины населения Африки принадлежит к негроидной большой расе. Негры разных районов довольно сильно различаются по своим расовым признакам: кожа варьирует от почти черной до светло-коричневой, различаются толщина губ и ширина носа, а также длина тела (от наиболее высокорослых групп в мире до крайне низкорослых); зато у всех одинаково курчавые волосы.

Вопрос о подразделении негроидов на различные типы еще далек от разрешения. Если не считать сильно морфо-

логически обособленных негриллей и готтентотов с бушменами, то наиболее четко выделяются по своему типу темнокожие и высокорослые нилоты суданцы и умеренно длинноголовые (доляхокефальные) и коренастые негры бассейна Конго. Для негриллей, живущих в тропических лесах р. Конго, характерны карликовый рост (менее 150 см), тонкие губы, сильно развитый волосной покров на лице и теле, более светлая по сравнению с остальными негроидами кожа. Бушмены и готтентоты, живущие в пустынях Юго-Западной Африки, отличаются от основной части негроидов также более светлой кожей, низким ростом (150–160 см), уплощенным лицом, наличием эпикантуса, что сближает их с монголоидами; для бушменских женщин специфична, кроме того, стеатопигия (выступление ягодиц вследствие обильного жиросотложения).

Южные европеоиды (средиземноморская раса), образующие более четверти населения Африки, заселяют весь север континента вплоть до Сахары. К ним принадлежат большая часть арабов и берберы. На юге Африки живет более 5,5 млн выходцев из Западной Европы, в антропологическом отношении принадлежащих к переходным формам европеоидов, северной ветви.

Смешанное в расовом отношении население Африки сосредоточено преимущественно на границе между негроидами и европеоидами. В зоне древних контактов между ними на Африканском Роге возник эфиопский тип. По форме носа и строению лицевого скелета эфиопы почти не отличаются от арабов, но кожа у них почти такая же темная, как у негров. На востоке Африки главным образом по основному расовым признакам также занимают промежуточное положение между европеоидами и негроидами (так называемые переходные формы западного в Судане). В результате арабского завоевания и распространения ислама значительные арабоязычные группы южных европеоидов проникли в глубь Африки, что привело к об-

разованию смешанных форм Судана, внешне довольно сходных с более древними. На Мадагаскаре в результате смешения переселившихся из Юго-Восточной Азии южных монголоидов с коренным населением образовался мадагаский тип, в котором выраженность монголоидных и негроидных признаков варьирует по отдельным этнографическим группам.

В XVII—XIX вв. внебрачные связи буров (выходцев из Нидерландов и их потомков) с готтентотками и рабынями из других частей Африки, в частности с Мадагаскара, обусловили появление группы так называемых «цветных».

Расовый состав населения Америки отличается необычайной пестротой, обусловленной тем, что в формировании населения этой части света участвовали представители трех больших рас человечества. Аборигенное население — индейцы и эскимосы — сохранилось компактными массивами лишь в отдельных районах, преимущественно на Мексиканском нагорье, в Андах, в глубинных областях Южной Америки и в арктических районах. Во всех остальных местах преобладает или смешанное в расовом отношении население, или же сравнительно поздние пришельцы — европеоиды и негроиды. Аборигены относятся к различным типам монголоидной расы.

В настоящее время из больших рас в Америке шире всего распространена европеоидная. К ней относится почти 90% населения США и Канады и более 25% населения Латинской Америки. В Северную Америку, за исключением ее южной части, ехали в основном представители северной и переходной групп европеоидов (выходцы из Великобритании, Скандинавских стран, Германии), однако в процессе смешения границы между антропологическими типами стерлись здесь еще в большей мере, чем в Европе, в результате чего ныне резко преобладают переходные формы. В Латинской Америке европеоиды представлены в основном южной группой, поскольку среди переселенцев из Европы пре-

обладали испанцы, португальцы и итальянцы. Большинство европеоидов Латинской Америки имеют примесь индейской либо негритянской крови.

Вторую по численности расовых групп в Америке составляют метисы — потомки от смешанных индейско-европейских браков. В Латинской Америке они даже преобладают, образуя основное население Мексики, большинства центральноамериканских республик, Венесуэлы, Чили, Парагвая и других стран. Менее многочисленны мулаты, появившиеся в результате смешения европейского и африканского населения; к ним принадлежат часть афро-американцев США, значительные группы населения Бразилии, Кубы, Венесуэлы, ряд народов Вест-Индии. В некоторых случаях метисов и мулатов разделить трудно, так как в Бразилии, Венесуэле, Колумбии и других странах имеются группы индейско-негритянского происхождения. Для обозначения степени участия тех или иных расовых групп в формировании населения латиноамериканских стран существует целый ряд терминов. Доля групп смешанного расового происхождения непрерывно увеличивается.

К негроидной расе в Америке принадлежат несмешавшиеся (или мало смешавшиеся) потомки привезенных из Африки негров-рабов. Крупнейшие негроидные группы живут в Бразилии и США, негры являются основным населением Гаити, Ямайки и многих других стран Вест-Индии. В целом же в Америке европеоиды составляют 53% всего населения, метисы и мулаты — 34%, негры — несколько менее 7% и монголоиды — индейцы — чуть более 6%.

В Австралии и Океании до прихода европейцев большая часть населения относилась к двум типам австралоидной большой расы — австралийскому и папуасско-меланезийскому. На востоке и севере Океании — в Полинезии и Микронезии — были распространены типы, занимавшие промежуточное положение между большими расами человечества. В результате массовой иммиграции в новое и новейшее

время европейского и в меньшей степени азиатского населения расовый состав этого региона претерпел сильные изменения. В Австралии и Новой Зеландии сейчас резко преобладают представители европеоидной расы, в основном относящиеся к ее переходным формам и реже к северной группе. Смешение оксанийцев с европейцами и азиатами в Полинезии и Микронезии, а также на островах Фиджи и Новая Каледония привело к образованию значительных метисных групп. В целом же в Австралии и Океании европеоиды (преимущественно переходные формы) составляют большинство населения.

ГЛАВА 5. КОНФЕССИОНАЛЬНОЕ ОПИСАНИЕ ЭТНОСФЕРЫ

При характеристике этносов исследователи в большинстве случаев учитывают их религиозную принадлежность.

Соотношение религиозных и этнических общностей на разных этапах исторического развития было различным. В первобытнообщинную эпоху и в раннеклассовом обществе (по крайней мере, на начальной его стадии) этнические и религиозные границы, как правило, совпадали. В раннеклассовом обществе каждая государственно-политическая единица и соответствующий ей этнос имели своих общих богов, единые религиозные представления. С развитием общества, усилением контактов между этносами возникали более широкие религиозные общности, одна и та же религия становилась характерной для многих народов. В дальнейшем одна часть этноса продолжала придерживаться старых верований, а другая принимала новую веру, и народы таким образом постепенно становились поликонфессиональными. С возникновением так называемых мировых религий этнические гра-

ницы уже, как правило, перестали совпадать с религиозными, однако и при этом в рабовладельческую и феодальную эпохи этническое самосознание очень часто вытеснялось самосознанием религиозным. Особенно это характерно для средних веков, когда мировоззрение было по преимуществу теологическим. В некоторых случаях религиозные различия играли важную роль и в национальном разграничении очень близких в языковом отношении групп населения (голландцев и фламандцев, сербов и хорватов и т. д.).

В последующие эпохи религиозная принадлежность все более теряла свою связь с принадлежностью этнической. Подавляющая часть более или менее крупных современных народов включает в свой состав группы, принадлежащие к различным конфессиям (не говоря уже о том, что в составе каждого народа увеличивается процент неверующих); в то же время, одна и та же религия нередко исповедуется многими этносами. Сейчас лишь в единичных случаях, и то весьма условно, можно говорить о национальных религиях (армяно-григорианская церковь — у верующих армян, синтоизм — у основной части японцев, сикхизм — у части пенджабцев и некоторые другие).

Несколько по-иному обстоит дело в мусульманских странах, где и поныне этническое самосознание все еще нередко подменяется религиозно-общинным. Население этих стран группируется статистикой главным образом по религиозному признаку, а в число национальных меньшинств включаются группы, не исповедующие ислам — господствующую в этих странах религию. Так, в Иране национальными меньшинствами признаются не только армяне, евреи, ассирийцы, но и гербы (зороастрийцы), хотя они и являются частью персидского народа. В некоторых арабских странах к этническим меньшинствам принято относить не только всех немусульман, но и тех, кто принадлежит к различным направлениям ислама, которые не являются господствующими в данной стране.

Как и для этнических общностей, для религиозных общностей характерна иерархичность. Любая религия состоит из различных направлений, течений, сект, церквей. И если мы с определенной долей условности можем говорить о мусульманских, христианских, буддийских народах или странах, то на более низком таксономическом уровне эта однородность исчезает. Как правило, в каждой мусульманской стране имеются последователи разных направлений, сект и толков. Еще большие различия характерны для некоторых христианских стран; даже в тех из них, где подавляющее большинство населения являются протестантами или католиками, религиозная картина обычно осложняется наличием многих течений и церквей. Так, немцы исповедуют протестантизм (в двух его формах — лютеранство и реформаторство) и католицизм; среди различных групп жителей Швейцарии имеются протестанты (реформаторы) и католики; среди шотландцев преобладают протестанты-пресвитериане, но есть и католики; половина голландцев — протестанты-реформаторы, другая половина — католики. Наиболее сложная религиозная структура сложилась в США; в этой стране — около 260 зарегистрированных церквей, 86 из них насчитывают свыше 50 тысяч последователей каждая.

Принадлежность разных представителей одного и того же народа к нескольким церквям приводит к возникновению внутри него культурно-бытовых различий и к образованию так называемых этнорелигиозных групп. Такой группой были, например, старообрядцы в составе русского народа. Среди курдов резко обособилась религиозная группа йезидов, среди арабов Сирии и Ливана — друзы, среди египтян — копты. При наличии других сопутствующих обстоятельств религиозные различия могут служить важным этнодифференцирующим фактором. Государственное размежевание западных бенгальцев-индуистов и восточных бенгальцев-мусульман постепенно приводит к образованию двух самостоятельных наций — западнобенгальской и бангладешской.

Постепенно обособливаются пенджабцы-мусульмане Пакистана от пенджабцев Индии (последние состоят из двух религиозных групп — индуистов и сикхов, этнические различия между которыми также весьма значительны).

В последней трети XX в. огромные достижения технических и естественных наук, быстрый подъем культурного и образовательного уровня населения привели к отходу широких масс населения от религии. Темпы этого процесса различны в странах с разными уровнями социально-экономического развития. Влияние религии невелико в бывших социалистических и в развитых капиталистических странах Европы и Америки. В то же время в развивающихся странах Азии и Африки, где значительные массы населения неграмотны и их культурный уровень низок, влияние религии все еще очень велико. Темпы отхода от религии зависят в определенной степени и от религиозной системы, которая господствует в той или иной стране.

Уменьшение влияния религии во многих странах мира еще, конечно, не означает, что церковь утрачивает все свои позиции. Приспосабливаясь к новым условиям, религия продолжает оказывать большое влияние на жизнь людей, на их общественно-политическую деятельность, быт и культуру. Многие политические события в послевоенном мире трудно понять, если не учитывать религиозную ситуацию, сложившуюся в тех или иных регионах. Достаточно перечислить такие важнейшие события послевоенной истории, как раздел бывшей Британской Индии по конфессиональному признаку на два отдельных государства (что вызвало миграцию в разных направлениях почти 2 миллионов индуистов и мусульман), столкновения различных конфессиональных групп в Ольстере, Ливане, на Филиппинах. Во всех этих конфликтах, вызванных в первую очередь различными политическими и социально-экономическими причинами, существенную роль играл и религиозный фактор. Религия влияет и на внутривнутриполитическую жизнь многих стран; в не-

которых из них даже политические партии и профсоюзы построены по конфессиональному признаку.

Из всего сказанного видно, что для правильного понимания различных исторических событий и явлений современной жизни, для уяснения этнических взаимоотношений необходим анализ религиозной структуры населения. Но перед тем как познакомиться с конфессиональным составом населения современного мира, сделаем краткий экскурс в историю религий.

Зачатки религии появились много десятков тысяч лет назад у людей неандертальского типа. С течением времени формы религии стали усложняться. Начали распространяться магические (вера людей в возможность влиять сверхъестественным путем на других людей, животных, явления природы) и тотемические верования (вера в сверхъестественное родство групп людей с каким-либо видом животных, растений или явлением природы). Позднее возникли анимизм (вера в дух, душу и всеобщую одухотворенность природы), шаманизм (вера в способность человека входить в общение с духами и использовать их силу для врачевания и других практических целей) и фетишизм (почитание неодушевленных предметов, которым приписываются сверхъестественные свойства). Анимистические верования постепенно эволюционируют в направлении особого почитания духов предков и культа природы.

С разложением первобытнообщинного строя и возникновением раннеклассовых государств большое значение приобретают культы предков-покровителей, племенных вождей, земледельческие и скотоводческие культы, появляется иерархия духов, в качестве особого сословия выделяется жречество. Классовое расслоение общества нашло свое отражение в том, что религии стали различать высшие и низшие божества, а затем и одно главное божество. В некоторых религиях (так называемых монотеистических) этот процесс привел к возникновению единобожия.

Со II в. до н. э. начинают возникать религии, сохранившиеся вплоть до настоящего времени. Одним из самых ранних таких верований был иудаизм, появившийся в Передней Азии сперва как политеистическая религия, но впоследствии ставший религией монотеистической. В начале I в. до н. э. в том же регионе развивалась другая религия — зороастризм (в его основе лежит дуализм — представление о противоборстве доброго и злого начал), а в XI в. н. э. возникло одно из его ответвлений — йезидизм. В других частях Азии сформировались политеистические религии. В Южной Азии это были: брахманизм (трансформировавшийся позднее в индуизм), окруживший религиозным ореолом господствовавшую в этом районе кастовую систему, и джайнизм (VI–V вв. до н. э.), отвергший кастовый строй. В VI–V вв. до н. э. в Китае почти одновременно появляются два философско-этических учения, со временем сложившиеся в религии, — даосизм и конфуцианство. В Японии на основе господствовавших в этой стране в первобытнообщинную эпоху почитания предков и культа природы возникает синтоизм.

Некоторые религии, распространившиеся на огромных территориях, превратились в так называемые мировые религии (к ним обычно относят буддизм, христианство и мусульманство).

Буддизм, возникший в VI–V вв. до н. э. в северной части Южной Азии как антитеза брахманизму, вскоре распался на два основных направления, сильно различающихся между собой: тхераваду (или хинаяну) и махаяну; ответвлением последней является буддизм-ламаизм.

В начале I в. н. э. в Передней Азии появилась монотеистическая религия — христианство. В 1054 г. оно раскололось на два направления: православие и католицизм. В XVI в. в результате так называемой реформации от католицизма откололся протестантизм, отвергший власть римского первосвященника — Папы и провозгласивший своей целью воз-

врат к раннему христианству. Протестантизм оформился в виде нескольких самостоятельных течений, главные из которых — англиканство, лютеранство и кальвинизм. Эти течения, в свою очередь, дали значительное число ответвлений. Кроме перечисленных выше трех основных направлений христианства (православие, католицизм и протестантизм), существуют еще два менее распространенных направления, сложившихся в V в. и по обрядности близких к православию, — монофистинство и несторианство.

Другая монотеистическая религия — ислам — возникла в VII в. среди арабов. Вскоре после своего появления новая религия распалась на три направления: суннизм, шиизм и хариджизм (последнее направление не получило значительного распространения). Основное различие между суннизмом и шиизмом состоит в том, что сунниты, кроме Корана, признают в полном объеме «священное предание» — сунну; шииты же принимают это предание только частично, признавая лишь разделы, основанные на авторитете родственников Пророка. Что касается хариджитов, то они близки к суннитам, но предъявляют более суровые требования к своим последователям: осуждают роскошь, запрещают игры и музыку и т. д. Наиболее известной сектой суннизма является вахабизм. Шиизм дал большое количество сект, крупнейшие из которых — зейдизм и исмаилизм; от исмаилизма, в свою очередь, ответвились секты друзов и нусайритов (или алавитов), вобравшие в себя элементы зороастризма и христианства.

Религиозный состав населения Земли можно назвать лишь приблизительно. Статистический учет религиозной структуры ведется во многих странах, однако официально определяемая численность последователей тех или иных религий часто значительно превосходит действительное число верующих, поскольку опрашиваемые при переписях населения нередко указывают свою принадлежность к той религии, от которой они фактически уже отошли. В разряд

атеистов обычно попадают лишь активные противники религии, а безразлично относящиеся к ней, как правило, отмечаются как верующие. Кроме того, в некоторых странах умышленно искажают численность последователей различных вероисповеданий, преувеличивая за счет других количество приверженцев господствующей религии.

С очень большой осторожностью следует подходить и к данным церковных организаций. Во-первых, численность приверженцев определяется в этих организациях по-разному (в одних случаях учитываются все связанные с церковью люди, в других — лишь люди старше определенного возраста, прошедшие тот или иной обряд). Во-вторых, статистика церковей часто бывает тенденциозной.

Следует также отметить, что в некоторых восточноазиатских странах один и тот же человек нередко отправляет культ двух, а то и трех религий, и его соответственно включают в число последователей сразу нескольких религий. В качестве примера можно привести Японию, где многие верующие одновременно являются синтоистами и буддистами. В некоторых развивающихся странах к адептам той или иной разновидности христианства или мусульманства иногда причисляют лиц, фактически придерживающихся своих традиционных верований.

И все же официальная статистика свидетельствует о росте рядов атеистов. Так, в Нидерландах, согласно данным переписи 1971 г., более чем пятая часть всего населения признала себя атеистами, а в Амстердаме — даже около половины. Правда, имеющиеся материалы переписей населения других стран дают более низкий процент неверующих: в Финляндии, Австрии, Люксембурге, Чили, Мексике удельный вес атеистов составляет от 2 до 5%, а в некоторых странах — еще ниже. В Великобритании и Франции, по косвенным данным (в переписях населения этих стран вопрос о религиозной принадлежности не ставится), около трети жителей не связано с церковью. В социалистических странах,

как правило, большая часть населения отошла от религии.

Несмотря на то что данные о численности последователей отдельных конфессий очень неточны и не всегда сопоставимы, они все же позволяют ориентировочно оценить относительное влияние различных религий.

Общее количество христиан в мире — около 1 млрд человек, среди них католиков — 580 млн, протестантов — от 350 до 380 млн и православных, включая приверженцев других восточных церквей, — около 80 млн. Основная часть католиков сосредоточена в Америке (более половины их общего числа); на Европу приходится приблизительно 180 млн, на Азию и Африку — по 50 млн. Протестантов больше всего в Америке (2/5 их общего числа) и Европе (1/3 всех протестантов сосредоточена преимущественно в северной половине этой части света); в Африке и Азии количество протестантов равно 36 и 65 млн соответственно, в Австралии и Океании — около 14 млн (2/3 всего населения). Православные и приверженцы других восточных церквей преобладают среди верующего населения Юго-Восточной Европы, России и Северо-Восточной Африки.

Из протестантов наиболее крупные группы образуют баптисты — 75 млн, лютеране — 70 млн, англикане — 67 млн, реформаторы и пресвитериане — 52 млн, методисты — 43 млн, пятидесятники — 8 млн, свидетели Иеговы — 5 млн, последователи «Армии спасения» — 5 млн, мормоны — 4 млн, конгрегационисты — 3 млн, адвентисты седьмого дня — 3 млн. Среди представителей восточных церквей — около 20 млн монофиситов и 100 тыс. несториан.

Общее количество мусульман — около 800 млн, из них суннитов — 730 млн и шиитов — 70 млн. Подавляющее большинство мусульман сосредоточено в Северной Африке и Азии (исключая ее восточную часть).

Приверженцы всех остальных религий — в основном жители Азии. Индуистов насчитывается примерно 520 млн, буддистов — 250 млн (среди них махаянистов — около

60%), конфуцианцев — 180 млн, синтоистов — 90 млн, даосистов — 30 млн, сикхов — 12 млн, джайнов — 3 млн, зороастрийцев — 250 тыс., йезидов — 100 тыс., иудаистов — около 13 млн, причем более половины из них живут в странах Америки.

Труднее всего поддаются учету приверженцы местных традиционных верований, в значительном числе сохранившиеся в Африке, Азии и Океании. Их сложно учесть хотя бы потому, что переход от традиционных верований к мировым религиям совершается очень постепенно, а формальная религиозная принадлежность не всегда соответствует подлинным верованиям населения. Кроме того, население указанных регионов слабее всего изучено в статистическом отношении. Согласно весьма приблизительным подсчетам, количество последователей традиционных верований в этих регионах составляет около 100 млн чел.

В связи с указанными выше сложностями учета конфессионального состава населения выявить динамику численности последователей различных религий довольно трудно. Это объясняется тем, что в странах, где господствуют индуизм и ислам, наблюдается наивысший прирост населения. Кроме того, ислам в Африке активно продвигается на юг, в ее тропическую часть, а индуизм распространяется среди племен Индии. Нельзя не учитывать и того обстоятельства, что идеи атеизма пока еще не получили в районах господства этих двух религий широкого распространения.

Несколько изменилось соотношение различных религий и их направлений и по отдельным частям света, регионам и странам. Так, в Африке (к югу от Сахары) в результате деятельности миссионеров заметно возросла численность христиан и мусульман за счет сокращения числа последователей племенных религий. В Латинской Америке, остающейся цитаделью католицизма, за последние десятилетия довольно сильно возрос процент протестантов. Наоборот, в США, Канаде и некоторых европейских странах (Нидер-

ланды, Германия, Швейцария), где имеются как протестанты, так и католики, удельный вес последних несколько повысился (что связано с характерной для них более высокой рождаемостью). В 1990-е гг. усилили свои позиции католицизм и различные реформаторские конфессии в России.

Распространение конфессиональных групп по крупным регионам выглядит следующим образом.

Среди верующих на территории бывшего СССР преобладают православные (большинство районов России, Украины, Белоруссии, Молдавии и Грузии). Верующие Армении принадлежат к монофиситской армяно-григорианской церкви. В Литве наиболее распространен католицизм, в Латвии и Эстонии — лютеранство. В России и в бывших государствах Советского Союза имеются небольшие группы отклонившихся от православия старообрядцев и представителей различных протестантских церквей и сект. Ислам распространен среди части верующего населения Средней Азии и Казахстана, Азербайджана, Татарии, Башкирии и большинства российских республик Кавказа. Буддизм-ламаизм исповедует основная часть верующих в Бурятии, Туве и Калмыкии. Верующие евреи — иуданцы.

На севере Европы преобладает протестантизм в форме лютеранства, в Англии — англиканства, в Шотландии — пресвитерианства. На западе и юго-западе Европы (Бельгия, Люксембург, Франция, Испания, Португалия, Италия), а также в Австрии и на Мальте распространен католицизм. В Центральной Европе католиков и протестантов примерно равное количество, причем в Германии среди протестантов преобладают лютеране, а в Швейцарии и Нидерландах — реформаторы. В Греции подавляющее большинство верующих — православные, а в европейской части Турции — мусульмане.

Среди верующих в Польше, Чехии, Словакии и Венгрии преобладают католики, в Болгарии и Румынии — православные, в Албании — мусульмане (преимущественно сунниты). В Югославии и Македонии больше всего православ-

ных, в Хорватии и Словении — католиков, в Боснии — православных и мусульман.

В Азии распространены самые разнообразные религии. Ислам резко преобладает во всех странах Передней Азии (кроме Израиля, Кипра и Ливана), а также в Пакистане, Бангладеш, на Мальдивских островах и в Индонезии. Более половины населения принадлежит к мусульманам в Малайзии и Ливане, значительное количество приверженцев ислама имеется на Кипре, в Восточном Тиморе, в Индии, Шри-Ланке, на Филиппинах. В большинстве стран господствует суннитское направление ислама, лишь в Иране преобладает шиизм, а в Ираке, Йемене и Бахрейне суннитов и шиитов примерно поровну. В Иране, Индии, Пакистане есть небольшие группы зороастрийцев, в Иране, Ираке и Турции — йезидов.

Основными районами распространения индуизма являются Индия и Непал. Индуисты образуют, кроме того, значительную долю верующих в Шри-Ланке и Бангладеш, а также на острове Бали в Индонезии.

В странах Индокитая и в Шри-Ланке подавляющее большинство верующего населения придерживается буддизма (во Вьетнаме — в форме махаяны, в остальных странах — тхеравады). Махаянистский буддизм распространен также в странах Восточной Азии, где он сосуществует с другими религиями: конфуцианством и даосизмом — в Китае, конфуцианством и традиционными верованиями — в Корее, синтоизмом — в Японии. Верующее население Монголии — буддисты-ламаисты.

Христианство преобладает лишь в двух странах Азии: на Филиппинах (преимущественно в форме католицизма) и на Кипре (православные). Почти половина верующих населения Ливана также христиане (2/3 из них — марониты).

Численность последователей племенных культов в Азии непрерывно сокращается. В настоящее время они сохраняются лишь в труднодоступных горных районах Южной и Юго-Восточной Азии.

В Африке во всех арабских странах, а также в Сомали и Джибути господствует ислам суннитского направления. В ряде стран, лежащих к югу от Сахары (Судан, Чад, Нигер, Буркина-Фасо, Мали, Сенегал, Гамбия, Гвинея, Гвинея-Бисау, Сьерра-Леоне, Либерия, Кот д'Ивуар), наряду с приверженцами ислама сохранились группы, придерживающиеся местных традиционных верований. В Эфиопии 2/3 населения исповедует христианство монофистского направления. В Нигерии есть мусульмане (их больше половины всего населения, и они размещены на севере страны), христиане, а также люди, придерживающиеся местных традиционных верований. Во всех остальных странах Африки в разных пропорциях представлены христиане (протестанты и католики) и приверженцы местных традиционных верований. Всего же на этом континенте сосредоточено больше всего сохранившихся на Земле последователей местных традиционных культов.

Почти во всех странах Америки христианство резко преобладает над другими религиями, причем в США и Канаде много и протестантов, и католиков, а в странах Южной и Центральной Америки подавляющее большинство верующих — католики. В Вест-Индии на одних островах доминирует католицизм, на других — протестантизм. Считается, что значительная часть населения Кубы порвала с религией, но ее относят к католическим странам. В Гайане, Суринаме и Тринидаде и Тобаго, кроме христиан (протестантов и католиков), имеется значительное количество индуистов и мусульман. Индейское население глубинных районов Южной Америки частично сохраняет местные традиционные верования.

В Австралии и Океании большая часть верующих — протестанты различных течений и сект, меньшая — католики; лишь на островах Новая Каледония, Гуам и островах Уоллиса и Футуна католиков больше, чем протестантов. На островах Фиджи наряду с христианами много индуистов и мусульман. Приверженцев местных традиционных культов

больше всего осталось на Вануату, в Папуа-Новой Гвинее и среди аборигенов Австралии.

Общей тенденцией в мире является отход значительной части населения от религии. Отход от религии — процесс сложный и длительный. На первых порах он выражается в том, что люди, принадлежащие к определенной конфессии, не исполняют ее предписаний и плохо разбираются в тонкостях официального вероучения. Затем появляются люди, которые считают себя принадлежащими к той или иной церкви «по традиции», в силу этнического происхождения. Это широко проявляется в России. И наконец, все более значительные группы населения теряют связь с религией и не идентифицируют себя с конкретной конфессией.

ГЛАВА 6. ЛИНГВИСТИЧЕСКОЕ ОПИСАНИЕ ЭТНОСФЕРЫ

Языковая и этническая принадлежность, как правило, совпадает, что обуславливает важность лингвистического описания при выделении и определении этносов и этнических общностей, при изучении происхождения народов (их этногенеза). Языки народов мира классифицируются по языковым семьям и их ветвям на основе методов сравнительно-исторического языкознания и установления генетического родства между языками. При этом родство языков может означать и родство по происхождению, однако, как полагают некоторые лингвисты, за время своего существования народ мог неоднократно менять язык, что ограничивает возможности использования лингвистических данных при решении этногенетических задач.

Сравнительное языкознание, основываясь на анализе фонетики, грамматики и словарного состава (лексики), устанавливает

ливают наличие или отсутствие родства между языками. Это позволяет объединить языки в языковые семьи, являющиеся главными единицами лингвистического подхода к описанию родственных по происхождению языков. Такого рода языковые семьи развивались в ходе истории из языка-основы. Но язык — это исторически развивающееся и изменяющееся во времени явление, поэтому родственные по происхождению языки в наше время могут не только сильно отличаться один от другого, но и не иметь многих признаков, характеризующих их языковую семью в целом. Вследствие этого языки классифицируются не по их современному состоянию, а по принципу исторического генетического родства. Например, родственные по происхождению русский, английский, персидский и другие языки относятся к одной индоевропейской семье, так как восходят к общему языку-основе. Но их историческое развитие шло совершенно по-разному, и сегодня взаимопонимание между носителями этих языков невозможно. Со временем внутри языка развиваются диалекты, которые могут стать самостоятельными языками. В отличие от языка, служащего средством общения для целой этнической общности, диалект — это региональный вариант внутри языка, употребляемый ограниченной группой людей, принадлежащей к территориальной, а иногда и социальной или иной общности.

Язык — общественное явление и может существовать только в обществе. Возникновение общества и языка как средства передачи социальной информации было неразрывно связано с развитием трудового процесса. Языки подвержены самым различным изменениям: спонтанным, а также заимствованиям из чужих языков, вследствие чего наличие общих слов не обязательно является свидетельством родства языков, — и проходят столь же сложные пути исторического развития, как и этнические общности. И поскольку этносы и языки часто совпадают, лингвистическое описание составляет одну из основ выделения этнических общностей и установления их происхождения.

Ученые пытаются обнаружить связи между языковыми семьями, восходящие к языкам-основам. Так, в частности, выдвинуто предположение, что в глубокой древности несколько известных сегодня языковых семей объединялись в единую семью «ностратических» языков. Эта гипотетическая макросемья включала в себя языки Евразии и Африки: индоевропейские, картвельские, семито-хамитские, уральские, тюркские, монгольские, тунгусо-маньчжурские, корейские, дравидские и многие другие.

Количество языковых семей, а тем более их групп (языковых ветвей), языков и говорящих на них народов, очень велико, поэтому мы ограничимся перечислением лишь основных семей и групп, а также языковых семей и языков, важных для этнологии и этнической психологии.

Индоевропейская семья

В наше время эта семья представлена на всех континентах, и кроме того, она известна по ряду мертвых, древнеписьменных языков. Время сложения индоевропейской семьи языков ученые относят к периоду не позднее эпохи бронзы, а возможно, и к более раннему времени. В дальнейшем шло выделение языковых групп; регионы в которых происходило первоначальное формирование народов, говоривших на индоевропейских языках, точно не установлены, и по этому поводу существует значительное количество гипотез.

В индоевропейскую семью входят языковые группы, на языках которых говорят перечисленные ниже народы.

Славянская группа:

- а) восточнославянская подгруппа. Народы: русские, украинцы, белорусы;
- б) западнославянская подгруппа. Народы: поляки, лужичане, чехи, словаки;
- в) южнославянская подгруппа. Народы: словенцы, хорваты, славяне-мусульмане (боснийцы), сербы, черногорцы, македонцы, болгары.

Балтийская группа. Народы: литовцы, латыши.

Германская группа. Народы: немцы, австрийцы, германошвейцарцы, лихтенштейнцы, эльзасцы, люксембургцы, фламандцы, голландцы, фризы, африканеры, евреи Европы и Америки, англичане, шотландцы, шотландо-ирландцы, англо-африканцы, англо-австралийцы, англо-новозеландцы, англо-канадцы, англо-американцы США, багамцы, ямайцы, гренадцы, барбадосцы, тринидадцы, белизцы, гайанцы-креолы, суринамцы-креолы, шведы, норвежцы, исландцы, фарерцы, датчане.

Кельтская группа. Народы: ирландцы, гэлы, уэльсцы, бретонцы.

Романская группа. Народы: итальянцы, сардинцы, санмаринцы, итало-швейцарцы, корсиканцы, ретороманцы, французы, монегаски (монакцы), нормандцы, франко-швейцарцы, валлоны, франко-канадцы, гваделупцы, мартиникцы, гвианцы, гаитийцы, реюньонцы-креолы, маврикийцы-креолы, сейшельцы, испанцы, гибралтарцы, кубинцы, доминиканцы, пуэрториканцы, мексиканцы, гватемальцы, гондурасцы, сальвадорцы, никарагуанцы, костариканцы, панамцы, венесуэльцы, колумбийцы, эквадорцы, перуанцы, боливийцы, чилийцы, аргентинцы, парагвайцы, уругвайцы, каталонцы, андоррцы, португальцы, галисийцы, бразильцы, антильцы, румыны, молдаване, аромуны, истрорумыны.

Албанская группа. Албанцы.

Греческая группа. Народы: греки, греки-киприоты, каракачаны.

Армянская группа. Армяне.

Иранская группа. Народы: талыши, гилянцы, мазендаранцы, курды, белуджи, луры, бахтиары, персы, таты, хазарейцы, чараймаки, таджики, памирские народы, пуштуны (афганцы), осетины.

Нуристанская группа. Нуристанцы.

Индоевропейская группа. Народы: бенгальцы, ассамцы, ория, бихарцы, тхару, хиндустанцы, раджастанцы, гуджератцы, пар-

сы, бхилы, маратхи, конкани, пенджабцы, догра, синдхи, западные пахари, кумаони, гаркхвали, гуджар, непальцы, кашмирцы, шина, кохистанцы, кхо, пашай, тирахи, индомаврикийцы, суринамцы-индопакистанцы, тринидадцы-индопакистанцы, фиджииндийцы, цыгане, сингалы, ведды, мальдивцы.

Картвельская семья

Грузины.

Дравидская семья

Народы: тамилы, ирула, малаяли, ерава, срукали, кайкади, каннара, бадага.

Уральско-юкагирская семья

Финно-угорская группа. Народы: финны, карелы, вепсы, ижорцы, эстонцы, ливы, саамы, марийцы, мордва, удмурты, коми, коми-пермяки, венгры, ханты, манси.

Самодийская группа. Народы: ненцы, энцы, нганасаны, селькупы.

Юкагирская группа. Юкагиры.

Алтайская семья

Тюркская группа. Народы: турки, турки-киприоты, гагаузы, азербайджанцы, карадагцы, шахсевены, карапахи, афшары, каджары, кашкайцы, хорасанские, тюрки, халаджи, туркмены, салары, татары, крымские татары, караимы, башкиры, карачаевцы, балкарцы, кумыки, ногайцы, казахи, каракалпаки, киргизы, узбеки, уйгуры, алтайцы, шорцы, хакасы, тувинцы, тофалары, якуты, долганы.

Монгольская группа. Народы: монголы, халха-монголы, монголы КНР, ойраты, дарха-калмыки, буряты, дауры.

Тунгусо-маньчжурская группа. Народы: эвенки, негидальцы, эвены, орочи, удэгейцы, нанайцы, ульчи, ороки.

Корейская семья

Корейцы.

Японская семья

Японцы.

Эскимосско-алеутская семья

Народы: эскимосы (включая гренландцев), алеуты.

Афразийская (семито-хамитская) семья

Семитская группа. Народы: арабы Юго-Западной Азии и Северной Африки, мальтийцы, евреи Израиля, ассирийцы, амхара, аргобба, харари, гураге, тигран, тигре.

Берберская группа. Народы: кабилы, шауйя, рифы, тамазигхт, шильх (шлех), туареги.

Чадская группа. Народы: хауса, ангас, сура, анкве, баде, болева, бура, мандара (вандала), котоко, маса, муби.

Кушитская группа. Народы: беджа, агау, афар (данакиль), сахо, оромо (галла), сомали, консо, сидамо, омета, каффа, гимира, маджи, ираку.

Северокавказская семья

Абхазо-адыгская группа. Народы: абхазы, абазины, адыгейцы, кабардинцы, черкесы.

Нахско-дагестанская группа. Народы: аварцы (включая андо-цезов), лакцы, даргинцы, лезгины, удины, агулы, рутульцы, цахуры, табасаранцы, чеченцы, ингуши.

Сино-тибетская семья

Китайская группа. Народы: китайцы, хуэй (дунгане), бай.

Тибето-бирманская группа. Народы: тибетцы, бутанцы, ладакхи, балти, мьянма (бирманцы).

Группы: бодо-гаро, миджу, дигаро, мири, дхималь, лекча, восточногималайская, невари, гурунг, западногималайская.

Австро-азиатская семья

Мон-кхмерская группа. Народы: вьеты (кинь) и др.

Никобарская группа. Никобарцы.

Группы кхаси и мунда.

Семья кадаи

Тайская группа. Народы: сиамцы (кхонган), дай, лао (лаосцы).

Австронезийская семья

Западноавстронезийская группа. Народы: малайцы Индонезии, малайцы Малайзии, среднесуматринские малайцы (пасемах, серавей).

Центральноавстронезийская группа.

Восточноавстронезийская группа.

Раздел II**ЭТНИЧЕСКИЙ МИР РОССИИ****ГЛАВА 7.
ЭТНОЛИНГВИСТИЧЕСКИЙ ПОРТРЕТ**

Анализ этнической карты России невозможен без учета ее этно-лингвистических особенностей.

Всего в России (площадь 17,1 млн. кв. км) на 1 января 2002 г. проживало около 145 млн чел. Этническая структура населения очень сложна — в материалах последней переписи населения Российской Федерации 2002 г. было выделено 170 народов. Причем перечень псевдонациональностей составил более 600 наименований.

Наиболее высок удельный вес в населении России народов индоевропейской языковой семьи. Особенно многочисленна в ней славянская группа, к которой относится основной народ страны — русские (80% всего населения России), очень близкие к ним по языку и культуре украинцы и белорусы, а также поляки, чехи, болгары, сербы. К балтийской группе индоевропейской семьи принадлежат литовцы и латыши, к германской — немцы, к романской — молдаване и румыны, а также обосновавшиеся в России испанцы и кубинцы, к греческой — греки, к иранской — осетины, горские евреи, курды, таджики, персы, к индсарийской — цыгане, к армянской — армяне. Особое положение в языковом отношении занимают евреи, родным языком которых был близкий к немецкому идиш, а ныне стал по большей части русский (идиш, по данным переписи считало своим родным языком только 9% живущих в России евреев).

Вслед за народами индоевропейской семьи идут по численности этносы алтайской семьи, представленные тюркской, монгольской, тунгусо-маньчжурской и корейской группами. К тюркской группе относятся татары, крымские татары, башкиры, балкарцы, карачаевцы, ногайцы, казахи, киргизы, азербайджанцы, турки, гагаузы, туркмены, узбеки, уйгуры, алтайцы, хакасы, тувинцы, якуты, долганы, чувашаи, к монгольской группе — буряты, калмыки, к тунгусо-маньчжурской группе — эвенки, эвены, нанайцы, удэгейцы, к корейской — корейцы.

Немало в России и народов уральско-юкагирской языковой семьи, подразделяющейся на финно-угорскую, самодийскую и юкагирскую группы. Наиболее многочисленна среди них финно-угорская группа. К ней принадлежат карелы, финны (в основном так называемые ингерманландцы), ижорцы, эстонцы, вепсы, саами, марийцы, мордва, удмурты, коми, коми-пермяки, манси, ханты, венгры. Самодийскую группу образуют ненцы, энцы, нганасаны, селькупы, юкагирскую — юкагиры.

Северокавказская языковая семья ограничена территорией Северного Кавказа. Она делится на абхазо-адыгскую и нахско-дагестанскую группы. В первую входят кабардинцы, черкесы, адыгейцы и шапсуги (иногда эти четыре близких этноса считают единым народом), абхазы и абазинцы, во вторую — чеченцы, ингуши, аварцы.

Остальные языковые семьи невелики по численности. К чукотско-камчатской языковой семье относятся чукчи, коряки и ительмены, к эскимосско-алеутской — эскимосы и алеуты, к картвельской — грузины и грузинские евреи, к афразийской (семито-хамитской) — ассирийцы и арабы, к сино-тибетской — китайцы, к австрало-азиатской — вьетнамцы.

Основной этнос России — русский, численность которого по данным переписи населения 1989 г., составила около 120 млн. чел. (81,5% при общем числе жителей Российской Федерации в год переписи 147 млн чел.).

Столетия совместного проживания в одной стране привели к тому, что многие народы России живут вперемежку. Тем не менее во всех без исключения крупных регионах РФ (Северном, Северо-Западном, Центральном, Центрально-Черноземном, Поволжском, Уральском, Западно-Сибирском, Восточно-Сибирском, Дальневосточном) подавляющее большинство населения — русские. В краях и областях РФ русские составляют от 72% (Астраханская, Оренбургская и Магаданская области) до 97% населения (Курская, Орловская, Тамбовская и Магаданская области). К русским принадлежит большинство населения и во всех, кроме двух (Коми-Пермяцкого и Агинского-Бурятского), автономных округах, а также в Еврейской автономной области. Русские образуют абсолютное большинство населения также в 9 из 21 республики, входящей в состав РФ (в Хакасии, Карелии, Бурятии, Адыгее, Мордовии, на Алтае, в Удмуртии, Коми, Саха), и относительное большинство в трех республиках (Марий-Эл, Карачаево-Черкесии и Башкортостане).

В некоторых национально-территориальных образованиях русские составляют подавляющее большинство населения. Например, в Еврейской автономной области доля русских — 83%, в Республике Хакасия — 79%, в Республике Карелия — 74%, в Республике Бурятия — 70%.

Славянские народы

Все славянские народы принято разделять на 3 группы: западные славяне (чехи, словаки, поляки), восточные славяне (русские, украинцы, белорусы) и южные славяне (сербы, хорваты, македонцы, болгары). По переписи 1989 г. русских в СССР насчитывалось 145,2 млн чел., украинцев — 44,2 млн чел., белорусов — 10 млн чел. Русские и украинцы всегда были самыми многочисленными национальностями в СССР, белорусы в 1960-е гг. уступили третье место узбекам (16,7 млн чел. в 1989 г.).

До недавнего времени название «русские» часто огульно закреплялось за всеми восточными славянами. Между Х

и XIII вв. центром Руси был Киев, и его жители были известны под названием «русичи». Но по мере того как политические условия способствовали усилению лингвистических и культурных различий между территориальными группами восточных славян, они разделились на малороссов (украинцев), белоруссов (белорусов) и великороссов (русских).

За столетия территориальной экспансии русские ассимилировали варягов, татар, финно-угров и десятки народов Сибири. Все они оставили свои лингвистические следы, но не повлияли заметно на славянскую идентичность. В то время как русские мигрировали по всей Северной Евразии, украинцы и белорусы продолжали населять свои компактные этнические ареалы. Современные границы трех государств примерно соответствуют этническим границам, но все славянские территории никогда не были национально однородными. Этнические украинцы в 1989 г. составляли 72,7% населения своей республики, белорусы — 77,9%, а русские — 81,5%.

Русских в Российской Федерации в 1989 г. было 119 865,9 тыс. чел. В других республиках бывшего СССР русское население распределялось следующим образом: на Украине оно составляло 11 355,6 тыс. чел. (22% населения республики), в Казахстане — 6 227,5 тыс. чел. (37,8% соответственно), Узбекистане — 1 653,5 тыс. чел. (8%), Белоруссии — 1 342 тыс. чел. (13,2% населения республики), Киргизии — 916,6 тыс. чел. (21,5% населения республики), в Латвии — 905,5 тыс. чел. (37,6% населения республики), Молдавии — 562 тыс. чел. (13% населения республики), Эстонии — 474,8 тыс. чел. (30% населения республики), Азербайджане — 392,3 тыс. чел. (5,5% населения республики), Таджикистане — 388,5 тыс. чел. (7,6% населения республики), Грузии — 341,2 тыс. чел. (6,3% населения республики), Литве — 344,5 тыс. чел. (9,3% населения республики), Туркмении — 333,9 тыс. чел. (9,4% населения республики), Армении — 51,5 тыс. чел.

(1,5% населения республики). В дальнем зарубежье численность русского населения в целом составляет 1,4 млн чел., большинство проживают в США (1 млн чел.).

Возникновение региональных различий у русского народа относится к феодальному периоду. Еще у древних восточнославянских племен отмечены различия в материальной культуре между Севером и Югом. Эти различия еще больше усилились после активных этнических контактов и ассимиляции неславянского населения Азии и Восточной Европы. Формированию региональных различий способствовало также наличие особого военно-служилого населения на границах.

По этнографическим и диалектологическим признакам наиболее заметны различия между русскими севера и юга Европейской России. Между ними находится широкая промежуточная зона — среднерусская, где в духовной и материальной культуре сочетаются северные и южные черты. В отдельную региональную группу выделяются волгари — русские Среднего и Нижнего Поволжья.

Этнографы и лингвисты выделяют также три переходные группы: западную (жители бассейнов рек Великой, Верхнего Днепра и Западной Двины) — переходную между северно- и среднерусской, средне- и южнорусской группами и белорусами; северо-восточную (русское население Кировской, Пермской, Свердловской областей), образовавшуюся после заселения русских территорий в XVI–XVII вв., по своему диалекту близкую к севернорусской группе, но имеющую среднерусские черты из-за двух главных направлений, по которым шло заселение края — с севера и из центра Европейской России; юго-восточную (русские Ростовской области, Ставропольского и Краснодарского краев), близкую к южнорусской группе по особенностям языка, фольклора и материальной культуре.

К другим, менее крупным, историко-культурным группам русского народа относятся поморы, казаки, старожилы-кержаки и сибиряки-метисы.

В узком смысле поморами принято называть русское население Беломорского побережья от Онеги до Кеми, а в более широком смысле — всех жителей побережья северных морей, омывающих Европейскую Россию. Поморы — это потомки древних новгородцев, отличавшиеся от северорусских особенностями хозяйства и быта, связанными с морем и морскими промыслами.

Своеобразна этнословная группа казачества — амурского, астраханского, донского, забайкальского, кубанского, оренбургского, семиреченского, сибирского, терского, уральского, уссурийского.

Донские, амурские, оренбургские, терские, забайкальские и приамурские казаки, хотя и имевшие разное происхождение, отличались от крестьян своими экономическими привилегиями и самоуправлением. Донское казачество, сформировавшееся в XVI—XVII вв. из славянских и азиатских компонентов, исторически делилось на верховское и понизовское. Среди верховских казаков было больше русских, среди понизовских преобладали украинцы. Северокавказские (терские и гребенские) казаки были близки к горским народам. Ядро уральских казаков в XVI в. составляли выходцы с Дона, а ядро забайкальских казаков, появившихся позднее, в XIX в. — не только русские, но и буряты с эвенками.

Старожилы Сибири — это потомки переселенцев XVI—XVII вв. из Северной России и Приуралья. Среди западно-сибирских старожилов больше распространено оканье, а в Восточной Сибири кроме окающих русских есть и акающие — выходцы из южнорусских земель. Особенно сильно оканье распространено на Дальнем Востоке, где преобладают потомки новоселов конца XIX — начала XX в.

Многие кержаки — сибирские старообрядцы сохранили свои этнографические особенности. Среди них выделяются: «каменщики», потомки белых старообрядцев из горных районов Алтая, живущие по рекам Бухтарма и Уймон;

«поляки», говорящие на акающем диалекте, потомки старообрядцев, переселенных после раздела Польши из местечка Ветки в районе Усть-Каменогорска; «семейские», потомки старообрядцев, высланных из европейской России в Забайкалье в XVIII в.

Среди сибиряков-метисов выделяются якутяне и колымчане, потомки смешанных русско-якутских браков, камчадалы, карымы (обрусевшие буряты Забайкалья) и потомки затундренных крестьян, воспринявших доганский язык и обычаи, живущих по рекам Дудинка и Хатанга.

Украинцы (4362,9 тыс. чел.) проживают в основном в Тюменской области (260,2 тыс. чел.), Москве (247,3 тыс. чел.), а кроме того, в Московской области, в пограничных с Украиной районах, на Урале и в Сибири. Из них 42,8% считают украинский язык родным, а еще 15,6% свободно им владеют, 57% российских украинцев считают родным русский язык. Украинских этнографических групп в пределах России нет. Среди кубанских (черноморских) казаков преобладает украинский компонент.

Белорусы (1206,2 тыс. чел.) проживают дисперсно по всей территории России и преимущественно (на 80%) в городах. Среди них выделяют особую этнографическую группу полешуков.

Западнославянская группа

Поляки (94 тыс. чел.) на территории Российской Федерации имеют в основном иммигрантское происхождение. Большая часть их проживает в Москве, Санкт-Петербурге, а также в Томской, Омской и Иркутской областях, в Алтайском крае. Среди других западнславянских народов можно выделить чехов (4,4 тыс. чел.) и словаков (0,7 тыс. чел.).

Южнославянская подгруппа

На территории Российской Федерации эта подгруппа включает такие народы, как болгары (32,8 тыс. чел.); проживают в основном в российских городах, а также в Московской, Тюменской и Кемеровской обл., в Республике

Коми), сербы (1,6 тыс. чел.); говорят на штокавском диалекте сербохорватского языка) и хорваты (0,5 тыс. чел.).

Немцы

Самой старой немецкой общиной в пределах Российской империи можно считать балтийских немцев — потомков средневековых тевтонских рыцарей, воинов и купцов. Они оказались в России в начале XVIII в., после завершения Северной войны. Привилегии немецкого дворянства и городских классов, подтвержденные польскими и шведскими хартиями, постепенно размывались и после Октябрьской революции 1917 г., когда в Прибалтике образовались независимые государства, были полностью отменены. В 1940–1941 гг., когда в СССР была включена Прибалтика, балтийские немцы, согласно советско-германскому пакту о ненападении, были репатрированы в Германию. Другая, меньшая по численности, группа российских немцев включала потомков тех, кто приехал в Россию в разное время на военную службу, в качестве преподавателей, ремесленников или торговцев. Но большую часть российских немцев составляли потомки фермеров-иммигрантов, селившихся в Нижнем Поволжье, около Саратова и в Новороссии.

Политика привлечения немецких колонистов, начатая Екатериной II в 1762 г., была пересмотрена в 1870-е гг., когда были отменены некоторые из привилегий, в первую очередь право по религиозным причинам не служить в армии. Это вызвало активную эмиграцию иностранных колонистов в Америку.

После 1917 г. немцы Поволжья стали первым советским этническим меньшинством, которое получило свою национальную территорию — Трудовую Коммуну немцев Поволжья (1918 г.), трансформировавшуюся позднее в АССР немцев Поволжья. После начала войны с Германией около 700 тыс. немцев было депортировано на восток, а АССР немцев Поволжья была упразднена. Депортация украинских немцев была сорвана стремительным наступлением гер-

манской армии, но в 1944–1945 гг. многие из советских немцев, эвакуированных в 1941 г. на территорию Польши и Германии, были возвращены в Советский Союз. Указами 1955 и 1964 гг. немцы Поволжья были реабилитированы, но вернуться на прежнее место жительства им не удалось, и, несмотря на открытие школ с преподаванием на немецком языке и разрешении совершать лютеранское богослужение, все попытки российских немцев восстановить свою национальную территорию оканчивались неудачей. Это вызвало массовую эмиграцию в ФРГ, значительно сократившую долю немцев в населении страны.

В России немцев (самоназвание дойче) 842,3 тыс. чел. Проживают они в Омской области (134,2 тыс. чел.), Алтайском крае (127,7 тыс. чел.), Новосибирской области (61,5 тыс. чел.), Красноярском крае (54,3 тыс. чел.), в Кемеровской (48,0 тыс. чел.), Оренбургской (47,6 тыс. чел.), Челябинской (39,2 тыс. чел.) областях, Краснодарском крае (31,8 тыс. чел.), а также в Свердловской (31,5 тыс. чел.), Тюменской (29,6 тыс. чел.), Волгоградской (28,0 тыс. чел.), Саратовской (17,1 тыс. чел.), Пермской (15,3 тыс. чел.) областях, Ставропольском крае (13,2 тыс. чел.) и Самарской области (10,6 тыс. чел.). В республиках России наибольшее число немцев в Коми (12,9 тыс. чел.), Хакасии (11,3 тыс. чел.), Башкирии (11,0 тыс. чел.), Кабардино-Балкарии (8,6 тыс. чел.). Из республик бывшего СССР больше всего немецкого населения сосредоточено в Казахстане (957,5 тыс. чел.). К 1989 г. численность немцев в СССР достигала 2038,6 тыс. чел., но сейчас их стало меньше в связи с эмиграцией в Германию. По переписи 1989 г., лишь 48,7% всех немцев России считали немецкий язык родным, тогда как 50,6% из них считали родным русский язык. Общая численность немецкого населения достигает 86 млн чел.

Евреи

По переписи 1989 г. в Советском Союзе насчитывалось 1 млн 378 тыс. евреев. На протяжении всего XX в. число евреев уменьшалось: их было 5 млн в 1897 г., 2,7 млн в 1926 г.

и 2,2 млн в 1959 г. Более 2,5 млн. советских евреев погибло во время Великой Отечественной войны.

Около 90% советских евреев составляют западные евреи — ашкенази, говорящие на идиш (вариант средневекового немецкого). Восточные евреи—сефарды проживают в Средней Азии и на Северном Кавказе. В 1989 г. около 9 тыс. евреев проживало в Еврейской автономной области, что равнялось лишь 4% от общей численности населения.

Евреи — преимущественно городской народ. В городах сосредоточено 98% всех евреев. Они традиционно имеют высокий уровень образования. Например, в 1975 г. евреи, доля которых в населении страны не превышала тогда 0,8%, составляли 4,1% лиц с высшим образованием. Среди советских евреев всегда было много адвокатов, врачей, ученых, работников культуры и искусства, писателей и журналистов. Но их было крайне мало в партийном аппарате, органах государственной безопасности и на дипломатической работе — ситуация, обратная той, которая наблюдалась в первые два десятилетия после революции 1917 года, когда они были «локомотивом» революционных преобразований.

Доля евреев падала не только из-за эмиграции в Израиль, но также из-за низкой рождаемости в еврейских семьях и активной ассимиляции. В 1989 г. из 537 тыс. евреев России 91% считали русский язык родным, хотя в 1926 г. более 70% евреев называли своим родным языком — идиш.

Территории, заселенные западными евреями, вошли в состав русской империи после трех разделов Польши при Екатерине II. В царское время они подвергались сильной дискриминации и понесли большие потери из-за массовых погромов, а после революции — и гражданской войны. Советская власть предоставила им равные права с другими народами, при этом были запрещены еврейские националистические партии, ограничено официальное употребление идиш.

Романская группа

Она включает такие народы, как молдаване (172,6 тыс. чел.) и румыны (6 тыс. чел.).

Балтийская группа

В эту группу входят литовцы (70,4 тыс. чел. проживают в основном в Москве и в городах Калининградской, Иркутской, Пермской областей), а также латыши (46,8 тыс. чел.; живут по преимуществу в Москве, Омской области, Башкирии).

Литовцы и латыши, заселяющие восточные берега Балтики, получили официальное признание после революции 1917 г. Языки латышей и литовцев принадлежат к балтийской группе индоевропейских языков. Культура и языки прибалтийских народов обязаны своим расцветом подъему национальных движений в последней четверти XIX в. и шедшему параллельно процессу этнокультурного возрождения. Лютеранство, распространенное в Латвии, повлияло на уровень грамотности среди местного крестьянства и вместе с литовским католицизмом удерживало эти народы в стороне от их восточнославянских соседей.

Армянская группа

Включает всего один народ — армян (самоназвание хай; численность в пределах РФ достигает 532,4 тыс. чел.). Армяне — основное население Республики Армения (3083,6 тыс. чел.), компактно расселены в Нагорном Карабахе (145,6 тыс. чел.), Грузии (437,2 тыс. чел.). Они живут также свыше чем в 70 странах мира и больше всего их США (650 тыс. чел.). Общая численность армян мира превышает 6,5 млн чел. Армянский язык имеет множество диалектов и говоров, а также два варианта литературного языка — восточноармянский и западноармянский. Верующие армяне — главным образом христиане-монофиситы, но небольшая часть — армяно-католики, католики и протестанты. Самые крупные на территории России анк-

лавы армянского населения — в Москве (44 тыс. чел.), Санкт-Петербурге, Майкопе, Краснодаре и Краснодарском крае, Адыгее, Ростовской области. В Армавире и его окрестностях проживает этнографическая группа армян — черкесские армяне (или черкесогаи), ранее жившие среди западных адыгов и переселившиеся с территории Северо-Западного Кавказа под натиском ислама, который распространяли крымские ханы.

Греческая группа

Включает всего один язык и один народ — греков (на территории РФ — 91,7 тыс. чел.). Однако греческий язык имеет множество наречий, подчас взаимонепонимаемых. Российские греки живут главным образом в сельской местности Северного Кавказа — в Краснодарском крае, Северной Осетии, Адыгее. На территории Грузии и в Приазовье сохранилась особая этнолингвистическая группа греческого народа — греки-тюркофоны (урумы).

Индоевропейская группа

Представлена в России всего одним народом — цыганами (152,9 тыс. чел.). Цыгане делятся на многочисленные этнографические группы, а цыганский язык имеет несколько диалектов. Самая крупная группа — русская рома, а среди других этнографических групп цыган можно назвать ловари, ездэлари, синт, кишиневцев и др. Цыганское население живет дисперсно в северо-западных, северных, центральных и восточных областях Европейской России, а также в Сибири, на Алтае.

Согласно переписи населения 1989 г., в Советском Союзе проживало 262 тыс. цыган, но действительная цифра ближе к 600 тыс. Эта разница возникла из-за того, что многие цыгане до сих пор ведут кочевой образ жизни, затрудняющий точную оценку их численности; кроме того, родители часто регистрируют своих детей не как цыган. Согласно переписям, численность цыган за последние полвека более чем утроилась, несмотря на гибель многих тысяч на

территориях, занятых немцами во время Второй мировой войны, поскольку по немецкой расовой классификации кочевые цыгане относились к евреям.

Большинство цыган бывшего СССР сейчас проживает в России, Белоруссии, на Украине и в Прибалтике. Они мигрировали сюда двумя волнами. Первая волна двигалась с юга через Балканы в XV–XVI вв., вторая — через Германию и Польшу в XVI–XVII вв. Цыганский язык произошел от индоарийской ветви индоевропейской языковой семьи, хотя диалекты цыганского языка несут на себе отпечаток языка страны проживания. Из-за того что большая часть цыган прошла через Византию, их язык, «ром», несет на себе следы сильного балканского влияния. Хотя цыгане живут в общинах, и широко рассеяны по многим странам мира, они повсюду успешно сопротивляются языковой ассимиляции.

Перед революцией цыгане в основном занимались торговлей лошадьми (мужчины) и гаданием на картах (женщины), а также были кузнецами, пастухами, лесорубами. Большинство цыган кочевали, но те из них, которые регулярно посещали крестьянские рынки и праздники, жили в столицах, где выступали как певцы, скрипачи и тапцовщики.

Из-за того что у цыган нет рабочих традиций, для советских властей оказалось большой проблемой включить их в экономику. Все чисто цыганские колхозы, образованные в ходе коллективизации, вскоре распались, и даже в тех хозяйствах, где цыгане были смешаны с представителями других национальностей, их не удавалось удержать на одном месте. Тем не менее многие из них работают, отдают детей в школы, пользуются медицинской помощью и держат свои вклады в банках. Но большинство цыган многие десятилетия упорно сопротивляются попыткам устроить их на постоянную работу. И хотя указ Верховного Совета 1956 г. квалифицировал кочевую жизнь цыган как преступление,

за которое они наказывались исправительно-трудовыми работами, даже эта мера не оказала значительного воздействия на их образ жизни.

Наиболее заметно цыганское влияние в российской музыкальной культуре. Мода на цыганские песни началась в конце XVIII в., когда фаворит Екатерины II Григорий Орлов привез цыганский хор из Молдавии для выступления перед императрицей, и в течение следующего, XIX в. цыганские певцы, танцовщицы и музыканты оставались наиболее популярными исполнителями в дворянских домах и столичных ресторанах. Но на самом деле цыганский романс, наиболее известный жанр цыганской песни, — русское изобретение, не имеющее корней в народной традиции. После революции цыганские труппы стали критиковать как искусственное порождение старой аристократической культуры, но с конца 1920-х гг. цыгане получили возможность развивать собственную культуру — выпускать журналы и школьные учебники на цыганском языке. Впрочем, это разрешение действовало недолго, и с конца войны вплоть до 1970-х гг. публикации на цыганском языке не появлялись.

Тюркская группа

Около 90% тюркских народов бывшего СССР принадлежат к исламской вере. Большая их часть населяет Казахстан и Среднюю Азию. Остальные мусульмане-тюрки живут в Поволжье и на Кавказе. Из тюркских народов не были затронуты исламом только гагаузы и чуваша, живущие в Европе, а также якуты и тувинцы, живущие в Азии. Общих физических особенностей у тюрков нет и объединяет их только язык.

Поволжские тюрки — татары, чуваша, башкиры — находились под длительным влиянием славянских переселенцев, и сейчас их этнические районы не имеют четких границ. Туркмены и узбеки испытывали на себе влияние персидской культуры, а киргизы — длительное воздействие

монголов. Некоторые кочевые тюркские народы понесли значительные потери в период коллективизации, насильственно прикрепившей их к земле.

В Российской Федерации народы этой языковой группы составляют второй по численности «блок». Все тюркские языки весьма близки между собой, хотя обычно в их составе выделяется несколько ветвей: кыпчакская, огузская, болгарская, карлукская и т. д.

Татары (5522 тыс. чел.) сосредоточены в основном в Татарии (1765,4 тыс. чел.), Башкирии (1120,7 тыс. чел.), Удмуртии (110,5 тыс. чел.), Мордовии (47,3 тыс. чел.), Чувашии (35,7 тыс. чел.), Марий-Эл (43,8 тыс. чел.), однако дисперсно проживают во всех регионах Европейской России, а также в Сибири и на Дальнем Востоке. Татарское население делится на три основные этнотерриториальные группы: волго-уральских, сибирских и астраханских татар. Татарский литературный язык сформировался на основе среднего, но при заметном участии западного диалекта. Выделяется особая группа крымских татар (21,3 тыс. чел.; на Украине, в основном в Крыму, около 270 тыс. чел.), говорящие на особом, крымско-татарском языке.

Башкиры (1345,3 тыс. чел.) проживают в Башкирии, а также Челябинской, Оренбургской, Пермской, Свердловской, Курганской и Тюменской областях, в республиках Средней Азии. Вне Башкирии в РФ живет 40,4% башкирского населения, а в самой Башкирии этот титульный народ составляет третью по численности, после татар и русских, этническую группу.

Чуваши (1773,6 тыс. чел.) в языковом отношении представляют особую, болгарскую, ветвь тюркских языков. В Чувашии численность титульного населения составляет 907 тыс. чел., в Татарии — 134,2 тыс. чел., в Башкирии — 118,6 тыс. чел., в Самарской области — 117,8 тыс. чел., в Ульяновской области — 116,5 тыс. чел. Однако в настоящее время чувашский народ обладает относительно высокой степенью консолидации.

Казахи (636 тыс. чел., общая численность в мире более 9 млн. чел.) делились на три территориальных кочевых объединения: Семиречье — Старший Жуз (улы жуз), Центральный Казахстан — Средний Жуз (орта жуз), Западный Казахстан — Младший Жуз (киши жуз). Жузовая структура казахов сохранилась до сих пор.

Азербайджанцы в РФ (335,9 тыс. чел., в Азербайджане 5805 тыс. чел., в Иране около 10 млн чел., всего в мире около 17 млн чел.), говорят на языке огузской ветви тюркских языков. Азербайджанский язык делится на восточную, западную, северную и южную диалектные группы. По большей части азербайджанцы исповедуют ислам шиитского толка, и лишь на севере Азербайджана распространен суннизм.

Гагаузы — (в РФ 10,1 тыс. чел.), проживают в Тюменской области, Хабаровском крае, Москве, Санкт-Петербурге; большинство гагаузов живет в Молдавии (153,5 тыс. чел.) и на Украине (31,9 тыс. чел.); отдельные группы — в Болгарии, Румынии, Турции, Канаде и Бразилии. Гагаузский язык относится к огузской ветви тюркских языков. Считают родным гагаузский язык 87,4% гагаузов. По вероисповеданию гагаузы православные.

Турки-месхетинцы (9,9 тыс. чел. в РФ) живут также в Узбекистане (106 тыс. чел.), Казахстане (49,6 тыс. чел.), Киргизии (21,3 тыс. чел.), Азербайджане (17,7 тыс. чел.). Общая численность в бывшем СССР — 207,5 тыс. чел., говорят на турецком языке.

Хакасы (78,5 тыс. чел.) — коренное население Республики Хакасия (62,9 тыс. чел.), живут также в Туве (2,3 тыс. чел.), Красноярском крае (5,2 тыс. чел.).

Тувинцы (206,2 тыс. чел.) живут в Туве (198,4 тыс. чел.), Монголии (25 тыс. чел.), Китае (3 тыс. чел.). Общая численность тувинцев — 235 тыс. чел. Они делятся на западных (горно-степные районы западной, центральной и южной Тувы) и восточных, или тувинцев-тоджицев (горно-таежная часть северо-восточной и юго-восточной Тувы).

Алтайцы (самоназвание алтай-кижи) — коренное население Республики Алтай. В РФ проживает 69,4 тыс. чел., в том числе в Республике Алтай — 59,1 тыс. чел. Их общая численность — 70,8 тыс. чел. Существуют этнографические группы северных и южных алтайцев. Алтайский язык распадается на северные (туба, кумандинский, ческанский) и южные (алтай-кижи, теленгит) диалекты. Большая часть верующих алтайцев — православные, есть баптисты и др. В начале XX в. среди южных алтайцев распространился бурханизм — разновидность ламаизма с элементами шаманизма. При проведении переписи 1989 г. 89,3% алтайцев назвали свой язык родным, а 77,7% указали на свободное владение русским языком.

Телеуты в настоящее время выделяются в отдельный народ. Они говорят на одном из южных диалектов алтайского языка. Их численность составляет 3 тыс. чел., причем большинство (около 2,5 тыс. чел.) живут в сельской местности и городах Кемеровской области. Основная часть верующих телеутов — православные, но среди них бытуют и традиционные религиозные представления.

Чулымцы (чулымские тюрки) проживают в Томской области и Красноярском крае в бассейне реки Чулым и ее притоков Яи и Кии. Численность — 0,75 тыс. чел. Верующие чулымцы — православные христиане.

Узбеки (126,9 тыс. чел.) живут диаспоризованно в Москве и Московской области, в Санкт-Петербурге и в областях Сибири. Общая численность узбеков в мире достигает 18,5 млн чел.

Киргизы (в РФ около 41,7 тыс. чел.) — основное население Киргизии (2229,7 тыс. чел.). Живут также в Узбекистане, Таджикистане, Казахстане, Синьцзяне (КНР), Монголии. Общая численность киргизского населения мира превышает 2,5 млн чел.

Каракалпаки (6,2 тыс. чел.) в РФ живут главным образом в городах (73,7%), хотя в Средней Азии они составляют

преимущественно сельское население. Общая численность каракалпаков превышает 423,5 тыс. чел., из них в Узбекистане проживают 411,9 тыс. чел.

Карачаевцы (150,3 тыс. чел.) — коренное население Карачая (в Карачаево-Черкесии), где проживает большая их часть (свыше 129,4 тыс. чел.). Карачаевцы живут также в Казахстане, Средней Азии, Турции, Сирии, США. Говорят на карачаево-балкарском языке.

Балкарцы (78,3 тыс. чел.) — коренное население Кабардино-Балкарии (70,8 тыс. чел.). Живут также в Казахстане и Киргизии. Общая численность достигает 85,1 тыс. чел. Балкарцы и родственные им карачаевцы — мусульмане-сунниты.

Кумыки (277,2 тыс. чел., из них в Дагестане — 231,8 тыс. чел., в Чечено-Ингушетии — 9,9 тыс. чел., в Северной Осетии — 9,5 тыс. чел.; общая численность — 282,2 тыс. чел.) — коренное население Кумыкской равнины и предгорий Дагестана. В большинстве своем (на 97,4%) сохранили родной язык — кумыкский.

Ногайцы (73,7 тыс. чел.) расселены в пределах Дагестана — (28,3 тыс. чел.), Чечни — (6,9 тыс. чел.) и Ставропольского края. Живут также в Турции, Румынии и некоторых других странах. Ногайский язык распадается на караногайский и кубанский диалекты. Верующие ногайцы — мусульмане-сунниты.

Шорцы (самоназвание шор) достигают численности 15,7 тыс. чел. Шорцы — коренное население Кемеровской области (Горной Шории), живут также в Хакасии и Республике Алтай. Верующие шорцы — православные христиане.

Иранская группа

Иранские народы распространились с территории Кавказа в Среднюю Азию. К этой группе относятся осетины, находящиеся под более сильным влиянием русских, чем другие горские народы. Тюрки-азербайджанцы по своей культуре ближе к иранцам.

Осетины (402 тыс. чел.) — основное население Северной Осетии (около 335 тыс. чел.), живут также в Кабардино-Балкарии, Ставропольском крае, Карачаево-Черкесии. Делятся на две субэтнические группы: иронцев и дигорцев (последние сосредоточены на северо-западе Осетии). Иронский диалект был положен в основу осетинского литературного языка.

Курды (4,7 тыс. чел.) живут преимущественно в Краснодарском крае. В бывшем СССР численность курдского населения достигала 152,7 тыс. чел. (Кавказ и Средняя Азия). Курды являются автономным населением Курдистана — части Ирана (5,5 млн чел.), Турции (6,5 млн чел.), Ирака (4 млн чел.), Сирии (720 тыс. чел.). Общая численность курдов превышает 17 млн. чел. Верующие курды — мусульмане-сунниты, хотя среди них есть мусульмане-шииты и христиане.

Таты (19,4 тыс. чел.), живут в южных районах Дагестана (12 тыс. чел.), и небольшими группами в других республиках Северного Кавказа. В Азербайджане проживает около 10 тыс. татского населения. Все таты делятся по религиозному признаку на три группы: таты-мусульмане (шииты), таты-иудаисты (горские евреи) и таты-христиане (монофиситы).

Горские евреи (самоназвание джухур) — этнолингвистическая группа в составе евреев, а также этноконфессиональная группа в составе татов (11,3 тыс. чел. в Дагестане, Кабардино-Балкарии, Чечне, Ингушетии). Говорят на татском языке, имеющем махачкалинско-нальчикский, дербентский, кубанский говоры.

К числу проживающих в РФ народов, говорящих на языках иранской группы индоевропейской языковой семьи, относятся также таджики (38,2 тыс. чел.), среднеазиатские (бухарские) евреи (этнолингвистическая группа евреев, 1,4 тыс. чел., говорят на северотаджикском диалекте), талыши (0,2 тыс. чел.), белуджи (0,3 тыс. чел.), ирани (персы) (2,6 тыс. чел.), афганцы (пуштуны) (0,9 тыс. чел.).

Монгольская группа

Все монгольские народы принято подразделять на несколько больших подгрупп, самыми крупными из которых являются буряты и калмыки. Хотя многие народы Азии, например тувинцы, алтайцы и эвенки, испытали на себе сильное влияние монгольской культуры, их языки не относятся к монгольской группе и их следует рассматривать отдельно. Только очень небольшая доля тех, кто принадлежит к монгольским народам, считает русский язык родным. В XVII в. буряты вели кочевой образ жизни, многие из них платили дань монголам, но после того как была установлена граница между Монголией и Россией, большая их часть решила остаться на российской территории. Они сохраняли старинные традиции и находились под косвенным, а не прямым управлением царского правительства. Калмыки, как и буряты, говорят на диалекте монгольского языка. Первоначально они жили на территории Западной Монголии (в Джунгарии), а в начале XVII в. мигрировали в Нижнее Поволжье, спасаясь от феодальных войн. К началу XVIII в. они перешли от шаманизма к буддизму и их культурные связи с Монголией сохранились. Позднее, под давлением царского правительства, часть калмыков вернулась в Китай, а оставшиеся 13 тыс. поселились на юго-западе Астраханской губернии. Как и буряты, калмыки имели своих племенных правителей. После революции кочевое скотоводство стало для калмыков менее важным, и в 1930-е гг. после насильственной коллективизации и прикрепления к земле, оно почти полностью исчезло.

Буряты (421 тыс. чел.) — коренное население Бурятии (249,5 тыс. чел.), Усть-Ордынского автономного округа Иркутской области (49,3 тыс. чел.), Агинского Бурятского автономного округа Читинской области (42,4 тыс. чел.). Небольшие группы бурят проживают в Монголии и на северо-востоке Китая. Их общая численность достигает 500 тыс. чел. Несмотря на христианизацию, западные буряты оставались шаманистами, а верующие буряты Забайкалья — буддисты-ламаисты.

Калмыки (самоназвание хальмг) достигают численности 165,8 тыс. чел., составляют основное население Калмыкии (146,3 тыс. чел.), но живут также в Астраханской, Волгоградской, Ростовской, Оренбургской областях, Ставропольском крае и в Сибири. Верующие калмыки — буддисты (ламаизм, школа гелугпа), но часть из них — православные христиане.

Халха-монголы (2,1 тыс. чел.) живут в крупных городах, в основном в Москве. Подавляющая часть халха-монголов живет в Китае (Внутренняя Монголия) и в Монголии. Верующие — буддисты-ламаисты.

Корейская группа

Эту языковую группу составляет один народ — корейцы (107,1 тыс. чел.; всего в мире 69,8 млн чел.). Большая часть корейцев живет в двух государствах Корейского полуострова, но заметные их группы есть также в Китае (1,92 млн чел.), Японии (670 тыс. чел.), США (500 тыс. чел.) и в среднеазиатских республиках бывшего СССР (438,7 тыс. чел.). В России наиболее компактные группы корейцев проживают на Сахалине (35,2 тыс. чел.), в Приморском крае (8,5 тыс. чел.), Ростовской области (7,1 тыс. чел.), Краснодарском крае (1,8 тыс. чел.), Ставропольском крае (4,6 тыс. чел.), Кабардино-Балкарии (5 тыс. чел.) и Северной Осетии (3 тыс. чел.). Большая часть корейцев России владеет русским языком. Верующие российские корейцы придерживаются традиционных верований, составляющих сложное переплетение буддийских, конфуцианских, даосских представлений с элементами христианства (которое в форме православия распространилось среди корейцев России в конце XIX в.) и мощным пласта древних шаманских культов.

Народы Севера

Коренное население Российского Севера гораздо более разнообразно и многочисленно, чем население арктической и субарктической Америки. Советские этнографы исполь-

зовали понятие «малые народы Севера» для общего обозначения 26 народов, принадлежащих к алтайской и уральской-юкагирской семьям и палеоазиатским народам, но исключили при этом две большие по численности национальные северные группы — коми и якутов. Наряду с мордвой, удмуртами и марийцами они были причислены к финно-угорским народам. С другой стороны, эстонцы и карелы, хотя и принадлежащие к финно-уграм, были отнесены к группе балтийских народов.

Численность некоторых народов Севера при царском режиме сокращалась, но вряд ли можно говорить об изменении этой ситуации после революции: численность их, например, с 1926 по 1970 г. возросла менее чем на 10%. Правда, частично это объясняется ассимиляцией народов Севера с русскими мигрантами, которую не смогло предотвратить широко разрекламированное изобретение письменности почти всеми малыми народами, численностью более 30–40 тыс. чел.

В результате миграции русских все народы Севера, за исключением коми-пермяков, уже в первые десятилетия советской эпохи стали меньшинствами на собственных территориях, носивших их имя.

Якуты (самоназвание саха) в РФ достигают численности 380,2 тыс. чел., в Якутии — 365,2 тыс. чел. Основные территориальные группы якутов — амгинско-ленские, вилюйские, олекминские, северные якуты-оленеводы. Якутский язык входит в карлукскую ветвь тюркских языков.

Долганы (6,6 тыс. чел.) живут в Таймырском (Долганско-Ненецком) автономном округе, главным образом в Хатангском районе, а также в Якутии. Говорят на долганском диалекте якутского языка. По вероисповеданию православные.

Эвенки (29,9 тыс. чел.) живут от побережья Охотского моря на востоке до Обско-Иртышского междуречья на западе, от Северного Ледовитого океана на севере до Прибайкалья и р. Амур на юге, а также на северо-востоке Ки-

тая (20 тыс. чел.). Верующие эвенки — православные, при сохранении мощного пласта дохристианских верований.

Эвены (устаревшее название ламуты) достигают численности 17,2 тыс. чел. Они населяют территорию Охотского побережья и прилегающих ему районов Верхне-колымского бассейна, а также побережья Гижигинской и Пенжинской губ. Распространенная религия — православное христианство, но сохранились и дохристианские религиозные представления.

Нанайцы (12 тыс. чел.) живут в основном в Хабаровском крае на Амуре (районы Хабаровский, Нанайский, Комсомольский), а также в Приморском крае, на Сахалине. Часть нанайцев (4,2 тыс. чел.) расселена в Маньчжурии (КНР). Формально к XIX в. нанайцы были обращены в православие, однако сохранили традиционные верования — анимизм, шаманизм.

Ульчи (3,2 тыс. чел.) живут в Ульчском районе Хабаровского края (2,7 тыс. чел.) и некоторых других регионах Приамурья. Верующие ульчи — православные.

Удэгейцы (1,9 тыс. чел.) — один из народов Хабаровского и Приморского краев (живут в районах Нанайском, Хабаровском, имени Лазо, Пожарском, Красноармейском, Тернейском и др.). Язык удэгейцев бесписьменный. Среди удэгейцев преобладают традиционные верования — шаманизм, анимизм.

Орочи (915 чел.) живут в Хабаровском крае дисперсно, преимущественно на реке Тумнин близ города Советская (в прошлом Императорская) Гавань, а также на Амуре. Язык орочей бесписьменный. Современные орочи двуязычны, но молодое поколение владеет только русским. Почти 80% орочей считает родным русский язык.

Негидальцы (622 чел.) преимущественно живут в Хабаровском крае на реках Амур и Амгунь. Традиционные верования негидальцев — анимизм, шаманизм. В XIX в. они были формально крещены в православие.

Ороки (179 чел.) проживают в Сахалинской области. Орокский язык относится к числу бесписьменных. Верующие ороки исповедуют православие.

Селькупы (остяки-самоеды, остяки; 3,6 тыс. чел.) живут в Красноселькупском районе Ямало-Ненецкого автономного округа и в других районах Тюменской области (1632 чел.), в Каргасокском, Парабельском, Верхнететском, Колпашевском районах Томской области (1347 чел.), а небольшая их группа — в Туруханском районе Красноярского края. В составе селькупов различаются две территориальные изолированные группы: северные и южные селькупы. В 1989 г. русский язык в качестве родного назвали 50,6% селькупов. Для традиционной религии селькупов характерны анимистические представления.

Нганасаны (самоеды-тавгийцы; 1,3 тыс. чел.) расселены в Таймырском (Долгано-Ненецком) автономном округе (849 чел.). Разделяются на две группы: западные (авамские нганасаны, с центрами в поселках Усть-Авам и Волочанка) и восточные (вадеевские нганасаны, с центром в п. Новая). Различаются авамский и вадеевский говоры. Вадеевские нганасаны владеют также долганским языком. Сам нганасанский язык бесписьменный. По религиозным воззрениям нганасаны — шаманисты.

Энцы (198 чел.; по данным этнографических опросов, 340 чел.) — коренное население Таймырского (Долгано-Ненецкого) автономного округа (103 чел.). Живут в Усть-Енисейском и Дудинском районах. Энецкий язык имеет диалекты. Верующие энцы — православные.

Юкагирская группа

Юкагиры (самоназвание — одул, вадул; устаревшее русское наименование омоки) достигают численности 1,1 тыс. чел., живут в Нижнеколымском (тундренные юкагиры, или одул). Юкагирский язык имеет тундренный и таежный диалекты. Распространены также якутский, эвенский и чукотские языки. С XVIII века среди юкагиров внедрялось православие, однако они сохранили и дохристианские верования.

Чукотско-камчатская группа

Чукчи (15,1 тыс. чел.) — коренное население Чукотского автономного округа (11,9 тыс. чел.). Живут также на севере Корякского округа (1,5 тыс. чел.) и в Нижне-колымском районе Якутии (1,3 тыс. чел.). В 1989 г. более 1,5 тыс. чел. проживало в городах Магадан, Анадырь. Христианизированы слабо. Традиционные верования — анимизм, шаманизм.

Коряки (единого самоназвания не имели; 8,9 тыс. чел.) — коренное население Корякского автономного округа Камчатской области (6,6 тыс. чел.). Живут также в Чукотском автономном округе и в Северо-Эвенском районе Магаданской области (1 тыс. чел.). Общая численность в бывшем СССР — 9,2 тыс. чел. Основные группы — коряки береговые, оседлые и коряки оленные, кочевые. Обращены в православие, но сохраняют и традиционные верования — шаманизм, промысловые культы.

Ительмены (камчадалы; 2,4 тыс. чел.) — коренное население Камчатки. Верующие ительмены — православные. Компактно (1,2 тыс. чел.) проживают в Тигильском районе Корякского автономного округа и Магаданской области (509 чел.).

Эскимосско-алеутская группа

Эскимосы, азиатские эскимосы (самоназвания юпигыт, югыт; 1,7 тыс. чел.) живут смешанно с чукчами на восточном побережье Чукотки и на о. Врангеля. Американские эскимосы живут также в США (35 тыс. чел.), Канаде (26 тыс. чел.), Гренландии (45 тыс. чел.). Азиатские эскимосы практически не христианизированы и сохранили свои традиционные верования — промысловые культы, шаманизм.

Алеуты (самоназвания алеут, унанган) — коренное население Командорских островов. В России проживает всего 644 алеута, а их численность на территории бывшего СССР достигала 702 чел. Алеуты живут также в США (Алеутские острова, юго-западная оконечность Аляски и некоторые прилегающие к Аляске мелкие острова). Общая численность алеутов — 3 тыс. чел. Алеутский язык распадается

ся на уналашкинский (восточный), аткинский (центральный), аттуанский (западный) диалекты. Родной язык сохранили немногие алеуты, перейдя в основном на русский или английский (в США) языки. Все алеуты православные, на них сильно влияние оказала русская культура. Для традиционных верований алеутов характерны вера в духов, шаманство.

Китайско-тибетская группа

Китайцы (5,2 тыс. чел.) в настоящее время представлены как собственно китайцами, так и их потомками от смешанных браков, которые считают себя китайцами, но в большинстве не знают китайского языка.

Кавказские народы

Кавказ — живой музей языков и народов, которые населяли эту территорию с древнейших времен. Это армяне, чей язык относится к индоевропейскому; народы Северо-Западного Кавказа — абхазы и адыги; нахские народы — чеченцы и ингуши, населяющие склоны Большого Кавказского хребта; картвелы (грузины), занимающие юго-западную и центральную часть Кавказа, а также около 30 народов Дагестана. Автономия кавказских народов сыграла важную роль в сохранении национальных языков, поддерживая преподавание на родных языках, трансляция передач национального радио и телевидения. На Кавказе всегда был обычен би- и трилингвизм, но в процессе советизации русский язык постепенно вытеснял тюркский в качестве *lingua franca*, языка межнационального общения. Культурное доминирование русских вызвало эрозию даже такого древнего языка, как грузинский, но процесс русской экспансии и колонизации затронул Кавказ в гораздо меньшей степени, чем Сибирь.

Нахско-дагестанская группа

Нахская подгруппа

Чеченцы (самоназвание *нохчий*; 899 тыс. чел.) — коренное население Чечни. Их численность в Чечне и Ингушетии составляет 734,5 тыс. чел., в Дагестане — около 58 тыс.,

в Ставропольском крае — 15 тыс., в Волгоградской области — 11,1 тыс., в Калмыкии — 8,3 тыс., в Астраханской области — 7,9 тыс., в Саратовской области — 6 тыс., в Тюменской области — 4,6 тыс., в Северной Осетии — 2,6 тыс., в Москве — 2,1 тыс. В Казахстане численность чеченцев достигает 49,5 тыс. чел., в Киргизии — 2,6 тыс., на Украине — 1,8 тыс. Чеченцы — мусульмане-сунниты, среди них распространены суфийские учения двух толков — *накшбанди* и *надири*. Особую этнотерриториальную группу составляют чеченцы-аккинцы Дагестана.

Чеченский язык делится на ряд диалектов: плоскостной, аккинский, чеберловский, мелхинский, итумкалинский, кистинский (под сильным влиянием грузинского языка), галанчоожский (близкий к ингушскому языку). В составе нахской подгруппы вместе с ингушским и чеченским выделяется также бацбийский язык, употребляемый в единственном Цова-тушинском селении Ахметаского района Грузии.

Ингуши (самоназвание *галгаи*; в РФ в 215,1 тыс. чел.) проживают в Ингушетии и Чечне (163,8 тыс.), Северной Осетии (32,8 тыс. чел.) и др. Общая численность ингушей — более 237 тыс. чел. Верующие ингуши, как и большинство коренных народов Северного Кавказа, — мусульмане-сунниты.

Дагестанская подгруппа

Аваро-андо-цезская ветвь. Аварцы — коренное население Дагестана. Их численность в РФ, включая родственные андийские, цезские народы, арчинцев (говорящих на языке, близком к лезгинскому), составляет 544 тыс. чел., в том числе в Дагестане — 496,1 тыс. Аварцы живут также в Чечне, Калмыкии, а кроме того, в Азербайджане (44,1 тыс.), Грузии (4,2 тыс.), Казахстане (2,8 тыс.). Общая численность всех аварцев достигает 601 тыс. чел. Диалекты аварского языка делятся на две группы: северное наречие и южное наречие. Аварцы исповедуют суннитское направление ислама.

Андийские народы — группа народов в составе андо-цезских (андо-дидойских) народов Дагестана. Их общая численность в РФ (вместе с цезскими народами) достигает, по оценочным данным за 1992 г., 55–60 тыс. чел. Андийские народы населяют высокогорья Западного Дагестана и в языково-культурном отношении родственны аварцам. Среди них выделяются андийцы (около 30 тыс., по оценкам 1992 г.). Андийский язык имеет 7 говоров, которые объединяются в два сильно различающихся между собой диалекта — верхнеандийский и нижнеандийский. Среди андийцев распространены также аварский и (у мужчин) чеченский языки. В качестве отдельных андийских народов можно назвать ахварцев, багулалов (или кванадинцев), ботлихцев, годоберинцев, чамалалов, каратинцев, тиндалов. Языки этих народов обычно употребляются в пределах лишь одного или нескольких аулов, поэтому для общения между собой и с народами цезской группы используется аварский язык.

Цезские народы — группа этносов и языков в составе андо-цезских (андо-дидойских) народов Дагестана; родственны аварцам, в составе которых и учитывались при проведении переписей. Эта группа народов — коренное население Западного Дагестана. Их селения разбросаны по ущельям в приграничной с Грузией полосе. Часть цезских народов в годы советской власти переселилась на Кумыкскую плоскость. Цезские языки имеют значительное количество диалектов; различия между этими языками сильнее, чем между андийскими. Наиболее крупный народ — цезы (или дидойцы), которые кроме Западного Дагестана живут также в Грузии. Их общая численность, по оценке 1989 г., 8 тыс. чел. Часть исследователей считает дидойцев субэтнической группой в составе аварцев. Другие цезские народы — хваршины, гинухцы, гузибцы, бежтинцы.

Даргинская ветвь. Даргинцы в РФ (вместе с кайтагцами и кубачинцами) достигают численности 353,3 тыс. чел.; в том числе в Дагестане — 280,4 тыс., в Ставропольском

крае — 32,7 тыс. и в Калмыкии — 12,9 тыс. чел. Общая их численность — 365 тыс. чел. Важнейшие диалекты даргинского языка — акушинский, цудахарский, урахинский (хюркилинский), сирхинский, мекегинский, хайдагский, музринский, губденский, кадарский, кубачинский, чирагский, мегебский. В составе даргинцев выделяется несколько этнографических групп: в первую очередь — кубачинцы и кайтагцы, а также акушинцы, хюркилинцы, цудахарцы, сирхинцы, музринцы. Кайтагцев одни исследователи считают субэтнической группой даргинцев, а другие самостоятельным этносом. Они говорят на хайдагском (кайтагском) диалекте даргинского языка и живут в средней части Дагестана (предгорная, горная и равнинная зоны) с районным центром в с. Маджалис. По переписи 1926 г. численность кайтагцев составляла 14,4 тыс. чел. Кубачинцы — жители пос. Кубачи Дахадаевского района Дагестана (по оценке 1,9 тыс. чел.). Переписью 1926 г. они выделялись как самостоятельный этнос (2371 чел.), в дальнейшем включались в состав даргинцев.

Лакская ветвь. Лакцы (или казикумухцы; 106,2 тыс. чел.) живут в центральной части Нагорного Дагестана (Лакский и Кулинский районы), а также в равнинной части Дагестана (Новолакский и другие районы), в городах и за пределами Дагестана (Ставропольский край и др.). Общая их численность — 118,1 тыс. чел., из них в Дагестане живут 91,7 тыс. чел. Лакский язык распадается на кумухский, вицхинский, вицлинский, шаднинский, аракульский, бартхинский и аштикулинский диалекты.

Лезгинская ветвь. Лезгинские языки делятся на пять подгрупп: восточнолезгинскую с лезгинским и табасаранским языками; западнолезгинскую с рутульским, агульским и цахурским языками; южнолезгинскую, или шахдагская, с крзьским и будугским языками, а также арчинский и удинский языки, составляющие каждый отдельную подгруппу.

Лезгины (в РФ 257,2 тыс. чел.) — коренное население Юго-Восточного Дагестана (Курахский, Сулейман-Стальский, Магарамкентский, Ахтынский, частично Рутульский и Хивский районы, где их насчитывается 204,4 тыс. чел.) и прилегающих районов Азербайджана (171,4 тыс.). Общая численность лезгин в бывшем СССР — 466 тыс. чел. Диалекты лезгинского языка делятся на три группы: кюринскую, самурскую и кубинскую. Этнографические группы совпадают с диалектными: кюринцы, ахтынцы, кубинцы и др. Большинство лезгин кроме родного знают азербайджанский и русский языки. Хотя верующие лезгины — мусульмане-сунниты, в с. Мискинджа Ахтынского района распространено шиитское направление ислама.

Арчинцы (оценочная численность свыше 1 тыс. чел.) — коренное население Дагестана. Обычно включались в ходе переписей в состав аварцев, хотя арчинский язык близок к лезгинским языкам.

Табасараны (93,6 тыс. чел. в Дагестане — 78,2 тыс.) живут в юго-восточной части Дагестана (Хивский и Табасаранский районы), на равнине (Дербентский район), а также в предгорной зоне Табасаранского района. Общая численность — 97,5 тыс. чел. Табасаранский язык распадается на северный и южный диалекты.

Агулы (17,7 тыс. чел., в Дагестане 13,8 тыс. чел., а общая численность 18,7 тыс.) делятся на четыре этнографические группы, именуемые по названиям соответствующих ущелий. Агульский язык имеет диалекты: тпигский (агульский), керенский (ричинский), кошанский, буркиханский, фитинский, а каждая община — свой говор.

Рутульцы (19,5 тыс. чел.) живут в Рутульском и Ахтынском районах Дагестана, основное селение — Рутул. В Дагестане их численность достигает 14,95 тыс. чел., но они живут также в Нухинском районе Азербайджана. Их общая численность — 20,4 тыс. чел. Рутульский (или мухадский) язык имеет диалекты: мухадский, шиназский, мухрекский, ихрекский, борчинско-хновский.

Цахуры (6,5 тыс. чел., из них в Дагестане — 5,2 тыс.). Цахуры живут также в Азербайджане (13,3 тыс. чел.). Общая численность — 19,8 тыс. чел. Цахурский язык включает цахский и гельмецкий диалекты.

Удины (их численность в РФ — 1,1 тыс. чел., в Азербайджане — 6,1 тыс.). Удины живут также в Грузии. Их общая численность около 8 тыс. чел. Удинский язык имеет два диалекта: варташенский и ниджский. Среди них распространены, кроме того, азербайджанский и армянский языки. Верующие удины — христиане (монофиситы и православные).

В особую группу («шахдагская группа») объединяются три народа лезгинской ветви — будугцы, крызы и хиналугцы. Каждый из них говорит на своем языке, но в быту почти все пользуются азербайджанским языком. Из них только будугцы в настоящее время живут в пределах России — в нескольких селениях Кубинского и Хачмасского районов Дагестана.

Абхазо-адыгская группа

Адыги — этническая общность, включающая в настоящее время адыгейцев, кабардинцев, черкесов и шапсугов. Численность адыгского населения России — 559,7 тыс. чел. Адыги живут, кроме того, во многих странах мира, главным образом на Ближнем и Среднем Востоке, где их обычно называют черкесами. Здесь адыгские народы расселены компактно и включают также абхазов, абазин, осетин и других выходцев с Северного Кавказа. Общая численность адыгов свыше 1 млн чел. По вероисповеданию все они мусульмане-сунниты. Языки — адыгейский и кабардино-черкесский. По другим классификациям выделяется один адыгский язык, включающий западноадыгскую диалектную группу (адыгейский язык с диалектами) и восточно-адыгскую группу (диалекты кабардино-черкесского языка).

Кабардинцы (самоназвание адыгэ; 386,1 тыс. чел.) проживают в Кабардино-Балкарии (363,5 тыс. чел.), а также в

Краснодарском и Ставропольском краях и Северной Осетии. Общая численность в пределах бывшего СССР около 391 тыс. чел. Кабардинский язык делится на диалекты Большой Кабарды (его баксанский говор лег в основу литературного кабардино-черкесского языка), моздокский, бесленевский и кубанский (диалект кабардинцев, живущих в Адыгее); выделяется также малокабардинский говор в составе диалекта Большой Кабарды. Кабардинцы — мусульмане-сунниты, но моздокская группа народа — в основном христиане-православные.

Адыгейцы (самоназвание адыгэ; 122,9 тыс. чел.) живут в Адыгее (95,4 тыс.), а также в соседних районах Краснодарского края (20,8 тыс. чел.). Часть адыгейцев живет в Турции и других странах Ближнего Востока. До начала XX в. существовали следующие субэтнические группы: абадзехи, бесленевцы, бжедути, жанеевцы, егерухаевцы, мамхеги, махошевцы, натухайцы, темиргоевцы, хатукаевцы, шапсуги, хакучи. Западно-адыгская диалектная группа включает четыре диалекта: тимиргоевский (положенный в основу адыгейского литературного языка), абадзехский, бжедугский и, наиболее своеобразный, шапсугский.

Черкесы (самоназвание адыгэ; 50,8 тыс. чел.) проживают в 17 аулах Карачаево-Черкесии (40,2 тыс. чел.), а также в странах Юго-Западной Азии и Северной Африки, куда переселились во второй половине XIX в. Черкесы имеют единый литературный язык с кабардинцами.

Шапсуги в настоящее время выделяются как самостоятельный народ. В 1992 г. было принято решение о создании Шапсугского национального района. Современная численность шапсугов около 10 тыс. чел. Они живут в Туапсинском и Лазаревском районах Краснодарского кр., и небольшими группами в Адыгее.

Абхазы (самоназвание апсуа; 7,3 тыс. чел.) — коренное население Абхазии (93,3 тыс. чел.). Живут также в Турции, Сирии, Иордании и в некоторых странах Западной Европы,

США. Диалекты абхазского языка — абжуйский и бзыбский. Верующие абхазы — христиане — православные и мусульмане-сунниты.

Абазины (самоназвание абаза; 33 тыс. чел.) расселены в Карачаево-Черкесии (27,5 тыс.). Живут также в Турции, Сирии, Иордании, Ливане (около 10 тыс. чел.). Общая численность около 44 тыс. чел. Язык, близкородственный абхазскому, имеет два диалекта (соответствующих двум субэтническим группам): тапантский (лежит в основе литературного языка) и ашхарский. Тапантский диалект занимает особое место в рамках абхазо-абазинской языковой общности, ашхарский же близок к абхазскому языку. Распространен также кабардино-черкесский язык.

Некоторые исследователи говорят о едином абхазо-абазинском языке и его диалектах. Промежуточное положение между адыгским и абхазо-абазинским языками занимает ныне почти мертвый убыхский язык. Его помнят лишь несколько человек — потомки убыхских махаджиров, проживающие в Западной Турции. Оставшиеся сегодня убыхи полностью ассимилированы либо абхазами, либо адыгейцами-шапсугами.

Картвельская группа

Из представителей этой языковой семьи в РФ проживают по преимуществу грузины (самоназвание картвели; 130,7 тыс. чел.). Грузины — основное население Грузии (3787,4 тыс. чел.); в пределах России живут в Москве, Санкт-Петербурге, Северной Осетии (12,3 тыс. чел.), Краснодарском крае (12,8 тыс.), Ставропольском крае (6 тыс.), Чечне (1 тыс.), Дагестане (0,9 тыс. чел.). Грузинский язык имеет многочисленные диалекты. Свои языки имеют субэтнические группы в составе грузин — мегрелы, сваны (Западная Грузия), лазы (в основном Турция). Сохраняются локально-этнические группы грузинского народа — картлийцы, кахетинцы, имеретины, тушины, хевсуры, пшавы, мтиулы, мохевцы, рачинцы, лечхумцы, гурийцы, аджарцы, месхи,

джавахы, ингилойцы (в Азербайджане). Большинство грузин — христиане-православные. Аджарцы, грузинские мещи и ингилойцы — мусульмане-сунниты. Есть небольшие группы грузин-католиков.

Грузинские евреи (самоназвание эбраэли) — этнолингвистическая группа евреев. В РФ их 1,2 тыс. чел., в Грузии — 14,31 тыс. чел. Говорят на грузинском языке. Используют его также в качестве письменного языка. Верующие — иудаисты. В 1970 г. 43 тыс. грузинских евреев называли родным грузинский язык; 70% из них к концу 1970-х гг. выехало в Израиль.

Финно-угорские народы

Финская группа

Народы финской группы уральско-юкагирской языковой семьи составляют несколько ветвей: прибалто-финскую, поволжско-финскую и пермскую.

Мордва (998 тыс. чел.) — коренное население Мордовии (313,4 тыс.). Живут также в Башкирии (31,9 тыс.), Татарии (28,9 тыс.), Чувашии (18,7 тыс.), Самарской (116,5 тыс.), Пензенской (86,4 тыс.), Оренбургской (68 тыс.), Ульяновской (61,6 тыс.), Нижегородской (36,7 тыс.), Саратовской областях (23,4 тыс.), в Сибири и на Дальнем Востоке (более 80 тыс.), а кроме того, в Казахстане (30 тыс.), на Украине (19,3 тыс.), в Узбекистане (11,9 тыс. чел.). Мордовский народ состоит из двух субэтносов — эрзя и мокша, имеющих свои языки. В Мордовии группа мокша расселена преимущественно в западных и южных районах, а эрзя — на востоке республики. Выделяются и небольшие этнографические группы: теньгушевская мокша, именуемая иногда «шокошней» (проживают в основном в Теньгушевском районе Мордовии), и каратайская мордва, именуемая иногда «каратаями» (проживают в Камско-Устьинском районе Татарстана). Еще в первой половине XX в. существовала выделялась особая этнографическая группа — терюшевская мордва (терюшане, или терюхане). Полностью перейдя на русский язык, они про-

должали считать себя мордвой и сохраняли мордовские (эрзянские) черты в материальной и духовной культуре. Эрзянский язык включает 5 диалектов, мокшанский — 3. Верующие представители мордовского народа — православные, их крещение было завершено уже в середине XVIII в.

Марийцы, или черемисы (643,7 тыс. чел.), — коренное население Республики Марий-Эл (324,4 тыс. чел.). Компактно живут также в Башкирии (105,7 тыс.), Татарии (19,5 тыс.), Удмуртии (9,5 тыс.), Нижегородской, Кировской, Свердловской и Пермской областях. Делятся на три основные субэтнические группы: горных (правобережье Волги), луговых (Ветлужско-Вятское междуречье) и восточных (к востоку от р. Вятки, главным образом на территории Башкирии) марийцев. В марийском языке выделяются следующие наречия: горное, луговое, восточное и северо-западное. Верующие марийцы преимущественно православные и приверженцы «марийской веры» («марла вера»), сочетающие православие с традиционными верованиями, но восточные марийцы сохранили дохристианские культы.

Удмурты, или вотяки (714,8 тыс. чел.) — коренное население Удмуртии (496,5 тыс.). Они живут также в Татарии (24,8 тыс.), Башкирии (23,7 тыс.), Марий-Эл (2,5 тыс.); в Пермской (32,8 тыс.), Кировской (2 тыс.), Тюменской (7,1 тыс.), Свердловской (23,6 тыс.) области; в Казахстане (15,8 тыс.), на Украине (8,6 тыс.), в Узбекистане (2,7 тыс.), Белоруссии (1,2 тыс. чел.). Удмуртский язык имеет несколько диалектов — северный, южный, бесермянский — и срединные говоры. Большая часть верующих — православные, но некоторые придерживаются дохристианских верований. У южных удмуртов ощущается тюркское влияние, у северных — русское. В настоящее время лишь 69,6% удмуртов России считают удмуртский язык родным. Однако в пределах своей республики удмуртский язык считают родным 75,7% удмуртов. Выделяется этнографическая группа бесермян, которые проживают на северо-западе Удмуртии в

бассейне р. Чупцы (приток р. Вятки), а также в сопредельных районах Кировской области. Их численность по переписи 1926 г. составляла 10 тыс. чел., но в последующих переписях они включались в число удмуртов. В языке бесермян ощутимо тюркское влияние.

Коми (коми-зыряне, 336,3 тыс. чел.), составляя «титულный» народ Республики Коми (291,5 тыс. чел.), живут также в Архангельской, Свердловской, Мурманской, Омской, Тюменской областях, Ненецком, Ямало-Ненецком и Ханты-Мансийском автономных округах. Основные этнографические группы коми — верхневычегодцы, вымичи, ижемцы, печорцы, прилузцы, сысолыцы, удорцы. Язык народа коми имеет следующие диалекты: верхневычегодский, верхнесысольский, вымский, ижемский, лузско-летский, нижневычегодский, печорский, присыктывкарский, среднесысольский, удорский. Большая часть верующих — православные, но есть и старообрядцы.

Коми-пермяки (147,3 тыс. чел.) — коренное население Коми-Пермяцкого автономного округа (95,4 тыс. чел.) и части Пермской области. Общая численность коми-пермяков в бывшем СССР была составлена 152,1 тыс. чел. В пределах одноименного автономного округа они составляют 60% населения. За его пределами исторически сложились две компактные группы коми-пермяков — язьвинские и зюздинские. Язьвинские коми-пермяки живут в Пермской области в бассейне р. Язьвы (приток Вишеры) и насчитывают около 2 тыс. чел. Зюздинские коми-пермяки живут в бывшем Зюздинском (ныне Афанасьевском) районе Кировской области (в 1950-х гг. их было около 7 тыс. чел.). В настоящее время зюздинские коми-пермяки как этнографическая группа находятся на грани исчезновения. В последних переписях их записывали русскими, хотя часть из них сохранила и национальное самосознание и родной язык. Коми-пермяцкий язык, близкородственный коми-зырянскому и удмуртскому, имеет 4 наречия: северное (косинско-камское), южное (инь-

венское), верхнекамское и коми-язьвинское. Большая часть верующих коми-пермяков — православные христиане, среди которых есть и старообрядцы.

Карелы (124,9 тыс. чел.) проживают в Республике Карелия (78,9 тыс.), а также в Тверской области — тверские, или верхневолжские, карелы (23,2 тыс.), в Ленинградской, Мурманской, Архангельской, Московской, Кемеровской областях. Основные диалекты карельского языка — собственно карельский (средняя и северная часть Карелии), ливвиковский (Приладжье), людиковский (Прионежье). Распространен также финский язык. Верующие карелы — православные.

Финны (47,1 тыс. чел.) живут в Карелии (18,4 тыс.), Ленинградской области (11,8 тыс.), Санкт-Петербурге (5,5 тыс.). Их численность в Финляндии 4,6 млн. чел. Самая многочисленная группа в РФ — финны-ингерманландцы, старожильческое население современной Ленинградской области. Традиционно финны исповедуют лютеранство.

Эстонцы (46,4 тыс. чел.) — основное население Эстонии, где они составляют 963,3 тыс. чел. Общая численность эстонцев в мире — 1,1 млн чел. Диалекты эстонского языка объединяются в группы — северную, южную и северо-восточную прибрежную. Верующие эстонцы — лютеране, однако есть православная этноконфессиональная группа эстонцев — сету.

Вепсы (дореволюционное русское название «чудь») живут группами на юге Республики Карелия, в северо-восточных районах Ленинградской и в северо-западных районах Вологодской области. Общая численность вепсов в РФ 12,5 тыс. чел., из них 49,6% проживает в Карелии. Вепский язык делится на три диалекта: северный, средний и южный. Среди вепсов распространено православие.

Ижорцы (449 чел.) говорят на ижорском языке, который имеет 4 диалекта: сойкинский; нижнелужский, характеризующийся наличием водского субстрата; восточный (или хеваский), и ордежский, на котором, в отличие от остальных, не сказались воздействие финского языка. Ижорцы

живут преимущественно в северо-западной части Ленинградской области и в Эстонии. Общая их численность в пределах бывшего СССР 820 чел.

Водь (самоназвание вадьялайе) — крошечный прибалтийский народ, насчитывающий в настоящее время менее 100 чел. (в середине XIX в. численность воды достигала 5 тыс. чел.). Живут чересполосно с ижорцами и русскими. По большей части утратили родной язык. По вероисповеданию православные христиане.

Саамы (лопари; 1,8 тыс. чел.) живут на Кольском п-ове (главным образом в Ловозерском районе Мурманской области с центром в с. Ловозеро). В отличие от саамов Скандинавии и Финляндии, называются кольскими саамами. Язык кольских саамов имеет 4 диалекта: иокангский, кильдинский, нотозерский и бабенский, а также ряд говоров. Верующие саамы — православные.

Угорская группа

Ханты (остяки; 22,3 тыс. чел.) — коренное население Западной Сибири. Сосредоточены в Ханты-Мансийском (11,9 тыс.), Ямало-Ненецком (7,2 тыс.) автономных округах и Томской области (804 чел.). Выделяются три этнографические группы хантов — северные, южные и восточные. Они различаются диалектами, самоназванием, хозяйственными и культурными особенностями. Внутри каждой из них выделяются также территориальные группы (васюганские, салымские, казымские и др.) по названиям обских и иртышских притоков, где живут эти группы хантов. Верующие ханты — православные, сохранились и дохристианские верования.

Манси (вогулы; 8,3 тыс. чел.) — коренное население Ханты-Мансийского автономного округа (6,6 тыс. чел.). Живут на левых притоках Оби. Небольшая группа есть на северо-востоке Свердловской области. Объединяются с хантами под названием «обские угры». Родной язык сохранили лишь 3,1 тыс. манси. Среди них выделяются этнографические группы: северная с сосвинским и верхнелозьвинским диалектами; юж-

ная (или тавдинская); восточная с кондинским диалектом; западная с пельымским, вагильским, среднелозьвинским и нижнелозьвинским диалектами. Язык и традиционная культура сохранились лишь у северных (сосвинско-ляпинских) и восточных (кондинских) манси. Манси были крещены, но сохранили пережитки дохристианских верований.

Венгры (5,7 тыс. чел.; живут также на Украине — 161,1 тыс.). Общая численность в мире 14,5 млн чел., в том числе в Венгрии — 10,6 млн чел. В России венгры проживают дисперсно в крупных городах. Верующие в основном католики, но есть кальвинисты и незначительное число лютеран.

Самодийская группа

Ненцы (самоеды, юраки; 34,2 тыс. чел.) — коренное население Европейского Севера и северной части Западной Сибири. Живут в Ненецком автономном округе (6,4 тыс. чел.), Лешуконском, Мезенском и Приморском районах Архангельской области (0,8 тыс.), северных районах Республики Коми, Ямало-Ненецком (20,9 тыс.) и Ханты-Мансийском автономных округах Тюменской области, Таймырском (Долгано-Ненецком) автономном округе Красноярского края (2,4 тыс. чел.). Выделяются две этнографические группы: тундровые ненцы и лесные ненцы, различающиеся по фамильно-родовому составу, диалектам, особенностям культуры. Лесные ненцы насчитывают около 2 тыс. чел.

ГЛАВА 8. ЭТНОДЕМОГРАФИЧЕСКИЕ ПРОЦЕССЫ

Знакомство с этнической структурой населения России и расселением ее народов даст возможность лучше понять направленность и темпы характерных для нее в последней трети XX в. демографических, миграционных да и социальных процессов.

Численность всего населения России за 30-летие между переписями 1959 и 1989 гг. увеличилась в 1,25 раза (с 117,5 млн до 147,0 млн чел.), однако динамика роста численности разных народов страны была весьма различной. По темпам прироста все народы можно поделить на две основные группы: имеющие прирост более высокий, чем средний показатель по России, и имеющие прирост ниже среднего показателя.

Прирост русских был за 30-летие немного ниже среднего по России — их численность увеличилась в 1,2 раза, что привело к уменьшению доли основного народа страны в общем населении России с 83,3 до 81,5%. Близкий к русским прирост (примерно в 1,2 раза) имели чуваша, удмурты, коми. Немного выше среднего (в 1,3 раза) прирост был в данный период у украинцев, марийцев, манси, нивхов. Прирост в 1,4 раза имели татары, башкиры, белорусы, хакасы, удэгейцы, коряки, чукчи. Почти вдвое возросла численность греков и ногайцев. Еще больше увеличилась численность чеченцев и ингушей (более чем в 3 раза), узбеков и азербайджанцев (более чем в 4 раза!).

Исключительно высокий прирост характерен для большинства этносов Северного Кавказа вследствие высокой рождаемости (правда, более чем трехкратное увеличение чеченцев и ингушей связано с другой причиной — возвращением на родину некоторых, до того не вернувшихся семей, депортированных в Казахстан и другие республики СССР). Что же касается более чем четырехкратного увеличения численности в России узбеков и азербайджанцев, то оно обусловлено миграцией представителей этих народов в российские города.

Уменьшение численности характерно прежде всего для народов, которые выделяются дисперсным расселением. Невысокий прирост, помимо русских, и других восточнославянских народов, был свойствен также народам Поволжья. У большей части народов Сибири и Дальнего Восто-

ка, вопреки бытующим представлениям об их вымирании по данным переписи, наблюдался не очень высокий, но достаточно стабильный прирост.

Сильно влияли и продолжают влиять на изменение этнического состава населения РФ этнические процессы, хотя действительная глубина этого влияния несколько заглушается существующей фиксацией этнической принадлежности в паспорте. Активно идущая конверсация русскими части живущих в России украинцев и белорусов, а также ассимиляция мордвы, карел и представителей некоторых других народов, вместе с начавшимся возвращением русских из ближнего зарубежья, несколько сглаживают существующую тенденцию к снижению доли русских в населении РФ.

Как известно, на динамику численности воздействуют демографические, миграционные и этнические процессы.

Демографическая ситуация в России в конце XIX в. отличалась очень высокой рождаемостью (около 50%), высокой смертностью (более 30%) и большим по сравнению со странами Европы естественным приростом (около 20%). Очень высокая рождаемость была обусловлена повсеместно распространенными ранними браками и почти полным отсутствием планирования размеров семьи. Заметной дифференциации рождаемости по этническому признаку не было. Уровень же смертности у разных народов заметно варьировал, и эти различия в первую очередь были вызваны сильной дифференциацией показателей младенческой смертности. Повышенная младенческая смертность, наблюдавшаяся у русских, было связана с распространенным на селе обычаем давать ребенку едва ли не с рождения, наряду с материнским молоком, жеваный хлеб, кашу и другую пищу, что оборачивалось частыми желудочными заболеваниями. У мусульманских народов новорожденного ребенка кормили только грудью, причем период грудного вскармливания был довольно большим, что определяло более низкий уровень младенческой смертности.

В первое десятилетие XX в. рождаемость несколько снизилась (в 1913 г. до 45% в Европейской части России). Немного понизился и уровень смертности (до 27%), что частично объясняется уменьшением рождаемости и связанным с ним некоторым уменьшением доли младенческой смертности, а также успехами в борьбе с эпидемиями.

В дальнейшем большое снижение рождаемости (до 25%) было обусловлено Первой мировой войной, причем одновременно резко возросла смертность. Эта тенденция продолжалась и в последующие годы. Так, огромные людские потери были связаны с гражданской войной, вспыхнувшими эпидемиями тифа и испанки, засухой. С октября 1917 г. до начала 1923 г. численность населения страны непрерывно падала, кроме того, из-за эмиграции. В 1920–1930-е гг. рост смертности был связан с гибелью людей во время коллективизации, не учитывавшей возможности страны форсированной индустриализаций, и катастрофической засухи 1932–1933 гг. По некоторым данным, в 1933 г. уровень смертности в России был самым высоким в мире. Рост смертности сопровождался и снижением рождаемости. В результате резко упал естественный прирост.

Снижение рождаемости было особенно характерно для русских, живших в промышленно развитых районах страны, несколько в меньшей степени — для украинцев. У народов Поволжья, слабее охваченных индустриализацией и урбанизацией, снижение уровня рождаемости было менее значительным. Довольно высокая рождаемость сохранялась также на Северном Кавказе, в Сибири, на Дальнем Востоке. На Северном Кавказе это было связано со стойко державшимися традициями ранних браков и многодетности. В Сибири и на Дальнем Востоке высокая рождаемость может быть объяснена относительно молодым составом населения, что, в свою очередь, обуславливалось постоянным притоком мигрантов.

Огромные потери населению России нанесла Вторая мировая война. Только прямые потери составили 16 млн

чел., вместе же с косвенными (резким уменьшением уровня рождаемости и увеличением уровня смертности гражданского населения) общие потери от войны достигли 45 млн чел.

В первые послевоенные годы в России, как и повсюду в воевавших странах, происходило компенсационное повышение рождаемости, захватившее и начало 1950-х гг.

Одновременно наблюдалось еще более заметное снижение смертности, что привело к существенному увеличению естественного прироста. Наибольшим он был в Азиатской части РФ, наименьшим — в сильнее всего затронутых войной западных и центральных областях Европейской части.

Однако со второй половины 1950-х гг. уровень рождаемости начал постепенно снижаться. Особенно существенным это снижение стало в 1960-е гг. Одновременно появилась тенденция к стабилизации и даже к некоторому повышению уровня смертности. Все это привело к уменьшению естественного прироста. Снижение рождаемости в 1960-е гг. объясняется тем, что в этот период в брачный возраст вступили поколения военных лет (1942–1945 гг.), которые по численности сильно уступали предыдущим. Сказалось также все более практикующееся внутрисемейное планирование детности.

В последующие десятилетия основные демографические тенденции в целом сохранились. Некоторое же увеличение рождаемости в начале 1980-х гг. было обусловлено прежде всего тем обстоятельством, что в это время в репродуктивный период вступили когорты женщин 1950-х гг. рождения, отличавшиеся многочисленностью. Но с конца 1980-х гг. вновь начинается заметный спад рождаемости, продолжающийся и поныне. На падение уровня рождаемости влияет как неблагоприятная возрастная структура населения, так и тяжелое экономическое положение. В 1993 г. коэффициент смертности (14,3%) даже превысил коэффициент рождаемости (9,0%), что свидетельствует о начале

депопуляции. Причем уровень рождаемости у основного народа России — русских — ниже, чем у большинства других народов страны. Например, в 1989 г. русские, составляя 81,5% населения республики, давали лишь 75% всех рождений. Печальна в РФ и ситуация с показателем младенческой смертности: 24 умерших в возрасте до одного года на тысячу родившихся, что в 3–4 раза выше, чем в странах Западной Европы.

Тревожит и такой демографический показатель, как средняя продолжительность жизни, обнаруживающий тенденцию к снижению. Впервые проявившись в конце 1960-х гг. (у мужчин средняя продолжительность жизни начала сокращаться с 1966 г., у женщин — с 1968 г.), эта тенденция не развивается до сих пор. Достигнув очень низкой отметки к концу 1970-х гг. (61,5 года у мужчин и 73,2 года у женщин), этот показатель в середине 1980-х гг., в период проведения антиалкогольной кампании, несколько повысился. Однако затем вновь продолжалось его снижение. В 1993 г. средняя продолжительность жизни россиян едва превышала 66 лет, что на 5–10 лет ниже, чем в развитых странах Запада. Неприятной демографической особенностью России является то, что для нее характерен один из самых высоких в мире разрывов между средней продолжительностью жизни у мужчин и женщин. Жизнь мужчин в нашей стране в среднем на 10–14 лет короче, чем жизнь женщин, тогда по миру в целом этот разрыв составляет 3 года. И еще одна, весьма специфическая особенность России: в отличие от большинства других стран мира в ней средняя продолжительность жизни в городах выше, чем в сельской местности, что связано с тяжелыми условиями труда и быта в деревне.

В то же время, показатели средней продолжительности жизни варьируют у разных народов. Так, средняя продолжительность жизни русских ниже, чем средняя продолжительность жизни в целом по России. Показатели средней продолжительности жизни татар и немцев идентичны со-

ответствующему показателю у русских. Одной из основных причин высокой смертности и низкого показателя продолжительности жизни у некоторых северных народов является алкоголизм.

Снижение показателей средней продолжительности жизни у большинства народов России вызвано «омоложением» смертности (впрочем, одновременно с этим за счет сильного сокращения рождаемости наблюдается увеличение доли лиц пожилого возраста). Возрастные же характеристики смертности зависят прежде всего от качества жизни населения. При этом продолжительность жизни больше у людей с более высоким культурным и образовательным уровнем, так как они более рационально относятся к своему здоровью. Симптоматично, например, что смертность детей у матерей с высшим образованием в два раза ниже, чем соответствующий показатель по России. На здоровье населения и, соответственно, на продолжительность жизни непосредственное влияние оказывает также экологическая обстановка в местах обитания. В частности, в сильно загрязненных индустриальных районах на юге Сибири состояние здоровья населения очень плохое. На продолжительности жизни сказывается и то, насколько тот или иной народ приспособлен к жизни в данных природных условиях. Например, интенсивные миграции русских привели к тому, что некоторые из переселенцев оказались расселенными в районах, сильно отличающихся по природно-климатическим условиям от исходных мест обитания, что отразилось на показателе смертности: смертность русских в Сибири выше, чем в европейских областях.

Как известно, основными причинами смертей ныне являются сердечно-сосудистые и онкологические заболевания, которые в последнее время все более «молодеют». Повышает смертность и учащающийся производственный и бытовой травматизм, тесно связанный с распространением алкоголизма и плохим состоянием техники безопасности.

Для этнодемографического анализа наибольший интерес представляет «этническая избирательность» болезней, обусловленная в основном особенностями питания. Так, у тюркских народов самый высокий в России уровень заболеваемости раком пищевода; у якутов, например, широкое распространение рака пищевода связано с постоянным употреблением в пищу замороженной рыбы, политой уксусом и посыпанной перцем.

Для структуры населения России характерна диспропорция полов. В 1991 г. мужчины составляли лишь 47% населения РФ. Это еще дающие о себе знать последствия войны (естественно, что мужчин погибло во время войны значительно больше, чем женщин) и результат большей продолжительности жизни женщин. Поэтому диспропорция полов характерна только для старших возрастов; в возрастных группах до 35 лет численность мужчин и женщин примерно равна. Однако у разных народов соотношение мужчин и женщин неодинаково. У большинства этносов России женщины численно преобладают над мужчинами. Мужчин больше, чем женщин, у живущих в России азербайджанцев, узбеков, таджиков, туркмен, каракалпаков, уйгуров, турок-месхетинцев, курдов, лезгин, ингушей, ассирийцев, энциев. Преимущественно это мусульманские народы, и большинство из них не являются коренными жителями РФ, а хорошо известно, что для исламских стран и народов очень характерно преобладание мужчин.

Согласно большинству прогнозных оценок, сделанных разными исследовательскими группами, численность населения России будет сокращаться в течение ближайших 10–15 лет. Убыль населения должна смениться некоторым ростом при условии достаточно благоприятного развития процессов рождаемости и смертности, с одной стороны, и довольно значительного миграционного притока населения — с другой. Как уже говорилось, процессы рождаемости, смертности и миграции населения составляют главные

компоненты демографической динамики, причем определяющую роль обычно играют процессы рождаемости и смертности.

Уровень рождаемости в России в основном определяют брачные рождения. Хотя в последние годы растет доля детей, рожденных вне брака: с 1980 по 1994 г. она увеличилась в 1,8 раза и приблизилась к 20%. Современная Российская семья характеризуется устойчивой малодетностью. По оценкам демографов, в России почти 100% женщин контролируют рождаемость, причем не только число рождений, но и сроки появления детей на свет. В значительной мере контроль рождаемости осуществляется посредством искусственных абортов. Однако соотношение родов и абортов с 1980 по 1993 гг. не изменилось: 204,6 абортов на 100 родов в 1980 г. и 235,2 — в 1993 г.

Таким образом, начавшийся в 1990-е гг. социально-экономический кризис не был основной причиной снижения рождаемости, а лишь ускорил его. Согласно оценкам, в условиях отсутствия кризисных явлений в экономике подобное снижение рождаемости произошло бы на 6–8 лет позднее. Социально-экономические трудности современного периода лишь на 10–15% обусловили падение общего числа рождений.

Отметим, что в первом полугодии 1996 г. рождаемость снизилась практически во всех регионах России, кроме г. Москвы, Мурманской, Сахалинской областей и Чукотского автономного округа. Наиболее значимое ее сокращение отмечено в Ингушской Республике, Республике Адыгея, Ульяновской, Калужской, Ивановской областях и Хабаровском крае (на 11–25%) при общем уровне по России 9%.

Краткосрочными прогнозами на период до 2000 г. допускалась возможность незначительного роста рождаемости под влиянием структурных факторов. Долгосрочные прогнозы рождаемости исходят из предположения о сохранении

низкой, не обеспечивающей уровня простого воспроизводства населения, рождаемости даже при улучшении экономической конъюнктуры в стране.

Наиболее неблагоприятные тенденции наблюдаются в процессах смертности населения России. Во многих странах мира кризисные явления в экономике вызывают изменения в демографической динамике, в том числе и в динамике смертности. Но в России эти процессы имеют свои особенности.

Общей тенденцией эволюции смертности является рост средней продолжительности предстоящей жизни в результате перемещения интенсивности смертности от младших к старшим возрастам. В России данный процесс был довольно устойчивым вплоть до середины 1960-х гг., когда наступил длительный период стагнации этого показателя, иногда сменявшийся его снижением. Средняя продолжительность предстоящей жизни достигла минимума в 1979–1980 гг., составив 61,6 года у мужчин и 73 года у женщин. Медленный рост ее был усилен проведением антиалкогольной кампании в середине 1980-х гг., когда за двухлетний период она выросла на 2,6 года у мужчин и на 1,2 года у женщин. Максимальный уровень средней продолжительности предстоящей жизни был отмечен для мужчин в 1987 г. — 64,9 года, а для женщин в 1989 г. — 74,6 года.

С конца 1980-х гг. рост средней продолжительности жизни прекратился и усилились неблагоприятные тенденции смертности населения России. Они проявились в снижении средней продолжительности предстоящей жизни как для новорожденных, так и для достигших определенных возрастов.

Особенно катастрофический спад произошел в 1993 г., когда за один календарный год средняя продолжительность жизни мужчин снизилась на 3,1 года, женщин — почти на 2 года, составив 58,9 года для мужчин и 71,9 года для женщин. В 1994 г. снижение этого показателя продолжилось до

57,5 года у мужчин и 71 года — у женщин. В целом по сравнению со своим максимумом средняя продолжительность жизни мужчин снизилась на 7,4 года, женщин — на 3,6 года. Современный уровень продолжительности жизни в России не имеет аналогов в развитых странах. Особенно это касается разрыва в величине продолжительности жизни у мужчин и женщин, достигающего в нашей стране 11–14 лет.

Причины такого снижения средней продолжительности предстоящей жизни достаточно сложны. Помимо отказа от борьбы с алкоголизмом, они непосредственно связаны с факторами социально-экономического кризиса, ухудшением экологической обстановки, что в совокупности приводит к снижению качества жизни и падению уровня жизни населения.

Падение средней продолжительности жизни повлияло на показатель уровня смертности. В 1990–1994 гг. увеличение числа смертей произошло почти во всех возрастных группах как мужчин, так и женщин. Согласно оценкам, 79% этого прироста обеспечил рост половозрастной интенсивности смертности и лишь 21% — постарение населения. Особенностью последних лет стало увеличение смертности мужчин в возрасте старше 45 лет, тогда как в предыдущие годы росла смертность в более молодых трудоспособных возрастах.

Неблагоприятные тенденции сложились и в самой младшей возрастной группе. Снова стал расти показатель младенческой смертности, который неуклонно снижался до начала 1990-х гг., после временного повышения в начале 1970-х. На рост младенческой смертности влияет ухудшение социально-экономических и экологических условий, некачественная медицинская помощь и низкий уровень здоровья женщин. В России младенческая смертность в настоящее время почти в три раза выше, чем в развитых странах.

Тенденции смертности взрослого населения России в значительной мере определяются стереотипами самосохра-

нительного поведения. Антиалкогольная кампания лишь ненадолго снизила смертность от несчастных случаев и травм, но в то же время способствовала расширению самоубийств. Последующее распространение пьянства, токсикомании и наркомании привело к ухудшению здоровья населения, что подтверждает рост инфекционных и венерических заболеваний, туберкулеза, увеличение частоты депрессий, невротических расстройств.

Максимальные потери среди трудоспособного населения связаны со смертью от отравления алкоголем, самоубийств и убийств: смертность в расчете на 1000 чел. населения за 1987–1994 гг. возросла в 4,7 раза от отравлений алкоголем, в 1,8 раза — самоубийств и 4,7 раза — от убийств. Такой катастрофический рост смертности от убийств и самоубийств свидетельствует об утрате социального контроля над ситуацией.

За последние 30 лет главными, определяющими динамику средней продолжительности жизни населения России, были такие причины смерти, как болезни системы кровообращения и несчастные случаи, травмы и отравления. В то время как в развитых странах смертность от болезней системы кровообращения устойчиво снижалась, что было основным источником роста средней продолжительности жизни населения, в нашей стране она оставалась высокой, а с 1990 г. обнаружила тенденции к росту, увеличившись с 617 до 832 умерших на 100 тыс. чел. населения в 1994 г. Что же касается смертности от несчастных случаев, травм и отравлений, возросшей с 134 умерших на 100 тыс. чел. населения в 1990 г. до 247 (из них около 75% умерших от несчастных случаев, отравлений и травм приходилось на лица трудоспособного возраста) в 1994 г., то в России она была выше, чем в развитых странах. С тех пор этот разрыв еще более увеличился.

Кризисные явления смертности не в последнюю очередь связаны с проблемами развития здравоохранения.

Пока главными причинами смерти являлись экзогенные заболевания, для эффективной борьбы с ними было достаточно проведения массовых мероприятий по вакцинации населения, что довольно успешно осуществлялось в России. Увеличение заболеваемости эндогенными болезнями потребовало глубоких перемен не только в отношении людей к своему здоровью, но и в отношении общества к охране здоровья своих членов. В развитых странах это выразилось в росте затрат на нужды здравоохранения. В бывшем СССР этого не произошло. За 1960–1990 гг., по ряду оценок, расходы на здравоохранение в расчете на душу населения возросли в США в 18,2 раза, во Франции — в 39,3, а в России — только в 4,7 раза.

Резкое ухудшение условий жизни населения начиная с 1992 г. заставило людей интенсифицировать свою трудовую деятельность — работать в нескольких местах, отказываясь от выходных дней и отпуска, что, безусловно, наносит ощутимый ущерб здоровью.

Неблагоприятные тенденции смертности населения в России свидетельствуют о демографическом кризисе. Негативные тенденции состояния здоровья населения могут привести к дальнейшему росту смертности и снижению продолжительности предстоящей жизни, хотя темпы этого снижения замедляются. Выход из демографического кризиса возможен прежде всего на пути уменьшения смертности и укрепления здоровья населения, что потребует времени, больших материальных затрат и изменения стандартов самоохранительного поведения населения.

Среди социально-экономических последствий современной демографической ситуации следует отметить интенсификацию процесса старения населения, который ведет к увеличению экономической нагрузки на трудоспособное население, к простому, а в перспективе и к суженному замещению населения в трудоспособных возрастах пожилыми людьми. Учитывая современные проблемы подготовки

квалифицированных кадров («утечка умов»), потерю количества населения, особенно молодых возрастов, трудно будет компенсировать качеством населения.

В 1990-е гг. в России наблюдается снижение совокупной трудовой активности населения: в 2002 г. только 81% населения трудоспособных возрастов было занято в общественном производстве по сравнению с 94% в первой половине 1980-х гг. По сравнению с переписью 1989 г. в стране сменилась политическая формация. Поменялась социальная структура, появилась новая прослойка частных предпринимателей и работодателей, составляющая 4,5% трудоспособного населения России. 18 млн россиян в графе «основной источник дохода» указали собственное хозяйство. Однако растут маргинальные слои населения, которые оказались неспособными адаптироваться к условиям рыночной экономики и не в состоянии самостоятельно трудоустроиться. Маргинальное население пополняется в основном за счет молодежи, особенно сирот и детей из неблагополучных семей, женщин-работниц, имеющих детей, и матерей-одиночек. В конце 2002 г. 22% зарегистрированных безработных составляла молодежь в возрасте от 15 до 30 лет.

Неблагоприятные социальные последствия демографического развития связаны с ухудшением психофизического здоровья молодых поколений, отрицательно влияющим на процесс формирования призывников и приводящим к сокращению общей численности призывных контингентов, из числа которых происходит комплектование Вооруженных Сил России. Если использовать принятые в развитых странах нормативы годности к военной службе, то в нашей стране только один из пяти юношей призывного возраста по состоянию здоровья соответствовал этим критериям.

Политические последствия современной демографической ситуации могут выразиться в значительном увеличе-

нии среди электората численности лиц пожилых возрастов, имеющих наиболее консервативные взгляды, с одной стороны, а с другой — наиболее активных в выборных кампаниях, в то время как численность молодежи, менее консервативной, чем лица старших возрастов, будет сокращаться.

Среди политических последствий демографической динамики необходимо выделить усиление межнациональной напряженности в условиях ухудшения экономической ситуации. Рост населения сам по себе не может быть источником межнациональной напряженности. Но в условиях социально-экономического и политического кризиса различия в динамике численности и удельного веса отдельных национальностей дают толчок к возникновению конфликтных ситуаций в области межнациональных отношений. В свою очередь, развитие конфликтных ситуаций может способствовать изменениям интенсивности демографических процессов, носящим негативный характер.

Наряду с демографическими процессами важную роль в динамике этнической структуры в РФ играют этнические процессы.

В России в основном распространены этнообъединительные процессы. В прошлом российской истории были известны процессы этнической диффузии (один из последних процессов такого рода — слияние нескольких близких по языку и культуре тюркоязычных племенных и территориальных групп в хакасский народ), однако теперь на территории России они отсутствуют.

Зато для России характерна этническая консолидация. Ею затронуты почти все более или менее значительные по численности народы страны. Так, многие из существовавших субэтнических групп русских либо прекратили свое существование (например, однодворцы), либо сильно приблизились в культурном отношении к основной части рус-

ского народа (например, поморы, а также ранее сильно обособленные субэтнические группы крайнего северо-востока страны: колымчане, русские устьянцы, марковцы, камчадалы). Все слабее ощущаются различия между двумя основными субэтническими подразделениями чувашского народа — вирьял и анатри; между северными и южными удмуртами. Идет консолидация и других этносов Поволжья и Урала, народов Северного Кавказа (например, у осетин сплавиваются две их субэтнические группы — иронцы и дигорцы), этносов Сибири и Дальнего Востока (консолидируются восточные и западные буряты, разные группы калмыков, чукчей, коряков и т. д.).

Широкое распространение получили в России процессы этнической ассимиляции. Объектами ассимиляции являются малочисленные этносы, народы, живущие в сильном территориальном смешении с другими народами, а также национальные группы (нередко состоящие из живущих обособленно представителей достаточно крупных и хорошо консолидированных этносов), для которых характерно дисперсное расселение. Важным каналом ассимиляционного процесса в России служат межэтнические браки, однако имеет место и «внесемейная» ассимиляция.

На протяжении нескольких десятилетий само существование ассимиляционных процессов в нашей стране, отвергалось, так как термину «ассимиляция» придавался негативный смысл. В результате порой искажался характер многих этнообъединительных процессов и ко всем им прилагался термин «консолидация». Однако с 1960-х гг. термин «ассимиляция» стал вновь вводиться в научный оборот.

Из малых народов России в XX в. были ассимилированы тюркоязычные сойоты, влившиеся в бурятский народ. Растворились среди окружающего русского населения близкие к кетам юги, процесс ассимиляции (языковой, а затем и этнической) частично затронул и многие другие малочис-

ленные народы Сибири и Дальнего Востока. Так, по данным переписи 1989 г., русский язык считали родным 82% орочей, 80% ительменов, 76% нивхов, 72% алсутов, 71% чуванцев и т. д. Конечно, переход на другой язык еще не означает этнической ассимиляции данных групп (например, практически все чуванцы перешли на русский либо на чукотский язык, но сохраняют свое этническое самосознание), однако говорит о том, что предпосылки для такой ассимиляции созданы.

Подвергаются частичной ассимиляции основным народом страны и некоторые народы Европейской части России, прежде всего мордва, карелы, финны-ингерманландцы, вепсы, живущие в сильном смешении с русскими.

Ассимиляция охватила также представителей многих этнических общностей, в основном сосредоточенных за пределами России, а в ней самой, как уже говорилось, — расселенных дисперсно. Правда, скорость развития ассимиляционных процессов у разных живущих в России национальных групп различна. Быстрее всех сливаются с русскими представители двух близких им по языку и культуре восточнославянских народов — белорусов и украинцев (этот процесс можно назвать этнической конверсацией). Обычно дети прибывших на жительство в Россию белорусов и украинцев считают своим родным языком русский и обладают определенными элементами русского этнического самосознания, хотя полному растворению их среди русского населения мешают пока еще существующие правила указания в паспорте национальной принадлежности, в соответствии с которыми последняя определяется не по самосознанию, а по национальности отца или матери. В 1989 г. 63% живущих в нашей стране белорусов и 57% украинцев считали своим родным языком русский. Дети, родившиеся в России в смешанных белорусско-русских и украинско-русских семьях, в подавляющем большинстве случаев называют себя русскими. Вместе с тем, растворение среди русских укра-

инцев существенно замедлено в тех районах, где украинцы живут компактными группами, а таких мест в стране немало. Впрочем, темпы этнической конверсации украинцев и белорусов определить по данным переписи трудно, так как оба народа вплоть до последнего времени в широких масштабах мигрировали в Россию и численность их там изменялась под воздействием и этнических и миграционных процессов (препятствует этому определению и принятый у нас порядок детерминации национальной принадлежности, о котором говорилось выше).

Довольно быстрой ассимиляции подвергаются живущие в РФ представители других славянских народов: поляки, болгары, чехи, сербы. Все эти этносы живут в России дисперсно, что облегчает процесс их ассимиляции. Так, русский язык указали в качестве родного 75% поляков и подавляющее большинство болгар, чехов, сербов. Правда, языковая ассимиляция еще не говорит об ассимиляции этнической, и полному слиянию с русскими полякам и чехам, издавна живущим в России, мешает, помимо всего прочего, традиционная религиозная принадлежность.

Представители других некоренных этносов России ассимилируются русскими в значительно более слабой степени. Так, немцы, несмотря на давнее проживание в нашей стране и высокую долю лиц, перешедших на русский язык (58%), довольно стойко сохраняют свое этническое самосознание. Их численность за 30-летний период немного возросла, несмотря на существенные масштабы эмиграции в Германию. Сохранению немецкого этноса в немалой степени способствует то, что большая часть немцев расселена достаточно компактными группами.

Еще медленнее протекает процесс ассимиляции корейцев, которому препятствует ярко выраженная культурная специфика этой этнической общности, а также ее антропологическая обособленность. Хотя корейцы уже давно живут в России и большинство из них (63%) считают русский

родным языком, они, как и немцы, хорошо сохраняют этническое самосознание и проявляют высокую внутриэтническую солидарность.

Проявляют этническую стойкость и живущие в России представители тюркоязычных этносов, составляющих основное население нескольких республик бывшего СССР (казахи, азербайджанцы, узбеки), чему способствует их существенная культурная специфика. Подавляющее большинство представителей этих народов сохраняют свой национальный язык.

На другом полюсе по своим демографическим показателям стоят живущие в России представители народов Средней (Центральной) Азии, однако их численность невелика.

Для кавказских народов также характерен высокий естественный прирост, хотя по этому показателю они все же существенно уступают среднеазиатским этносам (среди народов кавказского происхождения несколько более низкий естественный прирост у грузин и армян).

Наиболее крупные сибирские народы — буряты и якуты — по показателям естественного прироста занимают среднее положение между европейскими и кавказскими народами. Что же касается естественного прироста малочисленных народов Сибирско-Дальневосточного региона, то о нем судить довольно трудно.

Таким образом, из народов, имеющих показатели естественного прироста, существенно отличающиеся от среднего по стране, значительную долю в населении России составляют только кавказские этносы и лишь их демографическое поведение оказывает заметное влияние на изменение этнической структуры населения страны. Быстрый рост численности народов Северного Кавказа в течение последних лет оказывал наряду с другими факторами заметное влияние на снижение процента русских в общем населении Российской Федерации.

ГЛАВА 9. ОСОБЕННОСТИ МИГРАЦИИ В РОССИИ

По отношению к России внутренние и внешние миграции иногда трудно разграничить из-за многовековой территориальной экспансии и хозяйственного освоения новых земель.

До реформы 1861 г. миграционная политика царского правительства была направлена прежде всего на максимальное ограничение переселенческого движения. Но и в первой половине XIX в. земледельческое население России продолжало переселяться в Новороссию, Южное Приуралье, на Северный Кавказ и в Западную Сибирь. Эмиграция считалась незаконной и вредной, и поэтому большинство российских эмигрантов из недворянских сословий, за исключением евреев, выезжали нелегально, под видом временного отъезда на заработки.

Дореформенная эмиграция из России была невелика по размерам. Переселенцы XVII–XVIII вв. — русские старообрядцы, бежавшие от религиозных преследований в Белоруссию, Бессарабию и Правобережную Украину, — оказались в составе расширившей свои границы Российской империи. Лишь небольшое их число осталось в отошедшей к Австрии Буковине и на территории Добруджи. Начиная с середины XVIII в. в заселении Новороссии и Нижнего Поволжья приняло участие более 100 тыс. иностранных иммигрантов. Приток немецких колонистов, греков, болгар, сербов и венгров продолжался до 1820-х гг. и снова возрос в середине XIX в. В 1828–1860-е гг. миграционный баланс русских подданных оказался отрицательным за счет эмигрантов-поляков, покидавших Россию после подавления восстания 1831 г., а также крымских татар и ногайцев Северного Кавказа, не дождавшихся отделения Крыма и Кавказа от России во время Крымской войны. Эмиграция из России

в Америку вплоть до 1860-х гг. была незначительной, хотя Западную Европу в этот период покинуло почти 7 млн чел.

В 1870-е гг. переселения крестьян на окраины по-прежнему считались самовольными и вредными. По приговору общин крестьяне имели право приобретать земли в других частях России, но это могли позволить себе только зажиточные переселенцы. Гораздо шире практиковался отход по паспортам в многоземельные области Новороссии и Кавказа на работу батраками и шахтерами. При благоприятных возможностях «отходники» навсегда оставались на новом месте жительства. Постепенно власти стали осознавать целесообразность заселения окраин империи и в 1880-е гг. начали помогать переселенцам в Западную Сибирь и Семиреченскую, Акмолинскую и Семипалатинскую области, предоставляя им в постоянное пользование государственную землю. Новоселы на несколько лет освобождались от уплаты казенных сборов и получали отсрочку в отбывании воинской повинности. С 1893 г. переселенцам начали выдавать путевые пособия, оказывать врачебно-продовольственную помощь и устанавливать для них пониженные транспортные тарифы. Основными районами выхода мигрантов были Центральное Черноземье, Левобережная Украина, Среднее Поволжье и Промышленный Центр, то есть территории, на которых наибольших размеров достигало земельное «утеснение». В целом до конца XIX в. Европейская Россия потеряла около 4 млн чел., мигрировавших в Сибирь, Казахстан и Среднюю Азию. Направление миграционных потоков было стабильным на протяжении всего XIX в. В Новороссию прибывали уроженцы Левобережной Украины. Северный Кавказ, так же как Сибирь, Казахстан и Южное Приуралье заселяли выходцы из Центрального Черноземья. Москва и Петербург привлекали мигрантов Озерного и Центрально-Промышленного районов.

В 1870–1890-е гг. основную массу эмигрантов из России составляли евреи, немцы и поляки, которые почти не при-

нимали участия в заселении окраин. Иммиграция поляков в Америку была самой масштабной по сравнению с другими славянскими народами. Кроме поляков в США иммигрировали жители Финляндии и Прибалтики и, в гораздо меньшей степени, Правобережной Украины, Белоруссии и Новороссии. Новым явлением стала сезонная иммиграция сельскохозяйственных рабочих из западных и юго-западных губерний России в Германию, Данию и Швецию. Их проезд оплачивался работодателем, а заработки были в несколько раз больше, чем в России.

В то же время приток иностранцев в Россию в 1870–1890-е гг. постепенно нарастал и до начала XX в. их прибыло свыше 2 млн. чел. Наибольшую долю переселенцев составляли жители Германской и Австро-Венгерской империй, а также армяне из Турции и азербайджанцы из Персии, которых было особенно много на нефтепромыслах в Баку.

Политический кризис, разразившийся в России в начале XX в., заставил царские власти полностью отказаться от политики ограничения переселений. Право на переезд получили все желающие, независимо от имущественного положения. Новый правительственный курс, оформленный законом от 6 июня 1904 г., освобождал новоселов от круговой поруки и расширял льготы и пособия переселенцам. В результате за предвоенное десятилетие на окраины империи мигрировало более 5 млн. чел. Значительная доля мигрантов направлялась в Сибирь и на Дальний Восток, за ними по числу переселенцев следовали Казахстан, Средняя Азия и Кавказ. В отличие от конца XIX в., когда заселялся преимущественно Северный Кавказ, перед Первой мировой войной увеличился миграционный поток в Закавказье — в Бакинскую губернию и Карскую область. Особое положение занимала Новороссия. Крестьяне уезжали отсюда на Кавказ, в Сибирь и Казахстан, но область Войска Донского притягивала земледельческих переселенцев со всей Евро-

пейской России, а в Екатеринославскую губернию прибывали крестьяне Центрального Нечерноземья. Многие мигранты оседали в портовых городах юга, среди которых лидировала Одесса. В центре России полюсами притока были Москва и Петербург, имевшие почти двухмиллионное saldo механического миграционного прироста.

В начале XX в. эмиграция из России жителей западных губерний еще больше возросла и одновременно увеличился приток в страну иностранцев. Так, 1901–1914 гг. из России в страны Нового Света эмигрировало почти 3 млн чел. Решающий вклад внесли поляки, финны, литовцы и уроженцы Волыни. Но большую часть иммигрантов в США составляли евреи. В 1901–1920-е гг. в США, спасаясь от политического и экономического беспорядка, выехало 700 тыс. евреев, и общее их число превысило в этой стране 1 млн чел. В начале века на первом месте по числу прибывших в Россию оказалась Персия, а среди мигрантов преобладали жители южного Азербайджана. Но самым массовым был нелегальный приток армян, которых, по очень грубым оценкам, переселилось не менее 400 тыс. чел.

Война привела к резкому спаду экономической миграции, но вызвала массовую миграцию беженцев, спасавшихся от наступающих немецких и австро-венгерских войск. Эвакуация началась уже в конце 1914 г., в связи с вторжением немецких войск в пределы Царства Польского. В 1915–1916 гг. немцы оккупировали Курляндию, Гродненскую и часть Волынской губернии и бегство мирного населения приняло массовый характер. В 1917 г. эвакуация охватила всю Прибалтику, Украину и Белоруссию. По данным комитета великой княгини Татьяны Николаевны, к началу 1915 г. было зарегистрировано 900 тыс. беженцев, через год их насчитывалось уже 2,7 млн, к концу мая 1916 г. — 3,7 млн, а во 2-й половине 1917 г. — 7,4 млн чел. Большая их часть размещалась в губерниях Центральной России. После окончания войны часть беженцев репатриировалась в Польшу,

Западную Украину и в Прибалтику. К началу 1918 г. в Россию возвратилось около 3 млн пленных.

Вопрос о «белой эмиграции» до сих пор не выяснен. Большинство исследователей считают, что абсолютное число российских эмигрантов, покинувших Россию в 1918–1922 гг., составляет примерно 1,5–2 млн. чел. В августе 1921 г. в Польше их насчитывалось 650 тыс., в Германии — 300 тыс., во Франции — 250 тыс., в Румынии — 100 тыс. и в Югославии — 50 тыс. человек. И хотя в 1922 г. в Россию вернулось около 120 тыс. казаков, большая часть политических эмигрантов навсегда осталась за пределами страны.

Как и в царской России, после революции продолжалось заселение и хозяйственное освоение восточных и северных районов страны. Но если в первой половине 1920-х гг. в восточные районы (Сибирь и Казахстан) прибыло только 400 тыс. чел., то с конца 1920-х гг. и до начала Второй мировой войны масштабы этих переселений, по большей части принудительных, возросли на порядок и достигли 8,5 млн чел. Особенно заметной была миграция из сел в города, сформировавшая современную городскую сеть страны. Наиболее быстрыми темпами, несмотря на введение института прописки, увеличивалось население столиц и столичных областей. Так, в Московскую область в 1926–1939 гг. прибыло 3,5 млн чел., в Ленинградскую — 1,5 млн.

Между переписями 1939 и 1959 гг. внутренние миграционные процессы были исключительно мощными. В первую очередь они складывались из эвакуированных в 1941–1942 гг., насчитывавших около 12 млн чел. (70% всех эвакуированных пришлось на долю населения Восточной Украины), и послевоенных переселенцев в восточные и северные районы. Русские устремлялись в Закавказье, Среднюю Азию, Казахстан и Молдавию, где быстро росла сеть городов, а местное сельское население еще не было готово к сельско-городской миграции. Приток русских в Прибалтику также был сопряжен с ростом городов, но, помимо раз-

личий в уровне жизни, миграция русских была связана и с низким естественным приростом коренного населения.

В 1960-е гг. традиционные маршруты переселений из центральных районов СССР на окраины еще сохранялись, причем, как и раньше, большую часть мигрантов отдавала Российская Федерация. Отток шел также из Белоруссии и Закавказья, а полюсами миграционного притока были Украина, Казахстан и республики Средней Азии. В 1960-е гг. численность русских за пределами России возросла более чем на 1/3, превысив в 2,4 раза их естественный прирост. Именно в этот период в большинстве республик наблюдались самые высокие темпы урбанизации. Увеличению численности русских за пределами России способствовал низкий жизненный уровень в ее сельской местности, многие десятилетия являвшейся главным поставщиком мигрантов.

В 1970-е гг. в РСФСР был впервые отмечен положительный миграционный баланс. По мере повышения мобильности коренного сельского населения, расширения подготовки квалифицированных кадров и укрепления национального самосознания приток русских в другие республики замедлялся. Демографический взрыв в Средней Азии, Закавказье и Казахстане, высокая скрытая безработица и аграрное перенаселение создали напряжение на их рынках труда, и русским, украинцам и белорусам оставалось там все меньше места. С другой стороны, в России демографические ресурсы села оказались исчерпанными, а благоприятная ситуация с трудоустройством и поступлением в вузы и другие специальные учебные заведения способствовала возвращению русских. Их приток мог быть гораздо большим еще ранее, при условии введения свободной прописки в городах. В 1970-е гг. рост численности русских мигрантов уже только в два раза превышал их естественный прирост, а в 1980-е гг. вообще не вышел за его рамки, что означало полное прекращение миграционного оттока русских из России.

В 1980-е гг. начался активный отток русских из союзных республик Средней Азии, Закавказья и Казахстана. Миграционные тенденции этого периода оказались полностью противоположными тем, которые наблюдались в XIX — первой половине XX вв. Приток мигрантов отменялся только в России и Прибалтике. В конце 1980-х гг. процесс оттока из Казахстана, Средней Азии, Закавказья и Молдавии еще больше усилился и приобрел черты эвакуации. Наряду с вытеснением русских происходил процесс стягивания коренных народов в пределы своих национально-территориальных образований. Например, с 1959 по 1989 г. доля армян, живущих за пределами своей республики, уменьшилась с 44,6 до 33,3%, узбеков — с 16,2 до 15,3%, эстонцев — с 9,7 до 6,2%.

В последние годы, особенно после распада СССР, направление миграций сильно изменилось. Если раньше главный поток переселенцев устремлялся из России в другие республики, то теперь, наоборот, наблюдается приток русскоязычного населения в РФ. Этот обратный поток русских в Россию связан прежде всего с тем, что в новых независимых государствах, возникших на территории бывшего СССР (особенно в странах Балтии), зачастую проводится явно дискриминационная политика по отношению к некоренному населению. И этот поток, по-видимому, будет расти. Кроме того, в Россию направляется множество переселенцев разных национальностей из районов межнациональных конфликтов.

Так, в 1993 г. в РФ прибыли 2 млн беженцев и экономических мигрантов. Это русские, армяне, азербайджанцы, грузины и представители многих других национальностей. По одному из прогнозов, в ближайшие два года в Россию прибудет около 4 млн чел., в том числе из Средней Азии — 3 млн, из Прибалтики — 0,5 млн, с Кавказа — 0,4 млн.

Едут в Россию и мигранты (причем многие нелегально) из дальнего зарубежья. Например, в 1995 г. только в Моск-

ве нелегально проживало около 150 тыс. иностранцев, половину которых составляли китайцы, 15 тыс. — афганцы, 10 тыс. — иракцы, остальные — вьетнамцы и представители других национальностей.

Приток населения из стран ближнего зарубежья мог бы оказаться и еще больше, если бы не кризисное состояние российской экономики, сильно затрудняющее создание нормальных условий жизни для переселенцев и беженцев. Сложная экономическая и политическая ситуация в России, несомненно, останавливает часть потенциальных мигрантов. Следует также учитывать, что крупномасштабное переселение, если не быть к нему подготовленным, может усугубить и без того напряженную внутреннюю обстановку. Однако миграции могут оказать и известное позитивное воздействие на экономику России, увеличив долю ее трудоспособного населения (особенно ценен приток высококвалифицированных специалистов) и улучшив демографическую ситуацию.

Для государственного решения проблем переселенцев в последние годы в стране создан специальный орган — Российская миграционная служба, призванная оказывать всестороннюю помощь беженцам и репатриантам в их обустройстве на новом месте.

ГЛАВА 10. МОТИВАЦИЯ МИГРАЦИОННОГО ПОВЕДЕНИЯ

Миграционные процессы, связанные с выездом за рубеж, представляют собой совокупность определенных действий и поступков населения, обусловленных переселением в другую страну на постоянное или длительное проживание. Это поведение находится под влиянием как факторов макроуров-

ния (политическая система, уровень экономического развития страны, занятость, доходы населения, потребление, экологическая обстановка, миграционная политика), так и факторов микроуровня (социальная среда, ценностные ориентации и приоритеты).

Факторы макроуровня — это наиболее общие и глубокие причины эмиграции, обусловленные, прежде всего, поиском материального благополучия или личной безопасности. В России они определяются процессами трансформации российского общества, перехода экономики из государственной в рыночную.

Изменение внешней среды обитания обуславливает развитие и направленность миграционных намерений индивида, переориентацию его установок с внутренней миграции на эмиграцию.

Изучение миграционного поведения, выполненное Е. С. Краснец (1997), позволило уточнить конкретные причины переселения за рубеж, выявить мотивы эмиграции, потребности, побуждающие людей уезжать из страны насовсем или на длительный срок. Это исследование показало, что в последние годы заметно расширился спектр мотивов, определяющих эмиграцию из России. Если ранее мотивы миграционного поведения носили преимущественно этнический или политический характер, то теперь они все более приобретают характер экономического и социального. В большинстве своем люди, уезжая, руководствуются не одним каким-то мотивом эмиграции (хотя бывают ситуации, когда преобладает и какой-то один повод), а решают или пытаются решить для себя целый ряд проблем выживаемости в условиях развивающегося в России капитализма. Поэтому эмигранты чаще всего выделяют для себя сразу несколько причин переезда за рубеж.

В целом в структуре мотивов эмиграции, как показывают результаты этносоциологических исследований, доминируют мотивы, связанные с разочарованием в перспекти-

вах проводимых в российском обществе реформ. Такой мотив эмиграции как «обеспокоенность за будущее своих детей», на первое место поставили около 48% эмигрантов. Возможно, на приоритет этого мотива повлиял семейный характер эмиграции из России. Однако за этим мотивом может скрываться и социальное настроение, общее неприятие в развитие российской экономики.

Второе место занимают мотивы, которые носят отчетливо выраженный экономический характер. Эти мотивы назвали свыше 40% эмигрантов, направляющихся из России за рубеж. Принятие решения об эмиграции обусловлено как экономической мотивацией, побуждающей к выезду из страны (неудовлетворенность жизнью в стране, в первую очередь, материальным благополучием), так и мотивами, связанными с оценкой предстоящей жизни в новой для себя стране (возможность накопить за границей капитал, решить проблемы личного достатка). Во всей совокупности опрошенных наиболее часто встречаются мотивы «жизнь стала просто невозможной» (25%), «невозможность реализовать свои деловые и профессиональные качества» (12%).

Следующим по рангу мотивом выезда являются семейные причины («переезд к ранее выехавшим членам семьи или родственникам») — 28% респондентов. По существу, этот мотив отражает этнический характер российской эмиграции — преимущественный выезд этнических немцев в Германию и евреев в Израиль. Другими словами, мотивы репатриации на историческую родину также доминируют. Этнические мотивы как выталкивающие обстоятельства (недоброжелательное отношение к национальности) указали менее 20% опрошенных. Если учесть, что современная миграция из России имеет ярко выраженную национальную структуру выезжающих, то смещение этнических мотивов на средний план свидетельствует о смене приоритетов, изменении характера миграционного поведения этнических эмигрантов.

Обследование показало, что для части опрошенных не теряют остроты и политические аспекты мотивационной основы их выезда. Нынешняя политическая нестабильность и свежие воспоминания о прошлых режимах привели к тому, что 13% респондентов беспокоит высокая вероятность возврата к прежним порядкам, и именно это стало одним из основных мотивов их эмиграции.

Весьма большое значение для изучения закономерностей формирования эмиграционного поведения имеет выяснение деятельности по принятию решения о выезде за рубеж. Опрос показал, что действия, связанные с эмиграцией из страны, не носят случайного характера, а являются результатом продуманных поступков, основанных на критическом отношении россиян к ходу социальных трансформаций в обществе. По результатам опроса, временной лаг между принятием решения об эмиграции и самим выездом у основной массы эмигрантов (2/3 от общего числа) составляет от 1 до 3 лет. В общей массе эмигрантов примерно у 15% этот период охватывает от 3 до 5 лет. Относительно небольшой является доля выезжающих (13,2%), у которых с момента принятия решения об эмиграции до самого процесса переселения прошло менее года.

Говоря о формировании миграционных установок на выезд за рубеж, необходимо отметить, что в современной российской семье вопросы эмиграции решаются, как правило, коллегиально и на основе демократизма. Только 3–4% опрошенных показали, что в их семьях проблема выезда практически не обсуждалась или была воспринята ими пассивно. После принятия решения об эмиграции необходимость переселения становится безусловным приоритетом у большинства членов семьи. Установлено, что у преобладающей части эмигрантов (72%) выехать за границу высказали желание все члены семьи, у 14% из числа опрошенных отношение к переселению было неоднозначным и только у 11% респондентов желание уехать среди членов семьи имели только сами опрошенные.

Анализ факторов эмиграции на микроуровне позволяет увидеть и причины, удерживающие россиян от выезда из страны насовсем. Главная из них на сегодня — сложность организационных процедур эмиграции (получения въездной визы, оформления выездных документов в российских госучреждениях). Но есть и факторы, внушающие оптимизм, — сохраняющаяся у части населения надежда на перемены к лучшему в России.

Обследование Е. С. Красинец (1997) выявило и жизненные планы российских эмигрантов. Большинство (почти 2/3 от числа ответивших) хотели бы резко не менять социальное положение и сохранить свою экономическую активность. Примерно 13% респондентов, в основном женщины, предполагают заняться воспитанием детей, домашним хозяйством. Каждый десятый эмигрант намерен продолжить образование, пройти переподготовку, получить нужную профессию.

Приоритетность миграционных установок на труд в общей структуре эмиграционных намерений в значительной степени объясняется высокой долей в эмиграционном потоке лиц активных трудоспособных возрастов (30–45 лет). Именно в этой демографической группе в структуре мотивов миграции преобладают трудовые мотивы. Необходимо также учесть, что профессиональные планы выезжающих из страны представляются ими по-разному. Большинство (58%) связывают свою будущую трудовую деятельность за границей с работой по найму. В силу неразвитости рыночных отношений и структур в России наши соотечественники, за немногим исключением, пока не имеют опыта самостоятельного предпринимательства и бизнеса. В результате, в западной рыночной экономике уверенно видят себя в качестве предпринимателей, бизнесменов, руководителей фирм только 6% из числа опрошенных, среди них половина хотела бы работать самостоятельно, иметь свое дело, обходясь при этом без наемных работников.

В рамках выявленных общих особенностей формирования эмиграционного поведения эти процессы специфичны и на уровне отдельных социально-демографических групп. Прежде всего, выделяются отклонения от средних характеристик поведения в зависимости от пола и возраста эмигрантов.

Если рассматривать миграционные намерения выезжающих с учетом их демографических характеристик, можно отметить, что внутри семьи женщины по сравнению с мужчинами реже иницируют саму идею эмиграции из страны. В силу своей большей экономической зависимости они труднее определяют в выборе своей дальнейшей судьбы за рубежом, менее охотно идут на отказ от российского гражданства. Если в миграционных установках мужчин явно преобладают намерения работать за границей по найму или стать предпринимателем, то у женщин больший удельный вес занимают ориентации на домашнее хозяйство, создание условий для лучшего будущего детей. В мотивационном блоке эмиграционного поведения трудовые мотивы у женщин в сравнении с мужчинами выражены слабее. Профессиональный статус за рубежом для женщин имеет меньшее значение, чем для мужчин.

Процесс формирования эмиграционного поведения по-разному протекает у эмигрантов разного возраста. Так, молодежь (особенно до 20 лет) легче решает для себя вопрос о смене гражданства: треть молодых людей из числа опрошенных хотела бы поменять свое гражданство. В старших возрастах (предпенсионном и пенсионном) такое желание высказывается значительно реже. Для эмигрантов в зрелом возрасте экономические мотивы эмиграции больше связаны с ориентацией на улучшение условий для самореализации, усталостью от неустроенности своего быта в России.

Эмиграционные намерения зависят также от образовательного уровня и экономического статуса выезжающих. Образование, занятие, профессия, квалификация являются признаками, определяющими положение людей в обществе,

их принадлежность к той или иной социальной группе. Социальный статус эмигрантов отражается на индивидуальном-личностном мире ценностных ориентаций людей, во многом определяет поведенческие установки выезжающих.

Важной составляющей выезда за рубеж выступает деятельность эмигрантов в процессе адаптации в новой для себя стране. Предстоящие проблемы в сфере занятости и трудоустройства за границей вызывают у российских эмигрантов наибольшую озабоченность.

Реализация жизненных планов, связанных с получением за рубежом интересной высокооплачиваемой работы по специальности, для большинства российских эмигрантов оказывается самой сложной задачей их интеграции в новую для себя социальную среду. И это вполне естественно. Практически во всех странах иммигранты встречаются с различными формами дискриминации при поиске работы, признании квалификации, оплате труда, продвижении по службе. У иностранцев больше шансов потерять работу, выше риск оказаться безработным.

Необходимо подчеркнуть, что в мире уже сложилось международное разделение труда. Рынок труда экономически развитых стран перенасыщен работниками с традиционной технической или гуманитарной подготовкой, средним (по западным меркам) уровнем квалификации.

В сфере занятости спрос на иностранцев сохраняется только по двум профессиональным группам — высококвалифицированные специалисты (прежде всего в области новейших технологий, маркетинга, проектирования производства, финансов, брокерских операций) и низкоквалифицированная рабочая сила, готовая выполнять многие виды непрестижных работ, которых избегают местные работники (в низкооплачиваемых отраслях промышленности, сельском хозяйстве, городских коммунальных службах, гостиничном комплексе, ресторанном сервисе, на многих малых предприятиях, работающих на грани прибыльности, и др.).

При решении вопросов получения работы за рубежом надо учитывать приоритетность трудоустройства на национальных рынках труда Запада собственных граждан, острую конкуренцию за свободные рабочие места не только среди местных работников, но и со стороны мигрантов из других стран, а также жесткие требования работодателей к возрасту и знанию языка.

До выезда из России только каждый пятый эмигрант имеет конкретные предложения по трудоустройству за рубежом (в основном через знакомых, родственников, ранее выехавших членов семьи). Преобладающему большинству (80%) эмигрантов еще предстоит поиск работы за границей. И для многих из них он начнется с посещения курсов иностранного языка, переобучения в профессиональных центрах переподготовки кадров.

Второе место среди всех предстоящих проблем адаптации занимает преодоление языкового барьера. От этого зависят шансы эмигрантов получить доступ ко всему, что новая страна могла бы им предложить, прежде всего в области занятости, образования, здравоохранения, обустройства и обеспечения жильем, социальной защиты. Из десяти выезжающих только двое свободно владеют иностранным языком, четверо могут объясниться и еще четверо местного языка практически не знают. В совокупности 25% эмигрантов с хорошим знанием языка после выезда за рубеж намерены сменить российское гражданство, а среди неспособных разговаривать на местном языке таких только 20%.

Интересно, что проблемы предстоящей адаптации в принимающих странах видятся для мужчин и женщин по-разному. Из всех ожидаемых трудностей жизни за рубежом для мужчин на первом плане стоят проблемы, связанные с трудоустройством по специальности, приобретением жилья, а женщин больше всего волнует эмоциональная сторона их интеграции в новую для себя социальную среду — отсутствие близких друзей и знакомых, незнание языка, быта, обычаев, нравов местных жителей.

Деятельность в процессе адаптации в принимающей стране — заключительная стадия эмиграционного поведения. Однако ее рассмотрение не может дать полного представления обо всей сложности проблемы эмиграции, ибо конкретные поведенческие поступки, связанные с переселением в другую страну, носят всеобщий или групповой характер, с одной стороны, и в то же время, различаются у выезжающих в отдельные страны. Поскольку важнейшее место в эмиграции из России занимает переселение этнических немцев и евреев, то оно оказывает определяющее влияние на среднероссийские тенденции миграционного оттока из страны и особенности формирования эмиграционного поведения населения.

ГЛАВА 11. ЭМИГРАЦИЯ КАК ПРОБЛЕМА РАЗВИТИЯ РОССИИ

Среди проблем современной эмиграции из России главное место занимают процессы, связанные с оттоком за рубеж творческой интеллигенции и высококвалифицированных кадров, что в мире обозначается термином «утечка умов». В условиях сохраняющегося кризиса внешняя и внутренняя миграция научных, научно-технических и научно-педагогических кадров представляет реальную угрозу снижения интеллектуального потенциала российского общества, невосполнимого разрушения всего научно-технического комплекса страны.

По официальным данным, за время проведения реформ Россию покинули десятки тысяч высококвалифицированных профессионалов. Только в 1995 г. из страны эмигрировало 8,3 тыс. чел., входящих в группы работников науки, культуры, искусства, преподавателей вузов, специалистов,

что составляет 11,3% по отношению к общей численности взрослых россиян, выехавших на постоянное место жительства за пределы ближнего зарубежья. В результате эмиграции Россию покидают ученые — специалисты ведущих отраслей экономики, преимущественно программисты, химики, электронщики, механики, специалисты по молекулярной биологии, физике твердого тела, прикладной механике, а также представители перспективных направлений медицинской науки.

Большую тревогу и озабоченность вызывает отток кадров высшей квалификации из академической науки. Так, за 1991–1992 гг. более половины выехавших на постоянное место жительства за границу сотрудников РАН имели ученую степень кандидата наук, 16% — доктора наук.

Основные потоки интеллектуальной эмиграции идут из регионов, обладающих высоким научно-техническим потенциалом: Северо-Западного, Центрального и Западно-Сибирского; из городов преобладают Москва, Санкт-Петербург и Новосибирск. По данным Госкомстата РФ, в 1995 г. свыше 65% выехавших из Москвы и Санкт-Петербурга — дипломированные специалисты.

Ориентированы потоки интеллектуальной эмиграции в настоящее время на США, Канаду, Израиль, Австралию, страны Западной Европы — Великобританию, Германию, Францию. Эти страны не только принимают, но и поощряют иммиграцию высококвалифицированных кадров, в первую очередь специалистов в области современных технологий, программистов, инженеров, врачей, специалистов по естественным наукам. По данным МВД России за 1995 г., в общей массе выехавших в США две трети — специалисты с высшим и средним специальным образованием, с сильным перевесом в сторону технического. Почти три четверти эмигрировавших в Канаду и Австралию — дипломированные специалисты. Среди выехавших в Израиль таких 57%, во Францию — 62%.

Потенциал эмиграции высококвалифицированных специалистов остается высоким. По имеющимся оценкам, не менее половины докторов и кандидатов наук военно-промышленного комплекса России заинтересованы в работе за рубежом.

Один из основных вопросов заключается в том, собираются ли высококвалифицированные профессионалы уезжать навсегда или на время (до 5 лет): поработать и вернуться. По данным опросов в Москве, четыре пятых специалистов с высшим образованием и три четверти с дипломом кандидата (доктора) наук уезжают за границу на постоянное место жительства, на работу по временному контракту — 5–7%. Таким образом, «утечка умов» в основном носит безвозвратный характер, что обостряет проблему выезда страны из кризиса, становится тормозом развития общества.

Так, заметный отток преподавательского состава снижает возможности страны в подготовке и обучении новых научно-технических кадров и квалифицированных работников. Потери в результате интеллектуальной эмиграции обостряют проблемы структурной перестройки экономики, внедрения достижений научно-технического прогресса, повышения конкурентоспособности российской продукции на мировом рынке. И дело здесь не только в количестве выехавших, но и в том, что отъезд даже отдельных ведущих специалистов, ярких научных, творческих личностей ведет к ослаблению или даже закрытию научных школ, перспективных научных направлений и может стать фактором общего снижения качества научных исследований и разработок, привести к «провинциализации» науки.

Принципиальным моментом безвозвратной интеллектуальной эмиграции из России, так же как и эмиграции в целом, является относительно слабая подготовленность выезжающих к их будущему трудоустройству. По данным социальных исследований, конкретные предложения о ра-

боте имеет только каждый четвертый специалист с высшим техническим образованием и каждый пятый с высшим гуманитарным образованием. Среди научных и научно-педагогических работников с ученой степенью доктора или кандидата наук этот показатель несколько выше (около 40%). Но тем не менее даже среди них каждые шесть ученых из десяти едут без заранее определенного места работы, рассчитывая только на обещание помощи и надеясь на удачу.

Важно учитывать, что в развитых странах существует проблема верификации российских дипломов. Кроме того, существует языковой барьер: свободно владеют языком страны въезда только 16% лиц с высшим техническим образованием и 20% — с высшим гуманитарным; владеют с большим трудом или совсем не знают — соответственно 44 и 40%. Эти две основные предпосылки успешной профессиональной адаптации приводят к тому, что не все ученые и специалисты, эмигрировавшие из России, могут найти вскоре после приезда работу по специальности. Часть из них меняет сферу профессиональной деятельности, а другие снижают свой статус (специалисты работают в должности лаборантов, медицинских сестер и т. д.). Это означает, что часть безвозвратной интеллектуальной эмиграции — потеря не только для России, но и для мирового научно-технического потенциала в целом.

Основные причины выезда высококвалифицированных специалистов за рубеж носят экономический характер. В период формирования рыночной экономики и передела собственности произошло массовое обнищание людей интеллектуального труда, занятых в бюджетной сфере (в первую очередь работников науки и научного обслуживания). Давая оценку своего материального положения в обществе, треть эмигрантов с дипломами кандидата и доктора наук считают себя бедными. Среди ученых практически нет таких, кто считал бы себя богатым по сравнению с другими

членами общества. Большинство из них оценивают свой достаток в России как средний, придерживаясь, однако, мнения, что лучше быть бедным в Америке, чем иметь средний достаток в России.

Общий низкий уровень доходов преобладающей части квалифицированных кадров в известной мере связан с их принадлежностью к определенным профессиональным группам. Из страны уезжают прежде всего, как уже говорилось, специалисты, научные работники, творческая интеллигенция. В течение периода так называемых реформ в этих профессиональных группах материальное положение ухудшилось, причем у каждого третьего — значительно. Если работники умственного труда не сотрудничали в финансовых и коммерческих структурах, то уровень их заработной платы к моменту выезда за рубеж был существенно ниже, чем в других отраслях народного хозяйства.

Это относится и к высококвалифицированной части работающих в научно-техническом комплексе России. Даже наличие у специалиста ученой степени не гарантирует ему высоких заработков, если он занят в бюджетной сфере. По данным социологов, только у трети эмигрантов со степенью кандидата наук и у каждого четвертого доктора наук материальное положение в последнее время осталось без изменения, а у 58 и 50% соответственно — ухудшилось, и даже значительно.

Если сравнивать материальное положение эмигрантов из числа специалистов и представителей рабочих профессий, то, по их собственной оценке, у первых положение несколько хуже, при этом каждый пятый считает себя бедным.

Обследование, вместе с тем, показало, что в период социальных и экономических реформ положение людей с высшим техническим образованием значительно прочнее, чем у «гуманитариев». Примечательно в этой связи, что 22% «технарей» заявили о некотором улучшении своего материального положения против 14% «гуманитариев».

Одновременно снижение реальных доходов отметили около 50% специалистов технического профиля и 62% — гуманитарного.

Важным фактором, стимулирующим интеллектуальную эмиграцию, является невозможность реализовать в своей стране профессиональные устремления высококвалифицированных специалистов. Если раньше это было связано в первую очередь с политическими и идеологическими причинами, то в настоящее время — с экономической невыгодностью заниматься интеллектуальным трудом.

Значительное влияние на увеличение масштабов интеллектуальной эмиграции в ближайшем будущем может оказать рост численности безработных специалистов и, вследствие этого, пессимистическая оценка ими перспектив реализации профессиональных или личных интересов в стране.

Отсутствие в настоящее время в России объективных условий для реализации работниками умственного труда потребностей профессионального или личного характера обуславливает действие «выталкивающих» факторов, а наличие таких возможностей за рубежом формирует совокупность «привлекающих» факторов. К ним в первую очередь относятся современная научно-техническая база, более высокие доходы, лучшие условия труда.

«Утечка умов» из России косвенно стимулируется целенаправленной иммиграционной политикой большинства экономически развитых стран мира, в первую очередь США, Канады, Австралии. Так, начиная с 1949 г. иммиграционные службы США стали уделять огромное внимание притоку из-за рубежа высококвалифицированных кадров: на льготных условиях предоставляются въездные визы. В 1990 г. правительство США более чем в два раза увеличило ежегодную иммиграционную квоту для высококвалифицированных специалистов (с 58 до 130 тыс. чел.) при лимите численности иммигрантов с низким уровнем квалификации 10 тыс. чел.

Динамика интеллектуальной миграции из Российской Федерации тесно связана с проблемой финансирования по всем направлениям науки, научного обслуживания и подготовки специалистов в высшей школе. При современном положении дел с оплатой труда в стране наука и высшее образование не являются и не могут являться привлекательной сферой занятости. Поэтому в условиях стабильно высокого спроса на высококвалифицированных ученых и специалистов на рынках труда развитых стран Запада эмиграционный отток наиболее квалифицированных кадров из России может оказаться устойчивым.

СТАНОВЛЕНИЕ И РАЗВИТИЕ ЭТНИЧЕСКОЙ ПСИХОЛОГИИ (Исторический аспект)

ГЛАВА 12. СТАНОВЛЕНИЕ ЭТНИЧЕСКОЙ ПСИХОЛОГИИ В КОНТЕКСТЕ ЕВРОПЕЙСКОЙ КУЛЬТУРЫ

На заре европейской цивилизации, в античных Греции и Риме историки, философы, политики отмечали наличие различий как между людьми (Теофраст, «Характеры»), так и между представителями разных народов, населявших древнюю Ойкумену (Геродот, «История»). Фрагменты этнопсихологических знаний присутствуют в работах Гиппократ, Платона, Тацита, Плиния, Страбона и многих других. Мыслители античного мира не только делали меткие наблюдения, но и пытались объяснить причины отличий одного народа от другого.

Гиппократ в труде «О воздухах, водах, местностях» писал, что все различия между народами, в том числе по поведению, обусловлены местонахождением страны, климатом и другими природными факторами. В «Истории» Геродота мы также встречаемся с попыткой объяснить особенности жизни и характера разных народов спецификой окружающей их природной среды. Геродот замечает, что подобно

тому, как небо в Египте иное, чем где-либо в другом месте, и как река Нил у них отличается иными природными свойствами, чем остальные реки, так и нравы и обычаи египтян отличаются от остальных народов.

При встречах с представителями других культур и языков у путешественников и ученых возникли вопросы о сущности этносов, об их различиях, особенно по духу (психологии), по природе человеческого поведения.

Лучшим образцом этнографического очерка у Геродота считается описание Скифии, сделанное на основе личных наблюдений, в котором он повествует о богах, обычаях, обрядах побратимства и погребальных обрядах скифов, пересказывает мифы об их происхождении. Не забывает он и о чертах характера, выделяя суровость, неприступность, жестокость скифов. Геродот объясняет эти черты как особенностями окружающей среды, ведь Скифия представляет собой богатую травой и хорошо орошаемую полноводными реками равнину, так и кочевым образом жизни скифов, благодаря которому никто не может их настичь, если только они сами не допустят этого.

Европа эпохи раннего Средневековья напоминала Древнюю Грецию после падения Микен: на развалинах древних полисов осваивались новые варварские этносы, принявшие христианство и признавшие Папу Римского главой Церкви. В средневековой Европе критерием оценки того или иного человека или целого народа стало отношение к христианским святыням, этике и морали. Люди делились на христиан и всех остальных. При этом только христиане обладали качествами достойных людей, независимости от их этнической принадлежности. Священнослужители облачались в единую одежду, которая стирала национальные различия. Латинский язык был языком официального общения, который к тому же не имел своего этнического субъекта (Римская империя пала, а латинский язык, как и древнегреческий, считались мертвыми языками).

Уникальной лингвистической чертой, отличающей Средневековье, является исключительная роль латинского языка. Этот язык, который, по меньшей мере с VI в. ни для кого уже не был родным, оказался более распространен, чем любой из живых языков; на нем свободно говорили все служители Церкви: белое духовенство и монахи, а также купцы и часть феодалов, студенты и профессора университетов на всей территории христианского Запада. Вдобавок это был единственный язык культуры: любое серьезное обучение велось на латинском языке. Человек не мог считаться образованным, если он не знал латыни. Долгое время все записи велись практически только на этом языке.

Однако большая часть мирян латыни не знала. Общество в целом, тем не менее, функционировало на латинском языке, и это было несложно, поскольку везде имелись представители духовенства, то есть люди, получившие образование в единственном учреждении, которое было способно давать образование, — в церкви. И эти люди принимали активное участие в самых различных видах деятельности. Они были министрами, посланниками, экономами, юристами, частными секретарями, вели переписку, оформляли юридические акты.

С Богом они также говорили на латинском языке. И их молитвы слушали те люди, которые приходили на мессу или участвовали в пышных литургических церемониях, совершавшихся по большим праздникам. Даже простые люди слушали речь и пение на латыни. Очевидно, они не понимали слов, но находили вполне естественным, что к Богу следует обращаться не на том языке, на котором говоришь в повседневной жизни. Важно было не самим понимать этот язык, а чтобы Бог его понял.

Таким образом, несмотря на наличие значительного разнообразия языков и диалектов для свершения важных дел, как Божественных, так и человеческих, существовал единый язык. Из этого рождалось ощущение христианского

единства. Формирование европейских наций было еще делом далекого будущего. Существовал лишь местный патриотизм, процветало соперничество, постоянное столкновение интересов, порождавшее кровавые конфликты. Однако все знали, что повсюду на Западе люди обращаются к Богу на одном и том же языке. Это заменяло национальные чувства, и именно это сделало в дальнейшем возможным зарождение духа крестовых походов.

В сфере групповых отношений средневековых европейцев характерной особенностью был конформизм по отношению к своим и социальная агрессивность по отношению к чужим. Агрессия по отношению к другим объяснялась борьбой либо с ересью (инакомыслием), либо за ресурсы и не принималась во внимание этническая принадлежность противника (война Ланкастеров и Йорков, Варфоломеевская ночь во Франции, бесконечные войны в Германии и т. п.). Крестовые походы за освобождение Палестины и христианских святынь объединяли французских, английских, немецких и прочих европейских рыцарей и простолюдиев.

Единой среди историков является оценка Средневековья как пестрого конгломерата народов и государств, представляющих единую цивилизацию. Общественно-экономическим строем был феодализм, а мировосприятием — геоцентризм, который объяснял все сущее промыслом всемогущего Бога.

Поиски пряностей и золота, подогреваемые любопытством, привели европейцев XIV–XVI вв. к Великим географическим открытиям. Физический мир менялся на глазах жителей средневековой Европы. Наступила эпоха Нового времени и нового осмысления этнических различий не только между народами, но и между расами. И вновь объяснительным принципом этнических различий стал принцип географического детерминизма, поскольку считалось, что дух (психология) народа есть результат воздействия климата, почвы и рельефа местности проживания. В зависимости от

природных условий у народа складываются особые формы социальных отношений, традиций и обычаев, которые и влияют на его жизнь и историю. Географическая среда рассматривалась как первичная основа духовных черт народа и его социально-политической истории.

Эпоха Просвещения в трудах Ш. Монтескье, Д. Юма, Г. Гегеля и многих других способствовала философскому осмыслению феномена психологии народов.

Первые попытки сделать народы предметом психологических наблюдений были предприняты в XVII в. И снова именно среда и климат рассматривались в качестве факторов, лежащих в основе различий между ними. Так, обнаруживая различия в интеллекте, наблюдатели объясняли их внешними (температурными) условиями климата. Якобы умеренный климат Среднего Востока и Западной Европы больше способствует развитию интеллекта, а вместе с ним и цивилизованности, чем климат тропических областей, где «жара душит человеческие усилия».

Французские просветители XVIII в. ввели понятие «дух народа» и также пытались объяснить проблему его обусловленности географическими факторами. Самым ярким представителем географического детерминизма среди французских философов был Ш. Монтескье, который полагал, что людьми управляют очень многие факторы: климат, религия, законы, принципы правления, примеры прошлого, нравы, обычаи; в результате действия всех этих факторов образуется общий дух народа. Но среди множества указанных выше факторов на первое место он ставил климат. Например, «народы жарких климатов», по его мнению, «робки, как старики», ленивы, не способны к подвигам, но наделены живым воображением. А северные народы «отважны, как юноши» и малочувствительны к наслаждениям. При этом климат влияет на дух народа не только непосредственно, но и опосредованно: в зависимости от климатических условий и почвы складываются традиции и обычаи, которые, в свою очередь, влияют на жизнь народов.

Наиболее интересной является позиция английского философа Д. Юма, отраженная в работе «О национальном характере». Юм считает природные условия жизни общности (воздух, климат) факторами, определяющими характер, темперамент, традиции труда и быта. Однако главным в становлении национальных черт, по мнению Юма, являются социальные (моральные) факторы. К ним он относит все, что связано с социально-политическими отношениями в обществе.

Признание роли социальных отношений в формировании психологии общностей и конкретных слоев общества подтолкнуло Юма к проблеме психологии различных слоев общества и их соотношения с общенациональными чертами. По Юму, социально-профессиональные группы имеют свои черты психологии, ибо живут в неодинаковых условиях и деятельность их различна. С этой точки зрения он рассматривал характеры разных социальных групп общества. Общие черты формируются на основе общения в профессиональной деятельности, в результате чего общими становятся склонности, обычаи, привычки, аффекты, что и составляет духовность той или иной социально-профессиональной группы. Групповые черты характера имеют тенденцию к взаимовлиянию, что влечет за собой сближение различных групп. Эта тенденция усугубляется политико-экономическими интересами, например, интересами торговли, обороны, управления. Общие интересы нации, таким образом, способствует становлению общенациональных черт единого языка и других элементов национальной жизни. Следовательно, по Юму, национальный характер формируется под влиянием двух факторов: во-первых, духовного сближения профессиональных групп общества, во-вторых, экономико-политических закономерностей.

В работах Юма встречается много интересных суждений о характере различных народов. Правда, отмечается и некоторая односторонность (один народ характеризуется как трусливый, другой — как мужественный и честный и

т. д.), что объясняется существовавшими тогда традициями и стереотипами общественного сознания. В то же время, Юм высказал глубокие идеи о сущности национального характера, о факторах его формирования, о его роли в жизни народа.

Важным вкладом в развитие знания о характере наций являются произведения немецкого философа Г. Гегеля. В «Философии духа» он также рассматривает проблемы характера наций и рас. Национальный характер, по Гегелю, есть проявление субъективного духа в различных природных условиях, которые, по существу, определяют специфику духовного мира наций и рас. Следовательно, расовые и национальные различия — это проявления всеобщего природного духа в определенных условиях. Специфика и развитие национального характера определяют и саму историю нации. К чертам характера Гегель относит образ жизни, телесное развитие, занятия, направления ума и воли. В целом, понимание им характера народов противоречиво. Например, в теоретических рассуждениях он преувеличивает роль географической среды, утверждает неизменность национального характера. Однако, переходя к конкретному рассмотрению национальных черт того или иного народа, Гегель отходит от этих положений. Так, при характеристике англичан он подчеркивает их способность к интеллектуальному восприятию мира, созерцанию. Итальянский и испанский характеры, по мнению Гегеля, близки друг к другу, их основная черта — индивидуальность. Однако индивидуальность итальянца имеет характер единичности, тогда как у испанца она носит форму всеобщности и рефлексивна. Основными чертами немцев, с точки зрения Гегеля, являются глубина мысли, рассудительность, выдержка, определяющие их успех во всех сферах деятельности. В оценке же характера французов он близок к Канту, подчеркивая их живость, заразительность, переходящую в энтузиазм.

Гегель решил и некоторые методологические вопросы. Так, он выступал против отождествления понятий «характер» и «темперамент», утверждая, что они различны по содержанию. Если национальный характер — **черта национальной общности**, то темперамент — **черта индивидуума**.

Во второй половине XIX в. наступает новый этап — становление этнической психологии как самостоятельной дисциплины. Он связан, прежде всего, с именами Х. Штейнтала, М. Лацаруса, В. Вундта, Г. Лебона.

В 1859 г. была издана книга немецких ученых, филолога Х. Штейнтала и философа М. Лацаруса, «Мысли о народной психологии». Авторы разделили науки на изучающие природу и изучающие дух (психологию). Одной из наук, изучающих дух, названа этническая, или народная, психология. Была определена и ее задача — исследование специфических образов жизни и форм деятельности духа у разных народов, при этом считалось, что эти образы и формы составляют духовную природу народов. Народная психология, считали авторы, это наука о «духе народа», то есть учение об элементах и законах духовной жизни народов, которое должно познать дух народа или открыть те законы человеческого духа, которые проявляются там, где многие люди живут и действуют сообща. Согласно этому учению, дух народа есть развитие внутренней духовной деятельности человека, включающее в себя неизменное ядро — дух племени, который носит субстанционный характер. Следовательно, законосообразное движение народного духа определяется неизменным ядром — племенным духом, от которого и зависит общественная жизнь и история каждого народа.

В концепции Х. Штейнтала и М. Лацаруса народный дух (психология народа) носит неконкретный, полумистический характер. Авторы не могут определить соотношение динамического и статистического в народной психологии, не мо-

гут решить проблему преемственности в ее развитии. Несмотря на это, в их взглядах много позитивного, особенно в постановке и решении методологических проблем создаваемой ими науки. Например, то, как они определяют задачи народной психологии.

- а) познать сущность психологии народа и его дух;
- б) открыть законы, по которым совершается внутренняя духовная деятельность народа;
- в) определить условия возникновения, развития и исчезновения представителей того или иного народа.

Народная психология, по мнению Штейнтала и Лацаруса, состоит из двух частей: абстрактной — отвечающей на вопрос, что такое народный дух, каковы его элементы, и прагматической — изучающей конкретные народы. Первая определяет законы, необходимые для всех народов; вторая описывает и характеризует народы. Первая — народно-историческая психология, вторая — психологическая этнология. Основными источниками познания являются продукты народного духа: язык, мифы, религия, искусство, нравы, обычаи — и в целом история народа.

Таким образом, Х. Штейнталь и М. Лацарус первыми попытались представить систему народной психологии как науку.

Особое место в становлении этнической психологии занимает В. Вундт. Теория психологии народов В. Вундта возникла из его идеи о необходимости изучения социально-психологических закономерностей функционирования отдельных социальных общностей и всего общества. Он считал, что если «народная душа» является такой же реальностью, как и индивидуальные души, то «почему бы не рассматривать с точки зрения актуального понятия о душе общие образования представлений, чувствования и стремления как содержание души народа, на том основании, на котором мы рассматриваем собственные представления и душевные движения как содержание нашей индивидуальной души; и по-

чему этой „душе народа“ мы должны приписывать меньшую реальность, чем нашей собственной душе?» [9, с. 8]. Душа народа, по мнению Вундта, не простая сумма душевных различий индивидов, а их связь и взаимодействие, что определяет новые, специфические явления и своеобразные законы. Эти законы не определяют индивидуальное сознание, но и не мешают его функционированию. Такая новая среда связи и взаимодействия душ индивидов и составляет, с точки зрения Вундта, объект народной психологии.

Задачу народной психологии Вундт видел в изучении тех психических процессов, которые лежат в основе общего развития человеческих сообществ и возникновения духовных продуктов всеобщей ценности. Под народным духом, который составляет предметную область новой науки, он понимал высшие психические процессы, возникающие при совместной жизни многих индивидов. То есть народная душа есть связь психологических явлений, совокупное содержание душевных переживаний, общие представления, чувствования и стремления. Душевный строй народа, по Вундту, не имеет неизменной субстанции (как у Штейнтала и Лацаруса). Тем самым Вундт закладывает идею развития этнической психологии и не приемлет сведение социально-психологических процессов к некоторому бытию (субстанции), стоящему за ними. Психологические процессы, по мнению Вундта, обуславливаются активностью души, что он называет апперцепцией или коллективной творческой деятельностью.

Народный дух Вундт предлагает изучать методом анализа конкретно-исторических продуктов народов: языка, мифов, обычаев, составляющих основные области народной психологии. По его мнению, язык идентичен уму (представлениям), мифы — чувствам, обычаи — воле в индивидуальной психологии.

Вундт внес существенный вклад в становление науки о психологии народов, более конкретно определил предмет

этой науки, провел разграничение между психологией народной (социальной) и индивидуальной. «Психология народов — самостоятельная наука наряду с индивидуальной психологией, и хотя она пользуется услугами последней, однако и сама оказывает индивидуальной психологии значительную помощь» [9, с. 28]. Достойной оценки заслуживает и понимание Вундтом закономерностей формирования народного духа, то, что он отказывается от излишнего абстрагирования своих предшественников и говорит о психологии того или иного конкретного народа. Можно считать, что Вундт определил исторический характер коллективного сознания, ввел в его изучение исторический метод. Большой заслугой Вундта является и то, что он не ограничился теоретическими исследованиями, а провел конкретное изучение языков, мифов, народов. Тем самым он оказал огромное влияние на развитие этнопсихологических исследований, в том числе и в России, где его идеи развивали Н. Н. Ланге и Г. И. Челпанов.

Среди авторов, изучающих народную психологию, нельзя не назвать французского ученого Г. Лебона [9]. Происхождение его системы, представляющей собой несколько вульгаризованное отражение идей предыдущих авторов, связано, скорее всего, с двумя факторами конца XIX в. — начала XX в.: развитием массового рабочего движения и колониальными устремлениями европейской буржуазии. Целью этнопсихологических исследований Лебон считал описание душевного строя исторических рас и определение зависимости от него истории народа, его цивилизации. Он утверждал, что история каждого народа зависит от преобразования души народа, которое ведет к преобразованию учреждений, верований, искусства.

Из психологического склада рас вытекают все понятия народов о мире и жизни, их поведение и восприятие мира. Народная душа, определяющая исторический и духовный процесс, состоит из чувств, интересов и верований индиви-

дов и должна изучаться через элементы цивилизации: язык, учреждения, идеи, верования, искусство, литературу; все они суть проявления народной души.

В структуре души различных народов и рас, отмечал Лебон, существуют огромные различия, они настолько глубоки, что говорить о равенстве народов и рас невозможно. Лебон делит народы на первобытные, низшие, средние и высшие. Среди высших народов он выделяет только европейцев.

«Первобытные расы, — пишет Г. Лебон, — те, у которых не находят ни малейшего следа культуры и которые остановились на той эпохе первобытной животности, какую переживали наши предки в каменном веке: таковы нынешние фиджийцы и австралийцы.

Кроме первобытных рас, существуют еще *низшие расы*, главными представителями которых являются негры. Они способны к зачаткам цивилизации, но только к зачаткам. Никогда им не удавалось подняться выше совершенно варварских форм цивилизации, хотя случай делал их (например, негров Сан-Доминго) наследниками высших цивилизаций.

К средним расам мы относим китайцев, японцев, монголов и семитские народы. Через ассирийцев, монголов, китайцев, арабов они создали высокие типы цивилизаций, которые могли быть превзойдены одними только европейскими народами.

Среди *высших рас* могут занимать место только индоевропейские народы. Как в древности, в эпоху греков и римлян, так и в настоящее время одни только они оказались способными к великим открытиям в сфере искусства, науки и промышленности. Только им мы обязаны тому высокому уровню, какого достигла цивилизация. Пар и электричество — дело их рук. Наименее развитые из высших рас, например индусы, возвысились в области искусства, литературы и философии до такого уровня, какого никогда не могли достигнуть монголы, китайцы и семиты.

Между четырьмя большими группами, которые мы только что перечислили, невозможно никакое слияние; разделяющая их умственная пропасть очевидна» [3, с. 30].

Несмотря на спорность подобных высказываний, XIX век завершился рождением новой науки — этнической психологии.

ГЛАВА 13. СОВРЕМЕННАЯ ЗАПАДНАЯ ЭТНИЧЕСКАЯ ПСИХОЛОГИЯ

Современное положение западноевропейской и североамериканской этнопсихологии, по сути субдисциплины культурной антропологии, можно охарактеризовать рядом особенностей. Выступая в качестве междисциплинарной области знаний, этническая психология включает в себя элементы таких наук, как этнология, антропология, психология, биология, психиатрия, социология, что накладывает отпечаток на способы анализа и интерпретацию эмпирических данных. Существующее превалирование эмпирических знаний над теоретическими обусловлено чрезвычайно широким диапазоном школ, направлений исследований. Различные подходы к анализу этнических процессов сопровождаются в зарубежной этнопсихологической науке дискуссиями о содержании и форме этнических понятий и терминов. Наибольшее распространение получило «социологизирование» терминологического описания этнических процессов, но встречаются и «биологизирующие» системы этнических понятий и терминов, причем обоим этим подходам свойственна абсолютизация частных аспектов этнического.

Развитие западной этнической психологии в XX в. обусловили два важнейших фактора: 1) стремление свести

все проблемы, касающиеся различных структурных уровней этнических общностей, прежде всего к индивидуально-личностному аспекту и 2) проявление при этом философско-методологических пристрастий того или иного исследователя. Основной тенденцией стало совмещение психологии, ориентированной на «микропроблемы» (то есть на проблемы, ограниченные во времени и пространстве и связанные с неисторическими и внекультурными явлениями), и антропологии с ее «макропроблемами» исторического и эволюционного характера. К числу проблем, изучаемых этнопсихологами, относятся: особенности формирования *национального характера*; *соотношение нормы и патологии* в различных культурах; *значение ранних опытов детства* для формирования человеческой личности.

Рассматривая развитие этнической психологии как взаимодействие антропологических, этнологических и психологических теорий, можно выделить несколько направлений. Это, прежде всего, психоаналитическое направление, опирающееся как на ортодоксальный психоанализ, так и на новейшую его модификацию — неофрейдизм.

В работах таких известных американских этнологов, как Р. Бенедикт и М. Мид, аспекты этнического рассматриваются со значительным уклоном в психоанализ и экспериментальную психологию. Методологическая концепция этих работ во многом заимствована из исследований австрийского психиатра З. Фрейда, а методика — из немецкой экспериментальной психологии, в частности — из работ В. Вундта. Это обусловлено в первую очередь тем, что антропологические полевые методы изучения индивидуального поведения были признаны непригодными при детализированном изучении индивидов в конкретном культурном контексте. Таким образом, этнологам понадобилась психологическая теория, ориентированная на исследование антропологических особенностей происхождения, развития и

жизнедеятельности личности и базирующаяся на психологических методах ее изучения. Такой теорией и методом в то время стал психоанализ, который использовался этнопсихологами наряду с методами, заимствованными из психиатрии и клинической психологии. Выделяется целый блок методов, используемых в исследованиях этого направления: глубинное интервьюирование, проективные методики и средства, анализ сновидений, подробная запись автобиографии, интенсивное длительное наблюдение межличностных отношений в семьях, представляющих различные этнические группы.

Этнопсихологи стали широко использовать положения Фрейда о том, что взаимосвязь культуры и личности можно вывести из невротических состояний субъекта. Такой подход во многом проявился при анализе «основной личности» — фундаментального термина этнопсихологов, характеризующего существенные черты индивидов различных этнических групп. К параметрам «основной личности» были отнесены: техника мышления, чувства, своего рода усредненный характер отдельной культуры, рассматриваемые как существенные признаки исследуемого народа. В процессе исследования «основной личности» широко применялись положения Фрейда об аналогии, сопоставимости невротика и первобытного человека и относительности грани между нормой и патологией. В соответствии с этим каждый народ считался носителем специфической патологии. Некоторое совпадение диагнозов патологии в разных культурах стало основанием для сделанного Р. Бенедиктом вывода о существовании различных тандартов «нормальности» в этнокультурах. При таком подходе специфичность диагностики на индивидуальном уровне переносилась, как правило, на всю социальную общность, что привело в дальнейшем к тезису об уникальности культур. Это направление — этнопсихиатрия — получило широкое распространение в этнопсихологии. В рамках этнопсихиатрии рассматриваются

проблемы специфики девиантного поведения в различных культурах, особенностей дисфункций психики в традиционных и современных обществах, этнических психозов и их генезиса и т. д. Традиционная тема изучения — сновидения и другие пограничные состояния сознания. Психоанализ как конкретная методика и методология является основой для ряда эмпирических и теоретических исследований этого направления.

Обобщением антропологического и психоаналитического подходов можно считать книгу американского исследователя Г. Деверо «Этнопсихоанализ». Этнопсихоаналитический подход связан с изучением генезиса и значения агрессивности и других психологических состояний (тревога, страх, привязанность, одиночество) в различных этнических общностях, а также с изучением невербальных коммуникаций, эмоциональной сферы этнофора, специфики и функций ритуала как особого типа этнического взаимодействия. Следует отметить, что наряду с широко распространенным представлением о врожденной природе агрессивности в рамках этнопсихоанализа имеется и другая точка зрения: агрессивность как продукт научения. Так, по мнению американского этнопсихолога А. Бандуры, агрессивное эмоциональное состояние — это явление, имеющее этносоциальное происхождение.

Другое направление западной этнопсихологии связано с изучением личности в различных культурах. Целый ряд сравнительных исследований этнических групп с применением разнообразных психологических тестов (Роршаха, Блека и др.) позволил исследователям сделать вывод о существовании некоей «модальной личности», отражающей национальный характер. «Модальной личностью» оказывался личностный тип, к которому относится наибольшее количество взрослых членов данного общества. В этом случае национальный характер определялся с учетом частоты распространения определенных типов личности в данном эт-

носе. Существование «модальной личности» обосновывалось результатами вариационной статистики; то есть «модальная личность» — это не конкретный, а некоторый «средний», обобщенный этнофор. При этом допускалось, что в популяции может быть представлен ряд типов (с переходными формами между ними), причем ни один из них не может оказаться абсолютно преобладающим. Концепция модальной личности использовалась для характеристики не только национальных, но и религиозных, профессиональных и других групп населения. Однако в связи с вопросом, насколько полно отражается психологический тип данной общности в характеристиках «модальной личности» из-за значительной внутригрупповой вариабельности, распространение получила концепция мультимодальной нации: каждая нация представлена не одной модальной личностью, а несколькими, что позволяет выделить «характеристики нации» как коллектива.

Понятию «модальная личность» близко понятие «базовая личность», которое концентрирует внимание исследователей не на этническом обществе в целом, а на его культуре. Это понятие носит, скорее, не статистический, а описательный характер. Оно основано на представлении о коренных различиях в личностях, возникающих под влиянием этнических культур. Такой подход применял американский этнолог А. Кардинер для описания традиционных племенных обществ. Возможность же его использования для изучения более сложных современных культур большинства этнопсихологов подвергается сомнению.

С точки зрения американского этнопсихолога Дж. Хонимана, главной задачей современной этнопсихологии является исследование того, как индивид действует, мыслит, чувствует в условиях конкретного социального окружения. Хониман выделяет два типа явлений, связанных с культурой: социально стандартизованное поведение (действия, мышление, чувства) некоторой группы и материальные

продукты поведения такой общности. Он вводит понятие «модель поведения», которое определяет как закрепленный индивидом способ активного мышления или чувствования (восприятия). «Модель поведения» может быть универсальной, реальной или идеальной. В качестве идеальной модели рассматриваются желаемые стереотипы поведения, не получившие, однако, реализации в конкретной жизни. Анализируя этнокультурные модели поведения личности и социально стандартизованные образцы поведения, Хониман формулирует следующий основной вопрос этнопсихологии: как осуществляется вхождение личности в культуру? Он выделяет ряд определяющих этот процесс факторов: врожденное поведение группы, членом которой является индивид; ролевое поведение; разного рода служебные обстоятельства; географическое окружение и т. п. В дальнейших исследованиях Хониман еще более детализирует поведение человека, особо выделяя эмоциональную сферу. Для этой цели он использует понятие «этнос», подразумевая под ним эмоциональное состояние социально моделируемого поведения, которое отражает и потребностно-мотивационную сферу личности. Эмоции, по мнению Хонимана, отражают судьбу человеческих мотивов и являются результатом воспринимаемой ситуации. Он считал, что поведение личности в этнокультурной среде — это во многом продукт научения. В этих этнических общностях люди одинакового возраста, пола, социального статуса демонстрируют относительно однообразное поведение в сходных ситуациях. На основе результатов большого количества социальных исследований Хониман отстаивает тезис о наличии в каждой культуре «идеальной личности», которая содержит ценностные ориентации, оптимальные для передачи следующим поколениям. Внутри этнокультурной общности может быть несколько типов «идеальных личностей» в соответствии с полом и социальным статусом. Таким образом, культура как бы опре-

деляет социальный стандарт модели поведения, мышления и чувствования личности, являясь прочной основой этносоциальной общности.

Дальнейшее развитие этого направления связано с работами Ф. Хсю, который предложил переименовать направление «культура и личность» в «психологическую антропологию», поскольку это название в большей степени, по его мнению, отражает содержание этнопсихологических исследований. «Психологическая антропология, — считает Хсю, — имеет дело с осознанными и неосознанными идеями, распространенными у большинства индивидов в данном обществе, управляющими их действиями и описываемыми в терминах психологии коллективных представлений».

Современные исследования в области психологической антропологии сводятся к кросскультурному изучению личности в социокультурных системах и выходят на такие проблемы, как соотношения ценностей социальной структуры и моделей детского воспитания; соотношение модальной личности и ролевой системы в конкретной этнокультуре; этнокультурные факторы девиантного поведения. При анализе этнографических материалов доминирует тенденция к обособленному рассмотрению отдельных элементов воспитательной системы различных народов.

Американский этнопсихолог М. Спиро формирует основную проблему современных этнопсихологических исследований как изучение психологических условий, повышающих стабильность социальных и культурных этносистем. При этом он предлагает сделать акцент на изучении роли личности как в изменении, так и в сохранении целых культур и этнических общностей. Поэтому первостепенной задачей психологической антропологии становится описание индивидуального поведения как микрофеномена. Существует и противоположная позиция. Ее занимает американский культуролог А. Уоллес, продолжающий традицию све-

дения всего этнокультурного разнообразия к особенностям личности. Именно эти два типа ориентаций: на социально-психологическую и индивидуально-психологическую теорию — и их взаимовлияние определяют в настоящее время направления общетеоретического развития психологической антропологии.

Наиболее значительной по числу исследователей является интеракционистская, или социально-психологическая, ориентация. В современной западной этнопсихологии изучение проблем взаимодействия этнофоров из разных этнических групп чрезвычайно актуально. Особый акцент делается на изучение этноцентризма, расизма и национализма. Отмечается, что существование этноса зависит от осознания членами этноса своего группового единства и отличия от других, от устойчивости этнического самосознания, от силы «этнического притяжения». Важнейшими в этом направлении являются проблемы смены этнического самосознания и этнической принадлежности, прекращения существования этноса, растворения одной этнической общности в другой.

Проблема смены этнического самосознания выдвигается как ключевая при изучении этнической динамики. Но смена этнического сознания, по мнению большинства этнопсихологов, может происходить только в межэтническом взаимодействии. Следовательно, большое значение приобретает проблема межэтнического взаимодействия на уровне этнофора. Американские этнопсихологи подходят к этой проблеме с точки зрения так называемой теории факторов, в которой этническое сознание рассматривается как набор компонентов или взаимосвязанных переменных. Например, отношение того или иного этнофора к другим этносам и даже к своему этносу объясняется такими факторами, как страх, неудачи, ригидность, авторитаризм, отчуждение, борьба за статус, консерватизм, конвенционализм и т. п., а также ссылкой на «фоновые» факторы: образование, за-

нятия, религия, социальная мобильность, место жительства и т. п. Как отмечает М. Блэлок, многие из этих коррелятов этнической предубежденности переплетены друг с другом, и это весьма затрудняет выделение самых важных, непосредственно определяющих детерминант, что вызывает среди исследователей много споров об относительных достоинствах того или иного типа переменных.

Анализ феномена этнической идентичности привел американских исследователей к выводу, что этническая идентичность индивида является настолько же социальным конструктом, насколько им является «индивидуальное сознание». Р. Винч, следуя интеракционистскому подходу, определяет идентификацию как более или менее продолжительное влияние одной личности на другую, осуществляемое в условиях интер- и интрагруппового взаимодействия.

Один из аспектов проблемы этнической идентичности — этноцентризм. Американский социальный психолог и этнолог У. Самнер, рассматривая отношения внутри группы и между группами в первобытных обществах, отмечает, что конформизм внутри каждой этнической группы основан на этноцентризме. Согласно его определению, этноцентризм — это такая позиция, когда собственная группа является центром мироздания, а все остальные шкалируются и оцениваются в сопоставлении с ней, причем нередко обычаи чужой группы вызывают презрение. Изучение этноцентризма привело Самнера к выводу, что этническая группа может не только преувеличивать негативные качества отдельных известных ей представителей другой этнической общности, но и абсолютизировать их, перенося на всех представителей данного этноса. В результате возникает антипатия к этой этнической группе, предубеждение против нее, которое закрепляется и может превратиться в отрицательный этнический стереотип. На формирование этнических аттитюдов оказывают влияние

различные факторы. Опираясь на методы интерпретации и измерения социального расстояния, применяемые для оценки этнического самосознания, американский социальный психолог С. Мьюер показал, что сохранение и исчезновение этнических аттитюдов зависит не только от религиозных и расовых переменных, но и от таких, как брак, дружба, профессия и политика.

Большинство концепций межэтнического взаимодействия можно классифицировать в зависимости от того, какие аспекты этнической идентификации берутся за основу теоретической модели: целевые, адаптационные, интегративные или латентные. **Целевая модель** предполагает наличие у индивида набора установок на то, каким он должен быть. **Адаптационная (социальная) модель** соответствует тому, как личность идентифицирует себя через отношения с другими. **Интеграционная (персональная) модель** соответствует тому, как личность идентифицирует себя посредством уникальности только ей свойственных признаков. **Латентная модель** учитывает то, как личность относится к себе.

Таким образом, важнейшие направления современных западных этнопсихологических исследований связаны с модификацией теоретических ориентаций или психологических теорий, базирующихся на различных философских системах (экзистенциализм, неопозитивизм, необихевиоризм и т. д.). Их влияние проявляется в различном понимании личности и культуры, в отношении к бессознательному, в объяснении механизмов активации поведения. В настоящее время проблематика исследований западных этнопсихологов в значительной степени опосредуется спецификой таких наук, как социальная география и ландшафтоведение, биология и физиология, социология и политология, этнология и этология. В последние десятилетия наблюдается проникновение в этнопсихологию методологических принципов и методов исследования этих наук.

ГЛАВА 14. СТАНОВЛЕНИЕ ЭТНИЧЕСКОЙ ПСИХОЛОГИИ В РОССИИ (Дореволюционный период)

В России этнопсихологические изыскания первоначально были делом литераторов, этнографов и языковедов. Очевидно, что рассматривать историю изучения самосознания конкретного народа необходимо в связи с теоретическим осмыслением феномена этнического самосознания в целом. Познавательный интерес к этническому самосознанию русского народа появился в эпоху русского Просвещения. Воспитание у соотечественников национальной гордости было лейтмотивом трудов М. В. Ломоносова, который положил начало традиции, подхваченной и развитой просветителями второй половины XVIII в. Стремление к формированию общественного мнения, к воспитанию национального достоинства, противодействие «офранцузиванию» русской знати можно увидеть в публикациях Н. И. Новикова, Д. И. Фонвизина, Н. М. Карамзина, А. Н. Радищева.

Преемниками идей просветителей в начале XIX в. стали декабристы. В программах преобразования Российского государства, особенно после Отечественной войны 1812 года, они учитывали значение этнопсихологического фактора воздействия на русское общество. Вслед за А. Н. Радищевым декабристы считали, что крепостное право есть унижение национального достоинства всякого русского, и возмущались тем, что просвещенная часть общества не видит своего унижения в рабстве большинства русского народа.

Продолжателем гуманистических традиций русского Просвещения был П. Я. Чаадаев, без учета творчества которого невозможно всесторонне оценить особенности развития русского национального самосознания в первой поло-

вине XIX в. С его именем связано начало двух важнейших общественно-политических течений, в рамках которых обсуждался вопрос о самобытности русского народа. В «Философических письмах» П. Я. Чаадаев впервые не отвлеченно, а предметно поднял проблему значения русских как народа, его особенностей. Во взглядах Чаадаева скептицизм и неприятие исторического прошлого русского народа сочетались с верой в его особое предназначение, мессианскую роль России в будущем Европы.

Идея мессианской роли России легла в основу теоретического построения славянофилов как представителей особого направления русской общественной мысли. Наибольшую активность это движение приобрело в 1930–1950-е гг. XIX в. Создатели общества «Любомудров» Д. В. Веневитинов, А. С. Хомяков, И. В. Киреевский считали самой насущной проблемой России становление национального самосознания русских, что возможно через достижение национальной самобытности, создание своей литературы и искусства.

Славянофилы второго поколения: К. С. Аксаков, И. С. Аксаков, Ю. Ф. Самарин, Ф. И. Тютчев, А. А. Григорьев и другие — в художественных и публицистических произведениях также стремились обратить внимание зарождающейся русской интеллигенции и вообще читающей публики на проблему национального самосознания русских как этноса, имеющего уникальную историю и географию расселения. В отличие от своих предшественников, славянофилы второго поколения говорили не о народных основах национального возрождения, а конкретно указывали на то, что в послепетровской Руси только крестьянство и частично купечество выступают хранителями извечных самобытных черт и традиций (по выражению И. С. Аксакова — «самостоятельности русского возрождения»).

Другое направление русской общественной мысли — западничество — связано с ориентацией на вхождение Рос-

сии как европейского государства в мировое сообщество цивилизованных государств Запада. Идеологами этого направления выступали А. И. Герцен, Н. П. Огарев, В. Г. Белинский, В. П. Боткин, Н. А. Добролюбов. Связывая начало новой России с петровскими реформами, они приветствовали распространение европейского образования и учитывали национальные и социальные факторы в развитии самосознания русских. Западники, в отличие от славянофилов, не склонны были идеализировать ни историческое прошлое, ни нравственные качества русского народа. Но при этом они противостояли нивелированию национального, особенно в верхних социальных слоях русского общества, утрате частью дворянства чувства национального достоинства.

В становлении этнической психологии велико значение и русской этнографии. Экспедиции, снаряжавшиеся Академией наук начиная с XVIII в., привозили с севера России и из Сибири разнообразнейшие материалы. Для обработки материалов экспедиции и дальнейшего изучения страны в 1846 г. было учреждено Русское географическое общество. Его создание было связано с выполнением не только, и даже не столько научных, сколько социальных заданий. В программу Общества входило всестороннее изучение России — ее географии, природных богатств и народов. Одной из главных задач было изучение русского крестьянства для решения вопроса о крепостном праве. Государственные интересы требовали и сведений о народах Сибири, Средней Азии, Кавказа. Это наложило отпечаток на деятельность и самого Общества, и его этнографического отделения, в котором организовывались этнопсихологические исследования.

Этнографическое отделение возглавлял академик К. М. Бэр, членами этого отделения были Н. И. Надеждин и К. Д. Кавелин. На одном из первых заседаний Общества в докладе «Об этнографических исследованиях вообще и в России в особенности» Бэр отметил, что главной задачей

этих исследований является изучение умственных способностей народа, его способов жизни, нравов, религий, предассудков, языка, сказок, песен, музыки.

Надеждин, поддерживая Бэра, отстаивал мысль о самобытности России и об особом месте русского народа. Занимавшийся историей и правоведением Кавелин настаивал на тщательном изучении духовной жизни народа, полагая найти в этнографии и народной психологии основу его развития. Этим определялся интерес Кавелина не только к народной психологии, но и к психологии вообще.

Задолго до вундтовской идеи создания психологии народов, в 1840–1950-х гг., Бэр, Надеждин и Кавелин сформулировали основные принципы этнографической науки, в том числе «психологической этнографии» (другими словами, этнической психологии), которые и стали проводиться в жизнь Русским географическим обществом. Европейская же этнография появилась несколько позже, в 1870-х гг., трудами Г. Спенсера, Э. Тайлора, Дж. Леббока и других ученых.

На одном из заседаний Географического общества в ноябре 1846 г. Надеждин выступил с программой «Об этнографическом изучении народности русской», в которой призывал «подметить и описать все собственно русское в своем складе и быте, в своих способностях, расположениях, потребностях и привычках, в своих нравах и понятиях».

Он выделил три направления этнических исследований. «После языка, выражающего собой... целость человеческой природы, внимание этнографии естественно должно обращаться порознь на обе составные ее стихии, то есть „телесную“ и „духовную“, каждую из них подвергать исследованию в тех отличиях, коими запечатлевает ее народная особенность. Это составит две другие части народоописательной науки, кои можно назвать „этнографией физической“ и „этнографией психической“». Физическую этнографию Надеждин определил как науку о жизнедеятельности человека. При этом он отмечал связь физических свойств с

психическими, считая, что открываемые в «телесной» стороне человеческой природы различия могут лежать в основании различия человеческих «пород». «Народы, хотя и не то же, что „породы“, однако в различии их всегда более или менее приметно и разнообразие физическое, телесно-животное, следовательно „породное“, которое посему, хотя частью, но входит в собственно „народное“».

Под этнографией психической Н. И. Надеждин понимал все те особенности, «коиными в народах, более или менее, знаменуются умственные способности, сила воли и характера, чувство своего человеческого достоинства и происходящие отсюда стремление к непрерывному самосовершенствованию; одним словом — все, что возвышает „человека“ над животностью... Тут, следовательно, найдут себе законное место: народная в собственном смысле „психология“, или разбор и оценка уделенного достоинства народного ума и народной нравственности, как оно проявляется в составляющих народ личностях... Словом — разумные убеждения и глупые мечты, установившиеся привычки и беглые прихоти, заботы и наслаждения, труд и забавы, дело и безделье, коими человек доказывает, что он живет не только как ему может, но как сам хочет и как умеет».

В соответствии с программой комплексного этнографического исследования Надеждиным была составлена «Инструкция этнографическая», которая предлагала описывать: 1) быт вещественный, 2) быт житейский, 3) быт нравственный и 4) язык. Нравственный быт включал в себя все явления духовной культуры и среди них «народную характеристику», то есть психический склад; сюда же входило описание умственных и нравственных способностей, семейных отношений и особенностей воспитания детей.

Таким образом, в этнографическом отделении Русского географического общества в конце 1840-х годов было положено начало новой отрасли психологии — народной психологии. Спустя десятилетие в Германии под редакцией

крупных немецких ученых М. Лазаруса и Х. Штейнтала стал выходить «Журнал народной психологии и языкознания», публикации которого считаются истоком этнической психологии в Западной Европе.

Некоторое представление о материалах по этнической психологии, собранных по программе Географического общества, дают первые выпуски «Этнографического сборника», издававшегося Географическим обществом с 1850 г.

Что же записывали собиратели по психологическому разделу программы, обозначенному как «умственный и нравственный быт», «умственные и нравственные способности жителей» или «умственные и нравственные свойства»? Например, в одной из статей под названием «Быт малороссийского крестьянина» отмечается, что по характеру «...малоросс — добрый, спокойный, слегка насмешливый и не скоро забывающий оскорбление. Во всех его действиях и движениях проглядывается лень, но не та, которую придают ему досужные наблюдатели нравов народных, изучающие край из почтового экипажа, не та, о которой так красноречиво пописывают некоторые беллтристы, а лень как достояние южного климата». Также подчеркивается, что исключительная черта малороссов — юмор. Много здесь содержится и социально-психологических наблюдений. Это прежде всего описания внутрисемейных отношений, положения женщины в семье и связанные с этим особенности поведения. Согласно отчету Географического общества, наибольшее количество материалов было получено из центральных и северных губерний России, из Белоруссии и с Украины.

Занятия Русского географического общества «психологической этнографией» привели к обоснованию объективного, «положительного» метода в психологии, который, по мнению Кавелина, заключается в изучении продуктов духовной деятельности людей — памятников культуры, фольклора, верований. С обоснованием применения в психоло-

гни объективного метода и выступил Кавелин, предлагая в книге «Задачи психологии» позитивистскую программу развития психологической науки.

Такая попытка внести в психологию метод изучения психики по историческим памятникам культуры вызвала резкие возражения Сеченова, которые имели принципиальное значение. Признание психологического процесса и утверждение необходимости изучать психику в качестве процесса не могли быть совместимы с предложением изучать психику по продуктам духовной культуры. И это коренное различие позиций на протяжении последующей истории психологической науки выявлялось каждый раз, как только сталкивалось признание процессуальности психики с требованиями ее изучения по продуктам культуры. В то же время Сеченов считал правильным введение в психологию объективного метода. По его мнению, только признавая психическое процессом, можно изучать психику по продуктам культуры народов — по истории верований, языку, искусству и т. д. «Всякий психолог, встречаясь с любым памятником умственной деятельности человека и задавшись мыслью проанализировать его, по необходимости должен подкладывать изобретателю памятника и собственную мерку наблюдательности, и собственные представления о способности пользоваться аналогиями, делать выводы и пр. Вне этой рамки анализ, очевидно, невозможен».

Особое место в истории русской этнографии и антропологии занимает научная деятельность Н. Н. Миклухо-Маклая, одной из целей которого было доказательство единства человеческого рода, физической и психической равноценности людей всех рас и народов, обоснование мысли о том, что различия, имеющиеся между народами, вызваны условиями их жизни, как природными, так и социальными. Годы, проведенные Миклухо-Маклаем среди папуасов Новой Гвинеи, исследование народов Океании, накопление антропологических данных о материальной и духовной культуре

коренных жителей тех мест, их психологии и социальных отношений, позволили ученому обоснованно отрицать любые расистские теории. Он решительно выступал против мнения о том, что так называемые темные расы как более низшие и слабые должны исчезнуть, дать место белой расе. «Допустив это положение и проповедуя истребление темных рас оружием и болезнями, логично идти далее и предложить отобрать между особями для истребления у белой расы всех неподходящих к принятому идеалу представителей единственно избранной белой расы. Логично не отступать перед дальнейшими выводами и признать ненужными, и даже вредными, всякие больницы, приюты, богадельни, ратовать за закон, что всякий новорожденный, не дотянувшись до принятой длины и веса, должен быть убит и т. п. Дойдя, наоборот, при помощи беспристрастного наблюдения до положения, что части света с их разными условиями не могут быть заселены одной разновидностью людей... что поэтому существование различных рас совершенно согласно с законами природы, приходится признать за представителями этих рас общие права людей».

Конкретные материалы по психологии народов, собранные Миклухо-Маклаем и включенные им в дневники путешествий, статьи и доклады, служат науке о человеке. И хотя в трудах ученого не поднимаются теоретические проблемы собственно этнической психологии, они насыщены наблюдениями, единственными в своем роде.

Исторически этническая, или народная, психология развивалась в России в двух направлениях. Одно представляло собой сбор этнографического материала, а психологические проблемы оказались включенными в общие описания жизни разных народов. Другое направление было связано с языкознанием; здесь язык выступал как основа единства психического склада того или иного народа. Поддержку и развитие получила идея о том, что основой народной психологии является язык и он обуславливает существова-

ние этнических общностей. Эта идея повлияла на формирование психологического направления в языкознании, восходящего к работам известного немецкого ученого В. Гумбольдта. Главной чертой народной психологии стала ее связь с языкознанием.

Психологическое направление в русском языкознании и литературоведении наиболее ярко проявилось в трудах А. А. Потебни. Он искал в психологии опору для языкознания, но при этом считал, что в равной мере открытия ждут и психологию при ее сближении с языкознанием. Будучи приверженцем гумбольдтовских идей в языкознании и испытав в начале своей научной деятельности влияние Х. Штейнталя и М. Лацаруса, Потебня создает оригинальную концепцию языка и поэтики, исследует психологическую природу языка, отношение мысли к слову. В 1862 г. в «Журнале Министерства народного просвещения» началась публикация ряда его статей под общим названием «Мысль и язык», составивших в итоге книгу, которая неоднократно переиздавалась.

Изучение структуры слова Потебня сочетал с психологическим исследованием мышления, поскольку происхождение языка считал чисто психологическим, что позволило ему объяснить его развитие определенными психологическими закономерностями. «Верная, единственная примета, по которой мы узнаём народ, и вместе с тем единственное не заменимое ничем и неприметное существование народа есть единство языка... Он есть орудие сознания и элементарной обработки мысли и как орудие условливает приемы умственной работы... Поэтому народность, то есть то, что делает известный народ народом, состоит не в том, что выражается языком, а в том, как выражается».

Другой языковед и литературовед, Д. Н. Овсяннико-Куликовский, развитие национального уклада, национальных черт связывал с усвоением языка. По его мнению, ребенок до усвоения языка не имеет национальных психологических

признаков, он «интернационален». В наибольшей степени национальный уклад проявляется в мышлении и творчестве талантливых мыслителей, поэтов, писателей. В психологическом смысле талант всегда глубоко национален, а субъекты с низким уровнем мышления лишены национальных признаков. «Национальность есть явление, по преимуществу, интеллектуального порядка. Поэтому интеллигенция полнее других слоев населения выражает национальную „подоплеку“ народа».

В составе национальной психики наряду с интеллектуальными элементами Овсяннико-Куликовский выделял и волевые: «задерживающую волю» и «действующую волю». Они образуют уклад воли, который проявляется в национальном характере. В национальных характерах им различались два типа — пассивный и активный. Каждый из них, по его классификации, включает в себя два уклада. Пассивный тип: а) задерживающая и действующая воли не отличаются силой и осложняются психологическим элементом волевой лени (пример — русский волевой уклад); б) обе воли — задерживающая и действующая — одинаково сильны и характеризуются отпечатком психологической дисциплины (например — немецкий волевой уклад). Активный тип: а) обе воли сильны, но действующая воля осложняется психологическим элементом спорта (например — английский волевой уклад); б) сильная и импульсивная действующая воля соседствует с относительно слабой задерживающей волей, особый психологический элемент — героизм (например — французский волевой уклад). Овсяннико-Куликовский считал, что нельзя отрицать влияния культурного развития и исторических условий на уклад воли, но как только этот уклад сложился, он становится принадлежностью национальной психологии, приобретает у каждого народа особую психологическую окраску. Разнообразие национального характера проявляется в общественной жизни, в политической и социальной борьбе, в истории каждого народа.

Следовательно, согласно данному взгляду, общественное развитие оказывается подчиненным национальному характеру.

Теория национальной психологии, которую развивал Овсяннико-Куликовский, служила целям психологизации социально-исторической проблемы наций и национальностей, из нее делались практические выводы для национальной политики. Автор считал, что основной вопрос национальной политики сводится к вопросу о языке. Трактую язык как инструмент этнической идентификации, он видел в нем фактор национального самоопределения личности. Вслед за психологизацией социальных явлений Овсяннико-Куликовский сделал и другой шаг — биологизировал их, введя понятие патологии национальности, «болезней» национальной психики, таких, как национализм, шовинизм. Согласно его взглядам, гипертрофия социальных межнациональных признаков в некоторых случаях влечет за собой атрофию национальных черт, явление «денационализации», но ее следствием может быть и повышение национального чувства, ведущее к национальному тщеславию и шовинизму.

В предреволюционные годы в Московском университете был введен курс этнической психологии, читал его философ Г. Г. Шпет. В 1917 г. в журнале «Психологическое обозрение» была опубликована его статья об этнической психологии, а в 1927 г. — книга о предмете и задачах этой науки под названием «Введение в этническую психологию». Эта книга была написана еще в 1916 г., позже были добавлены лишь комментарии к вышедшей за это время иностранной литературе. Хотя книга Шпета была издана в советское время, она относится к науке дореволюционной России. Была опубликована только первая часть книги — «Введение, предмет и метод этнической психологии». Однако по своему содержанию она представляет собой обобщение и критическое изложение состояния этнической психологии и утверждение положения о развитии этнической психологии как

раздела социальной психологии. Давая оценку развернувшейся в психологии начала XX в. дискуссии о разграничении объясняющей и описательной психологии, Шпет отмечал, что главное в этнопсихологии не объяснение, а понимание, связанное не столько с анализом «внутреннего опыта», сколько с постижением смысла объективных культурных явлений, в которых и запечатлевается типически субъективное.

Такой подход имеет принципиальное значение для этнической психологии — она не может быть обычным продолжением индивидуальной психологии, как считали М. Ладзарус, Х. Штейнталь и В. Вундт. С точки зрения Шпета, психология должна рассматривать субъекта в его социальных аспектах, где субъективное содержание объективизируется в самих произведениях человеческой культуры. По сути дела, Шпет подошел к формулированию ведущего принципа материалистической психологии — принципа социального детерминизма, согласно которому ключом к пониманию психологии народа служат его культура, история, конкретная социальная действительность, определяющие содержание коллективного духа нации. Шпет отказывается от понятия коллективности со значением массы или множества, поскольку оно не учитывает взаимодействия их членов, которое является особенностью любого коллектива. Признавая предметом психологического исследования коллективное единство, Шпет уточняет, что такое единство можно понимать по-разному. Во-первых, как взаимодействие, результатом которого являются продукты духа в виде языка, религии, творчества и т. д. Тогда предметом изучения оказываются не психологические процессы, а их субъективные результаты. Во-вторых, как общность или сходство психических процессов индивидов, объединяя это сходство со сходством или общностью внешних условий жизни. Коллектив является субъектом совокупных действий, а по своей психологической природе совокупное действие есть

ни что иное, как «общая субъективная реакция коллектива на все объективно совершающиеся явления природы и его собственной социальной жизни и истории» [41, с. 10].

«Дух народа», по мнению Шпета, символизирует смысл и идею «народа», которые раскрываются в типологических изображениях его состава и изменений во времени. Например, «дух аристократии», «дух данного времени», «дух рыцарства», «дух мещанства» — все это частные ингредиенты целого, не теряющего сути в конкретности. «Дух» в этом смысле есть собрание, «связка» характерных черт «поведения» народа. В совокупности с постоянством «диспозиций» он представляет собой народный характер. Этот субъективный характер узнается в его объективизации как совокупность реакций народа на обстоятельства, в которых он сам участвует, на объективно данные ему отношения и идеальные образования. Типическое отношение к объективному существует как переживание коллектива, вкладываемое в определенный репрезентант народа — сословие, касту, группу. Отсюда — выделение этнической психологии из социальной и определение для каждой из них собственного объекта.

ГЛАВА 15. ОТЕЧЕСТВЕННАЯ ЭТНИЧЕСКАЯ ПСИХОЛОГИЯ В XX В.

Историю отечественной этнической психологии в XX в. можно условно разделить на несколько периодов.

В 20-е гг. XX в., в первые годы становления Советского государства, интерес к этнической проблематике был стимулирован рядом обстоятельств. Во-первых, социальным заказом на решение национальных проблем, которые возникали в процессе создания и укрепления СССР. Во-вторых,

задачей разработки проблематики межнационального взаимодействия, которую ставила жизнь в условиях формирования нового общественного строя и создания нового многонационального общества, его унификации. В-третьих, тем, что идеологизация целей развития советского общества не могла не коснуться и этнической психологии. В этот период советская этнопсихологическая наука не владела даже элементарными данными об этническом составе населения многонациональной России (единственная всеобщая перепись населения Российской империи была проведена в 1897 г.). Следовательно, принимаемые в эти годы политические решения, в огромной степени судьбоносные для десятков населяющих Россию этносов, не имели сколько-нибудь серьезной научной этнопсихологической проработки.

Второй период развития советской этнопсихологии приходится на 1930–1950-е гг. Делаются первые шаги в изучении национальных отношений, но основное внимание исследователей направлено на решение вопросов, связанных с образованием СССР и его развитием как многонационального государства, при этом доминирует позиция И. В. Сталина по национальному вопросу и национальным отношениям. Его взгляды на решение национального вопроса в Советском Союзе, отраженные в работах «Национальный вопрос и ленинизм», «Марксизм и национальный вопрос», признаются единственно правильными, что выразилось в недооценке работ, даже марксистских, в области теории наций и национальных отношений.

Главным условием решения национального вопроса в России Сталин считал развитие национального автономного самоуправления, но при этом он не исключал, что тот или иной народ найдет нужным поставить и решить вопрос о своей независимости. Говоря о решении вопроса о том, как быть с народами, которые предпочтут остаться в рамках единого целого государства, Сталин отметил два пути: либо культурно-национальная автономия, либо областная

автономия. Но культурно-национальную автономию он считал непригодной для России, поскольку, во-первых, она нежизненна, так как предполагает искусственное стягивание в одну нацию людей, которых реальная жизнь разъединяет, а во-вторых, такая автономия толкает к национализму, поскольку ведет к размежеванию людей по «национальным квартирам» и культивированию национальных особенностей. Поэтому единственно верным решением национального вопроса Сталин считал областную автономию, которая позволяла иметь дело не с «фикцией без территории», а с «определенным населением, живущим на определенной территории». Поскольку ни одну из областей нельзя считать единообразной в национальном отношении, то по мнению Сталина, можно опасаться, что меньшинства будут угнетаться национальным большинством, и чтобы эти опасения лишились оснований, необходимо обеспечить реальные права меньшинства. Среди факторов, которые могут вызвать волнение национального меньшинства, выделялись: отсутствие права пользоваться родным языком; отсутствие родной национальной школы; отсутствие свободы совести (свободы вероисповедания); отсутствие свободы передвижения и пр. Для действительной гарантии прав меньшинств, по Сталину, необходим общегосударственный закон, предполагающий полную демократизацию сторон и запрещающий все без исключения виды национальных привилегий и любое стеснение или ограничение прав национальных меньшинств.

Следующий период развития советской этнопсихологии — 1960-е гг. — отличается усилением внимания исследователей к различным аспектам сотрудничества и дружбы народов СССР. Особый интерес вызывали вопросы, связанные с интернациональным воспитанием и социально-культурным сближением народов, вопросы национально-государственного строительства. Предметом исследований стали проблемы формирования нового этноса — советского

народа. Основным аргументом успешности решения проблем межэтнических отношений в публикациях данного периода была победа народов СССР в Великой Отечественной войне, которая как бы служила доказательством того, что национальный вопрос решается верно и что в этнопсихологической науке утвердился правильный — марксистский — методологический принцип.

В советской науке этого периода господствовало представление о том, что национальные проблемы являются комплексными и обусловлены экономическими, политическими, культурными и психологическими факторами. Внутри этнопсихологии сложились два направления: этнопсихологическое — изучение социальных явлений и процессов в их национальном разнообразии, и этнокультурное — исследование этнокультурных явлений и процессов в их социальном разнообразии.

К данному периоду относится и первые массовые опросы. В результате такого опроса, проведенного в 1967 г. в Татарской АССР, была разработана классификация социально-профессиональных групп и апробирован инструментарий для изучения многонациональных отношений. В центре внимания латвийских и эстонских исследователей был процесс интернационализации духовной жизни и быта; проводимые ими опросы в основном были направлены на определение уровня социально-экономического развития, социальной структуры народов, уровня культурного развития.

Следующий, четвертый, период — 1970-е гг. — период конкретного социологического изучения наций и народностей, национальных отношений. Результатом этносоциологических исследований стали обобщающие труды по формированию «новой исторической общности» — советского народа: «Советский народ — новая историческая общность людей» (1975), «Современные этнические процессы в СССР» (1976), «Национальные отношения в развитом со-

циалистическом обществе» (1977) и др. Цель таких работ состояла в доказательстве сближения народов и выравнивания их социального и культурного уровней. На основе результатов локальных исследований делались выводы о национальном развитии страны в целом. Среди советских этнологов господствовало мнение, что национальность не является сколько-нибудь существенным фактором, определяющим социальное положение человека.

Особой сферой исследований были межнациональные отношения. Интересно, что изучались они в основном по конкретным поступкам людей. Так, например, дружба народов оценивалась по участию представителей различных национальностей в крупных общесоюзных стройках. Была предпринята попытка рассматривать межнациональные отношения в системе политических, социальных, экономических, демографических, культурных, исторических и психологических факторов. Это позволило утверждать, что, к примеру, установки на общение в разных условиях (на работе, в семье, среди друзей) зависят от перечисленных выше факторов. Так, культурно-исторические традиции больше влияют на межнациональные отношения в семье и меньше — на производстве. Один из ведущих советских этнологов Ю. В. Бромлей считал, что межнациональные отношения следует изучать как явления социально-психологического характера. Такой подход к межнациональным отношениям разделяется и современными исследователями. Делались первые шаги в изучении процесса формирования национального самосознания: М. Н. Губогло, «Языковые контакты и элементы этнической идентификации» (1973), Г. В. Старовойтова, «К исследованию этнопсихологии городских жителей» (1976), А. А. Кожанов, «Внешность как фактор этнического сопоставления» (1977). В целом, работы носили частный характер и не раскрывали всех процессов этнического развития. Вне поля зрения исследователей оставались такие кардинальные проблемы, как пси-

хология межнациональных взаимодействий, воздействие государственных форм развития и законодательных норм на национальные психологию и самосознание.

Подводя итог развитию этнической психологии в советское время, отметим следующее: на протяжении не одного десятка лет этнопсихологическая наука имела лишь одно право: доказывать, что так называемый этнический фактор — преходящее явление на пути «дальнейшего развития» исторической общности — советского народа. А если имели место проявления этничности, то они рассматривались либо как происки националистов, либо как «родимые пятна» исторического прошлого, которые еще не изжиты в силу недостаточного интернационального воспитания. Исследования в основном сводились к изучению культуры общения, роли языка, смешанных браков. Самым благодатным полем для исследовательских работ был интернационализм, «одерживающий победу над национализмом». И только к середине 1980-х гг. стали появляться первые психологические диссертационные исследования, посвященные проблемам межгрупповых и межнациональных отношений (Г. У. Кюева, «Этнические стереотипы в системе межэтнических отношений», О. И. Дресв «Роль национальных обычаев и традиций в социальной регуляции поведения»).

В марте 1988 г. в Институте психологии АН СССР прошла конференция по проблемам психологии межнациональных отношений, в которой приняли участие психологи из большинства союзных республик. На конференции получил поддержку тезис о необходимости дополнения традиционного для этнопсихологического исследования интрасубъективного методологического принципа новым — интрасубъективным, который особенно важен для изучения особенностей межнациональных отношений. В январе 1990 г. было принято решение о создании в Институте лаборатории психологии межгрупповых отношений. Тем са-

мым был дан импульс активному участию социальных психологов в изучении проблем столь сложного и многомерного явления, как межнациональные отношения.

Обострение межнациональных отношений в конце 1980-х — начале 1990-х гг. и этнические конфликты вызвали возрастание спроса на знания реального положения дел в сфере межнациональных отношений и позволили убрать с пути этнопсихологической науки своего рода запрет на изучение проблем социального взаимодействия этносов. Приходится признать, что в целом отечественная этнопсихологическая наука отстала от зарубежной в изучении проблем взаимодействия между различными этносоциальными группами и не смогла своевременно сориентироваться в практическом решении межнациональных конфликтов.

С распадом СССР связано возникновение принципиально новых проблем, в частности — проблемы формирования этнического самосознания русских как единого народа. Этот процесс подтолкнул другие народы России к поиску своих исторических корней, своей особой этнической самобытности. Этнологи и этнопсихологи откликнулись на эти процессы рядом интересных исследований.

Одной из первых опубликованных работ по проблематике этнической психологии была коллективная монография «Актуальные проблемы этнической психологии» (1992). В основу монографии легли статья Л. Н. Гумилева (одна из последних при жизни) и работы преподавателей кафедры прикладной социальной психологии С.-Петербургского университета. В университете с 1991 г. стал читаться курс лекций по этнической психологии, включенный в программу подготовки социальных психологов. В издательстве СПбГУ было издано учебное пособие «Введение в этническую психологию» (1995), авторы которого, преподаватели факультета психологии СПбГУ, представили свое видение применения социально-психологических знаний для решения многогранных проблем межэтнических отношений. В ча-

стности, Л. Г. Почебут предложила деление этнических общностей по отношению к миру идей на *креативные*, к которым относятся этносы создающие, то есть продуцирующие идеи, и *аккомодивные*, которые не склонны к продуцированию собственных идей и ориентированы на заимствование их у других социумов и этносов. При этом учитывалось предложенная Л. Н. Гумилевым классификация этносов на гомеостатические и динамические; комплементарные и некомплементарные. Кроме того, Л. Г. Почебут предложила учитывать в процессе социализации личности три взаимосвязанных процесса: *социумизацию* как освоение индивидом духовных ценностей и опыта того социума, в котором он воспитывается, *этнизацию* как освоение индивидом духовных ценностей и опыта того этноса, к которому он принадлежит, и *культуризацию* как усвоение индивидом духовных ценностей и опыта других (как завершивших свой путь в истории, так и современных индивиду) социумов и этносов.

Развивая положение об этнизации личности, М. В. Харитонов в качестве важного условия этого процесса предложил учитывать влияние этнических ценностей на поведение этнофора с точки зрения концепции диспозиционной регуляции, выдвинутой В. А. Ядовым (на содержании этой концепции мы остановимся в главе «Этнические диспозиции»).

В 1990-е гг. были опубликованы результаты прикладных этнопсихологических исследований, выполненных З. В. Сикевич, Г. У. Солдатовой, В. Ю. Хотинец и рядом других ученых.

Актуальные для российского государства вопросы этнического самоопределения народов Северного Кавказа нашли свое отражение в работах Г. У. Солдатовой (Клюевой), в частности, в монографии «Психология межэтнической напряженности» (1998).

Межэтническая напряженность рассматривается Солдатовой в качестве социально-психологической характеристи-

ки отношений и взаимодействий между народами. Она следует в трех аспектах: как психологическое фоновое состояние, влияющее на развитие межэтнических разногласий, противоречий и конфликтов; как психокультурная составляющая проблемных ситуаций межэтнического взаимодействия; как результат активизации защитных психологических механизмов этнических групп.

В монографии Солдатовой предложены методологические и теоретические принципы социально-психологического подхода к исследованию межэтнической напряженности. Раскрыта система понятий, представляющих ее феноменологическое поле. Главное внимание уделено этничности (этнической идентичности), мотивационно-потребностной сфере этнического самосознания, этническим образам и поведенческим установкам. Обоснована система социально-психологических индикаторов уровня межэтнической напряженности, на основе которых рассматриваются ее фазы; раскрываются механизмы психологической защиты этнической группы в условиях роста напряженности между народами.

В исследовании рассматриваются ситуации межэтнической напряженности в различных республиках России — Туве, Татарстане, Саха (Якутии). Но основное внимание уделяется самому «горячему» региону страны — Северному Кавказу. Именно здесь в пределах России межэтническая напряженность достигла своих критических значений. Активно — на основе не только социально-психологических, но и этнологических, политологических, социологических, исторических и демографических материалов — анализируются результаты конкретных эмпирических исследований отношений между народами Северного Кавказа в различных ситуациях межэтнической напряженности. Исследуются идентичности чеченцев, ингушей, осетин и русских, а также этнические границы между этими народами в ситуации латентной напряженности в начале 1990-х гг. Анализи-

руются социально-психологические детерминанты сохранения конфликтной напряженности между осетинами и ингушами. В ситуациях фрустрационной и конфликтной напряженности исследуются статус, особенности самосознания русских Северного Кавказа и их взаимоотношения с горскими народами. Рассматриваются этнопсихологические проблемы адаптации вынужденных мигрантов на Северном Кавказе и с Северного Кавказа, переживших ситуации фрустрационной, конфликтной и кризисной межэтнической напряженности.

Эмпирической основой монографии является ряд социально-психологических исследований и этносоциологических опросов, проведенных Солдатовой в различные годы, а именно:

- ✓ Социально-психологическое исследование особенностей этнического самосознания у осетин, ингушей, чеченцев и русских, проведенное через полтора года после обострения осетино-ингушских отношений в октябре 1982 г.
- ✓ Этносоциологический опрос и исследование этнических стереотипов у беженцев из Южной Осетии и внутренних районов Грузии. Выполнены в сентябре 1991 г. в период наибольшего обострения отношений между Грузией и Южной Осетией.
- ✓ Этносоциологический опрос населения Владикавказа (Северная Осетия, май 1992 г.), проведенный за 5 месяцев до начала вооруженного конфликта между Ингушетией и Северной Осетией (русские, осетины, ингуши).
- ✓ Исследование самосознания терского казачества, проведенное в 1993 и 1995 гг. в различных республиках Северного Кавказа.
- ✓ Социально-психологическое исследование городского населения Северной Осетии (Алании), Тувы, Татарстана и Саха (Якутии), проведенное в рамках проекта «Национальное самосознание, национализм и разрешение конфликтов в Российской Федерации» (1993–1995 гг.).

✓ Социально-психологическое исследование лидеров и активистов национальных движений Северной Осетии (Алании) и Тувы, проведенное в рамках проекта «Национальное самосознание, национализм и разрешение конфликтов в Российской Федерации» в августе–сентябре 1994 г. (осетины, тувинцы).

✓ Социально-психологическое исследование русских беженцев из Чечни, проведенное в августе–сентябре 1994 г. в Северной Осетии (Алании).

Исследования, представленные в книге Солдатовой, как мы видим, отражают всю палитру межэтнических отношений на Северном Кавказе и осуществлены в русле конфликтологического аспекта этнопсихологии с широкой опорой на данные социальной и общей психологии, этнологии, социологии, истории, демографии, политологии и культурологии.

Проблеме этнического самосознания народов Урала посвящена монография В. Ю. Хотинец [39]. Основной задачей исследования являлось теоретическое и эмпирическое объяснение такого сложного социально-психологического образования как этническое самосознание.

Эмпирическая часть книги содержит материалы изучения коренных народов Прикамья — западной территории Среднего Урала: удмуртов, татар, башкир, коми-пермяков. В отечественной истории и культуре Средний Урал занимает особое место: с XIV века он считается органической частью Русского государства. Народы Прикамья проживают на территории традиционного расселения своих предков, сохраняют самобытный уклад жизни, оригинальную этническую культуру, являясь носителями специфической этничности и своеобразного этнического самосознания.

Достоинством монографии Хотинец является определение структуры этнического самосознания личности. Она включает в себя шесть компонентов:

- осознание особенностей культуры своей этнической общности;
- осознание психологических особенностей своей этнической общности;
- осознание тождественности со своей этнической общностью;
- осознание собственных этнопсихологических особенностей;
- осознание себя субъектом своей этнической общности;
- социально-нравственная самооценка этничности.

С учетом теоретических и методических подходов к психологии этнического самосознания Хотинец сформулировала достаточно конкретное определение этого феномена как относительно устойчивой системы осознанных представлений и оценок реально существующих этнодифференцирующих и этноинтегрирующих компонентов жизнедеятельности этноса. В итоге формирования данной системы человек и осознаёт себя в качестве представителя этнической общности.

В 1990-е гг. был опубликован ряд интересных публикаций по этнической психологии, которые можно считать добротной основой ее дальнейшего развития.

Это работы Платонова Ю. П., Почебут Л. Г. (1993), Бороносова А. О., Павленко В. Н. (1994), Саракуева Э. А., Крысько В. С. (1996), Лебедевой Н. М. (1997), Стефаненко Т. Г. (1999).

Следует отметить, что российская этническая психология, учитывая сложности межэтнических отношений в России, должна быть востребована в XXI веке в гораздо большем объеме.

ЭТНИЧЕСКИЙ МИР ЧЕЛОВЕКА КАК ПРЕДМЕТ ЭТНИЧЕСКОЙ ПСИХОЛОГИИ

ГЛАВА 16. ЭТНИЧЕСКИЕ ГРАНИ ЛИЧНОСТИ

Общеизвестно, что люди, принадлежащие к разным народам и этническим группам, отличаются друг от друга своим поведением, культурой, нравами, обычаями. Пунктуальность, высоко ценимая немцами и голландцами, сравнительно мало значит в Испании и еще меньше — в странах Латинской Америки. Североамериканцы запросто зовут друг друга только по имени, но это вовсе не означает дружбы или интимной близости, которые такое обращение предполагало бы в России. Этнические особенности ярко проявляются в искусстве, особенно народном. Не нужно быть тонким ценителем, чтобы отличить русскую мелодию от итальянской или узбекской, украинский орнамент от индийского, английский юмор от французского. Люди обычно без особых затруднений перечисляют черты, типичные, по их мнению, для их собственного и для чужих народов, и нередко (хотя далеко не всегда) подобные характеристики и самохарактеристики совпадают, принимаются без возражений. Но, с другой стороны, все или почти все подобные характеристики субъективны, а то и вовсе произвольны.

Именно эта расплывчатость оценок и описаний вызывает у многих исследователей возражения против существования четких границ в содержании таких традиционных для этнической психологии понятий, как национальный характер, национальный темперамент, национальные чувства и настроения. Какими словами можно определить русский национальный характер? Порывистый, горячий, добродушный, искренний, смелый, вспыльчивый? Но на все перечисленные эпитеты могут претендовать и другие народы. Что, украинцы менее смелы и добродушны, чем русские? Известна склонность украинцев к юмору. Но кто может отрицать склонность к юмору у русских или у казахов, у туркмен?

В качестве примера можно привести результаты исследований, проведенных отечественными и зарубежными психологами и этнологами. Вот как выглядят характерологические портреты типичных представителей различных этнических групп.

1. Японец: трудолюбивый, осторожный, организованный, серьезный, упорный, озабоченный.
2. Англичанин: тактичный, спокойный, критичный, умный.
3. Немец: практичный, организованный, трудолюбивый, уверенный, твердый, жесткий, пунктуальный.
4. Русский: откровенный, щедрый, бесшабашный, прощающий, непрактичный, доверчивый, миролюбивый.
5. Грузин: возбужденный, импульсивный, боевитый, претенциозный, агрессивный.
6. Татарин: гордый, самоуверенный, сметливый, трудолюбивый, хитрый, вспыльчивый, отходчивый.

Монтень писал по поводу распространенных в его время взглядов на «варварские» народы: «...я нахожу... что в этих народах, согласно тому, что мне рассказывали о них, нет ничего варварского и дикого, если только не считать варварством то, что нам непривычно. Ведь, говоря по правде,

у нас, по-видимому, нет другого мерила истинного и разумного, как служащие нам примерами и образцами мнения и обычая нашей страны».

Таким образом, те черты, которые мы воспринимаем как специфические особенности национального характера, — это продукт определенных исторических условий и культурных влияний. Они производны от истории и изменяются вместе с нею. А затем, с известным отставанием, меняются и соответствующие стереотипы. Так, в начале XVIII в. многие в Европе считали, что англичане склонны к революции и перемене, тогда как французы казались весьма консервативным народом; 100 лет спустя мнение диаметрально изменилось. В начале XIX в. немцев считали (и они сами разделяли это мнение) непрактичным народом, склонным к философии, музыке и поэзии и малоспособным к технике и предпринимательству. Произошел промышленный переворот в Германии — и этот стереотип стал безнадежным анахронизмом.

Взаимопроникновение различных культур, определенная стандартизация образа жизни, прогрессирующая урбанизация вызывают у разных народов стремление самоутвердиться в своих специфических культурно-психологических ценностях. Культурное самоотжествление теснейшим образом связано с проявлением этнического самосознания народов. Это специфическое этническое отражается, в первую очередь, в духовной культуре, в повседневном быте народа, в его жизненных ориентациях, в неповторимом типе мировосприятия. Различные науки пытаются объяснить причины возникновения этнических особенностей как некоей «коллективной» психологии, определяющей поведение, эмоции и представления членов этноса. Ведь как отмечал В. Г. Белинский, «...тайна национальности каждого народа заключается не в его одежде или кухне, а в их, так сказать, манере понимать вещи...»

В качестве определяющего фактора формирования этнопсихологических свойств народов этнографы выделяют влияние культурной среды. Собственно, культура начинается с

того, что на поведение индивидов накладываются те или иные ограничения, так как целостность культурной среды предполагает выработку единых правил поведения, общей памяти, единой картины мира у представителей конкретного этноса. В процессе исторического развития каждый народ создает собственную однородную систему культурных ценностей, которые используются его членами для выражения своего мироощущения и этнического самосознания. Примером этому может служить национальное искусство. В своих различных формах оно способствует сохранению этнического духа, традиций, выступая одним из действенных механизмов адаптации этноса к деструктивным воздействиям внешних исторических сил. Многие авторы пытаются увязать процесс существования определенной этнической общности с генезисом и функцией институциональных отношений. Как особый регулятивный механизм, институциональные отношения образуют общепринятые нормы социальной действительности и этнического самосознания и во многом определяются особенностями этнических взаимоотношений, сложившихся в данной культурной среде.

Этнолингвисты в качестве ведущего фактора формирования «психики этноса» рассматривают влияние языка как своеобразной копилки исторического опыта народа. Любый язык сопряжен с этическими, правовыми, религиозными формами общественного сознания, которые несут в себе значительную этническую нагрузку. В основе этих исследований лежат идеи В. Гумбольдта, который ставил задачу реконструкции «духа народа» через особенности «внутренней формы языка» (грамматики, семантической структуры). В функциональном плане структура языка в значительной степени направляет структуру мышления индивидов. Поэтому в силу доминантности языка среди других психологических факторов связь этнической психологии с лингвистикой представляется продуктивной в решении проблемы этнического самосознания.

В антропологических исследованиях особенности психических свойств этноса часто интерпретируются как «абсолютизированные психологические» паспорта. Исследование национального характера осуществляется при помощи таких понятий, как «основная» или «модальная» личность, выступающих как своего рода усредненный характер отдельной культуры. В этом характере выделяют существенные признаки исследуемого народа, единые для всех его представителей. На этом основании большинство этнокультурных феноменов рассматриваются через призму «основной личности». Подобные взгляды антропологов подвергаются серьезной критике этнических психологов. Так, известный русский философ и этнопсихолог Г. Г. Шпет подчеркивал, что «можно говорить об устойчивости диспозиций, приобретенных в коллективном опыте, постоянстве выработавшихся "внутренних установок", коллективной "апперцепции" и т. д., не нужно только за ними предполагать "готовой врожденности"». По его мнению, любая историческая общность (нация, этнос) носит в себе способность развивать самостоятельное волевое единство, подчиняющее в определенной мере отдельных лиц, ее составляющих. Общий язык, система духовных ценностей, символы, отношения к вещам и людям передаются из поколения в поколение, причем унаследованные способы поведения служат образцами для будущих действий. Это многообразие факторов определяет «типические коллективные переживания», или особенности психического склада тех или иных этнических общностей. На этом основании Шпет делает вывод, что «ключ к пониманию психологии народа лежит в его истории, в конкретной структуре социальной действительности, образующей наличное бытие „коллективного духа нации“». Из этой посылки следует, что психология народа проявляется в его отношении к им же созданным духовным ценностям. Поскольку каждый индивид является репрезентатором всей реагирующей группы, его

личные переживания предопределяются всей массой апперцепций, составляющей коллективность переживаний его рода, как его современников, так и предшественников. Таким образом, Шпет развенчивает всякую попытку вывести из «психологического индивида» какую-либо систему объективных форм культуры.

Своеобразный психологический склад вырабатывается у этноса в результате всей совокупности специфических условий его существования. Так, среда со своими природными и исторически сложившимися социокультурными особенностями накладывает отпечаток на особенности психики этноса, что проявляется не столько в определенных видах культуры, сколько в поведении членов этноса. Этот субъективный этнический склад узнается в его объективации как совокупности реакций народа на обстоятельства жизни, в которых он участвует. В социальной жизни этническая общность проявляется лишь тогда, когда входящие в нее люди не только говорят на одном языке, живут на одной территории, но и чувствуют себя принадлежащими именно к этой общности.

Сравнение как этнофоров, так и этнических групп проводится главным образом по степени выраженности у них тех или иных общих черт или признаков. Но чтобы сравнение было объективным, нужно учитывать относительность любых этнических характеристик. Так, в работах, посвященных русскому национальному характеру, часто называется, например, такое качество, как эмоциональная сдержанность. Но по сравнению с кем русские кажутся эмоционально сдержанными? По сравнению с итальянцами? Да. Но не по сравнению с финнами или эстонцами. Утверждения, относящиеся к чертам национального характера и высказанные в абсолютной форме, без указания того, с кем сравнивается данная группа, неизбежно порождают путаницу. Социологов и социальных психологов в первую очередь интересует, имеются ли между индивидами, принадлежа-

щими к разным нациям и этническим группам, определенные эмпирически наблюдаемые психологические различия и если да, то какова природа и степень этих различий.

Например, простейшее суждение: немцы — блондины. Истинно ли это суждение? И да и нет. Если оно утверждает, что все немцы или хотя бы большинство немецкого народа являются блондинами, то это суждение ложно: блондины составляют меньше половины населения Германии. Однако в нем содержится доля истины в том смысле, что среди немцев блондинов гораздо больше, чем среди французов, итальянцев или испанцев. Поэтому по сравнению с этими народами немцы кажутся блондинами. Это сравнение (чаще всего только подразумеваемое) присутствует в любых этнических стереотипах.

Американцам, с их динамичным ритмом жизни и отсутствием глубоких исторических традиций, англичане кажутся консервативными; эта черта почти всегда фигурирует в американском стереотипе англичанина. Но эта черта совершенно отсутствует в образе англичанина, распространенном, например, в Аргентине, где подчеркивается культурность, практичность, интеллигентность англичан, а из отрицательных черт — «склонность к господству» и «эгоизм». Совершенно очевидно, что такое различие оценок обусловлено опытом общения с представителями соответствующей этнической группы. Всприятие других людей всегда предполагает у этнофора соотнесение — осознанное или неосознанное — собственных качеств с качествами этих людей.

Но что же такое *национальный характер* человека? В своем первоначальном значении греческое слово «характер» обозначало знак или символ, выражающий специфику какого-нибудь явления; характерный — значит, специфический. Позже оно стало обозначать определенную черту или совокупность черт, отличающих одного человека от другого. Одни психологи подчеркивают значение генетических факторов (древние греки, например, фактически отождест-

вляли характер личности с ее физическим темпераментом). Другие связывают характер с физиологической конституцией организма. Третьи считают, что в основе характера лежат определенные инстинкты или типы нервной системы. Четвертые, говоря о характере, имеют в виду направленность интересов, склонностей, установок и т. д.

Национальный характер — это исторически сложившаяся совокупность устойчивых психологических черт представителей той или иной этнической группы, определяющих привычную манеру их поведения и типичный образ действий и проявляющихся в их отношении к социально-бытовой среде, к окружающему миру, к труду, к своей и к другим этническим общностям. Причем отношение к окружающим раскрывает особенности этнического (национального) сознания людей. К этой группе черт национального характера относятся такие черты, как консерватизм, религиозность, оптимизм, пессимизм. Отношение к труду проявляется в национальном характере в форме таких черт, как деловитость, практичность, аккуратность, пунктуальность, обязательность, предприимчивость, пассивность, неорганизованность.

Если рассматривать характер просто как совокупность каких-то черт, то даже просто описать его практически невозможно; так, например, в словаре Ожегова — полторы тысячи прилагательных, описывающих характер. Поэтому современная психология рассматривает характер не как простую сумму черт, а как определенную целостную структуру. Однако вопрос о природе этой структуры остается спорным.

Эта многозначительность сказывается и в литературе о национальном характере. Термин «национальный характер» — не аналитический, а описательный; он появился первоначально в литературе о путешествиях с целью выразить специфику образа жизни того или иного народа. Одни исследователи, говоря о национальном характере, подразумевают темперамент, особенности эмоциональных реакций эт-

нофоров. Другие фиксируют внимание на социальных ориентациях, нравственных принципах, отношении к власти, труду и т. п.

Но с точки зрения психологической науки национальный характер подразумевает свойства не отдельного индивида, а целой этнической общности (группы). Такая группа должна иметь общую культуру, символы, обычаи и т. п. Но можно ли из общности культуры делать вывод об общности (и специфичности) психологического склада конкретного этноса?

Например, Питирим Сорокин писал, что свойства разрозненных частей автомобиля не тождественны свойствам целого автомобиля как организованной системы; свойства человеческого организма как системы нельзя понять, изучая его отдельные органы или клетки. Точно так же и свойства социально-культурной системы нельзя понять, ограничив себя изучением отдельных членов общества. На этом основании Сорокин считал психологическое исследование национального характера принципиально невозможным.

Аналогии, проводимые Сорокиным, касаются взаимоотношений части и целого, элемента и структуры. Например, дерево, принадлежащее к определенному виду, обладает своими неповторимыми индивидуальными особенностями, но оно, вместе с тем, несет в себе некоторые основные черты, характеризующие вид как целое. Это относится и к человеку (этнофору). Его психологические свойства «заданы» не столь жестко, как биологические, и здесь гораздо больше всякого рода вариаций. Когда говорят, что такому-то человеку (имеется в виду определенный социальный характер) свойственны такие-то и такие-то черты, это значит, что они действительно присутствуют, хотя и в разной степени и в разных сочетаниях, у значительного количества индивидов, составляющих данную этническую группу.

История народов, в особенности история больших современных наций, сложна и противоречива. Национальный характер каждой современной нации напоминает палим-

псест — пергамент, на котором поверх старого, более древнего текста написан новый; стоит смыть верхний слой, и под ним появится не видная вначале, иногда сильно поврежденная, но все-таки сохранившаяся древняя надпись. Так и в истории народа каждый этап исторического развития оставляет свои неизгладимые следы. Чем длиннее и сложнее путь, пройденный народом, тем сложнее и противоречивее его национальный характер.

Для понимания этнической специфики используется и такое понятие, как *национальный темперамент*. Своеобразие национального темперамента объясняется влиянием климатической среды, образа жизни, рода занятий этнофоров, специфической этнической культурой. Отсюда и наглядные различия в эмоциональных реакциях на жизненные ситуации, явления привычной и непривычной среды. В научно-популярной литературе, как правило, выделяют южный (субтропический) темперамент южных народов и холодный темперамент северных. Принято говорить не о национальном темпераменте, а о преобладании определенных типов темперамента, тех или других его особенностей или же о доминировании, а также специфическом сочетании его свойств у представителей конкретной этнической общности. Например, немцы и англичане по темпераменту — образцовые сангвиники, итальянцы и испанцы — явные холерики. Славянские народы отличаются повышенной сенситивностью, социальной эмоциональностью, а прибалтийские — некоторой флегматичностью.

Однако подобные умозаключения в научной психологии не получили должного подтверждения.

Важным элементом психологической специфики личности этнофора являются *национальные чувства и настроения*. Национальные чувства выражают прежде всего эмоциональное отношение к собственно этнической реальности. К ним причисляются чувства, выражающие гордость за свой народ, приверженность к национальным ценностям,

достоинств. Объективно определяя свою значимость в обществе, включая личные интересы, помыслы и устремления в общественную деятельность, человек понимает свою ценность, осознавая чувство собственного достоинства. Действия и поступки людей, совершаемые во благо своей социальной группы, осуществляемые в совместной деятельности и во взаимоотношениях с членами интруппы и аутгруппы, регулируются чувством национального достоинства при осознании этносубъектами значимости и смысла деятельности в общественно полезном труде, в решении проблем первостепенной важности, направленных на развитие и воспроизводство своего этноса [39].

Национальное настроение выполняет функцию регуляции психической активности людей, функцию установки воспринимать и действовать определенным образом. Настроение этнофора детерминировано историческими событиями жизни этноса, судьбой его членов, политическими, экономическими условиями функционирования этноса.

Динамичность национальных чувств и настроений в силу тех или иных социально-экономических изменений предполагает и позитивную, и негативную окраску их проявления. Чувство национальной гордости и достоинства, социальная динамика этноса кардинально противоположны гипертрофированному чувству своего этнического превосходства и исключительности, выраженных в этнофантазме и национализме.

Важным элементом этнического мира человека являются *национальные традиции* — сложившиеся на основе длительного опыта жизнедеятельности этноса, прочно укоренившиеся в повседневной жизни, передающиеся новым членам этнической общности правила, нормы и стереотипы поведения людей, соблюдение которых стало общественной потребностью каждого. Национальные традиции проявляются не только в поступках, делах, одежде, стиле общения, но и в движениях, жестах и других еле заметных

деталях. У каждого человека есть бессознательный механизм, который фиксирует отношение «свой — чужой» по едва заметным нюансам проявления психики.

Недостаточное знание национальных традиций нередко ведет к серьезным осложнениям в общении с представителями других этносов. Значение национальных традиций, их содержание различны у отдельных народов. Например, считается, что англичане слепо преклоняются перед своими традициями, стремятся в любых условиях сохранить свои привычки, вкусы, нравы. Традиции людей разных народов могут быть чрезвычайно разнообразными. Вот как описал их в романе «Люди, годы, жизнь» И. Эренбург: «Европейцы, здороваясь, протягивают руку, а китаец, японец или индеец вынуждены пожимать конечность чужого человека. Если бы приезжий совал парижанам босую ногу, вряд ли это вызвало бы восторг. Анличанин, возмущенный проделками своего конкурента, пишет ему: «Дорогой сэр, Вы мошенник», без «дорогого сэра» он не может начать письмо. Христианин, входя в церковь, снимает головной убор, а еврей, входя в синагогу, покрывает голову. В Европе цвет траура черный, в Китае — белый. Когда китаец видит, как европеец или американец идет под руку с женщиной, порой даже целует ее, это кажется ему чрезмерно стыдным. Если к европейцу приходит гость и восхищается картиной, вазой или другой безделушкой, то хозяин доволен. Но если европеец начнет торговаться вещицей в доме китайца, то хозяин дарит ему этот предмет — того требует вежливость. В Китае к чашке риса, которую подают к концу обеда, никто не притрагивается — нужно показать, что ты сыт».

Для понимания психологии этнического мира человека необходимо рассмотреть некоторые механизмы регуляции социального поведения, в частности, с позиции «Я-концепции». Думая о себе, человек крайне редко бывает нейтрален, он всегда каким-либо образом относится к себе. Поэтому мысли о себе всегда эмоционально окрашены и час-

то содержат оценку себя, отдельных сторон своей личности, деятельности. Мнение человека о себе реализуется в поведении, в отношениях с другими людьми, в его представлениях относительно того, чего следует ждать от себя в будущем. Они создают основу устойчивого личностного образования — «Я-концепции».

«Я-концепция» объединяет все знания человека о себе и то, как он оценивает себя. Она существует не только на осознанном, но и на бессознательном уровне, отражая неосознанные, представленные только в переживании установки человека по отношению к себе.

В «Я-концепции» обычно выделяют три основных компонента — когнитивный, эмоционально-оценочный и поведенческий.

Когнитивный компонент «Я-концепции» — «образ Я» — характеризует содержание представлений человека о себе. В «образ Я» могут входить представления человека о своих способностях, отношениях с окружающими, внешности, социальных полях, интересах, личностных качествах и т. п. Перечисление практически бесконечно, поскольку в «образ Я» может включаться все, что значимо для человека, все, что позволяет ему, с одной стороны, чувствовать общность с другими людьми, объединять себя с ними, а с другой — отличать себя от них, осознавать себя как особую, неповторимую личность. Поэтому содержание образа «Я-концепции» характеризуют две составляющие: а) «присоединяющая», обеспечивающая объединение индивида с другими людьми, и б) дифференцирующая, способствующая его выделению по сравнению с другими и создающая основу для чувства собственной неповторимости, уникальности.

Институт общественного мнения Гэллага в 1960-х гг. проводил опрос в Афинах, Хельсинки, Иоганнесбурге, Копенгагене, Амстердаме, Дели, Нью-Йорке, Осло, Стокгольме, Торонто, Западном Берлине и Вене. Были предложены та-

кие вопросы: какой народ имеет самый высокий культурный уровень? у кого самая лучшая кухня? где самые красивые женщины? у какого народа сильнее всего развита национальная гордость?

Что касается кухни, оказалось, все опрошенные предпочитают собственную национальную. Самые красивые женщины, по мнению западноберлинцев, — шведки; по мнению венцев, — итальянки; по мнению датчан, — немки; в остальных странах предпочтение отдано своим женщинам. Греки, голландцы, индийцы, американцы, норвежцы, шведы, немцы и австрийцы сочли наиболее высоким культурным уровнем собственный. Финны, отвечая на этот вопрос, отдали предпочтение Соединенным Штатам и Дании, а жители Южно-Африканской Республики и Канады поставили выше себя Великобританию. Что касается национальной гордости, пальму первенства получили англичане, только греки, индийцы и американцы назвали самих себя, а финны — шведов.

Из результатов этого опроса для нас важен лишь один вывод: очевидно, что люди в принципе способны критически относиться к своей национальной культуре и положительно оценивать что-то чужое.

Второй компонент «Я-концепции» — **эмоционально-оценочное отношение** к себе — отражает отношение человека (этнофора) к себе в целом или к отдельным сторонам своей личности, деятельности и т. п. и проявляется в самоуважении, чувстве собственного достоинства, самооценке и уровне притязаний.

Фундамент второго компонента составляет самоуважение, или чувство собственного достоинства, собственной ценности. Самоуважение — это вера в собственные силы и возможности. Оно не связано конкретно с какой-либо областью и выражает не столько оценку, сколько общее отношение человека к самому себе. Самоуважение — это принятие себя, любовь к себе.

В понятии «самооценка», как видно из самого названия, на первый план выходит именно оценочный компонент. Самооценка — оценка человеком себя в целом (общая самооценка) и отдельных сторон своей личности, деятельности, отношений с другими людьми (частные, или парциальные, самооценки). Самооценка может быть устойчивой, то есть сохраняющейся в разных ситуациях и на достаточно длительное время, и неустойчивой.

Для развития очень важно разумное сочетание устойчивости и неустойчивости самооценки. Так, сохранение устойчивой самооценки при изменившихся условиях ситуации препятствует и нормальному осуществлению деятельности, и самореализации в ней. Сильная неустойчивость самооценки порождает колебания, своеобразные «качели» — от очень высокого до очень низкого представления о себе.

Трагические страницы истории человечества связаны с этим понятием. Бесчисленные войны между народами и государствами за ресурсы велись под стягом своей национальной (этнической) исключительности и второсортности своих противников. Идеология фашизма — тому крайнее подтверждение.

Самооценка тесно связана с уровнем притязаний, то есть с уровнем трудности целей, которые человек ставит перед собой; она определяет, какие достижения он будет воспринимать как неудачу, а какие — как успех. В конкретной деятельности самооценка и уровень притязаний могут быть достаточно точно установлены. Поэтому применительно к конкретной деятельности можно говорить об уровне самооценки и притязаний — высоком, среднем и низком.

В этих случаях можно говорить и об адекватности самооценки. Самооценка является адекватной, если она соответствует реальной успешности деятельности человека в какой-либо деятельности. Неадекватной самооценка бывает в тех случаях, когда она не соответствует успешности дея-

тельности. Неадекватная самооценка может быть завышенной (когда субъект существенно завышает свои актуальные возможности) и заниженной (когда он их занижает). И неадекватно завышенная, и неадекватно заниженная самооценка — сильный тормоз и общего развития, и успешности в какой-либо деятельности.

Если человек (этнофор) имеет завышенную самооценку и ставит перед собой слишком высокие, не соответствующие его реальным возможностям цели, он неминуемо сталкивается с неуспехом, неудачами. Такие переживания очень болезненны, и чтобы избежать их, он должен скорректировать свою самооценку, снизив ее и свои притязания, либо как-то обесценить неуспех, доказав прежде всего самому себе, что это произошло случайно, вызвано несправедливостью других людей; в особо сложных случаях он как бы не замечает собственного неуспеха, игнорируя его. Часто это происходит неосознанно для него самого под действием особых защитных психологических механизмов. При заниженной самооценке, при достижении слишком доступных целей теряется зона перспективного развития.

Важно понимать, однако, что о завышенной или заниженной самооценке можно говорить лишь по отношению к какой-либо конкретной деятельности, результаты в которой могут быть точно определены и соотнесены с каким-либо образцом, эталоном.

Оптимальным для развития личности является высокий уровень самоуважения, общей самооценки. Человек с высоким уровнем самоуважения — это человек, обладающий чувством собственного достоинства, уверенный в себе, человек, который осуществляет и утверждает себя не за счет других людей, а за счет реализации собственных возможностей, собственных усилий.

Напротив, низкий уровень самоуважения, непринятие себя, как правило, характеризуется ощущением собственной неполноценности, болезненным самолюбием, стремлением

утвердить себя за счет окружающих. Люди с низким уровнем самовыражения часто болезненно реагируют даже на безобидные шутки со стороны окружающих и еще более остро — на критику с их стороны. Они бывают склонны к накоплению мелочных обид, к соперничеству. Для них бывает характерна постоянная боязнь проявить свою несостоятельность в глазах других людей.

Одним из выражений низкого уровня самоуважения, самооценки является комплекс неполноценности. Этот феномен был открыт известным психоаналитиком А. Адлером (1870–1937). Комплекс неполноценности проявляется в стойкой уверенности человека в своей несостоятельности, неспособности решать жизненные проблемы.

Такие люди нуждаются в поддержке и помощи окружающих, а в наиболее сложных случаях — в специальной психологической и психотерапевтической помощи.

Третий компонент «Я-концепции» — *поведенческий*. Он определяет возможность саморегуляции, способность человека принимать самостоятельные решения, управлять своим поведением, контролировать его, отвечать за свои поступки.

В нем отражаются представления и переживания человека относительно того, способен ли он решать задачи, которые ставит перед ним жизнь, и те, которые сам он ставит перед собой, может ли он справляться с трудностями, сумеет ли он достичь своих целей, что выражается в его уверенности или неуверенности в себе.

Важным измерением «Я-концепции» является ориентация в поведении на внешний или внутренний контроль. При этом людей можно разделить на экстерналов и интерналов. При ориентации на внешний контроль у экстерналов самооценка определяется в основном отношением к ним других людей, а события своей жизни они объясняют, соответственно, судьбой, роком, влиянием других людей. Интерналы ориентированы на внутренний контроль, учитывают глав-

ным образом свои самооценки и считают, что все в жизни зависит только от них. Однако полярные выражения каждого из этих типов являются непродуктивными, в том числе и в межэтнических отношениях.

ГЛАВА 17. ЭТНИЧЕСКАЯ ИДЕНТИЧНОСТЬ ЛИЧНОСТИ

Этническая идентичность личности, по мнению большинства этнопсихологов, — это осознание себя представителем определенного этноса, переживание человеком своего тождества с одной этнической общностью и отделения от других.

Существует довольно широкий спектр толкований этнической идентичности личности. Условно их можно разделить на две области: личностная идентичность и этническая групповая идентичность. Личностная идентичность определяется персональными качествами и характеристиками этнофора. Этническая групповая идентичность описывается социальными категориями и базируется на анализе этнических групп, к которым этнофор принадлежит и с которыми себя отождествляет.

Личностную идентичность этнофора характеризуют в основном три фактора:

- место этнофора в отношениях с другими (доминируют понятия этнической структуры и этнических ролей);
- качества, которыми этнофор наделяет себя (деловые, поведенческие, интеллектуальные);
- самооценка этнофора (адекватная — неадекватная).

Этническая идентичность — это не только осознание своего тождественности с этнической общностью, но и ее оценка

(чувства достоинства, гордости, обиды, страха являются важнейшими критериями межэтнического сравнения, эти чувства опираются на глубокие эмоциональные связи человека с этнической общностью и моральные обязательства по отношению к ней, формирующиеся в процессе социализации индивида). Можно выделить позитивную этническую идентичность, когда позитивные этнические чувства и аттитюды (социальные установки) включают в себя удовлетворенность человека своим членством в этнической общности, желание принадлежать ей, гордость за достижения своего народа. Негативная этническая идентичность — это наличие негативных аттитюдов к своей этнической общности, что включает даже отрицание собственной этнической идентичности, чувство униженности, стыда, предпочтение других групп и народов в качестве референтных.

Теоретические традиции исследования личностной этнической идентичности связаны в основном со школой символического интеракционизма.

Идентичность индивида является результатом попытки соединить социальные роли, которые он выполняет, и его психологические диспозиции с теми моделями личности, которые считаются одобренными в культуре, к каковой принадлежит конкретный индивид. Эта интеграция является важным внутренним свойством личности, особенно в период преодоления кризисных моментов жизни.

Направление исследований, определяемых как групповая идентичность личности, связано с принадлежностью индивида к определенной социальной группе, в том числе и этнической.

Основные теоретические подходы к анализу понятия этнической идентичности возможны в рамках психологических и социопсихологических исследований группового и межгруппового поведения. Толчком к этим исследованиям всегда являются социальные факты групповой дискриминации, национальной вражды, этноцентризма,

предубеждений, то есть факты межгрупповых конфликтов. Эти теоретические подходы можно разделить на четыре традиционно выделяемые в психологии группы: *психоаналитическую, бихевиористическую, когнитивную и деятельностную*.

Психоаналитики объясняют социальное поведение человека интрапсихическими факторами. Они исходят из перманентного конфликта между личностью и социумом, обусловленного доминирующей ролью в человеческой жизни бессознательных импульсов, подавляемых обществом. Идея агрессивного начала в человеке лежит и в основе объяснения межгруппового взаимодействия. З. Фрейд первым дал развитую психологическую интерпретацию межгрупповых отношений и, в частности, проблемы отождествления индивида с группой, то есть явления социальной идентификации. Фрейд связывал это явление с противопоставлением любви к собственной группе и агрессии по отношению к другим. Постулировав факт неизбежности, универсальности аутогрупповой враждебности в любом межгрупповом взаимодействии, фрейдисты считают ее главным средством поддержания сплоченности и стабильности группы. Всегда можно связать любовью большое количество людей, но всегда останутся и такие, на которых можно будет направлять агрессию. Они объясняют враждебность индивида к «чужим» и привязанность к «своим» амбивалентностью эмоциональных отношений раннего детства, которые переносятся на социальное взаимодействие: любовь и подавляемая агрессия трансформируются в любовь к лидеру и агрессию к аутогруппе.

Идея Фрейда и его последователей о неизбежности враждебного отношения к аутогруппам прочно вошла в теоретические построения исследований межгруппового взаимодействия не только психоаналитической ориентации, но и некоторых других научных школ. Сам Фрейд, в частности, оказал значительное влияние на Т. Адорно.

Классическая работа Адорно и его сотрудников — учение об авторитарной личности. Авторитарность личности, по Адорно, — продукт ранней социализации в семье. Если родители сознательно или бессознательно стремятся к сильной зависимости ребенка от них, ограничивая и подавляя его свободу строго регламентированными нормами поведения, то в дальнейшем он будет чувствовать себя комфортно только в ситуациях статусно оформленных и эмоционально знакомых. Авторитаризм тесно связывается с этноцентризмом, то есть с тенденцией быть жестко связанным с этноцентричной группой и отклонять все касающееся других групп. Именно степень авторитарности личности, по мнению Адорно, автоматически определяет ее поведение в межгрупповой ситуации. Тем не менее, Адорно сделал шаг вперед на пути объяснения социального поведения от причин чисто психологических к социально-психологическим, объясняя групповое поведение не бессознательными влечениями, а процессами воспитания.

В противовес Адорно Дж. Доллард и Л. Берковитц сочли групповую предубежденность продуктом нормального функционирования человеческого сознания. Агрессивное поведение индивидов по отношению к другим группам возникает при наличии у них фрустраций, имеющих социальный характер. Фрустрации появляются, когда индивид начинает сравнивать себя с подобными. Меньшее количество различных преимуществ (материальных и духовных благ, власти и т. д.), чем у других, особенно в сравнении с индивидами той же социальной категории, ведет к фрустрациям, которые неизбежно выливаются в агрессивное поведение.

Этническая идентичность сильнее выражена у тех людей, которые живут в культурной среде, значительно отличающейся от собственной. Важную роль играет то обстоятельство, к какой группе этнического большинства (или меньшинства) принадлежит человек. Представления об этнических группах быстрее и острее формируются у пред-

ставителей этнического меньшинства, но порой в детстве представители меньшинства предпочитают не свою группу, а хотят быть в группе этнического большинства. В этом случае может сформироваться ложная идентичность: ребенок воспринимает себя в качестве членов доминирующей группы, а не в составе своей реальной этнической группы.

С возрастом и развитием этнической идентичности у членов этнических меньшинств обычно происходит сдвиг к «внутригрупповой ориентации на свою этническую группу». Людям свойственно стремление сохранить или восстановить позитивную этническую идентичность, которая дает ощущение психологической безопасности и стабильности.

Эта распространяется и на межгрупповые отношения объясняя, в частности, появление националистических установок. Таким образом, установки этнофора по отношению к аутгруппам могут рассматриваться как способ разрешения внутриличностных конфликтов и противоречий. Агрессивное поведение по отношению к членам других групп сочетается с признанием и любовью по отношению к «своим», то есть к группам идентификации.

Бихевиористы пытаются ответить на вопрос, почему большое количество индивидов выбирает одну и ту же мишень для агрессии и почему агрессия часто — групповой, а не индивидуальный феномен. Так, социальный психолог М. Шериф провел классические исследования для выяснения возникновения межгрупповых отношений и влияния функциональной взаимозависимости между группами. Он показал, как дружелюбные отношения между отрядами мальчиков в летнем лагере трансформируются во враждебные в результате искусственно введенного фактора межгрупповой конкуренции. Объективный конфликт интересов приводит к появлению негативных аутгрупповых стереотипов и в то же время способствует внутригрупповой сплоченности и поддержке.

Согласно теории группового конфликта, реальный конфликт интересов между группами (актуальный, или имевший место в прошлом, или предполагаемый) обуславливает отношения конкуренции и ожидания реальной угрозы со стороны другой группы. Реальная угроза, в свою очередь, обуславливает:

1. Враждебность отдельных членов группы к источнику угрозы.
2. Увеличение внутригрупповой солидарности.
3. Более полное осознание индивидом своей групповой принадлежности.
4. Увеличение непроницаемости границ группового членства.
5. Уменьшение степени отклонения индивидов от выполнения групповых норм.
6. Увеличение меры наказания за нарушение этих норм вплоть до изгнания нарушителя из группы.

Таким образом, Шериф и его последователи, не делая, собственно, процесс идентификации самостоятельным предметом исследований, фиксируют этот процесс как необходимое следствие межгруппового конфликта. Бихевиористы вывели проблему межгрупповых конфликтов на социальный уровень, рассматривая ее не как функцию взаимоотношений между отдельными индивидами, а как функцию межгрупповых, в том числе этнических, отношений.

Очень важен внешний критерий признания другими людьми этнической принадлежности человека, особенно когда наблюдаются заметные различия внешности. Даже люди, имеющие объективные основания причислять себя к какой-либо общности, например дети из смешанных в расовом отношении браков, часто оказываются чужими для нее: кем бы сам себя ни осознавал мулат, для белых он — негр, а для черных — белый. Когда явных межгрупповых различий во внешности нет, существует высокая степень согласия между внешними и собственными критериями идентич-

ности: группа примет человека, даже если он по крови — «чужой». Такой легкий и свободный выбор своей этнической принадлежности возможен у белорусов, русских, украинцев, культура и облик которых во многом близки, то есть ребенок-белорус или украинец может осуществить свой свободный выбор и осознать себя русским, и наоборот. Исследования этнопсихологов [21; 36; 39] подтверждают, что человек, хотя и с разной степенью интенсивности, может идентифицировать себя одновременно с двумя этническими группами.

Исследования этнопсихологов [21; 36; 39] подтверждают, что человек, хотя и с разной степенью интенсивности, может идентифицировать себя одновременно с двумя этническими группами.

В качестве меры уменьшения конфликта между этническими группами бихевиористы предлагают постановку общих для конфликтующих групп целей, вынуждающих их к сотрудничеству и кооперации.

Многочисленные эксперименты привели к постановке вопроса о роли *когнитивных процессов* в регуляции межгруппового, в том числе и межэтнического, взаимодействия. Положения когнитивной психологии хорошо разработаны, и их применение к социальным процессам дало интересные результаты. В основе когнитивных процессов лежит категоризация, представляющая собой адаптивную функцию человеческой психики, структурирующей бесконечное многообразие стимулов окружающей среды в более упорядоченную совокупность отдельных категорий. В процессы категоризации включаются как сам субъект, так и его окружение. Воспринимая других людей, субъект акцентирует внимание на их сходстве и различии с собой. Он, таким образом, постоянно воспринимает других людей или как членов той же категории, что и он (своя группа), или как членов категории, к которой он не принадлежит (чужая группа). Разрабатываемый подход в дальнейшем оформился в так называемую теорию социальной идентичности, которая является сегодня, пожалуй, одной из самых популярных в западной социальной и этнической психологии. Ос-

новой тезис этой теории состоит в том, что у социальной группы существует потребность создавать положительно оцениваемые отличия от других групп, чтобы обеспечить своим членам позитивные самооценки, ибо личность склонна определять себя в терминах своей принадлежности к социальной группе.

Члены этнического меньшинства часто имеют пониженную самооценку, болезненное самолюбие и сверхчувствительность к дискриминации. Но принимая негативную идентичность, человек может относить негативные суждения к другим членам своей группы, а не к самому себе, устанавливая психологическую дистанцию между группой и собой.

Осознание себя как члена негативно оцениваемой в обществе группы допускает и формирование идентичности по принципу: «Пусть мы такие плохие, но это действительно мы», то есть происходит эмоционально-агрессивное подчеркивание своей этнической принадлежности.

В случае неблагоприятного межгруппового сравнения человек может выбрать и стратегию индивидуальной мобильности, которая состоит в попытке сознательно сменить группу, сформировать измененную идентичность, даже биологически изменить свою расовую принадлежность. Но на уровне обыденного сознания многие люди считают, что национальность дана человеку от природы.

Действительно, в процессе социализации общество «приписывает» ребенка к определенному этносу. В результате у большинства людей проблемы выбора не возникает, но члены группы этнических меньшинств и выходцы из межэтнических браков могут проходить длительный период «выбора своей этнической идентичности». У этих людей в процессе этнической идентификации кроме критерия приписывания (кем другие их воспринимают), большую роль играет и критерий внутреннего выбора (кем они сами себя осознают), то есть принадлежность человека к тому или

иному народу определяется не биологической наследственностью, а сознательным приобщением к его культурным ценностям и святыням.

Социальная категоризация и неразрывно связанное с ней социальное сравнение (для достижения позитивного отличия своей группы) сами по себе достаточны для возникновения предубежденности по отношению к другим группам. Поэтому когнитивисты считают, что самый лучший способ уменьшить межгрупповой конфликт — минимизировать различия между группами. Кооперация должна восприниматься не как межгрупповая, а как внутригрупповая. Если же групповые границы сохраняются, взаимная кооперация не ведет к улучшению межгрупповых отношений. Как только непосредственная цель кооперации будет достигнута, сохраняющееся деление на группы вновь вызовет к жизни когнитивно воспринимаемый конфликт интересов и внутригрупповую пристрастность. Выход может быть найден, если учитывать то положение, что пересекающаяся категоризация эффективно нейтрализует дифференциацию. То есть принадлежность к нескольким группам смягчает конфликт между конкурирующими группами.

С позиции *деятельностного* подхода процесс идентификации индивида с группой — не спонтанная, изначальная характеристика (как считают представители когнитивного подхода), а зависимая величина, определяемая структурой межгрупповой деятельности. Когнитивные детерминанты можно представить себе в виде некоторого постоянно действующего фона, конечная же выраженность феномена идентичности зависит от целого ряда социальных факторов, на которые не могли не обратить внимания сами же сторонники теории социальной идентичности. Это степень законности статусных различий между группами, принадлежность к большинству или меньшинству, форма организации межгруппового взаимодействия (конкуренция или кооперация). Однако эти условия групповой деятель-

ности, по мнению когнитивистов, не могут существенно изменить изначальность межгрупповой конфронтации, если категориальное деление достаточно явно выражено. «Категориальное членство» автоматически развертывает цепочку когнитивных процессов, последовательно доводя его до межгрупповой дифференциации на ментальном уровне и, соответственно, до межгрупповой дискриминации на уровне поведенческом.

Деятельностный подход к анализу группового и межгруппового поведения исходит из того, что психическая деятельность членов групп в виде социальной категоризации является лишь опосредующим звеном влияния объективных условий на социальное поведение. В. С. Агеев, изменяя условия взаимодействия экспериментальных групп, выделял, помимо уже известных, несколько принципиально новых параметров: цели межгруппового взаимодействия, критерии оценки межгруппового взаимодействия, степень зависимости индивида от группы, а также успех или неудача групповой деятельности [1].

Кроме того, Агеев полагает, что наряду с несомисными, отмечаемыми всеми авторами, дифференцирующими тенденциями, тенденциями к обособлению, к осознанию и подчеркиванию собственной отличимости, практически любой группе свойственны следующие характеристики:

1. Стремление быть составной частью и чувствовать свою принадлежность к некоторой более широкой социальной общности (групповая аффилиация).
2. «Групповая открытость». Степень открытости группы межгрупповому взаимодействию характеризует меру ее социальной контактности, степень включенности в социальные процессы более высокого порядка.
3. «Межгрупповая референтность» — потребность в общении к значимой внешней группе, которая выступает либо как носитель определенных ценностей и норм, либо выполняет роль «зеркала».

Интегративные и дифференцирующие процессы в межгрупповом взаимодействии сосуществуют одновременно и в нормальных условиях уравнивают друг друга. Оба этих процесса необходимы для существования и развития группы в системе социальных, в том числе этнических, связей и отношений. Но каждый из названных процессов выполняет специфические функции. Дифференцирующие межгрупповые процессы ответственны за создание социальной идентичности и аутентичности группы, ее объективной и перцептивной отличимости от любой другой; за поддержание и укрепление границ группового (этнического) членства и признание этого членства в качестве личностно-значимой ценности. Интегративные групповые процессы, напротив, призваны предохранять группу от изоляции и самоизоляции; они обеспечивают все богатство связей с другими группами: вхождение группы в более крупные социальные общности, трансляцию ценностей и норм более высокого порядка, обмен и обогащение предметным, социальным и культурным опытом.

Этнический статус чаще всего остается неизменным на протяжении всей жизни человека. Но все-таки этническая идентичность не статичное, а динамичное образование, поэтому внешние социальные обстоятельства могут толкать человека любого возраста на переосмысление роли этнической принадлежности в его жизни, приводить к трансформации этнической идентичности, особенно в случае межэтнического брака.

Ситуация межэтнического общения дает человеку больше возможностей для приобретения знаний об особенностях своей и других этнических групп, способствует развитию межэтнического понимания и формированию коммуникативных навыков. Русский, живущий в многонациональной Москве, быстрее осознает свою этническую принадлежность, чем житель Вологды, города с моноэтническим составом. Отсутствие опыта межэтнического общения обуславливает и

меньшую предрасположенность к подобным контактам, и меньший интерес к собственной идентичности.

Результаты исследований этнопсихологов позволяют выделить три основных типа этнической идентичности: *этноцентрическую*, *полиэтническую* и *трансетническую*.

Этноцентрическая идентичность, во-первых, обозначает ориентацию личности только на одну, свою этническую общность, с которой она связывает свои ожидания, жизненные планы, установки, свою судьбу. Причем связь по крови с этой общностью совсем не обязательна. Блестящим примером служит великий языковед В. И. Даль, вся жизнь которого была посвящена созданию «Толкового словаря русского языка». Этноцентрическая ориентация закладывает паспортной системой, которая извне идентифицирует людей с конкретным этносом.

Однако слово «этноцентризм» имеет не одно, а по крайней мере два самостоятельных значения. Во-первых, оно обозначает тот элементарный, всеобщий факт, что *отправным пунктом* восприятия и оценки чужих обычаев, нравов и т. д. является опыт собственной этнической группы; речь здесь идет не об определенной системе взглядов, а скорее о некотором неосознанном чувстве, которое окрашивает наши восприятия и представления.

Во-вторых, этноцентризм обозначает *предпочтение* образа жизни собственной этнической группы всем остальным: все свое, «наше» является самым лучшим, превосходит все остальное. Такой взгляд, хотя он и встречается часто, отнюдь нельзя назвать всеобщим. Бывают случаи, когда люди не только не считают свою культуру, нравы, обычаи самыми лучшими, но, напротив, обнаруживают нечто вроде комплекса неполноценности, благоговей перед всем чужеземным.

Полиэтническая идентичность характеризуется равноценным отношением к нескольким этносам, знанием или желанием знать несколько языков, желанием одновремен-

но пребывать в двух или нескольких культурных средах. Этот тип этнической идентичности исконно характерен для жителей Швейцарии и актуален в США. Некогда официально признанной доктриной в Соединенных Штатах был «американский патриотизм», вынуждающий всех проживающих на территории США быть истинными американцами, забыв о своем настоящем этническом происхождении. В настоящее время эталоном является полиэтническая, бинарная (билингвная) личность, которая наряду с принятием американской культуры сохраняет традиции культуры своей исторической родины — владение ее языком, принадлежность к ее религии, воспитание своих детей в «исконных» традициях. Этот эталон двойной лояльности был бы равносильным тому, как если бы в наших паспортах записывали не одну, а несколько национальностей, отражающих этническую принадлежность наших родителей. Человека, живущего и сознательно участвующего в культурной жизни и традициях двух разных народов, называют маргинальной личностью. Полиэтнизм характеризуется вариативностью своих проявлений. Бывает, что человек вынужден прибегать к культуре, к особенностям образа жизни, национальным традициям иноэтнической общности, поскольку он по каким-либо обстоятельствам попадает в условия иноэтнической среды. Или же в результате сложных этнотрансформационных процессов в рамках своей этнической общности функционируют различные подсистемы или сферы иноэтнической культуры (язык, обычаи и обряды и другие культурные и религиозные элементы). В другом варианте полиэтнизм обусловлен изменением значимости определенных этнокультурных элементов в процессе этногенеза (происхождение и формирование) той или иной общности. Так, например, угасание роли традиций и обрядов у некоторых народов Севера нашей страны обуславливает их ориентацию на другую, иноэтническую культуру, например, русскую как доминирующую.

И последней разновидностью этнической идентичности, которая встречается реже всего, является **трансэтнизм**, когда личность, не причисляя себя ни к одному этносу, относит себя ко всему человечеству, выходя на надэтнический уровень представления о своем «я» как о субъекте мирового сообщества (гражданин мира). Примером могут служить такие исторические личности, как Лев Толстой в России и Махатма Ганди в Индии.

Раздел V

ЭЛЕМЕНТЫ ЭТНИЧЕСКОЙ ПСИХОЛОГИИ

ГЛАВА 18. ДЕТЕРМИНАНТЫ ЭТНИЧЕСКОГО ПОВЕДЕНИЯ

Когда говорят о поведении этноса, то имеют в виду проявление всего множества связей и отношений, в которых реально формируется и развивается конкретный этнос или его часть. При этом характер детерминации психических свойств этноса сводится к описанию тех или иных комплексов — статичных психических особенностей, часто называемых «абсолютизированными психологическими паспортами». Этнические особенности поведения описываются при помощи таких понятий, как «основная» или «модальная» личность этнофора, раскрывающих наиболее существенные признаки исследуемого этноса, единые для всех его членов. На этом основании большинство этнокультурных феноменов рассматриваются как бы через призму данных понятий. Несомненно, любая историческая общность несет в себе способность развивать самостоятельное волевое единство, в определенной мере подчиняющее отдельных лиц, ее составляющих. Передаваемые из поколения в поколение язык, система духовных ценностей, символы, отношения к вещам и людям, способы поведения как образцы для действий — все это факторы, определяющие «типические коллективные переживания» тех или иных эт-

нических общностей. У каждого народа складывается свой субъективный психологический образ, своя специфическая норма поведения.

В качестве иллюстрации существующих в обыденном сознании различий в восприятии различных этносов можно привести краткие советы для тех, кто собирается поехать за рубеж, изложенные в серии «Внимание, иностранцы!». В увлекательной и шуточной форме они рассказывают о нравах и обычаях народов, среди которых проживают их авторы. Итак, кратко о греках, испанцах, японцах и североамериканцах.

Считается, что греки умеют наслаждаться жизнью в полной мере. Они желают приятно проводить время в свое удовольствие здесь и сейчас. Грек может растратить месячное жалование на одну-единственную пирушку и провести оставшееся до получки время без гроша в кармане. Греки умудряются получать удовольствие даже в таких ситуациях, которые подвергают другие народы в глубокое уныние. Их безудержный оптимизм выражен в расхожей фразе «Бог даст!» и в хорошо всем знакомой концепции «авось».

Понять испанца можно, но для этого необходимо усвоить, что превыше всего он ценит собственное удовольствие. Все, что такового не приносит, для испанца не существует. Об испанцах можно сказать, что они непредсказуемы. Если будете в Испании, забудьте о старинной поговорке: «В Испании веди себя как испанец», — ибо испанцы и сами не знают, как они поведут себя в следующую минуту.

Японцы, несмотря на стремление не выделяться внешне, одержимы своеобразной гордыней. Они лезут из кожи вон, чтобы казаться аккуратными, трудолюбивыми, способными оправдать возложенное на них доверие. Из страха показаться бездельниками многие японцы отказываются брать отпуск. Отчаявшиеся боссы изобрели единственный способ заставить служащих отдохнуть хотя бы несколько дней в году. Они вообще закрывают фирму на какое-то время,

обрекая десятки тысяч трудоголиков на унылые, полные безысходной тоски и ужаса перед призрачным увольнением «каникулы».

Американцам очень важно быть самыми-самыми. Победа — основа американской психологии. Любое событие в жизни американцев, от выпускного вечера до женитьбы или покупки автомобиля, организовано таким образом, чтобы кто-нибудь мог победить или, по крайней мере, обскакать всех остальных. Победа важна американцу, потому что у него все и всегда должно быть замечательно. Типичная американская реакция на любой кризис или катастрофу — сделать вид, что все замечательно.

С формированием такого рода «этнических доминант», по мнению Л. Н. Гумилева, одного из оригинальных и глубоких исследователей этногенеза, непосредственно связана и специфика этнического поведения. Негласно она существует во всех областях жизни и быта и в каждую отдельную эпоху воспринимается в данном этносе как единственно возможный способ общежития. Изменения в жизни этноса обуславливают изменения в этнической организации его жизнедеятельности, внося коррективы в нормы поведения, в традиционно-мировоззренческие и социально-психологические границы этнических представлений. На уровне этнических групп в качестве фактора изменения этнического поведения (как отражения изменений, происходящих в этническом самосознании) могут выступать глобальные процессы, связанные с историческим путем развития этноса, влиянием экономических, политических, демографических и прочих факторов. Таким образом, поведение этноса столь же динамично, как и сам этнос. Это показывают и исследования этнографов, которые фиксируют достаточно значительные вариации в типах поведения представителей различных этнических групп. Причем чем более значимы для этноса типы поведения, тем более жестко они регламентированы социальными нормами. В этой

связи проводится классификация социальных норм с точки зрения их общеобязательности или императивности для каждой этнической общности. Стандарты поведения в значительной степени коррелируют с реальной стратификацией общества. Тем не менее, социально одобренные программы поведения не охватывают всей сферы поведения человека в обществе, поэтому некоторые фрагменты поведения, расцениваемые как социально незначимые, остаются нерегламентированными. Именно эта сторона поведения имеется в виду, когда говорится об индивидуальных особенностях или своего рода «стилистике поведения». На упорядочение разнородных вариантов поведения ориентирована тенденция к унификации поведения, его типизация в выработке общепризнанных стандартов. Стандарты, или нормы, могут пониматься как исторически сложившиеся правила поведения, в которых также закладывается и оценочный смысл. Различные типы культур по-разному диктуют субъективную ориентированность на норму, в одних случаях высоко оценивается «правильность поведения», в других — поощряется стремление к оригинальности, основанной на возможности альтернативного поведения.

В свою очередь, это дает возможность этнических оценок относительно тех или иных поступков, то есть норма выступает как выражение некоей внешней точки зрения, в соответствии с которой поступок может быть охарактеризован. Наряду с внешними оценками, существенное значение имеют и внутренние, собственно психологические, регуляторы поведения.

Человек как представитель этноса является продуктом социальных отношений, которые обуславливают его действия и переживания. В психологическом смысле отношения человека — это целостная, основанная на индивидуальном и социальном опыте система связей человека как личности (субъекта деятельности и взаимодействия) с реальной действительностью или ее отдельными сторонами. Иными

словами, система отношений, или система диспозиционных образований, регулирует поведение и деятельность субъекта. Осознавая свою принадлежность к определенному этносу, индивид неизбежно проявляет в своих диспозициях этническую компоненту, которая часто приобретает доминирующее значение. Причем каждому человеку присущи свойственные только ему системы диспозиций, что и определяет его индивидуальность. Таким образом, *этнические диспозиции* выступают системообразующей детерминантой этнического поведения.

В качестве психологической детерминанты поведения следует рассматривать и *этнические стереотипы* как разновидность стереотипов социальных. Под этническим стереотипом обычно понимают упрощенный, схематизированный, эмоционально окрашенный и чрезвычайно устойчивый образ какой-либо этнической общности, распространяемый на всех ее представителей. С помощью этнических стереотипов формируется значительная часть представлений о других народах. Нередко при определении этнического стереотипа подчеркивается, с одной стороны, его целостность, ярко выраженная ценностная окраска, а с другой — наличие так называемого ошибочного компонента, препятствующего более полному, адекватному взаимопониманию людей и выступающему в качестве своеобразных шор, которые искажают видение особенностей поведения даже собственного этноса. Следовательно, система представлений, настроений, действий и свойств отдельных этнических общностей, отраженных в стереотипах, является элементом этнической психологии.

Еще одним психологическим образованием, которое выступает в качестве детерминанты этнического поведения, являются *этнические экспектации*. В основе этнических экспектаций лежит ролевая и нормативная регуляция социального взаимодействия людей. Без прогнозирования ответного поведения невозможно представить нормальное, кон-

структивное взаимодействие. Неадекватность этнических ожиданий служит причиной большинства конфликтов, возникающих на этнической почве. Поэтому становление этнических ожиданий, их динамика также должны стать предметом этнопсихологического изучения.

Итак, в качестве элементов этнической социальной психологии рассмотрим этнические диспозиции, стереотипы и ожидания взаимодействующих субъектов, которые являются основными психологическими детерминантами этнического поведения.

ГЛАВА 19. ЭТНИЧЕСКИЕ ДИСПОЗИЦИИ

Понимание психологических особенностей взаимоотношений между этнофорами, этническими группами и даже целыми этносами невозможно без раскрытия специфики этнических диспозиций.

Каждый этнос имеет собственный неповторимый набор этнических диспозиций (отношений или установок). Иногда диспозиции этноса меняются от поколения к поколению. Это указывает на то, что этнос развивается. Иногда диспозиции этноса стабильны, потому что новое поколение воспроизводит опыт социальных отношений предшествующих поколений.

Структура этнических диспозиций — это строго определенная форма отношений: а) между этносом и этнофором; б) между этнофорами; в) внутриэтнических групп между собой; г) между этносом и внутриэтническими группами. Эти формы, в каждом случае своеобразные, изменяясь то быстро, то очень медленно, негласно существуют во всех областях жизни и быта, воспринимаясь в данном этносе и в

каждую отдельную эпоху как единственно возможный способ общезнания. Соприкасаясь с формами поведения другого этноса, члены одного этноса удивляются необычности другого. Древний афинянин, побывав в Ольвии, с негодованием рассказывал, что скифы не имеют домов, а во время своих праздников напиваются до бесчувствия. Скифы же, наблюдая вакханалии греков, чувствовали сильное омерзение и однажды, увидев своего царя, гостившего в Ольвии и идущего в венке и в составе процессии ликующих эллинов, убили его. Иудеи ненавидели римлян за то, что те ели свинину, а римляне считали противоестественным обычаем обрезания. Рыцари, захватившие Палестину, возмущались арабским обычаем многоженства, а арабы считали бесстыдством незакрытые лица французских дам. Примеров можно привести любое количество, в том числе и в отношении стандартов поведения, касающихся юридических, экономических, социальных, бытовых, религиозных и прочих взаимоотношений, сколь бы сложны они ни были, поскольку они являются основой поддержания внутриэтнической стабильности.

В психологической науке это явление закреплено за несколькими понятиями, такими как диспозиции, отношения, установки или аттитюды, которые, несмотря на различия в названии имеют одинаковое значение для регуляции поведения и деятельности субъекта — объясняют психологическую связь человека с окружающим его миром вещей и людей. Так, диспозиции личности образуют систему, которая включает в себя отношение к предметам и явлениям внешнего мира (субъект-объектные отношения) отношения к другим людям или группам (субъект-субъектные отношения) и отношение к себе (самоотношение). Традиционно эти отношения личности к различным социальным объектам и ситуациям изучаются в психологии как социальные, в том числе и этнические установки, или аттитюды, личности. История изучения аттитюда на

чалась в 1918 г., когда было дано определение *аттитюда* как психологического переживания индивидом ценности, значения, смысла социального объекта.

В отечественной психологии наибольшее распространение получила иерархическая схема диспозиционной регуляции социального поведения личности, которую предложил В. А. Ядов (1979). Он рассматривает диспозиции различных уровней с учетом социального масштаба отражаемого явления и реализуемых личностных потребностей, считая при этом, что условия деятельности или ситуации, в которых могут быть реализованы те или иные потребности личности, образуют иерархическую структуру.

Низший уровень такой структуры образуют «предметные ситуации», особенность которых состоит в том, что они создаются конкретной и быстро изменяющейся предметной средой. В течение краткого промежутка времени человек переходит из одной «предметной ситуации» в другую. *Следующий уровень* — условия группового общения. Длительность подобных ситуаций деятельности несравнимо больше. В течение значительного времени основные особенности группы, в которой протекает деятельность человека, сохраняются неизменными. Еще более устойчивы условия деятельности в той или иной социальной сфере: труда, досуга, семейной жизни («в быту»); это — *третий уровень*. Наконец, *высший уровень* обусловлен максимальной устойчивостью во времени (по сравнению с указанными выше); он отражает общие социальные условия жизнедеятельности человека, которые определяются этническими, политическими, культурными особенностями образа жизни данного этноса или социальной группы. Иными словами, социальная обстановка может не претерпевать сколько-нибудь существенных изменений в рамках «исторического» времени, но условия деятельности в той или иной социальной сфере (например в сфере труда) могут изменяться неоднократно в течение жизни человека. Так, условия групповой

ситуации могут изменяться в течение нескольких лет или месяцев, а предметная среда меняется иногда в считанные минуты.

Рассматривая диспозиции личности как продукт «столкновения» потребностей и ситуаций (условий), в которых соответствующие потребности могут быть удовлетворены, логично предположить, что эти диспозиционные структуры также представляют собой некоторую иерархию.

К первому (низшему) ее уровню относятся *элементарные фиксированные установки*. Они формируются на основе витальных потребностей и в простейших ситуациях. Эти установки, как закрепленная предшествующим опытом готовность к действию, лишены модальности (переживания «за» или «против») и неосознаваемы (отсутствуют когнитивные компоненты). Согласно теории грузинского психолога Д. Н. Узнадзе, сознание участвует в выработке установки, когда привычное действие наталкивается на преграду и человек объективирует собственное поведение, когда акт поведения становится предметом осмысления. Не являясь содержанием сознания, установка лежит в основе этих сознательных процессов.

Второй уровень диспозиционной структуры — *социальные фиксированные установки*. В отличие от элементарных фиксированных установок, социальные установки, как и другие рассматриваемые ниже диспозиции, обладают сложной структурой. Они содержат три основных компонента: *эмоциональный* (или оценочный), *когнитивный* (рассудочный) и собственно *поведенческий* (аспект поведенческой готовности). Факторами, которые ее формируют, являются, с одной стороны, социальные потребности, связанные с включением индивида в первичные и другие контактные группы, а с другой — соответствующие социальные ситуации. Иными словами, это — «аттитюд» или «отношение», по В. Н. Мясищеву. Социальные установки образуются на основе оперирования с отдельными социальными объекта-

ми и в разных конкретных ситуациях. Они могут быть более или менее обобщенными, поскольку и сами объекты обладают разной степенью обобщенности. Следовательно, возможна классификация социальных установок по **направленности** преимущественно на целостные объекты или ситуации, например, на достижение профессиональных, трудовых, политических и т. п. целей. Это третий уровень диспозиционной структуры.

Четвертый (высший) уровень диспозиционной иерархии образует система *ценностных ориентаций* как системообразующих мотивов жизнедеятельности, которые детерминированы общими социальными условиями жизни данного индивида. Логично предположить, что система ценностных ориентаций, по своей сущности, формируется на основе высших социальных потребностей личности (потребность включения в данную социальную среду в широком смысле как интернализация социальных условий деятельности) и в соответствии с образом жизни, предоставляющим возможность реализации определенных социальных и личностных целей.

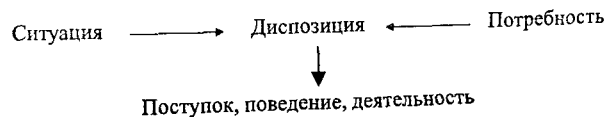
Однако было бы неверно рассматривать диспозиционную систему как некую «кирпичную кладку», образованную элементарными диспозиционными компонентами, каждый из которых включает знание, эмоцию, поведенческую готовность личности. Такое представление, механическое в своей основе, вряд ли соответствует диалектике социальной активности субъекта, ибо эта активность осуществляется благодаря слаженному действию многоуровневого механизма (В. А. Ядов, 1979).

Механизм взаимосвязи между различными элементами диспозиционной структуры, образующими разные подсистемы (когнитивную, эмоциональную и поведенческую) и разные уровни (от элементарных фиксированных установок до ценностных ориентаций), следует рассматривать именно как механизм функционирования диспозиционной системы в целом.

Все изложенное выше можно представить в виде следующей схемы:

Таким образом, диспозиционная регуляция поведения и деятельности человека проходит по схеме:

Почебут (1993) предприняла удачную попытку адаптации концепции Ядова к объяснению феномена межэтнических отношений.

Так, потребности *первого уровня* в сочетании с условиями окружающей среды создают элементарную этносоциальную установку членов этнической общности в отношении друг друга, что формирует отношение «мы». Таким образом складывается система отношений внутри этноса. Потребности *второго уровня* обуславливают возникновение более сложной этносоциальной установки и формирование отношения «мы — они». (По мнению Б. Ф. Поршнева, отношение «они» первичнее отношения «мы», ибо необходимо повстречаться с каким-то «они» и обособиться от него.) Сочетание потребностей *третьего уровня*, условий среды и деятельности актуализирует установку на создание социума и приводит этническую общность к иному качественному состоянию. Реализуя потребность этого уровня, этническая общность создает общество, и таким образом складывается новое качественное состояние социальной общности, утверждаются формы и способы самоуправления, появляются государство, социальные институты, законы, территориальный, политический, экономический суверенитет и пр. Создавая общество, социальная общность параллельно создает и личность, давая толчок формированию социальных качеств и ценностей человека (*четвертый уровень*) и оставляя как основу базовые этнические установки.

Поскольку этническое поведение представляет собой чрезвычайно сложную структуру, оно, как и любая система, может быть рассмотрено в различных отношениях. Если структурировать деятельность этнофора в отношении ближайших и более отдаленных целей (а целесообразность — ведущий стимул деятельности), можно выделить несколько иерархически расположенных уровней поведения. Первый уровень — специфическая реакция этнофора

на актуальную предметную ситуацию, реакции на специфические и быстро меняющиеся воздействия внешней среды, то есть поведенческие акты. Их целесообразность детерминирована и со стороны этнофора необходимостью установить адекватное взаимодействие между актуальной потребностью и предметной ситуацией в данный момент.

Далее можно выделить поступок (или привычное действие), который складывается из целого ряда поведенческих актов. Целесообразность поступка зависит уже от более сложных социальных ситуаций и, по-видимому, отвечает более высокому уровню потребности регуляции поведения в социальных условиях. Поступок есть элементарная социально значимая единица поведения, и его цель — установление соответствия между социальной ситуацией и социальной потребностью (или потребностями) этнофора.

Целенаправленная последовательность поступков образует поведение в той сфере, где этнофор преследует значительно более отдаленные цели, достижение которых обеспечивается системой поступков. И наконец, целостность поведения в различных сферах и есть собственно проявление деятельности во всем ее объеме. Целеполагание на этом, высшем, уровне представляет собой некий жизненный план, важнейшим элементом которого выступают отдельные цели, связанные с главными социальными сферами жизнедеятельности этнофора — в области труда, познания, семейной и социальной жизни.

На всех уровнях поведения этнофора оно регулируется его диспозиционной системой, однако в каждой конкретной системе и в зависимости от цели ведущая роль, видимо, принадлежит определенному диспозиционному образованию.

Кроме отношений в русле социальных установок личности, в этнической психологии также изучаются отношения в контексте таких явлений, как *аттракция* и *аффилиация*.

Этническая аттракция — это возникновение симпатии при восприятии одного человека другим, при этом важным условием восприятия является этническая принадлежность. В теории Л. Н. Гумилева есть раздел, посвященный проблеме этнической комплементарности, или совместимости, этносов. Так, комплементарны этносы, проживающие в «лесной» и «степной» части суши, но считаются некомплементарными этносы «степи» и «леса», с одной стороны, и «горы» — с другой. В социальной этнической психологии выделяется и такой феномен, как **этническая аффилиация**, стремление этнофора быть в обществе представителей комплементарных этносов, ориентация на их поддержку. Примером этого явления может служить стремление белорусов к союзу с русскими.

Анализ этнических диспозиций как многогранного психологического явления позволяет вспомнить работы замечательного русского психолога А. Ф. Лазурского (1874–1917) и его последователя В. Н. Мясничева (1893–1973), заложивших основу отечественной концепции отношений личности. Заслугой А. Ф. Лазурского является выделение в современной терминологии параметров отношений личности.

На настоящий момент в психологической литературе описано более 20 параметров отношений и, соответственно, различные виды отношений.

Первая группа — формально-динамические параметры отношений: знак, направленность, устойчивость и т. д. На основе такого параметра, как знак отношений, выделены позитивные, негативные и безразличные отношения, а также амбивалентные, то есть наличие как позитивного, так и негативного отношения к одному и тому же явлению. Выделяются три вида направленности отношений: 1) отношение к явлениям внешнего мира; 2) отношение к человеку и группе людей; 3) отношение к себе. По степени устойчивости отношения делятся на устойчивые и неустойчивые, по критерию прочности — на прочные и непрочные,

по степени глубины — на глубокие и поверхностные, по параметру стереотипности — на индивидуализированные и обобщенные отношения. С учетом степени соответствия внешнего выражения внутреннему содержанию выделяют истинные и ложные отношения. А по степени осознанности отношения бывают осознанными и неосознанными.

Вторая группа параметров — это содержательные характеристики отношений, их качество, или модальность. На основе модальности отношений можно выделить отношения дружбы, вражды, симпатии, привязанности, любви, антипатии, неприязни, ненависти и т. д.

К **третьей группе** параметров относятся этические критерии. По этическому критерию устанавливают адекватность, справедливость, отношения кооперации, обмена, объединения личностей (индивидуальностей).

Четвертая группа параметров связана с этапами формирования отношений личности. В соответствии с ними выделяют отношения, формирующиеся в период «бессознательного детства», и отношения, складывающиеся в течение сознательной жизни человека.

К **пятой группе** принадлежат те параметры, которые связаны с различными видами деятельности человека и структурой его личности. В соответствии с ними в психологии зафиксированы предметно-практические, коммуникативные, когнитивные, эмоциональные, волевые, ролевые, правовые, моральные, нравственные, коллективистские отношения. Ближким к этой классификации является деление отношений на основе критериев выраженности в них эмоциональных компонентов: деловые и эмоциональные отношения.

К **шестой группе** относятся те параметры, которые фиксируют одновременно степень близости или дистантности между партнерами; валентность, то есть позитивность–негативность отношений; вид позиции или «притирки» друг

к другу в процессе общения. На основе этих параметров выделяют следующие отношения: близкие (мы); далекие (они); позитивные (свои); негативные (чужие); отношения снизу (вы); отношения сверху (ты). К этой группе принадлежат и те, в которых в качестве параметра характеризуется ролевая позиция партнера, степень близости между людьми: отчужденные, приятельские, товарищеские, дружеские, интимные, любовные, супружеские, родственные отношения.

К *седьмой группе* параметров принадлежат те, которые указывают на степень конструктивности складывающихся отношений; выделяют деструктивные и конструктивные отношения.

К *восьмой группе* относятся параметры взаимности, комплементарности отношений, характеризующие степень их субъективности, «личности» (отношения персонификации, персонализации или отношения доминантные, отвергающие симбиотические отношения).

Если социальные установки представляют собой психологическую основу отношений, готовность человека воспринимать явления или предметы определенным образом, вписывать их в контекст предшествующего опыта, то этнические установки определяют отношения готовности этнофора воспринимать те или иные явления жизни этноса и в соответствии с этим восприятием действовать определенным образом в конкретной ситуации. Причем этнические диспозиции фокусируют в себе убеждения, взгляды, мнения людей относительно истории и современной жизни их этнической общности и ее взаимосвязей с другими народами, людьми иных национальностей.

В главах, посвященных таким элементам этнической психологии, как этнические стереотипы, этнические экспектации, этническое взаимодействие и этнические конфликты, положения, рассмотренные в этой главе, получают дальнейшее развитие.

ГЛАВА 20. ЭТНИЧЕСКИЕ СТЕРЕОТИПЫ

Социальные явления всегда вызывают переживания человека, однако в них всегда есть нечто типичное, общее. Это проявление социальной перцепции в этнопсихологическом плане объясняет различные стереотипы в восприятии членов отдельного этноса своей неповторимой этнической индивидуальности. Как одна из форм этнического сознания этнические стереотипы представляют собой устойчивые представления не только о себе (автостереотипы), но и представления о других народах и чужих элементах культуры.

Европейца, впервые попавшего в Японию, поражает и даже шокирует то, что японец улыбается не только тогда, когда ему весело, но и тогда, когда ему делают выговор или когда он сам сообщает кому-либо печальную весть. Неопытный человек расценивает это как проявление бездушия. На самом деле, улыбка просто имеет здесь иное символическое значение: она призвана смягчить тяжелую ситуацию, подчеркнуть готовность справиться с ней и т. д. Понять это многообразие символов, жестов, реакций не так-то легко.

Иногда разные этнические группы приписывают друг другу один и тот же обычай. Например, в нашей стране и во Франции, когда человек уходит из гостей не прощаясь, это называется «уходить по-английски». В Соединенных Штатах и Англии тот же самый обычай называется «to take French leave» — «уйти по-французски».

Этнические стереотипы, которые воплощают присущие обыденному сознанию представления о собственном и чужих народах, не просто суммируют определенные сведения, но и выражают эмоциональное отношение к объекту. В них своеобразно сконцентрирована вся история межнациональных отношений. Уже простое описание тех или иных черт содержит в себе определенный оценочный эле-

мент. То, что применительно к собственному народу называется разумной экономией, применительно к другим может именоваться скупостью. То, что у «себя» характеризуется как настойчивость, твердость характера, у «чужака» называется упрямством. Один и тот же психологический комплекс, в зависимости от отношений к его носителю, может называться и непосредственностью, и беззаботностью, и безответственностью. Здесь сказывается все, вплоть до текущей политической конъюнктуры. Так, в США русские, особенно в карикатурах (которые обычно наиболее ярко выражают массовые стереотипы), изображались последовательно как: анархисты с бомбой в руке (1917–1922); медведи, сильные и добрые (1941–1945); коварные, жестокие, злые и опасные, вооруженные атомной бомбой чекисты и генералы (1947–1985); такие же люди, как американцы (1986–1990); перспективные, быстро обучающиеся партнеры (1991–1995); растяпы, мафиози, агрессивные попрошайки, готовые красть и продавать все что угодно (1995–2001). По мере развития событий на Балканах вновь стали оживать черты стереотипов времен «холодной войны»: непредсказуемость, ненадежность, вероломство и др.

В Советском Союзе и в постсоветской России американцы, в свою очередь, изображались как: «акулы империализма», «буржуи» с золотой цепью на толстом животе (1917–1934); военные союзники, не спешащие помочь (1941–1945); «поджигатели войны» с факелами в руках, генералы и шпионы, расисты, колониалисты (1947–1985); такие же люди, как и мы, но более преуспевающие, ушедшие вперед, у которых надо учиться рыночным отношениям и демократии (1986–1995); снобы и жлобы, открывшие наконец свои истинные замыслы — уничтожить Россию и стать «мировым жандармом» (1996–2001).

Впервые понятие «стереотип» ввел в науку американский психолог У. Липпман. В 1922 г. в книге «Общественное мнение» он использовал термин *социальный стереотип*, опре-

делив его как *упорядоченную, схематичную, детерминированную культурой «картинку мира» в голове человека*. Он же указал на две важнейшие причины выработки стереотипов.

Первая причина заключается в реализации принципа экономии усилий, характерного для повседневного человеческого мышления. Данный принцип означает, что люди не стремятся реагировать на окружающие явления каждый раз по-новому, а подводят их под уже имеющиеся категории. В этих случаях познавательный процесс остается на уровне обыденного сознания, ограничиваясь житейским опытом, основанным на типичных для данной общности представлениях. Окружающий человека мир обладает известными элементами единообразия, а отказ от стереотипов потребовал бы от человека постоянного напряжения внимания и превратил бы сама процесс жизни в бесконечную череду проб и ошибок, подчас небезопасных. Для продуктивного функционирования стереотипа необходимо расчленение индивидом окружающей действительности с помощью процессов категоризации. При этом категоризация может разворачиваться посредством либо когнитивных, либо аффективных, либо поведенческих составляющих психики индивида. Вторая причина выработки стереотипов связана с защитой групповых ценностей как чисто социальной функцией, реализующейся в виде утверждения своей непохожести, специфичности. Образно говоря, стереотипы — это крепость, защищающая традиции, взгляды, убеждения, ценности индивида, ему уютно за стенами этой крепости, ибо там он чувствует себя в безопасности. Поэтому любое посягательство на стереотипы есть покушение на безопасность индивида, он расценивает такие действия и как покушение на основы своего миропонимания.

Отсюда следуют два важных обстоятельства. Первое заключается в том, что функция защиты социальных (групповых) ценностей неизбежно требует от индивида пусть и непостоянного, периодического, импульсивного, но крайне

необходимого обращения к вербальной форме подачи информации о ценностях своей группы и их отличиях от ценностей других групп. Если на уровне экономии усилий процессы категоризации могут идти бессознательно, то защита групповых ценностей требует знания этих ценностей, умения их выделить и обобщить. Второе обстоятельство заключается в умении индивида отнести себя к конкретной, выделенной из всего множества группы, ценности которой выступают точкой отсчета в процессах стереотипизирования. Именно поэтому социальную стереотипизацию следует рассматривать как функцию межгрупповой дифференциации, то есть оценочного сравнения своей и чужой групп. Данная дифференциация может принимать две формы: противопоставления («внутригрупповой фаворитизм») и сопоставления («миролюбивая нетождественность»). В случае межэтнических контактов эта дифференциация может иметь принципиальное значение.

Понятием стереотипа (в понимании У. Липпмана) описывались реальные и социально важные свойства психики. Поэтому в 1920-е гг. начался активный поиск эмпирических данных о механизмах и формах стереотипизирования, о внутренней структуре стереотипа, о факторах, влияющих на его содержание. Интерес американской социальной психологии к социальным стереотипам объяснялся тем, что ее методологической основой выступал структурный функционализм, который исходил из модели общества как структуры, состоящей из культуры, системы социальных институтов и малых групп; это была наиболее распространенная в США философская парадигма. Такой подход неизбежно привел американских авторов в начале 1930-х гг. к исследованию стереотипа как прежде всего этнического феномена. Но и до сих пор этнические стереотипы рассматриваются ими как разновидность социальных стереотипов. Интерес же именно к этническим стереотипам связан с их отчетливостью, рельефностью, яркостью, практической значимостью и актуальностью.

Отечественная психология также уделяет значительное внимание проблеме этнических стереотипов. В результате проведенных исследований в отечественной науке сложилось определение *социального стереотипа как устойчивого психического образования, в котором схематизированно, упрощенно и эмоционально отражается некоторый достаточно сложный факт действительности, прежде всего образ какой-либо социальной группы или общности, с легкостью распространяемый на всех ее представителей*. Стереотипы являются чувственно окрашенными образами, аккумулирующими в себе социальный и психологический опыт общения и взаимоотношений индивидов. Необходимо отметить, что как психологический феномен стереотип обладает рядом качеств: в статическом плане — целостностью, оценочностью, ценностной окраской, наличием доли ошибочной информации; в динамическом плане — устойчивостью, ригидностью, консерватизмом, низкой пластичностью в отношении новой информации; в структурном плане — сочетанием эмоционального, волевого и рационального элементов. Этнический стереотип, являясь одной из форм социального стереотипа, обладает всеми свойствами последнего и отличается лишь содержательно.

Под этническим стереотипом сегодня принято понимать обобщенное представление о физическом, нравственном и умственном облике представителей различных этнических групп. Этнический стереотип характеризуется повышенной эмоциональностью и устойчивостью в отражении черт стереотипизируемой группы.

В стереотипе выделяют четыре основных параметра:

1. *Содержание* — набор характеристик, приписываемых этнической группе.
2. *Степень согласованности* — единообразие характеристик, приписываемых этнической группе.
3. *Направленность* — общее положительное или отрицательное восприятие объекта стереотипизирования

(может быть выведена непосредственно из содержания стереотипа: наличие большего или меньшего количества положительных или отрицательных характеристик).

4. *Интенсивность* — степень предубежденности по отношению к стереотипизируемой группе, выраженная в стереотипе (можно получить ранжированием характеристик, приписываемых этнической группе).

Феномен стереотипизирования можно раскрыть с помощью ряда положений:

- ✓ Людям психологически легче характеризовать обширные человеческие группы (как по социальному, так и по национальному признаку) недифференцированно, грубо и пристрастно.
- ✓ Такая категоризация имеет внутренне присущую тенденцию сохранять стабильность в течение длительных отрезков времени.
- ✓ Изменения в социальной, политической и экономической сферах могут обуславливать изменение стереотипа, однако это происходит не всегда или бывает отсрочено во времени.
- ✓ Стереотипы усваиваются очень рано в качестве «чувственной ткани мира» (А. Н. Леонтьев) и начинают использоваться детьми задолго до возникновения ясных представлений о тех группах, к которым они относятся.
- ✓ Социальные стереотипы редко проявляются на поведенческом уровне при отсутствии явной враждебности в отношениях между группами, но в условиях напряженности или конфликта эти же стереотипы становятся определяющими детерминантами, которые слабо поддаются модификации и управлению, они ужесточаются, заостряются и начинают играть доминирующую роль в реальном поведении индивидов, вплоть до откровенной враждебности.

На содержание этнических стереотипов влияют три группы факторов:

- 1) специфика стереотипизируемой группы (ее этническая психология, закреплённая в культуре и в обыденном сознании система ценностей, общественно-историческое развитие);
- 2) социально-политические и экономические условия развития группы и специфика взаимоотношений между ними, сложившаяся на данный момент;
- 3) длительность и глубина исторического контакта.

В отношении третьей группы факторов необходимо отметить, что далеко не всякое межэтническое общение формирует позитивные межэтнические стереотипы. Условиями оптимальной организации контакта этносов выступают:

- а) признание безусловного равенства сторон;
- б) наличие обстановки открытости и доверия;
- в) принятие общих, значимых для обеих сторон целей;
- г) уважение к традиционным нормам, ценностям, правилам поведения, образу жизни друг друга.

Выполнение перечисленных условий требует наличия в национальных идеологиях контактирующих этносов неконкурентных, недискриминационных стратегий, а это возможно лишь при наличии у этносов полновесных, зрелых, конкурентных этносу элит.

Поскольку этнические стереотипы не существуют «вообще», сами по себе, а выполняют в общественном сознании определенную функцию, то они нерасторжимо связаны с социумом, с общественными условиями и, объединяя ранее отчужденных индивидов, структурируют этносы в целостные образования для решения следующих специфических этносоциальных задач: защита территории этнических границ; предпочтении соотечественников (соплеменников) пришельцам (эмигрантам), базирующееся на усилении чувства солидарности со своими и чувства вражды (подчас непримиримой) по отношению к иноплеменникам.

На социальном уровне этнический стереотип имеет две функции: идеологизирующую (формирование и сохранение групповой идеологии, объясняющей поведение группы) и идентифицирующую (создание и сохранение положительного образа «мы», что достигается прежде всего с помощью ритуалов и невербальных средств).

Этнический стереотип, как и любой другой социальный стереотип, может быть *автостереотипом*, то есть описывать собственную этническую группу, и *гетеростереотипом*, то есть описывать другую этническую группу. На становление этнических авто- и гетеростереотипов влияют три группы условий:

1. Политическая, экономическая и религиозная системы общества, формирующие определенный набор норм, ценностей, идеалов, императивов. В идеальном случае формирование этого набора происходит в непротиворечивом единстве, присутствии ценностному отражению, ценностному атрибутированию действительности этнической элитой.
2. Социально-психологическая представленность норм, ценностей, идеалов и императивов внутри непосредственного окружения индивида. Установлено, что индивид тем легче идентифицирует себя с определенной группой, чем больше его коммуникативных связей замыкается внутри нее.
3. Индивидуально-психологическое бытие индивида, то есть совокупность реальных фактов его жизни.

Особенностью автостереотипов является стремление этнической общности внести в их содержание нечто от идеала, подчеркнуть наиболее самобытные черты национального характера. Например, установлено, что группы с более высоким статусом в экономической сфере имеют тенденцию характеризовать себя как компетентных и добившихся экономического успеха, а группы с более низким статусом — как отличающихся добротой, сердечностью, гуманностью,

с одновременным снижением значимости тех качеств, которые и обеспечивают чужой группе экономическое превосходство, — деловитости, предприимчивости. Другим исследованием установлено, что весьма консервативные и морализирующие студентки колледжа, не способные признать собственные «недостойные» сексуальные желания, демонстрировали склонность переносить эти желания на представителей этнических меньшинств, оценивая тех как слишком доступных и порочных. В то же время, как следует из исследований этнографов, этнические автостереотипы претерпевают в ходе исторического развития этноса определенную эволюцию и в значительной мере отражают уровень этнического самосознания.

Важное место в когнитивной составляющей стереотипов занимают представления членов этноса об окружающей их действительности, что проявляется в так называемых картинах мира. В рамках этих концептуальных структур интериоризируются отдельные процессы восприятия, памяти, мышления членов этноса. Это может служить основой для типологизации этносов по имплицитной картине мира.

Концептуальные «этнические доминанты» негласно существуют во всех областях жизнедеятельности и в каждую отдельную эпоху воспринимаются этносом как единственно возможный способ общежития. Структура этнического стереотипа поведения проявляется в виде строго определенной системы отношений, отражающей разнообразные типы социальных связей в обществе. Изменения в жизни этноса обуславливают изменения в этнической организации его жизнедеятельности, внося коррективы в нормы поведения, в традиционно-мировоззренческие и социально-психологические установки и этнические представления. В качестве факторов изменения этнического поведения на уровне этнической группы могут выступать глобальные процессы, связанные с историческим развитием этноса, влиянием эко-

номических, политических, демографических, религиозных, а также — особенно обострившихся в последнее время — экологических и техногенных факторов. Таким образом, стереотипы поведения этноса столь же динамичны, как и сам этнос. Об этом говорят и результаты исследований этнологов, фиксирующие довольно сильные вариации в поведении и установках на поведение представителей различных этнических групп.

Стандарты поведения в значительной степени коррелируют с реальной стратификацией общества. Тем не менее, социально одобряемые программы поведения не охватывают всей сферы поведения человека в обществе, поэтому некоторые стороны поведения, рассматриваемые традиционно как социально незначимые, остаются нерегламентированными, и именно они имеют в виду, когда говорится об индивидуальных особенностях субъекта деятельности, о своего рода «стилистике поведения». На упорядочение разнородных вариантов поведения работает центростремительная тенденция унификации поведения, выработка общепринятых стандартов поведения.

Стандарты и нормы определяются как исторически сложившиеся правила поведения, которым присущ и оценочный смысл. Различные типы культур по-разному диктуют субъективную ориентированность на норму: в одних случаях высоко оценивается «правильное поведение», в других поощряется стремление к оригинальности и необычности, основанное на возможности альтернативного поведения. Следует отметить, что именно эта субъективно-культурная вариативность норм и дает возможность существовать различным этническим оценкам относительно тех или иных поступков, то есть нормы выступают как выражение некоей внешней точки зрения, в соответствии с которой данный поступок может быть охарактеризован. В случае же необходимости оценивания поступков индивида, принадлежащего к иному этносу, вступают в действие законы межэтнического взаимодействия.

Согласно концепции этногенеза Л. Н. Гумилева, типов взаимодействия может быть несколько, в зависимости от уровня этнической истории, отражающегося на содержании и динамике этнических стереотипов:

- на уровне консорциев — нестойкие этнические сочетания, слабо отражающиеся на этнических стереотипах;
- на уровне конвиксий* — деформированные этнические сочетания, при которых у отдельных индивидов можно наблюдать эффект «разбухания» нижних (аффективных) этажей этнических диспозиций, что безусловно сказывается на этнических стереотипах наименее социально и этнически толерантных членов конвиксии;
- на уровне субэтнотосов — симбиозы, то есть такие формы взаимополезного существования этносов, при которых этносы сохраняют свое своеобразие компенсацией «разбухания» нижних (аффективных) этажей этнических диспозиций конструктивными элементами национального самосознания и складывающейся национальной идеологии;
- на уровне этносов — ксении, то есть нейтральное сосуществование этносов при сохранении ими своеобразия, что мало сказывается на этнических стереотипах в силу адекватно выработанных национальных идеологий (речь идет о контакте этносов, принадлежащих к одному суперэтносу).

На уровне же суперэтносов возможны еще четыре варианта этнического контакта, а значит, и соответствующие варианты развития этнических стереотипов.

1. В случае контакта пассионарно-ненапряженного этноса с пассионарно-напряженным этносом наиболее вероятна ассимиляция или вытеснение слабого этноса. Вариативность динамики этнических авто- и гетеростереотипов здесь весьма велика.

* См. глоссарий.

2. Два или более слабопассионарных этноса в большинстве случаев находят взаимоприемлемый способ существования и не подавляют друг друга. Этнические стереотипы при этом мало подвержены изменению.
3. Если контактирующие суперэтноты пассионарны сильно, но одинаково, то происходит метисация, причем деформируется поведенческая составляющая стереотипов. Как правило, в этом случае начинает нарастать тенденция к индивидуалистической стратегии поведения с утратой общих ценностных норм, идеалов, императивов, что неминуемо ведет к уничтожению одного из этносов.
4. Если же при контакте сильных, одинаково пассионарных этносов процесс метисации сопровождается пассионарным толчком, то возникает новый этнос с новыми авто- и гетеростереотипами.

Именно в межэтнических контактах на гранях субъект-субъектных отношений ярко проявляется такая особенность этнического стереотипа, как его антропостереотипичность — связанность с обликом индивида. Внешность действительно часто выступает практически важным признаком, несущим в себе информацию о национальности субъекта. Признаки, из которых слагаются и внешний облик, и поведение (в том числе все богатство невербальных коммуникативных средств: жесты, мимика, позы, дистанция при общении и т. д.), могут иметь осведомительное значение и выполнять регулятивную функцию. Соответствие (несоответствие) стереотипных представлений о внешности того или иного народа сильно влияет на живучесть этнических гетеростереотипов. На уровне обыденного сознания нередко психологические качества человека связываются с обликом представителей иных народов. Из этого неизбежно вытекает соответствующий набор сценариев, наиболее характерный в отношениях между стереотипизирующей и стереотипизируемой группами. Наличие определенного физи-

ческого сходства у представителей одного этноса «работает» и на автостереотип, так как укрепляет мнение о едином происхождении и неизменности этноса в исторически обозримое время. Интересно, что исключительно на внешность обращают внимание в основном лица с начальным образованием, использующие антропологические признаки как этноконсолидирующие или этнодифференцирующие, в то время как у лиц с высшим образованием определение этнической принадлежности строится прежде всего на социопсихологических параметрах.

Результаты исследования американского психолога Э. Эриксона говорят о различиях в невербальных составляющих процесса общения между белыми и черными общинами в США. Несмотря на общность языка, общую историю, определенную общность культуры, негры и белые по-разному ведут себя в качестве партнеров по общению. Внешне негры меньше демонстрируют свой интерес к информации собеседника, но бурно, откровенно и адекватно включаются в те моменты общения, когда партнер ожидает от них эмпатии или поддержки. Белые же, напротив, откровенно заинтересованы в собеседнике, но в критические моменты общения усиление эмоций для них не характерно. Интересные особенности стереотипов поведения существуют и у других народов. Например, по обычаям карачаевцев, черкесов, абазин, ногайцев и других народов Кавказа третьему лицу нельзя проходить между двумя собеседниками, как бы пересекая их визуальное-психологическое единство. Этикет требует остановиться в отдалении и ждать, пока общающиеся не заметят и не дадут возможность обойти себя.

К сожалению, подавляющее большинство этнических авто- и гетеростереотипов, национальных обычаев трудно для вербального и инокультурного усвоения. Это объясняется тем, что они не представлены в виде текстов, законов, правил, а транслируются через неофициальные традиционные

каналы передачи информации, через «социальные представления», невербальное отвержение и т. п., что, в свою очередь, непосредственно влияет на глубину, направленность и характер процессов межэтнического общения.

Этнические стереотипы должны также рассматриваться как предмет семантико-информационного анализа. Они всегда социальны, то есть их поведенческая составляющая реализуется в обществе через этнофора, который выступает частью общности со всей совокупностью присущих ей социокультурных механизмов и особенностей социальной организации. Стереотипы не существуют вне индивида, они психологичны по локусу существования, но носитель стереотипов всегда вариативен в поведении, как в историческом, так и в этническом пространстве. Это обуславливает семантическую неоднозначность реализующегося в субъект-субъектных отношениях стереотипа, и тем самым происходит своеобразный «коллективный отбор» и межпоколенная трансляция наиболее адекватных и полезных для данного этноса авто- и гетеростереотипов. Такое информационно-семантическое понимание стереотипа базируется на представлении об этносе как о своеобразном пространственно ограниченном «стутке» специфической культурной информации. Межэтнические контакты рассматриваются как обмен информацией, а этнический стереотип — как своеобразный элементарный сигнал. Информационно-семантическое понимание этноса имеет под собой основание в силу того, что информация является неотъемлемым свойством материи и может выступать как форма ее существования. Именно в рамках данного подхода и может быть разрешена проблема истинности этнических стереотипов.

Вопрос о соотношении понятий «стереотип», «установка», «предрассудок», несмотря на сравнительно давнюю историю исследований, пока является дискуссионным. Одни исследователи склонны рассматривать стереотип как

когнитивный элемент установки. Другие отождествляют понятия «установка» и «стереотип». Третьи считают, что сначала у людей формируется установка, а затем стереотип наполняется соответствующим этой установке содержанием. Четвертые склонны считать стереотип формой выражения установки, которая придает стереотипу определенную направленность и интенсивность. Некоторые авторы под этническим предрассудком понимают прежде всего этнический стереотип, наполненный враждебным отношением к стереотипизируемой группе; при этом этнический стереотип представляется как результат этноцентрирования, то есть четко выраженной склонности рассматривать ценности другого народа сквозь призму ценностей своего этноса.

В отечественной социальной психологии подход к данной проблеме разрабатывается в рамках теории отношений. Стереотип и установка рассматриваются как стадии созревания и становления психологических отношений, понимаемых как целостная система индивидуальных, избирательных, сознательных связей личности с различными сторонами объективной действительности.

Обобщая вышесказанное, можно предположить, что:

1. Стереотип воплощает в себе специфическое отражение ценностей, единообразное отношение к объекту, его усредненное восприятие. Иначе говоря, если ценность мы примем за норму, то стереотип будет нормой отношения к норме, то есть «нормой в квадрате».
2. Стереотип зависит от ценностной ориентации, вытекает из нее и выражает ее в схематическом виде, он позволяет человеку без лишних размышлений соотносить собственную оценку любого явления с ценностной шкалой своей группы. Стремясь соответствовать ожиданиям группы (иначе легко попасть в категорию изгоев), человек невольно определяет свои симпатии в рамках, диктуемых этой шкалой.

3. Стереотип может адекватно отражать событие, хотя при попытках обобщения реальных фактов действительности происходит их определенное искажение.
4. Стереотип — это факт психологической реальности, детерминирующий межэтнические отношения независимо от того, соответствует ли он действительности или нет.

ГЛАВА 21. ЭТНИЧЕСКИЕ ЭКСПЕКТАЦИИ

В отечественной этносоциологической и этнопсихологической литературе большинство авторов ставят вопрос об «объективной властности этнических норм», то есть о том, насколько нормы обуславливают социальное поведение «человека этнического», независимо от каких бы то ни было типов «конвенций» или «авторитетности», субъективных воль, желаний и предпочтений индивидов и общностей. Основное назначение и действие этнических норм, равно как и мотивация согласия личности с этими нормами, состоит в обеспечении существования и функционирования этноса в качестве организованного целого, а ее участников — в качестве членов организационной системы, занимающих определенное положение в ее функциональной, операциональной и статусной структурах и обеспечивающих существование этноса как единого целого.

Изучение этнических экспектаций (ожидаемого поведения членов этнической группы) требует раскрытия психологической специфики социальных ролей и, соответственно, ролевого поведения.

Первыми понятие *социальной роли* предложили Р. Линтон и Дж. Мид (независимо друг от друга). Линтон трактовал

вал социальную роль как единицу социальной структуры, которую можно описать в виде заданной человеку системы норм. Мид, рассматривая особенности взаимодействия субъекта с социальной средой, выделил понятие «социальность» как особую категорию, обозначающую факт возможного участия человека в разных социальных взаимодействиях. Особое значение в социальном взаимодействии придавалось сознанию, которое, с точки зрения Мида, имеет прежде всего инструментальную природу, то есть является средством приспособления человека к социальной среде. При этом социальная роль обусловлена многообразием функций, которые человек выполняет и способен выполнять в социуме. Несмотря на различные подходы, Линтон и Мид рассматривали социальную роль как особое явление, в котором сходятся индивид и социум. При этом индивидуальное поведение превращается в социальное. Таким образом, индивидуальное поведение человека сопоставляется с социальными нормами.

Понятие «социальная роль» является важным элементом как социологии, так и психологии, причем в интерпретацию содержания социальной роли привносится благодаря этому определенное разнообразие. Считается, что социальная роль — это:

- *фиксация определенного положения*, которое занимает тот или иной индивид в системе социальных отношений;
- *нормативно одобренный образец поведения*, ожидаемый от индивида, занимающего определенный статус в социуме;
- *вид социальной деятельности* и способ поведения личности, который несет печать социальной оценки (одобрения, осуждения и т. д.);
- *поведение личности* в соответствии с ее социальным статусом; обобщенный способ выполнения определенной социальной функции, когда от человека ожидаются определенные действия;

- *устойчивый стереотип поведения* в определенных социальных ситуациях; совокупность объективных и субъективных ожиданий (экспектаций), производных от профессиональной, этнической, политической или какой-либо другой структуры социума;
- *социальная функция личности*, соответствующая представлениям людей в зависимости от их статуса или позиции в обществе, в системе межличностных отношений;
- *существующая в обществе система ожиданий* относительно поведения индивида, занимающего определенное положение во взаимодействии с другими индивидами;
- *система специфических ожиданий* по отношению к себе индивида, занимающего определенное положение, то, как он представляет модель своего поведения во взаимодействии с другими индивидами;
- *открытое, наблюдаемое поведение индивида*, занимающего определенное положение;
- *представление о предписанном шаблоне поведения*, которое ожидается и требуется от человека в данной ситуации;
- *предписанные действия*, характерные для тех, кто занимает определенную социальную позицию;
- *набор норм*, определяющих, как должен вести себя индивид, занимающий данное социальное положение.

Из вышеизложенного видно, что социальная роль трактуется как ожидание, вид деятельности, поведение, представление, стереотип, социальная функция и даже набор норм. Мы будем рассматривать социальную роль в качестве социальной функции, реализуемой человеком на уровне социального поведения как представителя определенной этнической группы. Психолог Т. Шибутани полагал, что социальные роли несут в себе функцию закрепления оптималь-

ных способов поведения в определенных обстоятельствах, выработанных человечеством на протяжении длительного времени. Упорядоченность повседневной жизни обуславливается последовательностью выполнения человеком тех или иных социальных ролей, которые связаны с правами и обязанностями. Обязанность — это то, что человек вынужден делать, исходя из своей социальной роли, вне зависимости от того, нравится ему это или нет.

Например, пассажиру необходимо заплатить за проезд в транспорте. Выполняя свои социальные обязанности в соответствии с социальной ролью, человек имеет право предъявить свои требования к другим людям. Обязанности всегда сопровождаются правами: поэтому пассажир ожидает, что доедет до нужной ему остановки, и т. д.

Гармония прав и обязанностей предполагает оптимальное выполнение социальной роли, нарушение же гармонизации, приводя к доминированию только обязанностей или только прав, может свидетельствовать о том, что социальная роль не совсем усвоена, или о том, что между людьми не существует согласия относительно прав и обязанностей. В любом случае социальная роль имеет два аспекта изучения: ролевое ожидание и ролевое исполнение. Определенная согласованность ролевого ожидания с ролевым исполнением служит гарантией оптимального социального взаимодействия.

Социальное взаимодействие людей обусловлено множеством факторов, среди которых *этнические экспектации* имеют особое значение. Выступая в определенной роли, каждый человек обладает правами по отношению к другим участникам взаимодействия. Его права образуют ожидания, обращенные к другим участникам и побуждающие их что-то делать ради него. Поскольку роли взаимосвязаны, то экспектации обязательно взаимодополнительны. Что составляет право для одного партнера — является обязанностью для другого. Суть социальных ролей заключается в том, чтобы исполнять обя-

занности, которые диктуются определенной ролью, и осуществлять свои права по отношению к другим.

В этнической психологии такой подход находит самое широкое применение. Ведь идентификация субъекта с определенным этносом и осознание себя как представителя этноса начинаются прежде всего с принятия роли представителя данной этнической группы. Так, русский, проживающий в Костроме, не задумывается о своей роли русского, но, попав, например, в Германию, сразу же вспоминает о необходимости исполнения своей роли русского, о чувстве национального достоинства и необходимости поддержания репутации своего народа. При этом он понимает, что у жителей другой страны, в частности Германии, имеется свое понимание роли русского, особенностей его поведения. Этой экспектации (в позитивном смысле) он и должен соответствовать для установления оптимальных отношений. Понимая роль другого, человек может представить и самого себя в этой роли. Таким образом, исполнение роли требует организации поведения в соответствии с групповыми нормами.

Виды социальных ролей определяются вариативностью социальных групп, типов деятельности и отношений, в которые включена личность. В зависимости от общественных отношений выделяют социальные и межличностные роли. Социальные роли связаны с социальным статусом, профессией или видом деятельности (учитель, ученик, студент, продавец). В интеракционистских концепциях такие роли называются конвенционными (конвенция — соглашение). Это стандартные безличные роли, состоящие из прав и обязанностей, независимо от того, кто эти роли исполняет. Выделяют *социально-демографические* (этнические, профессиональные и т. п.) роли: муж, жена, дочь, сын, внук... Мужчина и женщина — это тоже социальные роли, предполагающие специфические способы поведения, закрепленные общественными нормами, обычаями, экспектациями.

Межличностные роли связаны с межличностными отношениями, которые регулируются статусом человека (лидер, кумир, любимый, изгой и т. д.).

Многие межличностные роли определяются также индивидуальными особенностями человека. Многообразие индивидуально-типических проявлений личности позволяет выделить *социально-типические* роли. В кино и театральном искусстве существует своеобразная специализация актеров на исполнение ролей, наиболее соответствующих их внешним сценическим данным, характеру, дарованиям и какому-то социально-типическому образу. Такие актеры выступают обычно в специфическом амплуа. (Амплуа — тип актерских ролей, сходных по характеру и соответствующих индивидуальным особенностям актера. Выделяют амплуа трагика, комика, героя, простака и т. д.)

В жизни, в межличностных отношениях, каждый человек выступает в какой-то доминирующей социальной роли, своеобразном социальном амплуа как наиболее типичном индивидуальном образе, привычном для окружающих. Изменить привычный образ крайне трудно как для самовосприятия человека, так и для восприятия его окружающими людьми. Чем более длительный период времени существует группа, тем в большей степени становятся привычными для окружающих доминирующие социальные роли каждого участника группы и тем сложнее изменить привычный для окружающих стереотип поведения.

По степени проявления выделяют *активные* и *латентные* социальные роли. Активные роли обуславливаются конкретной социальной ситуацией и исполняются в данный момент времени (учитель на уроке); латентные не отражаются в актуальной ситуации, хотя человек потенциально является носителем данной роли (например, этнофоры). Поскольку каждый человек, как правило, входит в разнообразные социальные группы, в которых он не может находиться одновременно, он имеет большое количество ла-

тентных социальных ролей. По способу усвоения роли делятся на *предписанные* (определяются возрастом, полом, национальностью) и *приобретенные*, которые человек усваивает в процессе социализации и этнизации.

Кроме того, социальные роли характеризуются способом получения, уровнем эмоциональности, формализацией и мотивацией.

Способ получения роли зависит от того, насколько неизбежной является данная роль для человека. Так, роли юноши, старика, мужчины, женщины автоматически определяются возрастом и полом человека и не требуют особых усилий для их выполнения. Здесь может быть только проблема соответствия человека своей роли, которая уже существует как данность. Другие роли достигаются или даже завоевываются в процессе жизни человека в результате целенаправленных специальных усилий. Например, роль студента, специалиста, профессора и т. д. Это практически все роли, связанные с профессией и любыми достижениями человека.

Социальные роли существенно различаются по **уровню эмоциональности**. Каждая роль несет в себе определенные возможности эмоционального проявления ее субъекта. Переживания, вызванные утратой близкого человека, являются вполне естественными и оправданными. Однако существуют такие роли, которые предписывают эмоциональную сдержанность и самоконтроль, как, например, работа следователя или хирурга. Экспектации окружающих, социальные нормы, обычаи или даже мода могут определять те или иные уровни эмоций человека в определенной ситуации. Даже исторические эпохи могут предопределить эмоциональные проявления у людей, обусловленные их социальными ролями.

Формализация как описательная характеристика социальной роли определяется спецификой межличностных отношений носителя данной роли. Одни роли предполагают

установление только формальных отношений между людьми с жесткой регламентацией правил поведения; другие, напротив, — только неформальные; третьи могут сочетать в себе как формальные, так и неформальные отношения.

Следует отметить, что формальные отношения весьма часто сопровождаются неформальными, ведь человек, воспринимая и оценивая другого, проявляет к нему симпатию либо антипатию. Это происходит, когда люди взаимодействуют в течение некоторого времени и отношения становятся относительно устойчивыми. Так, коллеги, работающие вместе и связанные формальными отношениями, скорее всего, испытывают по отношению друг к другу какие-то чувства, хотя работа предполагает согласованность действий прежде всего на конвенциональном уровне. Здесь чувства участников взаимодействия по отношению друг к другу выступают как побочный, но относительно стойкий эффект.

И наконец, **мотивация** принятия роли зависит от потребностей и мотивов человека. Разные роли обусловлены различными мотивами. Согласно теории Парсонса, «сочленение» исполнителя роли с системой норм возможно тогда, когда человек, принимающий роль, обладает особой мотивационной структурой: по своим параметрам она должна быть сопряжена с нормативной системой. Поскольку мотивационная структура является важнейшим компонентом личности, то подобное «сочленение» деятеля с нормативной системой предполагает обязательное приспособление к нормативной системе ценностей. Перестройка мотивационной структуры личности под влиянием внешнего социального контроля, опирающегося на санкции, формирует тип человека, который только и может быть «сочленен» с данной нормативной системой. Человек, по теории Парсонса, чуть ли не с первых дней жизни оказывается интегрированным в социальную систему, где существуют определенные экспектации и санкции относительно его поведения.

В качестве примера проявления этнических особенностей в принятии и исполнении социальной роли можно привести поведение японских рабочих и служащих на предприятии. Типичной особенностью их поведения является так называемый группизм — предпочтение интересов группы личным интересам. Структурно представляя собой пирамиду, японская социальная иерархия складывается из множества групп. Всюду есть старший и младший, и на каждом, даже самом маленьком, участке труда действуют ведущие и ведомые. Как правило, первые старше по возрасту и имеют большую выслугу лет, а следовательно, опытнее, вторые моложе и неопытнее. Поэтому авторитет ведущих весьма высок, им подчиняются, их уважают. И так на всех ступенях иерархии. В результате складывается довольно монолитная статусно-ролевая структура поведения.

При совместной деятельности у представителей группы возникает ощущение автономии, свободы поведения. В таких условиях атмосфера группы воспринимается ее членами как нечто близкое, понятное. Поэтому задачи группы, которые вытекают из общих задач фирмы, становятся для членов группы «своими». Это имеет вполне определенную этнопсихологическую основу. Японцы тянутся к группе, стараются всячески поддерживать установившиеся групповые отношения. Они проявляют явное беспокойство, если чувствуют, что группе грозит беда. Работники японских предприятий трудятся под девизом: «Успехи твоей группы — твой успехи!», который органически «встроен» в сознание и подсознание японца. Использование этнопсихологических рычагов, лежащих в основе жизнедеятельности таких групп, позволяет извлекать большие выгоды, а японские предприниматели без каких-либо вложений могут многократно интенсифицировать труд своих работников.

Функциональная дифференциация совместной деятельности и соответствующая ей кооперационная структура частично обеспечиваются изначально задаваемой должностной

иерархией, однако не тождественны ей. Функционально-ролевая иерархия характерна для любой организованной общности: трудовой, социальной, этнической. Следовательно, и специфика нормативной регуляции зависит как от характера совместной деятельности, так и от вида организационной системы. Должностная иерархия в организованных группах прежде всего определяет отношения «руководство — подчинение», задавая перечень конкретных обязанностей для каждого члена группы. Функционально-ролевые связи в группе определяют отношения координированного взаимодействия.

Множественность обуславливающих реальный процесс этнического взаимодействия объективных и субъективных факторов предопределяет то, что функционально-ролевая структура группы «стремится» к социальной адекватности, к соответствию объективным требованиям более мощных социальных систем (народность, народ, нация). Это предполагает наличие критической оценки (как собственной функциональной роли в структуре взаимодействия, так и самой структуры в целом) в разной степени осознанной членами этнической группы. Поскольку функционально-ролевая структура группы в значительной степени мобильна, то степень ее полноты, адекватность персонификации ролей возможностям и способам действий исполнителей закономерно продуцируют определенную степень напряженности и конфликтности межличностных и межэтнических отношений, особенно когда этнофоры неадекватны в своем поведении существующим этническим экспектациям и ролям. Таким образом, кооперация может протекать без помех только в том случае, если ясно определены роли и если эти определения в достаточной степени разделяются всеми участниками и обязательны в организованном взаимодействии.

При анализе социального взаимодействия индивидов норма выступает как эталон, регулирующий психологические механизмы деятельности, как организационно-струк-

турный «параметр», компонент «планов» поведения, как образ, регулирующий процесс деятельности. К механизмам такой регуляции относятся: сопоставление реального поведения и образца, оценка отклонения, выбор альтернативных вариантов поведения с учетом заданной нормы, выбор самого образца (нормы), сопоставление результатов деятельности с заданными образцами.

Воздействие на поведение человека через сознание путем прямого представления нормы в словесной формулировке — один из важнейших каналов социализации индивида и приобретения им знаний о нормах. Но и этот путь и структурные преобразования внутреннего мира личности под влиянием социальных норм наиболее эффективны при организации условий, форм, способов поведения, в которых заложены, объективированы необходимые социальные нормы, в частности нормы этнические. Таковыми обычно являются как стихийно складывающиеся, так и исторически детерминированные этнические нормы поведения. С учетом этнических норм могут быть специально организованы конкретные условия деятельности и поведения человека, а в более широком контексте — этнической группы и общности.

Формирование личности и ее субъективного мира протекает в конкретных, частных условиях, в непосредственном окружении и главным образом — в прямом контакте и во взаимоотношениях с членами реальных групп. Каждый член этнической группы выполняет множество обязанностей. Одни четко нормированы предписаниями (например, социальным статусом); другие регулируются референтными лидерами; третьи обусловлены определенным социально-психологическим положением члена этнической группы. Выполнение обязанностей контролируется, и если они не выполняются, то применяются соответствующие санкции. Причем мера исполнения членом группы ролевых предписаний может зависеть и от того, в какой степени этим предписаниям следуют другие члены социальной или этнической группы.

Нормативно-ролевая экспектация — это сложный процесс, включающий в себя прежде всего идентификацию с другими людьми. Только вообразив себя на месте другого, человек может представить себе его внутреннее состояние. Вспоминая собственные победы и поражения, он может сопереживать другим в аналогичных обстоятельствах. Оценка чужих переживаний есть проекция собственного, не выраженного вовне, поведения. Поэтому способность человека эффективно участвовать в согласованных действиях зависит и от его способности предугадывать поведение различных людей. Так, когда в исследованиях людям, находящимся в гипнотическом транссе, давалось задание стать кем-то другим, они, как правило, принимали поведенческую роль своих конкретных знакомых или референтных для них героев, чаще всего литературных.

Однако способность человека постигать поведение других ограничена его культурой и личным опытом. К примеру, люди, у которых не развит вкус к классической музыке, могут считать, что если некоторые и увлекаются ею, то лишь из-за снобизма, поскольку не могут даже предположить, как можно без притворства ею наслаждаться. Представители больших и авторитетных этнических общностей, общаясь с представителями других, более малочисленных этнических общностей, часто ведут себя без коррекции на этнические экспектации тех, с кем они взаимодействуют. Поскольку эффективность коммуникации зависит от способности участников принимать роли друг друга, уместно говорить о той или иной степени согласия, которое возникает и укрепляется только благодаря непрерывному взаимодействию. Решение вопроса о том, будет ли достигнуто согласие, зависит не только от способности участников к принятию ролей, но в значительно большей степени и от интересов каждого из них. Если интересы противоположны, взаимодействие приобретает манипулятивный характер. Часто взаимопонимание между представителями разных этносов

опосредуется конвенциональными нормами, которые определяют не только то, как должны, например, произноситься слова, но и то, в каких обстоятельствах те или иные выражения могут употребляться, поэтому большинство людей стараются не нарушать лингвистических норм. Отклонение от этих норм вызывает почти такие же социальные санкции, как и нарушение других обычаев. Известно, что существуют региональные и этнические диалекты, позволяющие довольно быстро идентифицировать человека с определенной этнической общностью.

Наряду со словами в коммуникации широко используются вокальные жесты. Они не являются частью формального языка, но, тем не менее, символизируют установленные значения. Смех обычно выражает веселье, но когда смех звучит нарочито, он означает скуку. Антропологи отмечают, что у части африканских народов смех — это показатель удивления, изумления и даже замешательства.

Одним из наиболее важных средств, имеющих конвенциональное значение, является мимика. Человек может подмигнуть, широко раскрыть глаза или поднять брови в знак недоумения. Но подобные средства становятся объектом социального контроля, когда сталкиваются люди, выросшие в разных культурах. Например, китайцы выражают свое недоумение, широко раскрывая глаза. Подмигивание же почти не распространено вне европейской культуры.

То, до какой степени те или иные поступки основаны на обычае, показывает сравнение культур. Так, плевок в кого-то символизирует у европейцев презрение, у представителей племени масаи выражает любовь и благословение, а у американских индейцев плевок в пациента рассматривается как знак благоволения знахаря.

Изучение психологических механизмов функционирования этнических обычаев и норм может осуществляться по двум направлениям: как анализ механизмов социальной нормативной регуляции индивидуального поведения и как ис-

следование механизмов трансформации индивидуального поведения в элементы совместной деятельности членов этнической группы. Проблема психологических механизмов достаточно детально разработана социальными психологами. Особое внимание обращено на регуляцию поведения индивида посредством выработанных в обществе и группе норм, образцов, стереотипов и пр.

Большинство положений о природе социальных норм тяготеют к одному из двух полюсов: конвенциональному или авторитарному. При конвенциональной трактовке социальные нормы сводятся к правилам, результатам договора, соглашения, сделки. При авторитарной трактовке они считаются навязанными авторитетом, обычно речь идет о «надгрупповой» сущности, «надчеловеческом» содержании норм, о привнесении их извне, об их априорности, стабильности. Если в одних общностях вырабатываются и действуют нормы, опирающиеся на всевозможные формы авторитета (от группового лидера до абсолюта), а в других — конвенциональные нормы (нормы-соглашения, нормы-сделки, нормы-правила), то истоки этого следует искать в объективных условиях.

Содержание норм во многом определяется не только характером группового взаимодействия, но и социальными этническими факторами. Так, групповые нормы могут использоваться для получения необходимой информации, для достижения личных целей, соответствующих принятым и престижным в группе нормам, и т. д. Включение личности в совместную групповую деятельность является условием преобразования психической сферы человека прежде всего под влиянием групповых норм, значимость которых и отражается в этом процессе и его результатах.

Подход к проблеме нормативности как к фактору регуляции различных видов социального взаимодействия (в том числе и этнического) непосредственно связан с философскими позициями ученых. На Западе наиболее популярна

концепция американского социолога Т. Парсонса, который в целом дает дуалистическую интерпретацию природы нормативного элемента регуляции взаимодействия. В разработанной им схеме само социальное взаимодействие определяется в терминах четырех категорий: «деятель» (исполнитель роли), «цель» (назначение роли), «средства и условия для реализации цели» и «независимый, детерминантный, селективный фактор» (нормативный элемент).

Значительный интерес для этнической психологии представляют и психоаналитические концепции, которые «проникают» в теорию действия этнических норм главным образом по двум направлениям: через психоаналитическую персонологию и выработанные в ее рамках представления о личности и через психоаналитические исследования механизмов влечений, побуждений, защиты личности и др. Положение о фактически изначальном, сущностном конфликте между «культурными» социальными этническими нормами и желаниями, побуждениями, потребностями человека выступает главным постулатом в психоаналитических концепциях. К видам конфликта относят конфликт влечений, желаний, активности личности, с одной стороны, и конфликт ограничительных норм общества и культуры — с другой. Всевозможные табу вводятся с целью устранения нежелательных, разрушительных, опасных для социума и его социальной системы влечений, побуждений и действий индивидов. Общество требует от личности конформности в отношении предписанных, в том числе запрещающих, норм, а также ее согласия с данными нормами. Эти требования общества основаны на функциональности норм, то есть на том, что нормы выполняют функции, важные для общества в целом. Однако нормы могут быть и дисфункциональными по отношению к личности. Устранение конфликта между личностью и социальными (этническими) нормами возможно лишь путем согласования функциональных требований личности и функциональных требований социума в целом.

Социальные психологи, конфликтологи, юристы уделяют большое внимание разработке средств указанного выше согласования и анализу причин, вызывающих аномальное, противонормное поведение. Противоречие между функциональными влечениями, мотивами человека и функциональными требованиями общества неизбежно ведет к конфликту при социализации личности. Низкая мотивация превращает человека в автомат, повинующийся внешним импульсам и стимулам. Взаимосвязь мотивации и нормативной регуляции в конфликтной ситуации возможна в двух случаях: 1) когда выполнение ролей и следование нормам направлены на достижение личного статуса и 2) когда общество предоставляет лицам, занимающим определенный статус, социальные награды.

Существуют ситуации, когда мотивация к несогласию с социальными нормами несравненно сильнее, чем мотивация к согласию с ними. В этих случаях исследователи обращаются к теории *социального контроля*. Оказывается, что наличия высокой мотивации личности недостаточно для обеспечения следования нормам; необходимо привлечение вырабатываемых обществом средств внешнего принуждения и побуждения. Стремление к «согласию с нормами» может привести к возникновению глубоких конфликтов личности с нормативными требованиями социума, если имеет место фрустрация влечений, которая в итоге разрушает побудительную мотивацию и приводит к несогласию с социальными нормами, в том числе этническими. Фрустрация побуждений и влечений может стать базисом для мотивации поведения, идущего вразрез с предписанными, запрещающими нормами. Для предотвращения противонормного поведения индивида и предлагается использовать средства и методы социального контроля.

Однако социальный контроль направлен лишь на то, чтобы «загнать внутрь» нежелательные для общества побуждения индивида и «держат» их под постоянным давлени-

ем, и он не в состоянии полностью подавить все влечения индивида. Периодические вспышки насилия, терроризма, агрессии, антиобщественные действия — вот к чему приводит формальный социальный контроль. Возможно, что с помощью средств социального контроля агрессивное поведение тормозится, а запрещенные способы удовлетворения опасных для общества и других людей влечений нивелируются страхом перед социальными санкциями и наказаниями. Тем не менее влечения, приводящие к антисоциальным поступкам, часто не «гасятся» внешними средствами социального контроля и продолжают существовать. Следовательно, конфликт норм и личностных влечений остается неразрешенным. Длительная фрустрация этих влечений может привести к серьезным дисфункциональным последствиям для индивида, что в конечном счете скажется дисфункционально и на социуме в целом, а в определенных ситуациях может привести к краху и саму систему социального контроля.

Взрывная сила «загнанных внутрь», нереализованных потребностей, побуждений, влечений индивида может не только проявиться спонтанно, но и быть использована заинтересованными социальными институтами. Эта сила может служить базой многочисленных националистических, экстремистских, террористических, анархистских, антиобщественных движений в современном обществе. Поэтому разработка средств разрешения внутреннего конфликта человека и принятых в социуме норм поведения может оказаться реальной силой, используемой определенными социальными группами, которые идут по пути оптимизации социального контроля, что является научной проблемой большой социальной важности. Следует иметь в виду, что потенциальная взрывная сила фрустрированных влечений может стать значительной социальной силой, если она будет сознательно, целенаправленно эксплуатироваться социальной группой в собственных интересах, поскольку хотя нормы

социального контроля могут быть дисфункциональными для социума в целом, они могут быть функциональными для конкретной социальной или этнической группы. Поэтому средства и пути решения этнических конфликтов лежат прежде всего в социальной сфере, в ее преобразовании.

Проблему защиты общества от фрустрированных (конфликтогенных) влечений индивида сторонники психоанализа связывают с возможностью использования разработаемых в психоаналитической персонологии механизмов замещения и сублимации. Следует отметить, что при известной односторонности психоаналитического подхода к субъективному миру личности в работах психоаналитиков делаются попытки анализа таких нравственных образований личности, как моральная тревожность, стыд, вина, переживание социальных санкций и других, имеющих и этническую окраску. Защитные психологические механизмы должны освободить личность от внутреннего конфликта с нормами, дать ей возможность каким-то образом реализовать побуждение и мотивацию. В ряде случаев предлагаются технологические процедуры, которые могут быть использованы в качестве частных средств психологической помощи и терапии. Ученые этого направления заняты активным поиском средств защиты как социума, так и личности в целях обеспечения и упрочения стабильности существующей нормативной системы. Вопрос же о преобразовании, переструктурировании, изменении мотивационной сферы личности в ходе ее социализации не ставится. Ведь, например, влечение человека к насилию можно в определенной степени обуздать и даже направить в русло вполне приемлемых для социальной группы целей достижения «согласия», интеграции и стабильности существующих норм взаимодействия («символические», ритуальные бунты). Поэтому теории и практики социального контроля разрабатывают все более эффективные приемы и способы такого взаимодействия.

Социальные санкции различаются по степени формализации. В наиболее стабильных этнических общностях существуют высокоформализованные процедуры — такие как награждение и поощрение тех, чья служба считается способствующей общему благополучию, и наказание или изгнание тех, чьи действия оцениваются как вредные. Некоторые этнопсихологи придают большое значение этим процедурам, поскольку они способствуют консолидации этнической общности, особенно при наличии внешней угрозы со стороны других этнических сообществ. Такие санкции, без сомнения, сдерживают отклоняющееся от нормативного поведение этнофоров, но для большинства людей действительнее оказываются менее формализованные санкции, спонтанные проявления одобрения или неодобрения.

До какой степени поведение может быть ограничено строгими запретами, показывает практика табу. В Полинезии животные, которые считаются священными, не употребляются в пищу даже тогда, когда люди оказываются перед лицом голодной смерти. Интересна реакция тех, кто непреднамеренно нарушает табу. Так, индеец, случайно съевший запрещенную пищу, может посчитать это неумышленное преступление причиной своего заболевания много лет спустя.

Среди институциональных способов регулирования нормативного поведения наиболее популярны и эффективны две группы: требовательность и стимулирование.

В основе *требовательности* лежат модели должного отношения к организации, которые реализуются в вырабатываемых организацией нормах отношения к символам, реликвиям, ритуалам, олицетворяющим группу или общность как организацию. При этом социальные нормы выражаются в разных документальных формах: протоколах, распоряжениях, отчетах, меморандумах и т. п. Следовательно, требовательность имманентно проявляется в пределах ценностно-нормативных ограничений, составляющих ее сущность. Это позволяет выбирать такие способы предъявления требований, которые со-

ответствуют принятым в группе нормам и способствуют проявлению и развитию социальной активности. В основе социально-психологического понимания отношений требовательности лежит прежде всего активное принятие членами группы ценностно-нормативных предписаний, направленных на решение социальных задач группы (общности). Требовательность как способ регулирования предполагает строгое и четкое регламентирование поведения и деятельности, при этом большое значение приобретают последовательность и систематичность социального контроля общности над конкретным индивидом.

Наиболее популярным способом проявления требовательности к этнофорам или всей этнической общности служит приказание. Приказание — это категоричная форма требования. Категоричность — высокая степень волевого побуждения — может быть выдержана в общей деперсонифицированной форме, но может формулироваться и в отношении к конкретному лицу, которое проявляет тенденцию к девиантному этническому поведению.

К популярным способам регулирования нормативного поведения через *стимулирование* относятся такие, как доверие и одобрение. Доверием обычно стимулируется знакомая и сильная деятельность; оно подчеркивает уважение, которое испытывают члены общности к тем или иным своим представителям. На этом принципе построен институт старейшин, вождей, лидеров, руководителей, которые не только стоят во главе социальных, в том числе и этнических групп или общностей, но и являются носителями определенных социальных норм поведения и деятельности. Так, для жителей Великобритании подобным нормативным эталоном является королевская семья, для американцев — президент. Одобрение как способ регулирования поведения характеризуется прежде всего определением для этнофора нормативных границ, соблюдение которых вызывает стремление этнических общностей дать позитивную оценку поступкам или деятельности своих представителей, наградить их.

В заключение сформулируем основные принципы регулирования нормативного поведения.

Принцип определенности состоит в том, что лидер или сама этническая общность должны определить, насколько выбранный способ воздействия может стимулировать нормативное поведение. Так, поощрение в виде одобрения в разных формах должно побуждать к проявлению добросовестности, ответственности и дисциплинированности, но возможна ситуация, когда этот способ воздействия не будет эффективным.

Принцип адекватности предполагает, что система применяемых способов воздействия должна быть понятна всем членам этнической группы или общности и расцениваться как справедливая. Это необходимо для соблюдения меры объективности и соразмерности одобрения. Лишь на основании такого подхода можно оценить достижения субъекта и определить справедливую меру поощрения или наказания. Ведь наказание в нормативной регуляции не только мера ущемления субъекта, но и основание для раздумий и переоценки поведения и деятельности. А для этого необходимо, чтобы субъект понимал смысл воздействия и считал его объективным. Объективность и соразмерность корректирующего воздействия — важные аспекты принципа адекватности регулирования нормативного поведения, но они должны быть таковыми и по содержанию, и по форме. В разнообразии форм и заложена возможность индивидуального подхода к личности этнофора.

Принцип своевременности применения социальных санкций, казалось бы, не вызывает сомнения. Однако на практике он не всегда соблюдается. Обычно отклонение от норм, неисполнение в должной мере социальной роли карается группой или общностью, однако крайне важно, чтобы как поощрение, так и наказание наступали вслед за совершенным поступком. При стимулировании своевременность служит одной из форм проявления объективности и быстроты оценки выполнения существующих норм, положений или распоряжений.

Принцип наглядности означает предметное выражение того, что нужно познать и как лучше сделать, помогает активизировать воздействие. Формы наглядности весьма разнообразны и зависят от возможностей этнической группы (общности). Наиболее эффективны те формы, которые используются в средствах массовой информации. Этот принцип должен обязательно соблюдаться лидерами.

Названные выше принципы регулирования нормативного поведения, безусловно, должны применяться комплексно. Ни один из них не может быть назван хорошим или плохим, адекватным или неадекватным без учета конкретной социальной ситуации.

Социальные условия в обществе изменчивы. Меняются и системы норм. Человек может быть полноценным и активным участником социального, в том числе этнического, взаимодействия, не только усваивая жестко фиксированные, конкретные по содержанию и направленности нормы, но и гибко приспосабливаясь к ним. Следует иметь в виду, что системы норм — особенно норм трудовых, политических, — используемые при регуляции частных, конкретных актов этнического поведения и взаимоотношений, достаточно мобильны. Поэтому нормативная регуляция служит принципом организации реальной динамической системы поведения и деятельности личности или целой общности.

ГЛАВА 22. ПОВЕДЕНИЕ ЭТНИЧЕСКОЙ ДИАСПОРЫ

Анализ специфики взаимодействия этнических сообществ и групп ставит проблему изучения этносоциальных отношений. Выделение этноса в качестве субъекта коллек-

тивного действия или социального взаимодействия является методологически оправданным, так как субъект деятельности, предмет деятельности и средства деятельности составляют единое целое. Рассмотрение понятий «этническое сообщество», «этнический коллектив», «этническая группа» как рядоположенных позволяет использовать инструментарий, применяемый в социальной психологии малых групп и коллективов.

Проблема определения социально-психологических характеристик групп (коллективов) как факторов результативного социального взаимодействия стала интенсивно изучаться в отечественной социальной психологии в 1960–1970-х гг. Одним из первых к этой проблеме обратился Л. И. Уманский. Выделяя социально-психологические характеристики группового субъекта, он подчеркивал, что психологическая структура контактной группы актуализируется и реализуется только в социальном взаимодействии, именно в нем группа реально и динамично функционирует. Психологическая структура группового субъекта, с его точки зрения, может быть представлена тремя блоками характеристик. Первый — «общественный» блок — включает в себя социальную направленность, организованность и подготовленность субъекта деятельности, отражая, соответственно, идеологическую, управленческую и профессионально-деловую сферы групповой жизнедеятельности. Второй — «личностный» блок — объединяет интеллектуальную, эмоциональную и волевую коммуникативность и отражает три стороны сознания и соответствующие сферы жизнедеятельности входящих в группу личностей. В третий — блок «общих качеств» — были включены такие социально-психологические характеристики контактного группового субъекта, как интегративность, микроклимат, референтность, лидерство, интро- и интергрупповая активность.

Выделенные социально-психологические феномены, возникающие в процессе межличностного взаимодействия, мо-

гут найти применение при изучении этнических групп и обществ. Так, «социальная направленность» может характеризовать социальную ценность принятых этнической группой целей, мотивов взаимодействия, ценностных ориентаций и групповых норм, то есть идеологическую сферу группового сознания. «Организованность» этнической группы раскрывает ее способность к самоуправлению, к оптимальным функционально-ролевым взаимоотношениям. «Подготовленность» может рассматриваться как готовность членов этнической группы к тому или иному взаимодействию на основе необходимых для этого знаний, умений и навыков. «Интеллектуальная коммуникативность» может характеризовать межличностное восприятие и установление взаимопонимания между участниками взаимодействия в процессе общения. «Эмоциональная коммуникативность» определяет эмоциональность межличностных связей членов группы, динамику эмоционального настроения и его потенциалы. «Волевая коммуникативность» рассматривается как способность этнической группы противостоять трудностям и препятствиям, как своеобразная стрессоустойчивость, надежность в экстремальных ситуациях. «Интегративность» выступает мерой единства, слитности, общности членов этнической группы. «Микроклимат» определяет самочувствие каждого этнофора в группе, его удовлетворенность группой, комфортность в ней. «Референтность» означает степень принятия членами группы группового эталона, их идентификацию с эталоном групповых этнических ценностей. «Лидерство» — влияние наиболее авторитетного этнофора на группу. «Интрогрупповая активность» выступает мерой активности этнофоров. «Интергрупповая активность» означает влияние одной этнической группы на иные.

Другое направление исследований характеристик коллективного субъекта деятельности базируется на концепции деятельностного опосредования групповой активности, предло-

женной психологом А. В. Петровским (1973). Согласно этой концепции, коллективный субъект выступает как иерархически организованная, многоуровневая система, состоящая из различных по степени опосредованности процессов совместной деятельности элементов. В качестве ведущего фактора становления и развития всех форм внутрigrупповой активности выделяется социально значимая совместная деятельность.

Социально-психологический анализ эффективной групповой деятельности показал, что влияние на ее успешность оказывают главным образом те изменения, которые происходят в специфических отношениях, возникающих при совместной деятельности. Межэтническое взаимодействие в этом аспекте может быть представлено в виде активного и координированного сотрудничества, предполагающего ведущую роль занятий и целей доминирующей этнической группы в данном сообществе. На успешность деятельности группы должны оказывать влияние те изменения, которые происходят не только в ее структурно-формальных параметрах, но и в специфических для нее отношениях, возникающих в процессе совместной коллективной деятельности.

Решая вопрос о соответствии системы критериев (показателей, признаков) эффективности деятельности группы, необходимо различать два уровня такого соответствия: нормативный и сверхнормативный, то есть соответствие поведения и результатов деятельности членов группы только правовым нормам и соответствию не только им, но и высшим морально-нравственным ожиданиям, не ставшим еще нормами для всех. Понятию «сверхнормативная активность группы», с нашей точки зрения, созвучен термин, введенный в употребление Л. Н. Гумилевым, — «пассионарность этноса» (или, образно, «локомотив этногенеза») как способность и стремление к изменению окружения. Импульс пассионарности бывает столь силен, что носители этого признака — пассионарии — не могут рассчитать последствий своих поступков. Степени пассионарности различны, но для

того, чтобы она имела видимые и фиксируемые историей проявления, необходимо много пассионариев, то есть это признак не только индивидуальный, но и популяционный. Исходя из этого, можно сформулировать и закон этногенеза: работа, выполняемая этническим коллективом, прямо пропорциональна уровню «пассионарного напряжения», то есть имеющейся в этнической системе пассионарности в зависимости от количества персон, составляющих этнос. В терминах социальной психологии пассионарность можно рассматривать как уровень активности этнического коллектива (сообщества), этнос в данном случае выступает субъектом коллективной жизнедеятельности со своим набором характеристик.

В качестве основных характеристик совместной деятельности, раскрывающих ее динамический (процессуальный) характер, исследователи, в частности, социальный психолог А. Л. Журавлев (1981), выделяют: целенаправленность, мотивированность, структурированность, согласованность, интегративность, организованность, пространственно-временное пребывание и функционирование членов коллектива, результативность совместной деятельности.

Целенаправленность как ведущая социально-психологическая характеристика раскрывает такое состояние коллектива, при котором цель оказывает главное влияние на совместную деятельность, подчиняет ее себе. Целенаправленность определяется групповыми интересами, социальными установками, убеждениями, идеалами. Таким образом, применительно к этническим процессам целенаправленность выражает прежде всего реально существующие тенденции в жизнедеятельности этнического коллектива.

Мотивированность как характеристика коллективного субъекта представляет собой активное, заинтересованное и действенное отношение (побуждение) к совместной деятельности. Она формируется в результате интеграции индивидуальных мотивов, их взаимного «сложения» и «пере-

плетения», и выражается в активной заинтересованности членов коллектива в совместной деятельности. Сплочение этнической группы способствует формированию и укреплению ее этнического самосознания, которое может проявляться в различных действиях (например, ритуальных, предполагающих одинаковое понимание обрядовой символики всеми членами группы). Данное свойство, таким образом, характеризует степень взаимосвязанности и взаимозависимости членов коллективного субъекта.

Структурированность совместной деятельности коллективного субъекта означает четкость и конкретность распределения между членами коллектива функций, прав, обязанностей и ответственности. Параметрами структурированности можно считать тип распределения обязанностей в коллективе, характер его статусно-ролевой структуры, соответствие организационной структуры деятельности организационным отношениям. Применительно к этническим процессам структурированность этноса может объяснить такое явление, как культурная и этническая нетождественность, характерная для многих этнических групп, что особенно четко проявляется в межэтническом взаимодействии (например, в виде этноцентризма).

Важными характеристиками коллективной деятельности выступают **согласованность** и **интегративность**. Без взаимной сплоченности членов этнической группы трудно рассчитывать на общую результативность взаимодействия.

Следующая характеристика коллективного субъекта — **организованность**, то есть подчиненность членов коллектива определенному порядку выполнения совместной деятельности. Жизнедеятельность традиционных этнических сообществ достаточно жестко регламентирована этническими нормами и предписаниями, при этом основными параметрами организованности коллективного субъекта выступают уровни исполнительности и самоуправления в совместной деятельности.

Необходимым условием взаимодействия коллектива является единое **пространственно-временное** пребывание и функционирование его членов. Без наличия единого пространства и одновременности выполнения работы разными людьми не может осуществляться совместная групповая деятельность.

Интегральной характеристикой совместной деятельности является **результативность**. Она определяет не только уровни развития всех перечисленных выше характеристик коллективной деятельности и ее субъекта, но и конкретные результаты совместной деятельности. Параметр «результативность» используется для анализа «истории отдельных этносов» (по Л. Н. Гумилеву), объясняя различные фазы этногенеза: от возникновения и подъема до упадка, умирания этноса.

Завершая рассмотрение наиболее известных подходов к выделению социально-психологических характеристик группового субъекта социального взаимодействия, необходимо подчеркнуть их разнообразие, которое связано с неоднозначностью концептуальных критериев, выбираемых разными исследователями для такого выделения. Тем не менее, в качестве ведущей характеристики группового субъекта взаимодействия, в том числе и этнического, большинство исследователей предлагают использовать его направленность. Это ставит перед этнической психологией задачу раскрыть понятие *направленности этноса* как интегрального фактора регуляции этносоциального взаимодействия.

Как известно, регуляция социального поведения детерминирована социальными потребностями, что можно конкретизировать и применительно к этносу. Традиционно принято выделять следующие группы социогенных потребностей: 1) потребность в сотрудничестве, кооперации, совместных коллективных действиях, взаимопомощи; 2) потребность в лидерстве, руководстве; 3) потребность в передаче информации, обмене информацией, мнениями, знаниями.

ми; 4) потребность в самовыражении, самоутверждении, самореализации и тесно связанная с ней потребность в уважении, престиже, успехе.

По отношению к этническим группам их можно проиллюстрировать следующим образом. Например, потребность в самоуважении стала ахиллесовой пятой возрождающейся самостоятельности новых государств на территории бывшего Советского Союза. Так, стремление эстонцев и латышей к сохранению своей самобытности толкает национальный истеблишмент к ограничению прав и гражданских свобод проживающих с ними инакоций, в частности русских. Последствия подобных действий нетрудно предсказать: от русских они вряд ли избавятся, учитывая, что Россия переживает кризис и приток сотен тысяч новых граждан усложнит и без того непростую ситуацию в стране, а вот дестабилизировать положение в самой Эстонии или Латвии вполне смогут.

Другой иллюстрацией могут послужить сравнительно недавние события в Приднестровье, Абхазии, Нагорном Карабахе. Пассионарность граждан этих территорий проявилась в самоотверженной защите своих возможностей в удовлетворении социогенных потребностей, а результатом стало достижение реального суверенитета.

Пассионарность этнического субъекта проявляется не только как его способность находиться в гомеостатическом состоянии по отношению к социальному окружению и своему социальному положению и адекватно реагировать на возникающие при этом ситуации, но и как направленность субъекта; она выступает регулятором такой адекватности.

Многие исследователи понимают групповую этносоциальную направленность как средство согласования индивидуальных и социальных целей, необходимость которого вытекает из объективных закономерностей достижения общих целей при конкурирующих или несовпадающих потребностях отдельных членов этнической группы либо этническо-

го сообщества. Таким образом, проблема этносоциального субъекта предполагает более углубленное поле изучения — «этническое поле субъекта», или «этническое поле индивида» («поле поведения и активности членов этнической системы», по Л. Н. Гумилеву).

Этническое поле субъекта может быть представлено в виде трехуровневой структуры, компоненты которой обозначаются такими понятиями, как «этническое для себя», «этническое для социума» и «этническое для государства». «*Этническое для себя*» — это существующая у любого человека система этнических иерархий и этнических экспектаций, которая не обязательно вербализована и осознаваема; напротив, она может не осознаваться в течение всей жизнедеятельности. Но вступая в контакт с другим субъектом и опознавая его этническую неконгруэнтность, субъект в своем поведении будет исходить из системы этнических иерархий и этнических экспектаций. «*Этническое для социума*» означает, что для официальных учреждений все мы можем представлять только одну, строго определенную часть этнического поля своей личности. Эта часть этнического поля фиксируется в документах, что определяет наши отношения и действия в социальном взаимодействии. С «*этническим для государства*» мы сталкиваемся в том случае, когда, например, житель России, оказавшись за рубежом, независимо от своей подлинной национальности воспринимается окружающими как «русский». Этот же механизм действует, более того, культивируется в США: латиноамериканец, англичанин или русский по происхождению, приняв гражданство США, предстает в любой стране мира как «американец».

Итак, по отношению к представителю другой национальности индивид действует как человек этнический, проявляя разные компоненты своей личности в соответствии с системой социальных установок (аттитюдов). Такое положение нашло подтверждение в эксперименте Лапьера.

Лапьер путешествовал по южным штатам США вместе с двумя студентами-китайцами. Они посетили 252 отеля и почти во всех случаях (за исключением одного) встретили нормальный прием, соответствующий стандартам американского сервиса. Никаких различий в обслуживании самого Лапьера и его спутников-китайцев не было. Спустя два года после завершения этого путешествия Лапьер обратился в 251 отель с письмами, в которых просил ответить, может ли он в сопровождении тех же китайцев снова посетить отель. Ответы пришли из 128 отелей, причем только в одном было согласие, в 25% случаев имел место отказ, а в остальных ответ был уклончивым. Лапьер объяснил это тем, что между отношением (в данном случае отношением к лицам китайской национальности) и реальным поведением хозяев отелей существовало расхождение. Ответы на письма свидетельствовали о наличии негативного отношения («этническое для себя»), но в реальном поведении он не был проявлен («этническое для социума»), напротив, поведение было таким, как если бы в его основе был позитивный аттитюд.

Попытаемся проинтерпретировать «парадокс Лапьера» с учетом диспозиционной регуляции социального поведения и уровневой структуры этнического поля субъекта. Низший уровень диспозиционной регуляции характеризуется наличием элементарных установок, значение которых в эмпирическом плане можно интерпретировать как «этническое для себя». Эти установки реализуются в простых, предметных ситуациях, они не выходят за рамки элементарных бытовых представлений и предрассудков и не связаны с целесообразным социальным взаимодействием. Следующие два уровня диспозиционной регуляции предполагают наличие социальных установок и направленности субъекта на реализацию конкретных целей и достижение социально значимого результата, им соответствует диспозиция «этническое для социума». Эти уровни обусловлены процессом со-

циального взаимодействия, при котором формируются и фиксируются разнообразные социально значимые установки, то есть установки на цели и средства взаимодействия в социальной системе, обуславливающие значимость поступков субъекта. Высший диспозиционный уровень представлен ценностными ориентациями личности, регулирующие социальное взаимодействие с точки зрения его этнической значимости и целесообразности. На этом уровне реализуются этнические диспозиции, входящие в «этническое для государства». Представленная иерархия диспозиционных образований выступает как регулятивная система по отношению к этническому поведению субъекта.

Социальное взаимодействие проявляется в данном случае в том, что «этническое поле субъекта» рассматривается в контексте системы социальных связей и отношений, включенных не только в ближайшее социальное взаимодействие, но и в более широкую систему этносоциальных связей в целом.

С позиций предложенной концепции появляется возможность по-новому объяснить «парадокс Лапьера». Расхождение между вербально заявленным отношением и реальным поведением объясняется тем, что проявились разные уровни этнического поля субъекта. Несомненно, что в каждой конкретной ситуации поведения работали различные уровни диспозиционной регуляции.

Соотношение уровней диспозиционной регуляции и форм этнического взаимодействия не является однозначным, поскольку существует определенная зависимость между уровнем социального развития этнического субъекта и формой организации его взаимодействия с другими субъектами. Это позволяет предположить наличие опосредующего психологического фактора, который может стать интегратором межличностных отношений в процессе этнического взаимодействия. Таким интегрирующим фактором в этническом коллективном взаимодействии, по нашему

мнению, является *социальная направленность этнического субъекта* как социально-психологическая основа его активности. Она имеет сложную структуру, включающую в себя три компонента: когнитивный (осознание объекта социальной активности), аффективный (эмоциональная оценка объекта, проявление симпатий и антипатий к нему) и практический (последовательное поведение по отношению к объекту). Каждый из этих компонентов отличается собственным набором психологических характеристик этнического субъекта социального взаимодействия. Когнитивный компонент раскрывается через целенаправленность и мотивированность, аффективный — через эмоциональность и стрессоустойчивость, практический — через интегративность, организованность и коллективность (Ю. П. Платонов, 1992).

Рассмотрим более подробно выделенные выше структурные элементы социальной направленности этнического субъекта.

Целенаправленность может быть определена как характеристика этнического субъекта, отражающая его готовность к достижению групповых целей этносоциального взаимодействия. Цель взаимодействия является исходным пунктом развертывания всех форм внутригрупповой активности, это организующее и системообразующее начало взаимодействия. Цель взаимодействия можно рассматривать как феномен опережающего отражения, как идеальное представление будущего результата, которое определяет характер и способы этносоциального взаимодействия.

Мотивированность как характеристика этнического субъекта раскрывает особенности активного, заинтересованного отношения к этносоциальному взаимодействию. Она представляет собой особую сопряженность мотивов в конкретной социальной ситуации, процесс осознания субъектом потребности в достижении этносоциальных групповых целей.

Эмоциональность проявляется в отношении к взаимодействию и формируется под влиянием сложившихся обстоятельств, которые приобретают эмоциональную значимость для этнической группы (сообщества, коллектива) и избирательно вызывают позитивное или негативное отношение членов такой группы к различным сторонам взаимодействия. Эмоциональность субъекта выражается прежде всего в удовлетворенности членов группы реализацией этносоциальных целей.

Стрессоустойчивость как характеристика этнического субъекта и как фактор взаимодействия обусловлена способностью субъекта согласованно и быстро мобилизовать эмоционально-волевой потенциал для противодействия различного рода деструктивным силам. Она обеспечивается степенью включенности членов этнической группы в социальное взаимодействие, содержанием взаимодействия, адекватным отражением причин эмоциональной напряженности, уровнем социально-психологического развития и организованности этнической группы, степенью принятия членами группы своих функционально-ролевых обязанностей по нейтрализации дисфункций, подавлению деструктивных проявлений.

Интегративность раскрывает генезис интегративных процессов в этнических группах (коллективах, сообществах) и представляет несомненный теоретический и практический интерес, так как в социальном взаимодействии этнических субъектов наблюдается наличие двух социально-психологических процессов: интеграции и дифференциации. Интеграционные процессы обеспечивают необходимые для этноса монолитность, структурированность, согласованность, позволяющие рассматривать его как единое целое. Многие социальные психологи имеют тенденцию выводить особенности интеграционных процессов из группового общения и взаимодействия, в которых они видят сущность групповых явлений. Общение как способ организации внутригруппового

взаимодействия способствует проявлению интегративных феноменов этнического субъекта, таких как психологический климат, межличностные отношения и т. д.

Выделение *организованности* в качестве показателя социальной направленности этнического субъекта и фактора взаимодействия обусловлено особенностями процессов самоуправления и самоорганизации этнической группы (коллектива, сообщества) на всех этапах жизнедеятельности. При этом необходимо отметить, что организованность этнического субъекта связана прежде всего с функционально-ролевыми взаимодействиями, поскольку каждый член этнической группы занимает определенное место в ее иерархической структуре. Групповой этнический субъект, как и любой другой, наряду с официальной имеет и неофициальную структуру, наличие которой во многом обусловлено лидерскими процессами, а само лидерство выступает как фактор организованности этнической группы.

Наконец, *коллективность* характеризуется рядом показателей, внутренне присущих деятельности этнического коллектива, но имеющих разную степень выраженности. Инициативность предполагает выход членов этнического коллектива за определенные нормативные ограничения, неизбежные в любом виде деятельности. Заинтересованность позволяет определить степень мотивированности каждого этнофора в совместной деятельности. Дисциплинированность проявляется в отношении этнофора к нормативным ограничениям, к целесообразности и справедливости требований, к соблюдению правопорядка как ценности. Ответственность раскрывается через совпадение интересов и стремлений членов этнического коллектива в принятии ответственности за результаты совместной деятельности. Добросовестность отражает соответствие реального поведения этнофора его функционально-ролевым обязанностям, соответствие поведения и деятельности нормативным предписаниям, которые функционируют в виде традиций, обычая-

ев, групповых мнений и составляют наряду с другими характеристиками образ жизни этнического коллектива. Требовательность означает степень должного отношения этнофора к этническим и социальным нормам, регулирующим поведение и деятельность. Бережливость (экономность) раскрывает органическое единство социальной и хозяйственной сторон жизнедеятельности этнического коллективного субъекта, опосредует отношение членов этнического коллектива к процессу и результатам своей деятельности и является показателем их экономической культуры и воспитанности. Критичность характеризует отношение к недостаткам и способствует коррекции отклонений, возникающих как в организации совместной деятельности, так и в межличностных отношениях. Соревновательная активность оценивает степень включенности участников в совместную деятельность для достижения целей, поставленных перед этнической группой, сообществом, коллективом, причем ценность целей определяется данной этнической группой в сравнении с результатами аналогичной деятельности других групп.

В заключение отметим, что степень проявления названного выше структурных элементов обусловлена следующими психологическими факторами:

- устойчивость основных интересов членов этнической общности в совместной и социальной деятельности;
- наличие развитых межличностных отношений в конкретной этнической общности;
- причастность к данной этнической общности, активное участие в совместной социальной деятельности;
- наличие в этнической общности достаточно развитой системы самоуправления и самоорганизации;
- наличие реальных соревновательных отношений, имеющих тенденцию охватывать не только совместную деятельность, но и многие другие сферы жизнедеятельности этнической общности.

МЕЖЭТНИЧЕСКИЕ КОНФЛИКТЫ

ГЛАВА 23. ПРИРОДА МЕЖЭТНИЧЕСКИХ КОНФЛИКТОВ

Анализируя историю последних столетий, можно определить их как вехи развития цивилизации. Так, если XIX век — это век территориальной экспансии, создания колониальных империй, XX век — век идеологической экспансии, противостояния антагонистических идеологий, то XXI век, вероятно, будет веком этнодемографической экспансии. При этом этнодемографическую экспансию можно понимать как стремление к власти этносов с высокой демографической продуктивностью (наглядная иллюстрация — захват исконной сербской территории Косово албанцами).

И территориальная, и идеологическая, и этнодемографическая экспансии сопровождаются столкновениями, борьбой за ресурсы, неизбежно перерастая в конфликт. Конечно, в основе такого рода конфликтов лежали и лежат экономические интересы противоборствующих народов и государств, но вид конфликта, его камуфляж часто оказывает серьезное влияние на характер и динамику поведения народов.

Традиционно под экспансией понимается прежде всего территориальная экспансия и установление военно-политического влияния. Нельзя сказать, что такой вид экспансии исчерпал себя, поскольку территория по-прежнему яв-

ляется выгодным *долгосрочным* приобретением — как «жизненное пространство», носитель сырьевых, энергетических и людских ресурсов, военно-стратегический и экономический плацдарм (вспомним войну между Великобританией и Аргентиной за Фолклендские острова с их 200-мильной рыболовной зоной и близостью к богатой полезными ископаемыми Антарктиде), пространство для размещения промышленных мощностей или технических отходов, сельскохозяйственные угодья. Сегодня в мире немало реальных и потенциальных конфликтов, квалифицируемых как пограничные и территориальные споры, и проблем с определением статуса территорий (одностороннее изменение Турцией толкования соглашений 1936 года о статусе черноморских проливов; возникающее напряжение вокруг богатств Антарктиды, откуда, несмотря на существующие соглашения, исподволь вытесняется Россия). В будущем, по мере развития ресурсного кризиса (истощения сырьевых ресурсов планеты, снижения плодородия почв, роста численности населения, усиления экологических претензий государств друг к другу и т. д.), то есть по мере значительного повышения стоимости выживания государства и его титульного этноса, весьма вероятно возвращение в мировую политику жесткого варианта территориальной экспансии.

Однако в настоящее время экспансия имеет другие измерения: информационное, культурно-историческое, религиозное, этническое, политическое (сюда следует отнести и целенаправленное политическое давление вплоть до международных санкций) и особенно экономическое (во всех его видах — финансовом, товарном, технологическом и т. д.), которое и является стержнем современной экспансии. Понимаемая широко, она имеет немалые отличия от своей территориальной разновидности. *Во-первых*, если территориальная экспансия носила, как правило, ступенчатый (пространственное расширение США в XIX в.) и нередко однонаправленный характер (знаменитое правило Бисмарка для

Германии: не воевать на два фронта), то сегодня экспансия — это непрерывный процесс, нацеленный на множество объектов и порождающий в результате столкновения интересов целый комплекс разноплановых конфликтов. *Во вторых*, сегодня «мирная» экспансия осуществляется многими государствами и их группировками по отношению друг к другу одновременно, поэтому можно говорить об их взаимопроникновении или, иными словами, об образовании комплекса взаимозависимостей и противоречий. *В третьих*, ранее внешнюю экспансию осуществляла одна держава или недолговечный союз государств. Ныне сосуществуют внешняя экспансия устоявшихся или новых экономических и экономико-политических группировок и экспансия внутри самих этих группировок. *В четвертых*, внутрикоалиционная экспансия периодически сопровождается «добровольными» взаимными уступками сторон, хотя общий ее баланс, конечно, благоприятен для сильнейших из них.

Нынешняя политика мирового сообщества весьма сложна: конфликты и противоречия сосуществуют с координацией действий и сотрудничеством. Одна группа противоречий (например, экономических) между странами или группами стран «уравновешивается» настоятельной необходимостью кооперации в другой сфере (безопасности). Одновременно имеются как противоречия, так и кооперация и внутри отдельных групп государств. Совпадение позиций и интересов государств ведет к образованию и укреплению экономических и экономико-политических группировок и зон интеграции — Европейский Союз, НАТО, Содружество Независимых Государств.

Взаимодействие разных по направленности и силе экспансий, с одной стороны, и результаты разноуровневого и разнопланового сотрудничества — с другой, в совокупности определяют состояние такого феномена, как *баланс сил* субъектов политики. Важно подчеркнуть, что этот баланс не равновесие, а лишь соотношение сил, причем соотноше-

ние динамическое, зависящее от изменения всех определяющих его элементов. Динамичность баланса означает, что любые перемены во взаимодействии его слагаемых (вызванные, например, геополитической переориентацией от «западноцентризма» на Восток даже ослабленной ныне России) способны существенно повлиять на расстановку сил и очертания геополитической карты планеты, и в этой ситуации приоритетное значение приобретает возможность воздействовать на политику и даже целостность государства через этнические элиты, особенно национальных меньшинств. Тем самым придается дополнительный импульс как росту этнонационализма среди наименьшинств, его дальнейшему перерождению в сепаратизм (в случае компактного проживания маргинальных этносов), так и нарастанию национализма извне (в случае если национальные меньшинства имеют свое государство по другую сторону границы). Ответной реакцией на это может стать всплеск национальных чувств титульного этноса, тем более что нередко альтернативные интересы руководителей маргинальных этносов сводятся к элементарным территориальным требованиям.

Питирим Сорокин подсчитал, что за двадцать четыре века истории человечества на четыре мирных года приходится один год, сопровождающийся насильственными действиями — войнами, революциями, бунтами, которые считаются социальными конфликтами. Социальные конфликты обычно разделяют на:

- политические — борьба за власть, доминирование, влияние, авторитет;
- конфессиональные — борьба за право исповедовать ту или иную религию;
- социально-экономические — борьба «между трудом и капиталом»; например, между профсоюзами и работодателями;
- межэтнические — борьба за права и интересы этнических общностей.

Принципиальный вопрос понимания специфики межэтнических конфликтов это вопрос об их связи с самим феноменом этничности: являются ли конфликты между этносами сущностными, заложенными в этническом многообразии человечества, или они сугубо функциональны? Если считать истинным первый подход, то тогда сербов и албанцев, ингушей и осетин, арабов и евреев, армян и азербайджанцев следует признать «несовместимыми». Если исходить из второго подхода, то надо сделать вывод: не этничность составляет суть таких конфликтов, она лишь форма их проявления. Так, молдаване говорят, что у них нет конфликта с русскими или украинцами, это просоветский режим сопротивляется в Приднестровье. Чеченские события многие считают не межэтническим конфликтом, а криминальным переделом собственности. Просто в конфликтных ситуациях обнажаются противоречия, которые существуют между общностями людей, консолидированными на этнической основе. Далеко не в каждый конфликт бывает вовлечен весь этнос, это может быть его часть, группа, которая ощущает или даже осознаёт противоречия, ведущие к конфликту.

В реальности мы встречаемся со взаимопроникающими конфликтами, каждый из которых составляет питательную среду для другого. Не случайно даже специалисты-конфликтологи часто не могут прийти к единому мнению о том, с каким конфликтом они имеют дело — с межэтническим в политическом камуфляже или наоборот.

Межэтнические конфликты множественны по своей природе. Исследователи предлагают самые разные их классификации. По целям, которые ставят перед собой вовлеченные в конфликт стороны, межэтнические конфликты можно подразделить на:

- социально-экономические, при которых выдвигаются требования гражданского равноправия (от прав граждан до равного экономического положения);

- культурно-языковые и конфессиональные, при которых выдвигаемые требования затрагивают проблемы сохранения или возрождения функций языка, культуры, религии, этнической общности;
- политические, если участвующие в них этнические меньшинства добиваются политических прав (от автономии местных органов власти до полномасштабного конфедерализма);
- территориальные — если в их основе лежат требования изменения границ, присоединения к другому («родственному» с культурно-исторической точки зрения) государству или создания нового независимого государства.

Кроме целевого подхода, природу межэтнических конфликтов можно рассматривать с точки зрения структурных изменений в обществе как основы противоречий, приводящих к конфликтам. Этносоциологи считают, что в основе межэтнической напряженности лежат процессы, связанные с модернизацией и интеллектуализацией народов. Эти процессы привели к тому, что в престижных видах деятельности нарастала конкуренция между титульными и другими этносами. Иллюстрацией может служить позиция русских в бывших республиках Советского Союза: у титульных этносов этих республик к концу 1970-х гг. не только сформировалась полиструктурная интеллигенция (то есть помимо административной и занятой в сфере просвещения, как было в основном в 1930–1960-х гг., появилась еще и научная, художественно-творческая, а у некоторых национальностей — и производственная), но и сложились новые ценностные представления, в том числе о самодостаточности и важности большей самостоятельности. Такие представления и ценности не совпадали с теми, которые были у русских в этих республиках. Большинство из них приехали туда с установкой помогать местному населению (что делали раньше их родители), а следовательно, они и ощущали себя по статусу выше титульных этносов.

Этот подход акцентирует внимание на том, что на определенном историческом этапе происходят изменения в потенциале этнических групп, претендующих на привилегированные, престижные места, в том числе во власти; изменяются и ценностные представления групп. Подобная ситуация сложилась ранее (к 1970-м гг.) в Европе, когда менялась диспозиция в положении валлонов и фламандцев в Бельгии; в Канаде, когда франко-канадцы стали догонять по социальному и экономическому потенциалу англо-канадцев. Такая ситуация может сохраняться достаточно долго после заявления претензий на изменение, до тех пор, пока центральная власть сильна. Если же она теряет легитимность, как это было в СССР в конце 1980-х — начале 1990-х гг., то появляется шанс не только высказать претензии, но и реализовать их. Дальнейшее развитие событий — эскалация или свертывание конфликта — во многом зависит от состояния центральной власти.

Как результат политического насилия следует рассматривать социальное и экономическое неравенство, конкуренцию на рынке труда, земли и жилья, которые зачастую перерастают в межэтнические конфликты. Такова природа ферганских (1988), душанбинских (1990), ошских (1991) и других подобных событий. При этом чаще всего этническая общность, «подвергшаяся нападению», выступала в роли козла отпущения.

В СССР переход к демократизации, сопровождавшийся борьбой старых и новых политических элит, привел к тому, что эта борьба в полиэтничном обществе «приобрела этнополитическую окраску». Обострение этнополитических конфликтов вызывали неумелые, непоследовательные шаги по преобразованию государства в реальную федерацию, делались попытки силой остановить дезинтеграционные тенденции в республиках (тбилисские события 1989 г., бакинские — 1990 г., вильнюсские — 1991 г.). Некоторые конфликты рассматриваются уже как следствие распада Союза ССР, когда в отделившихся республиках в борьбу «за свою

долю политического и территориального наследства» вступили бывшие автономии или желавшие получить автономию (Абхазия и Южная Осетия в Грузии, Приднестровье и Гагаузия в Молдове, Нагорный Карабах в Азербайджане).

При этом нередки случаи ложного этнического конфликта, когда реальные конфликты интересов между этническими группами отсутствуют, но тем не менее возникают самые тяжкие последствия. Так, например, ученые не смогли объяснить, почему летом 1988 г. погромам подверглись именно турки-месхетинцы, а не другие этнические меньшинства, населявшие Ферганскую долину.

ГЛАВА 24. ДЕТЕРМИНАНТЫ МЕЖЭТНИЧЕСКИХ КОНФЛИКТОВ

Психологи считают, что причины межэтнических конфликтов должны рассматриваться в рамках более общих теорий. При этом следует отметить, что почти все психологические концепции явно или неявно учитывают социальные причины межгрупповых конфликтов и причины социальной конкуренции и враждебности, проявляющиеся в действиях или представлениях. В английском языке есть даже разные слова для двух видов причин: «reason» (то, во имя чего происходит конфликтное действие, цель действия) и «cause» (то, что приводит к враждебным действиям или межгрупповой конкуренции). Как правило, психологи не сомневаются в наличии *reasons* во всех или в большинстве межгрупповых конфликтов, но, даже подразумевая, что это конфликты интересов, несовместимых целей в борьбе за какие-либо ограниченные ресурсы, оставляют их изучение представителям других наук. А сами в качестве *causes* предлагают те или иные психологические характеристики.

Автор одной из первых социально-психологических концепций В. Макдугалл (1871–1938) приписал проявление коллективной борьбы «инстинкту драчливости». Подобный подход называют *гидравлической моделью*, так как агрессивность, по мнению Макдугалла, не является реакцией на раздражение, просто в организме человека присутствует *некий импульс, обусловленный его природой*.

Гидравлическая модель психики лежит в основе идеи 3. Фрейда о причинах войн в человеческой истории. Фрейд считал, что враждебность между группами неизбежна, так как конфликт интересов между людьми в принципе разрешается только посредством насилия. Человек обладает деструктивным влечением, которое первоначально направлено внутрь (влечение к смерти), но затем направляется на внешний мир, следовательно, оно благотворно для человека. Враждебность благотворна и для вовлеченных в нее групп, так как способствует стабильности, установлению чувства общности у этих групп. Враждебность к какой-либо группе является и способом объединения нескольких других: во время войн создаются более обширные объединения племен или государств, в пределах которых на противоборство налагается запрет, что происходило, например, в период борьбы греческих государств против варваров. Именно благотворность враждебности для человека, группы и даже объединений групп, по мнению Фрейда, приводит к неизбежности насилия.

Главный тезис творца третьей гидравлической модели, австрийского этолога К. Лоренца, состоит в том, что агрессивное поведение людей, проявляющееся в войнах, преступлениях и т. п., представляет собой следствие генетически заданной агрессивности. Но если у хищников агрессия служит сохранению вида, то для человека характерна внутривидовая агрессия, направленная на враждебных соседей и способствующая сохранению группы. Представители традиционных культур, как правило, соблюдают заповедь «Не

убий» внутри этнической общности, даже воинственные североамериканские индейцы юта налагали табу на убийство соплеменников.

Опираясь на идеи Фрейда, Т. Адорно объясняет отношения к чужим группам особенностями процесса социализации ребенка в раннем детстве, в частности — амбивалентностью эмоциональных отношений в семье. У человека, воспитанного в семье, где царят формальные, жестко регламентированные отношения, часть агрессивности выплескивается на тех, с кем индивид себя не идентифицирует, то есть на внешние группы.

В дальнейшем был описан антропологический тип, названный *авторитарным*, среди черт которого наряду с неприятием чужих групп были выделены и другие характеристики: слепое следование авторитетам, механическое принятие общепринятых ценностей, стереотипность мышления, агрессивность, цинизм, подверженность суевериям, сексуальное ханжество, злобное отношение ко всему человеческому. Для людей авторитарного типа характерна общая тенденция неприятия всех чужих групп и завышения оценки собственной группы.

Социологи, политологи и этнологи, стремясь выделить конфликт из других близких к нему социальных феноменов, часто рассматривают конфликт исключительно как реальную борьбу между группами, как столкновение несовместимых интересов. При таком понимании конфликт представляет собой стадию крайнего обострения противоречий, проявляющуюся в конфликтном поведении, и имеет точную дату возникновения противоборства. Приходится признать что, на Земле почти повсюду существуют противоречия между этническими общностями.

При *социологическом* подходе к объяснению причин конфликтов анализируется взаимосвязь социальной стратификации общества с этнической принадлежностью населения. При *политологическом* подходе одной из самых распро-

сторонних является трактовка роли элит, прежде всего интеллектуальных и политических, в мобилизации этнических чувств, межэтнической напряженности и эскалации ее до уровня открытого конфликта.

Чаще всего напряженность существует между доминантной этнической общностью и этническим меньшинством, но она может быть как открытой, проявляющейся в форме конфликтных действий, так и скрытой, тлеющей. В последнем случае напряженность выражается в *социальной конкуренции*, основанной на оценочном сравнении своей и чужой групп в пользу собственной. В ходе конфликта возрастает значение двух важных условий социальной конкуренции:

1. Члены своего этноса воспринимаются как более похожие друг на друга, чем они есть на самом деле. Акцент на внутригрупповом сходстве приводит к деиндивидуализации, выражающейся в чувстве собственной анонимности и недифференцированном отношении к отдельным представителям чужой группы. Деиндивидуализация облегчает осуществление агрессивных действий по отношению к «врагам». Так, при исследовании традиционных культур было обнаружено, что чем больше у членов племени сходных элементов оформления внешности (одежда, прическа, раскраска лица и тела), способствующих деиндивидуализации, тем более оно агрессивно. Единая форма одежды как элемент, усиливающий деиндивидуализацию, безусловно, облегчает проявления агрессивности и во враждующих армиях.
2. Члены других этносов воспринимаются как более отличающиеся друг от друга, чем они есть на самом деле. Часто культурные и даже языковые границы между этническими общностями неопределенны и трудноуловимы. Но в конфликтной ситуации субъективно они воспринимаются как яркие и четкие. Показательный пример этой тенденции — подчеркивание и пре-

увеличение различий между народами тутси и хуту в Руанде, что способствует многолетней трагедии руандийского народа — резне и чисткам по этническому признаку, — унесшей миллионы жизней как хуту, так и тутси. А задолго до начала конфликта между Арменией и Азербайджаном по поводу Нагорного Карабаха в средствах массовой информации обеих республик стал планомерно создаваться образ врага как географически близкого, но культурно далекого народа.

Итак, в ходе этнических конфликтов *межгрупповая дифференциация* протекает в форме противопоставления своей и чужой групп: большинство противопоставляется меньшинству, христиане — мусульманам, коренное население — «чужакам». Единство в негативных оценках чужой группы не только выполняет полезную для данной общности функцию, но и часто является необходимым условием для разрешения конфликта в ее пользу.

Социальные противоречия хотя и играют решающую роль среди причин конфликтных действий, не связаны с ними напрямую: конфликтные действия возникают, если противоборствующие стороны осознали несовместимость своих интересов и имеют соответствующую мотивацию поведения. При этом большое значение приобретает стадия осознания и эмоционального вызревания конфликта. Например, пережитые «исторические несправедливости» вызывают желание восстановить справедливость, но это не обязательно приводит к возникновению мгновенной реакции. Чаще до начала конфликтных действий проходят многие годы, на протяжении которых этническая общность спланивается вокруг идеи отмщения. Так было во Франции после поражения в войне с Германией 1870 г. и потери Эльзаса-Лотарингии.

С психологической точки зрения конфликт не только не начинается с началом конфликтных действий, но и не заканчивается с их окончанием. После завершения прямого

противодействия — на этапе зализывания ран — конфликт может сохраняться в форме социальной конкуренции и проявляться в создании образа врага и предубеждений. Так, даже в середине 1990-х гг. 24% русских респондентов старше 60 лет, то есть переживших войну, соглашались с утверждением, что немцы — исконные враги русских.

Поиск козлов отпущения в ходе межэтнических конфликтов осуществляется с помощью механизма *социальной каузальной атрибуции*. В мировой истории мы встречаемся с бесчисленным количеством примеров агрессивного поведения, прямо направленного на членов чужой группы, на которых возлагается ответственность за негативные события — эпидемии, голод и другие несчастья. Например, в средневековой Европе убийства евреев объяснялись их злодеяниями в распространении эпидемии чумы. Следовательно, с помощью социальной и этнической атрибуции большинство оправдывает совершаемые или планируемые ими действия против «чужаков».

То же самое наблюдается и на индивидуальном уровне: когда человек сталкивается с социально нежелательным или опасным положением дел, для него характерна тенденция воспринимать несчастья как результат чьих-то действий и найти кого-то, ответственного за них. Во многих документально подтвержденных исторических случаях эти «кто-то» — вредители или враги моральных устоев и политического порядка — обнаруживались. Социальное знание общества обеспечивало большой выбор козлов отпущения — преступников, злодеев, ведьм, колдунов и т. п.

Вариантом социальной каузальной атрибуции выступает *атрибуция заговора*. На основе подобной атрибуции строится все многообразие концепций заговора. Они встречаются и в так называемых примитивных, и в цивилизованных обществах, различаются степенью «научкообразности», могут затрагивать все сферы общественной жизни, описывать деятельность заговорщиков в местном и во вселенском масшта-

бе. Но можно выделить и общие для всех концепций заговора черты. Обычно они возникают в ситуации экономического, социального, политического кризиса или форс-мажорных событий типа эпидемии. Подчеркивается групповой характер заговора — вредителями объявляются группы меньшинств (реального — мasons, правдоподобного — агенты зарубежных разведок, фантастического — ведьмы). Очень часто в качестве «заговорщиков» выступают группы этнических меньшинств.

В объяснительных моделях природы межэтнических конфликтов особое место занимают поведенческие концепции. Они не отрицают значения социально-структурных факторов, но акцентируют внимание на социально-психологических механизмах, стимулирующих конфликт. В рамках этих концепций широко известна теория фрустрации — агрессии (фрустрация — это состояние опасности от нанесенного группе ущерба; стресс, ощущаемый как препятствие в осуществлении цели, которые, согласно данной теории, ведут к агрессии).

Социологи и психологи, изучая реальные социально-культурные и политические ситуации, наполнили эту теорию конкретным содержанием, выделив в межэтнических конфликтах феномен *относительной депривации*. При этом не просто подчеркивается опасность депривации в связи с ухудшением условий жизни группы, но и сама депривация рассматривается как разрыв между ожиданиями людей и их возможностями.

Таким образом, под межэтническим конфликтом в широком смысле этого слова следует понимать любую конкуренцию между этносами (или этническими группами) — от реального противоборства за обладание ограниченными ресурсами до конкуренции социальной — во всех случаях, когда в восприятии хотя бы одной из сторон противоборства сторона определяется с точки зрения этнической принадлежности ее членов.

ГЛАВА 25. МОДАЛЬНОСТЬ МЕЖЭТНИЧЕСКИХ КОНФЛИКТОВ

Часто на бытовом уровне, да и в профессиональной среде, можно услышать: вот если бы у нас не было экономических трудностей и «все жили бы хорошо», то никаких этнических конфликтов не было бы. Но и в Канаде, и в Бельгии, и во Франции, и в Ольстере люди живут неплохо, а межэтническая напряженность есть. В перечисленных государствах, не говоря уже о бывших советских республиках, межэтническая напряженность имеет разную модальность. Она может проявляться в диапазоне от скрытой фоновой напряженности до агрессии и насилия в отношениях между народами. Этнопсихолог Г. У. Солдатова выделила четыре фазы межэтнической напряженности: латентную, фрустрационную, конфликтную и кризисную [35].

Латентная фаза напряженности — это в целом нормальный психологический фон не только этноконтактных, но и любых других ситуаций, связанных с элементами новизны или неожиданности, например, ситуации знакомства, узнавания человека с новой стороны. Латентная (или фоновая) фаза межэтнической напряженности существует в любом, даже самом гармоничном обществе, где есть признанное деление на этнические группы.

Ситуация латентной межэтнической напряженности предполагает позитивные отношения. Это означает, что если в обществе и существуют локальные массовые состояния неудовлетворенности, то их причины обычно не связываются с отношениями между народами. В структуре массового сознания доминирует этническая идентичность по типу «нормы». В иерархии элементов социального восприятия «национальность» главенствует очень редко. Ее значимость определяется исключительно текущей ситуацией межличностного общения и отличается относительной аде-

кватностью. В межэтническом взаимодействии, как и в любых позитивных межличностных отношениях, сочетаются как кооперативные, так и соревновательные процессы.

Все это определяет прозрачность этнических границ. Но даже на этом уровне отсутствует эмоциональная нейтральность. Переход социальной ситуации в новую плоскость межгрупповых отношений уже задает начальный уровень эмоциональной напряженности. Результаты эмпирических исследований говорят о том, что контакты с незнакомыми людьми нередко повышают негативную эмоциональную активацию. Так, человек во взаимодействиях с незнакомыми людьми — «чужаками» чаще, чем со знакомыми, испытывает страх и в меньшей степени контролирует гнев.

Стремительность роста межэтнической напряженности может определяться динамикой социально-политических процессов. Так случилось в бывшем СССР, где латентная напряженность, при всей внешней благопристойности межэтнических отношений, вдруг обнаружила свой мощный взрывной потенциал в условиях кардинальных социально-экономических изменений в обществе.

Фрустрационная фаза напряженности имеет в своей основе ощущения гнетущей тревоги, отчаяния, гнева, раздражения, разочарования. Негативные переживания повышают степень эмоциональной возбуденности людей. На этой стадии напряженность становится зримой, прорываясь наружу в формах бытового национализма, которому соответствуют появление и широкое распространение в обществе уничижительных групповых характеристик (например, «лицо кавказской национальности», «черные», «кепки», «чучмеки» и др.), возрастание популярности анекдотов на национальные темы, учащение конфликтных межличностных эпизодов на национальной почве и т. п. Фрустрационная напряженность как бы зреет во внутригрупповом пространстве, постепенно проникая и в межгрупповые отношения.

Главный признак фрустрационной напряженности — рост эмоционального возбуждения. Увеличение численности фрустрированных личностей повышает уровень аффективной заряженности общества. Фрустрация как групповое психическое состояние влияет на формы и векторы формирования этнической идентичности. Развитие массовых процессов психической инфляции определяет трансформацию группового этнического самосознания в сторону гиперидентичности. В результате становится возможным «запуск» процессов эмоционального заражения и подражания. Формируются психические пограничные состояния массовой невротизации, которые требуют психической разрядки. Это стремление неоднократно блокируется с помощью экспрессивно-исполнительных мер, что приводит к дальнейшему повышению уровня эмоционального возбуждения.

Нарастание интенсивности фрустрационной напряженности напрямую связано с уровнем социальной напряженности в обществе и ее трансформацией в межэтническую. Последнее означает, что в качестве источника фрустрации начинают восприниматься другие этнические группы. В результате различные препятствия, возникающие при осуществлении жизненно важных потребностей, все чаще связываются с этнической принадлежностью. Здесь могут иметь значение как реальные причины (например, дискриминация при поступлении на работу, продажа продуктов по предъявлению паспорта, визитки и т. д., как это было в начале 1990-х гг.), так и надуманные.

В начале данной стадии блокируется потребность в позитивной этнической идентичности. Психологическая причина этого — идентификация с коллективной «тенью», когда слабая, негативная сторона этноса становится зримой и груз собственных недостатков начинает давить на сознание. Возникает необходимость в их немедленном рациональном вытеснении. Это определяет появление либо гиперидентичных,

либо гипоиентичных тенденций в индивидуальном и групповом сознании.

И хотя еще не конкретизирован реальный конфликт интересов, групповые позиции уже поляризованы. Этнические границы становятся осязаемыми, уменьшается их проницаемость. Растет значимость в межэтнической коммуникации языковых, культурных и психологических факторов. На этом этапе в массовом этническом самосознании закладываются основные психологические оси межэтнической напряженности: зависимость, ущемленность, несправедливость, враждебность, виновность, несовместимость, соперничество, страх, недоверие.

В целом проецирование негативных эмоций на такой источник фрустрации, как этническая группа, более характерно для титульных этносов, особенно для тех его представителей, у которых этническое самосознание трансформируется по типу гиперидентичности. Исследования гиперидентичных тенденций среди русских в республиках РФ показали, что им в меньшей степени свойственно стремление решать свои проблемы в русле «этнических» обвинений. Их эмоциональное напряжение перерождается скорее в астенические и депрессивные состояния. А в первой половине 1990-х гг. наиболее популярным способом решения проблем в таких случаях среди русских было принятие решения об эмиграции.

Конфликтная фаза напряженности имеет рациональную основу, так как между противоборствующими сторонами на этом этапе возникает реальный конфликт несовместимых целей, интересов, ценностей и соперничество за ограниченные ресурсы. Рост межэтнической напряженности формирует межгрупповое взаимодействие преимущественно по типу соперничества, которое определяет рост антагонизма между группами.

Массовые психозы на основе процесса психической инфляции порождают групповую реакцию «воинствующего энтузиазма» как форму социальной защиты, предполагаю-

шую активное вступление в борьбу за значимые социальные ценности, особенно за те, которые овящены культурной традицией. Как нельзя лучше эти ценности могут быть представлены такими понятиями, как «народ», «национальная культура», «родина предков» и др. Когнитивно-эмоциональная опора воинствующего энтузиазма — это образ врага, в котором конкретизируется угроза. Сконструированный на идеологическом уровне, этот образ попадает на хорошо подготовленную психологическую почву: массовое сознание готово его принять, а идеологи — расставить соответствующие акценты.

В ситуации конфликта межэтническая напряженность становится все более активной. Это именно такая раздражающая ситуация, которая провоцирует разрядку социальной агрессивности. На данном этапе процессы группового реструктурирования и этнической мобилизации группы резко ускоряются и достигают наибольшей определенности. Единичные случаи проявления бытового негативизма сменяются массовыми. Сокращается дистанция между негативными образами и соответствующими действиями. Чем большее количество людей заражено процессом психической инфляции, тем больше появляется «воинствующих энтузиастов» — националов. Причем их ряды пополняются главным образом за счет увеличения «пассивных» представителей этой категории. Резко возрастают показатели этнической солидарности: этноаффилиативные тенденции, усиление позитивных чувств по отношению к своему народу; усиление потребности в позитивной этнической идентичности и безопасности.

Межэтническим конфликтам всегда сопутствуют вынужденные мигранты. Они главный источник появления в обществе группы лиц, которых называют невротиками-этнофобами. У них снижена фрустрационная устойчивость, затруднены взаимоотношения с широким кругом лиц. В этноконтактных ситуациях они отличаются неадекватно-

стью и иррациональностью поведения. В условиях продолжительной психотравмирующей ситуации невротики-этнофобы пополняют ряды националов.

Кризисная напряженность возникает тогда, когда межэтнические конфликты уже невозможно урегулировать цивилизованными методами и в то же время они требуют немедленного разрешения. Ее главные отличия — страх, ненависть и насилие. Ненависть и страх тесно связывают этнические группы и становятся ведущими двигателями поведения, а насилие превращается в главную форму контроля сторон друг за другом. Поэтому данную фазу межэтнической напряженности можно обозначить как насильственную. В кризисной ситуации психическая инфляция достигает своих крайних форм и по силе, и по широте охвата. Это выражается в массовых тенденциях формирования этнического самосознания по типу радикальных форм гиперидентичности: этноизоляция и национального фанатизма. По уровню гиперидентичности впереди идут вынужденные эмигранты — переселенцы и беженцы. Они невольно разносят микробы национализма за пределы его первичных очагов.

Радикализм сторон и несовместимость позиций, крайняя предвзятость при интерпретации реальных фактов, заикливание на защите попираемых прав достигают на этой стадии своего апогея. Общий уровень эмоционального возбуждения возрастает до такой степени, когда эмоции становятся мощным побуждением к действию и иррациональной основой повышенной активности.

Это психопатологическое состояние получило название *социальной паранойи*. У социальных параноиков процессы психической инфляции нередко достигают максимума, когда в структуре идентичности «мы» практически полностью вытесняет «я». При определенной интенсивности психопатологических процессов на бессознательном уровне отбрасываются личности или группа и на них проецируется все то,

что социальный параноик считает для себя нежелательным. Его заблуждения направлены в первую очередь на тех, кого легко идентифицировать как «чужаков». В условиях роста межэтнической напряженности таковыми, безусловно, становятся этнические группы.

Еще один признак социальной паранойи — утрата обратной связи, в результате чего возникает неспособность воспринимать и подвергать анализу то, что не подтверждает проекций. Важной причиной утраты связей с реальностью является неконтролируемый страх. Этничность как форма идентификации, обращенная в прошлое, в наибольшей степени связана с эмоцией страха. Так, исследования антропологии этнического насилия на примере ошского конфликта показали, что страх был обязательным компонентом во всех эпизодах, включавших в себя агрессивные или насильственные действия. Но страх не обязательно инициирует агрессию. В первую очередь он — важнейший побудитель активных действий, которые могут иметь и совершенно противоположный характер, например, уход от агрессии. В частности, в 1988 г. волна страха в кратчайшие сроки заставила турок-месхетинцев покинуть Узбекистан, хотя нигде, кроме Ферганы, не было поджогов, погромов, грабежей.

В кризисной ситуации межэтнической напряженности иррациональность поведения особенно свойственна психопатическим личностям параноидального склада, которые становятся центральными субъектами эмоционального заражения. Иррациональность в интеллектуальной сфере проявляется как глубокая убежденность индивида или (группы) в своей правоте, в единственности представляемой ситуации. Противоречащие этой убежденности факты либо игнорируются, либо объявляются ложными, измышленными противниками. В мотивационно-поведенческом плане паранойя характеризуется стремлением индивида утвердиться в глазах окружающих. Субъективно это переживается как

борьба истины с ложью. В эмоциональной сфере этому постоянно присущи чувство чрезмерности собственной значимости, подозрительность, тревога, страх, гнев. При малейшем противодействии извне возникает чувство ущемленности, стремление отомстить и даже готовность к самопожертвованию во имя посрамления или гибели соперника. Субъективно это переживается как борьба непонятого с непонимающими, притесняемого с притеснителями, то есть как борьба добра со злом. В перцептивной сфере наблюдаются тревожно-враждебные ожидания вместе с интерпретациями, предшествующими фактам, а не следующими за ними, что создает иллюзии, субъективно воспринимаемые как реальность.

На фазах конфликтной — и особенно кризисной — межэтнической напряженности приобретает значимость такая характеристика массового сознания, как мифотворчество, поскольку высокая аффективная заряженность общества благоприятствует его развитию.

ГЛАВА 26. ТИПОЛОГИЯ МЕЖЭТНИЧЕСКИХ КОНФЛИКТОВ

Особенности межэтнических конфликтов определяются их типом. Оценивая межэтнические конфликты в СССР и СНГ, этносоциологи предложили их следующую типологию [3].

Первый тип — *статусные институциональные конфликты в союзных республиках, переросшие в борьбу за независимость*. Как уже отмечалось, суть таких конфликтов могла быть не этнонациональной, но этнический параметр в них присутствовал непременно, как и мобилизация по этническому принципу. Так, с самого начала национальных движений в Эстонии, Литве, Латвии, Молдавии, Арме-

нии, на Украине, в Грузии выдвигались требования соблюдения этнонациональных интересов. В процессе развития этих движений от этнонациональных требований переходили к требованиям государственной независимости, но мобилизация по этническому принципу оставалась.

Основная форма конфликтов этого типа была институциональной. Так, острый конституционный конфликт возник, когда сначала Эстония, а за ней и ряд других союзных республик приняли поправки к своим конституциям, внося в них приоритетное право на использование местных ресурсов и верховенство республиканских законов. Президиум Верховного Совета СССР отменил эти поправки. Однако решения законодательных органов Эстонии, Литвы, Латвии поддерживало большинство титульного этноса этих республик. Следовательно, есть все основания относить эти институциональные конфликты к этнонациональным, которые затем переросли в движение за независимость. По такому же сценарию развивались события в Грузии, Молдавии и ряде других союзных республик.

Второй тип — *статусные конфликты в союзных и автономных республиках, автономных областях, возникшие в результате борьбы за повышение статуса республики или его получение*. Конфликты этого типа характерны для союзных республик, желавших конфедеративного уровня отношений. Например, об этом заявляло руководство Казахстана. Об этом же говорили и руководители автономий, в частности Татарстана, которые стремились поднять их до уровня союзных республик. Впоследствии, после создания независимой России, радикальная часть национального движения поставила вопрос об ассоциированном членстве Татарстана в Российской Федерации. Конфликт завершился подписанием Договора между государственными органами Российской Федерации и государственными органами Татарстана, который содержит элементы как феде-

ративных, так и конфедеративных отношений. Заметим, что конфликт имел не только институциональный характер, поскольку с конца 1980-х гг. и вплоть до 1993 г. акции правительства Татарстана сопровождались достаточно высокой этнонациональной мобилизацией татар в республике.

За конфедеративный тип отношений боролась элита Башкортостана, Тувы, но там не было массовых национальных движений. Такого же типа временные конфликты имели место в автономных областях, претендовавших на статус республик, и четыре из пяти автономных областей в составе Российской Федерации получили его. За повышение статуса республики до уровня конфедеративных отношений борются абхазы в Грузии. К этому типу конфликтов можно отнести и движения за создание своих национальных образований, например, ингушей в Чечено-Ингушетии, ногайцев и лезгин в Дагестане, балкарцев в Кабардино-Балкарии. Подобные требования выдвигались также таджиками в Узбекистане, узбеками в Кыргызстане, кыргызами Горного Бадахшана в Таджикистане.

Третий тип — *этнотерриториальные конфликты*. Эти конфликты, как правило, самые трудные для урегулирования противостояния. На постсоветском пространстве было зафиксировано 180 этнотерриториальных споров, к 1996 г. сохраняли актуальность 140 территориальных притязаний. Конечно, не все заявленные притязания перерастают в конфликт. Специалисты считают, что к этому типу следует относить споры, ведущиеся «от имени» этнических общностей относительно их прав проживать на той или иной территории, владеть или управлять ею. Это борьба за восстановление автономий (немцы Поволжья, крымские татары), за правовую, социальную, культурную реабилитацию (греки, корейцы и др.); за возвращение на территорию прежнего проживания (турки-месхетинцы — в Грузию). И только в ряде случаев речь идет о действительно территориальных спорах.

Четвертый тип — *межгрупповые (межобщинные) конфликты*. Именно к такому типу относятся конфликты, подобные тем, которые были в Якутии (1986), в Туве (1990), а также русско-эстонский конфликт в Эстонии, русско-латышский — в Латвии и русско-молдавский — в Молдавии. Причем если первые два имели характер межгрупповых столкновений, переросших в демонстрационные формы противостояния, а в Туве — и в последующий отток русских из зоны конфликта, то межгрупповые конфликты в Эстонии и Латвии были связаны, с одной стороны, с дискриминационными мерами правительств, направленными на «вытеснение» представителей нетитульных этносов, и акциями национал-экстремистов, а с другой — с организацией сопротивления.

В развитии межэтнических конфликтов центральное значение имеют следующие социально-перцептивные механизмы:

1. Смещение баланса эмоционального позитива («в пользу» собственной этнической группы). В результате повышается избирательность межэтнического восприятия. Происходит отсев позитивной и искажение поступающей информации по следующему принципу: в фокусе внимания остается информация, подтверждающая негативные стереотипы, а та информация, которая не подтверждает их, отбрасывается. Негативные этносоциальные представления имеют устойчивую тенденцию к самовоспроизводству и самоподдержанию.
2. Актуализация межэтнических различий. При этом увеличиваются межгрупповые и уменьшаются внутригрупповые различия. Снижается дифференциация отдельных представителей других этнических групп и усиливаются тенденции деперсонализации членов собственной группы.
3. «Этническая» генерализация негативного эмоционального потока и поиск виноватого по этническому критерию.

4. Объяснение недостатков и неудач собственной этнической группы внешними факторами и обстоятельствами, а не внутренними причинами (личностные характеристики, мотивы и цели). Победа своей группы над другой при этом чаще всего интерпретируется как результат собственной силы, а не слабости противника. А в случае превосходства другой этнической группы ее достижения объясняются «ситуационными» причинами. Это результат действия общего социально-перцептивного механизма «фундаментальной атрибутивной ошибки», при котором, во-первых, недооцениваются различия в культуре, обстоятельствах и социальных ролях; во-вторых, ответственность и вина за неудачи в экономическом, социальном и ином развитии своей группы перекладывается на другие этнические группы.
 5. Смещение «оправдательных» и «обвинительных» критериев. Примером этого является превращение в очень короткий срок в республиках бывшего СССР «братских народов» в «мигрантов», «инородцев» и «оккупантов». Это результат действия атрибутивного механизма эмоциональной инверсии.
 6. Проецирование собственных (но неосознаваемых и потому неприемлемых для своего народа) негативных чувств, качеств и особенностей на представителей других этнических групп.
- Механизм проекции имеет особое значение в сфере межэтнического восприятия. Через проецирование неконтролируемого страха, собственных недостатков и психических расстройств на другой народ отчуждается собственная «коллективная тень». В условиях межэтнического конфликта вытеснение «тени» происходит достаточно жестко. Негативное содержание бессознательного получает дополнительную энергию, в результате проекция ускоряется и широко распространяется. Это один из механизмов возникновения

в обществе массовых невротических и психотических состояний, которые характеризуются навязчивым стремлением к конфликтам. Люди склонны проецировать собственную «тень» не только на политических врагов, но и на всякого, кто отличается или отдален от них.

В межэтнических конфликтах особое место занимают так называемые этнокультурные конфликты.

Этнокультурный конфликт — это конфликт старых и новых культурных норм и ориентаций; старых, присущих этнофору как представителю того этноса, территорию, которого он покинул, и новых, свойственных тому этносу, на территорию которого он прибыл. Иначе говоря, этнокультурный конфликт — это конфликт двух культур на уровне индивидуального сознания.

ГЛАВА 27. СПОСОБЫ РАЗРЕШЕНИЯ МЕЖЭТНИЧЕСКИХ КОНФЛИКТОВ

Существует пять способов разрешения межэтнических конфликтов.

Первый способ можно условно назвать *геттоизацией* (от слова «гетто»). Он реализуется в ситуациях, когда человек прибывает в другое общество, но старается или вынужден (из-за незнания языка, природной робости, иного вероисповедания или по каким-либо другим причинам) избегать всякого соприкосновения с чужой культурой. В этом случае он старается создать собственную культурную среду — окружение соплеменников, отгораживаясь этим окружением от влияния инокультурной среды. Практически в любом крупном западном городе существуют более или менее изолированные и замкнутые районы, населенные представителями других культур. Это китайские кварталы или целые

чайнатауны, это кварталы или районы, где поселяются выходцы из мусульманских стран, индийские кварталы и т. д. Например, в берлинском районе Кройцберг в процессе многих десятилетий миграции турецких рабочих и интеллектуалов-беженцев возникла не просто турецкая диаспора, но своего рода гетто. Здесь большинство жителей — турки, и даже улицы в этом районе имеют турецкий облик, который придают им реклама и объявления почти исключительно на турецком языке, турецкие закусочные и рестораны, турецкие банки и бюро путешествий, представительства турецких партий и турецкие политические лозунги на стенах. В Кройцберге можно прожить всю жизнь, не сказав ни слова по-немецки.

Второй способ разрешения конфликтов — *ассимиляция*, по сути противоположная геттоизации. В случае ассимиляции индивид полностью отказывается от своей культуры и стремится целиком усвоить необходимый для жизни багаж чужой культуры. Конечно, это не всегда удается. Причиной затруднений оказывается либо недостаточная пластичность личности самого ассимилирующегося, либо сопротивление культурной среды, частью которой он намерен стать. Такое сопротивление встречается, например, в некоторых европейских странах (во Франции, в Германии) по отношению к новым иммигрантам из России и стран СНГ, которые хотят стать своими среди немцев или французов. Даже при условии успешного овладения языком и достижения приемлемого уровня повседневной компетентности среда не принимает их как своих, они постоянно «выталкиваются» в ту среду, которую по аналогии с невидимым колледжем (термин социологии) можно назвать невидимым гетто — в круг соплеменников и «сокультурников», вынужденных вне работы общаться только друг с другом. Разумеется, для детей таких иммигрантов, включенных в инокультурную среду с раннего детства, ассимиляция не составляет проблемы.

Третий способ разрешения конфликтов — *промежуточный*, состоящий в культурном обмене и взаимодействии. Для того чтобы обмен осуществлялся адекватно, то есть приносил пользу и обогащал обе стороны, нужны благожелательность и открытость с обеих сторон, что на практике встречается, к сожалению, чрезвычайно редко, особенно если стороны изначально неравны: одна — автохтоны, другая — беженцы или эмигранты. Тем не менее, примеры такого удавшегося культурного взаимодействия в истории есть: это гугеноты, бежавшие в Германию после ужасов Варфоломеевской ночи, севшие там и многое сделавшие для сближения французской и немецкой культур; это немецкие философы и ученые, покинувшие Германию после прихода к власти нацистов и сумевшие внести весомый вклад в развитие науки и философии в англоязычных странах, существенно изменившие там интеллектуальный климат и повлиявшие на развитие общественной жизни вообще. Вообще же результаты такого взаимодействия не всегда очевидны в самый момент его осуществления. Они становятся видимыми и весомыми лишь по прошествии значительного времени.

Четвертый способ решения конфликтов — *частичная ассимиляция*, когда индивид жертвует своей культурой в пользу инокультурной среды в какой-либо одной из сфер жизни: например, на работе он руководствуется нормами и требованиями инокультурной среды, а в семье, на досуге, в религиозной сфере — нормами своей традиционной культуры. Такая практика преодоления культурных противоречий, пожалуй, наиболее распространена. Эмигранты обычно ассимилируются частично, разделяя свою жизнь как бы на две неравные половины. Как правило, ассимиляция оказывается частичной либо когда невозможна геттоизация, полная изоляция от окружающей культурной среды, либо когда по разным причинам невозможна полная ассимиляция. Но частичная ассимиляция может быть также вполне намеренным позитивным результатом межэтнического взаимодействия.

И наконец, пятый способ разрешения конфликтов — *культурная колонизация*. Определить механизм колонизации в самом общем виде очень просто. О колонизации можно вести речь тогда, когда представители чужого этноса, прибыв в страну, активно навязывают титульному этносу собственные ценности, нормы и модели поведения.

При этом имеется в виду не колонизация в политическом смысле, которая является лишь одной из многочисленных форм культурной колонизации, причем не самой действенной ее формой. Известно, что превращение какого-то государства или территории в колонию часто сопровождалось не столько культурной колонизацией, сколько геттоизацией пришельцев, которые жили, почти не соприкасаясь с автохтонной культурой, а потому практически не воздействуя на нее.

Гораздо более действенной формой культурной колонизации является широко распространившаяся практика помощи слаборазвитым странам со стороны индустриальных государств. Например, когда западная фирма осуществляет строительство ирригационного канала в засушливой африканской или ближневосточной стране, она не только внедряет новые модели технологической и организационной культуры, к которой вынуждено приспосабливаться и которую вынуждено усваивать местное население, работающее на постройке канала, но и вносит глубокие изменения в культуру земледелия, которое начинает функционировать по западным моделям и технологиям. А вместе с этим кардинально изменяется социальная и культурная организация общества в целом.

Формой культурной колонизации стала также определенная американизация жизни в Западной Европе после Второй мировой войны, выразившаяся в широком распространении образцов и моделей поведения, свойственных американской (прежде всего массовой) культуре. Россия только в течение XX века пережила две волны культурной колони-

зации. Первая из них была связана с индустриализацией, разрушившей уклад жизни как в деревне, так и в городе, внедрившей в русскую жизнь новые культурные формы и жизненные стили, невиданные или весьма редко встречавшиеся до той поры. Со второй волной колонизации мы имеем дело сейчас, когда буквально во всех сферах жизни идет активное внедрение и усвоение западных (по происхождению) ценностей, норм, поведенческих и организационных моделей.

В социальных и политических науках такие процессы описываются термином «модернизация», который имеет оценочный характер и предполагает, что новые модели, идущие на смену старым, носят более современный характер, отвечают более высокой ступени развития, а поэтому они в определенном смысле «совершеннее», «выше», «лучше» старых. Термин «культурная колонизация» в ценностном отношении нейтрален, он лишь обозначает и описывает процесс замещения собственных норм, ценностей, моделей и образцов поведения нормами, ценностями, моделями и образцами, пришедшими извне, из инуюльтурной среды.

Важнейшим индикатором состояния межэтнических конфликтов является его *форма*. Самый простой принцип определения формы межэтнического конфликта — это отнесение его к ненасильственным или насильственным. На территории Южной Европы, Российской Федерации и стран ближнего зарубежья этносоциологи выделяют две формы насильственных конфликтов.

1. *Региональные войны* (шесть из них — длительные, продолжавшиеся не менее нескольких месяцев), то есть вооруженные столкновения с участием регулярных войск и использованием тяжелого вооружения. Это крабахский, абхазский, таджикский, южноосетинский, приднестровский, чеченский конфликты; войны между бывшими республиками Югославии.

2. *Краткосрочные вооруженные столкновения*, длящиеся несколько дней и сопровождающиеся жертвами. К ним относятся, в частности, столкновения в Фергане, Оше, в Сумгаите, осетино-ингушское — всего около двадцати. Такие столкновения называют «конфликтами-бунтами», «конфликтами-погромами», «конфликтами неуправляемых эмоций».

Ненасильственных конфликтов на постсоветском пространстве насчитывается более ста.

Среди них достаточно четко выделяются *институциональные* конфликты, когда в противоречие приходят нормы законодательства, реализующие идеологемы конфликтующих сторон. Такая форма конфликтов не всегда сопровождается межэтническими столкновениями. Например, во время острого конституционного конфликта Татарстана с Центром, при несомненном росте межэтнической напряженности внутри республики, столкновений между татарами и русскими не наблюдалось.

Еще одна форма ненасильственных конфликтов — *манифестирующие* конфликты, к числу которых следует отнести митинги, демонстрации, голодовки, акции «гражданского неповиновения».

Наконец, существуют *идеологические* конфликты, когда на первый план выходит «конфликт идей». Характерной чертой таких конфликтов (или их стадий) является выдвижение тех или иных притязаний. В литературе, в средствах массовой информации обосновывается «историческое право» на государственность (Эстония, Литва, Грузия, Татария, другие республики бывшего СССР), на территорию (Армения, Азербайджан, Северная Осетия, Ингушетия). В ходе национальных движений разрабатываются основные идеологемы, политическая мобилизация вокруг которых уже представляет собой проявление конфликта.

Каждая из указанных форм отличается от других «действующими лицами», или основными субъектами, конфликта. При доминирующей институциональной форме основ-

ными субъектами конфликта являются властные структуры, партии, организаторы общественных движений, обычно действующие через институты власти. При манифестирующей форме основными субъектами конфликта выступают значительные массы людей, поэтому данную форму называют еще конфликтами «массовых действий». Конечно, понятие «массовые действия» относительно, тем не менее, в зонах конфликтов всегда четко различают действия отдельных групп и массовые выступления. И наконец, участниками идеологических конфликтов являются группы элиты — политической, научной, художественно-творческой. Их идеи транслируются работниками средств массовой информации и сферы образования. В традиционных и переходных обществах роль «трансляторов идей» выполняют также старейшины, «авторитетные люди».

От типа и формы конфликта зависят возможности и способы его разрешения. Методом ослабления конфликта является *деконсолидация сил*, участвующих в конфликте, с помощью системы мер, которые позволяют отсечь (например, путем дискредитации в глазах общественности) наиболее радикальные элементы или группы и поддержать силы, склонные к компромиссам, переговорам. В процессе урегулирования конфликта важно исключить воздействие факторов, способных консолидировать ту или иную конфликтующую сторону. Таким фактором может быть применение силы или угроза ее применения. Конфликт в Чечне весьма наглядно продемонстрировал это.

Способом ослабления конфликтов является использование широкого спектра санкций — от символических до военных. Так, в ситуациях, когда военные операции шли на территории государств ближнего зарубежья, а Вооруженные Силы и военная промышленность официально перешли под юрисдикцию России, она использовала в качестве меры воздействия дозирование или прекращение поставок вооружения, боеприпасов, горюче-смазочных материалов

воюющим сторонам. Вооруженное вмешательство считается допустимым только в одном случае: если в ходе насильственного конфликта имеют место массовые нарушения прав человека.

Когда говорят об *информационном пути* разрешения конфликтов, имеется в виду взаимный обмен информацией между группами с соблюдением условий, способствующих изменению ситуации. При этом чрезвычайно важно содержание информации в средствах массовой информации при освещении острых конфликтов, так как даже нейтральные, с точки зрения стороннего наблюдателя, сообщения могут привести к вспышке эмоций и эскалации напряженности. Например, во время армяно-азербайджанского конфликта по поводу Нагорного Карабаха обе конфликтующие стороны обвиняли московские средства массовой информации в сочувствии противоположной стороне, отключали каналы Центрального телевидения бывшего СССР, запрещали распространение российских газет в своей республике (в Азербайджане — за проармянскую позицию, в Армении — за проазербайджанскую). Положение несколько стабилизировалось, когда стали передавать и публиковать репортажи, отражающие точку зрения двух конфликтующих сторон.

При использовании информационного пути разрешения конфликтов следует отказаться от подхода, согласно которому этнический конфликт лучше вообще не обсуждать в средствах массовой информации, чтобы не будоражить большинство населения. Но, с другой стороны, следует признать ошибочной и популярную среди журналистов точку зрения, согласно которой конфликты достойны внимания лишь тогда, когда они разразились и стали материалом сенсационных репортажей. Подход в освещении конфликта должен быть ориентирован на ясную, честную и сбалансированную информацию об участниках конфликта.

В разрешении конфликтной ситуации наиболее эффективно *прерывание конфликта*, которое позволяет расширить

действие прагматических подходов к его урегулированию. И что тоже очень важно, в результате этого меняется эмоциональный фон конфликта, снижается накал страстей, идет на спад психозы, ослабевает общая консолидированность групп, участвующих в конфликте.

Особые правила существуют и в переговорном процессе. Для того чтобы добиться успеха, этот процесс нужно прежде всего прагматизировать. Прагматизация переговоров состоит в разделении глобальной цели на ряд последовательных задач. Обычно стороны бывают готовы заключить перемирие для решения наиболее важных вопросов: для захоронения погибших, обмена пленными. Затем переходят к наиболее актуальным экономическим и социальным вопросам. Политические вопросы, особенно имеющие символическое значение, решают в последнюю очередь. Однако бывают и такие случаи, когда переводу конфликта в стадию переговоров мешает личностная позиция лидеров.

Переговоры должны вестись таким образом, чтобы каждая сторона стремилась найти удовлетворительные решения не только для себя, но и для партнера. Как говорят конфликтологи, надо сменить модель «выигрыш — проигрыш» на модели «выигрыш — выигрыш» или «проигрыш — проигрыш». Каждый шаг в переговорном процессе следует закреплять документально.

Полезным считается участие в переговорах посредников и медиаторов. В особо сложных ситуациях легитимность договоренностям придает участие представителей международных организаций.

Урегулирование конфликтов — это всегда очень сложный процесс, граничащий с искусством. Поэтому все возможные усилия должны быть сконцентрированы на предупреждении конфликтов. Ведь даже худой мир всегда предпочтительнее доброй ссоры, особенно в межэтнических отношениях.

ГЛАВА 28. СПЕЦИФИКА ЭТНИЧЕСКОГО ТЕРРОРИЗМА

Изучение психологии терроризма сегодня исключительно важно не только с научной точки зрения, но прежде всего с точки зрения ее практического использования в борьбе с терроризмом в его общих организационных проявлениях и при контактах с отдельными его представителями — террористами.

Этнонационалистический и сепаратистски мотивированный терроризм начал проявляться за три десятилетия до Первой мировой войны в ослабленных и предчувствующих свой закат Османской и Габсбургской империях. Однако всемирный размах терроризм приобрел только после 1945 г. Он был орудием достижения этнических целей как при деколонизации нашей планеты, так и при упорядочении нерешенных в прошлом вопросов этнического размежевания в отдельных этнических конгломератах, таких как арабская и иудейская Палестина, славяно-христианский и мусульманский мир Балканского полуострова, в пределах бывшей Югославии (сюда же можно отнести проблему курдов в Турции, этнический передел в Афганистане и другие).

Эти этнические проблемы, равно как и «тихие» этнические проблемы в «спокойных» государствах, являются существенным дестабилизирующим сегодняшний мир элементом жизни многих народов.

Для того чтобы дать определение терроризма, необходимо сформировать представление о террористических организациях и понять, чем они отличаются от других сходных структур. Для этого требуется разграничить разные виды терроризма: экономический терроризм, связанный с конкурентной борьбой корпораций; терроризм правительства против части своего народа (например, в нацистской Германии, ЮАР); терроризм народа против своего правитель-

ства (Африканский Национальный Конгресс в ЮАР, Ирландская Республиканская Армия); этнический терроризм, который получил распространение, к примеру, в Боснии; терроризм одного государства против другого. Последний вид терроризма составит предмет дальнейшего рассмотрения в разделе, посвященном межэтническим конфликтам. Его специфика в том, что целая страна посредством террористической войны с более сильной державой пыгается добиться своих политических целей. Члены Фронта национального освобождения в Алжире и еврейские террористы в Палестине были борцами за свободу своей родины. Сегодняшние террористы — это обученные военизированные группы, которые имеют военные базы и получают поддержку от правительств и властвующих элит.

На Ближнем Востоке наибольшая террористическая угроза исходит сегодня от религиозных фанатиков, известных как мусульмане-шииты. Многие годы мир был свидетелем борьбы арабов против сионистского государства в Палестине, и с арабским терроризмом постоянно сталкивались приехавшие сюда для создания Израиля евреи. Сейчас арабы окончательно объединились, создав получающую государственную поддержку систему, которая действует во имя Джихада — Священной Войны. Их цель — создание нового исламского государства, объединяющего всех мусульман. Религия представляет собой главный фактор консолидации арабского мира. И хотя в мусульманстве, как и в христианстве, существует немало течений, наиболее крупным и серьезным из них является объединение мусульман-шиитов, которые обосновались в Ираке, Ливии, Сирии, Пакистане, Египте и Саудовской Аравии.

Несмотря на то что слово терроризм стало широкоупотребимым в конце двадцатого столетия, едва ли найдется четкое, конкретное и действительно полное определение этого слова. Эта неточность, прежде всего, обусловлена применением в СМИ термина «терроризм» для обозначения

многочисленных видов разнообразных явлений насилия в мире. Даже определения, которые предлагают различные авторитетные лексиконы, не устраняют эту неясность.

Так, Оксфордский словарь английского языка пишет:

«ТЕРРОРИЗМ: Система террора. 1. Осуществление власти методом запугивания, власти партии, установленная и практикуемая во время французской революции с 1789 по 1794 г. система «террора». 2. В целом политика, преследующая цель применения террора против тех, на которых она направлена; использование методов запугивания; факт применения террора или обстоятельства последствия террора для пострадавших».

Имеется множество других определений, не учитывающих, однако, главной отличительной особенности терроризма — его политической направленности. Ведь терроризм — это использование частью негосударственных группировок насилия для достижения прежде всего политических целей. В качестве отличительных черт современного терроризма по сравнению с другими видами насилия выделяются следующие параметры:

- обязательное наличие политических мотивов и целей;
- наличие насилия или угрозы насилия;
- осуществление психологического воздействия, затрагивающего не только конкретных жертв;
- наличие организации с видимой командной иерархией или конспиративной структуры в виде отдельных ячеек, члены которых не носят никакой формы или знаков отличия;
- статус — негосударственная или субгосударственная структура.

Таким образом, терроризм можно определить как сознательное создание и использование страха методом угрозы насилия с целью достижения политических изменений. Все террористические действия используют насилие или угрозу насилия. Терроризм специфически направлен на то, чтобы

достичь далеко идущего психологического эффекта, выходящего за пределы непосредственных жертв или целей террористического нападения. Терроризм хочет вызвать страх внутри широкой целевой аудитории. К этой аудитории могут принадлежать этнические или религиозные группы, а также целая страна, или правительство, или политическая партия, или общественное мнение в целом. Метод террора обеспечивает террористам публичность, с помощью которой они пытаются получить власть, недоступную им другими средствами и позволяющую осуществить политические изменения.

Слово «терроризм» впервые вошло в обиход во время Французской революции. Тогда этот термин имел определенно позитивное значение. Система *regime de la terreur* периода времени с 1793 по 1794 г., откуда происходит, например, слово «терроризм» в русском, «terrorismus» в немецком и «terrorism» в английском языках, была установлена для создания порядка в стране после анархистского периода восстаний и беспорядков, последовавшего за революцией 1789 г. В отличие от терроризма, с которым мы сегодня имеем дело и который является инструментом негосударственных или субгосударственных группировок, направленным против правительства, система *regime de la terreur* была инструментом только что созданного молодого революционного государства.

Выделяют следующие характерные особенности террористических актов:

- ✓ Террористический акт служит передаче «целевой публичке» совершенно определенного послания.
- ✓ Планирование и проведение террористического акта отражают определенные цели и мотивы террористов.
- ✓ Террористический акт отражает ресурсы, способности и навыки террористов.

Эти стороны террористического акта тесно связаны с идеологией террористов, с их внутренней организационной динамикой и с характером их руководителей.

Так, члены немецкой террористической группировки РАФ, в 1960–1970 гг. XX в., преследуя идеи марксистско-ленинской революции, выбирали в качестве своих заложников и жертв ведущих лидеров современного капиталистического государства. В то же время террористы, мотивированные религиозными заповедями, скорее проводили нецеленаправленные насильственные акты, воздействующие на гораздо более широкую целевую аудиторию, не только на их врагов, а на всех, кто не разделял их убеждения. Действия этнонационалистических и сепаратистских группировок занимают промежуточную между двумя названными группами позицию. Наименее определенными относительно приведенных выше категорий являются террористические группы вновь пробудившихся нацистов, расистских «политических» скинхедов и других правозкстремистских элементов, возникших с течением времени в европейских странах. При всем разнообразии методов и целей всех этих террористических групп единым признаком является то, что их цели и методы соответствуют их идеологиям.

Исходя из задач данного учебного пособия, рассмотрим действия террористических этнонационалистических и сепаратистских группировок, не останавливаясь на других типах террористических групп. Эти группировки мыслят себя как революционный авангард, причем не в классическом марксистско-ленинском понимании, а сравнивая себя, по выражению одного из членов ЭТА, с острием копья революции, которое своими уколами призвано воспитывать и просвещать других членов этнической или национальной группы и убеждать их в том, что несправедливость со стороны правительства необходимо ликвидировать совместным сопротивлением. Своими террористическими актами ЭТА и другие этнонационалистические и сепаратистские группировки пользуются очень целенаправленно, основываясь на психологии «локальных сторонников» и заручаясь их постоянной поддержкой, пытаясь, и часто не безуспешно

(особенно в прошлом), завоевать симпатию международного сообщества. Один из психологических приемов заключается в том, чтобы окружение почувствовало их силу как целенаправленную и сознательную, продолжительную и вездесущую. При планировании и проведении насильственных действий террористические группы должны быть в состоянии определить психологическую «дозировку» террористических актов таким образом, чтобы они были «приемлемы» для местного населения и не вызвали активной критики со стороны международного общественного мнения, чтобы не провоцировать чрезмерных «противомер» со стороны правительства. ЭТА в Баскии и ИРА в Северной Ирландии добились определенного «успеха», выбирая в качестве жертв прежде всего представителей власти — полицейских и военных. Так, жертвами ИРА в период с 1969 по 1983 гг. менее 20% оказались протестантскими гражданскими лицами. А более чем 60% жертв ЭТА в Испании были представителями служб государственной безопасности.

Другой психологический прием террористических группировок — это запугивание самих членов организации проведением спорадических запоминающихся акций по наказанию предателей. При этом они следят за тем, чтобы «наказания» не были чересчур частыми, поскольку это может отпугивать население и, более того, толкать его на сотрудничество с правительством.

Возвращаясь к выбору целевых объектов, следует отметить, что выбирать жертвами своих террористических актов высокопоставленных чиновников или других VIP-представителей террористы избегают, учитывая большие прелести на этом пути, поставленные сегодня органами охраны. Поэтому они чаще прибегают к более продуктивным, хотя и менее сенсационным операциям, тем более что они по психологическому укладу и по убеждениям самих террористов являются более «легитимными» и «приемлемыми», несмотря на полнейшую аморальность и кри-

минальность по нормам современного мира. Террористов можно сравнить с акулой в воде — они вынуждены, быстро или медленно, но все время двигаться вперед, в противном случае им суждена смерть. Поэтому, если такие «типичные», рядовые жертвы больше не удовлетворяют этому условию, не обеспечивают террористической кампании необходимого размаха и внимания, или же другие события затеяют эти террористические акты и вытесняют их из общественного сознания, то террористы прибегают к еще более сильным и драматическим действиям, дабы снова сконцентрировать на себе общественное внимание. В основе всех этих действий лежит прежде всего желание привлечь внимание общественности к террористическим актам, а не само убийство жертв. Так, одна из известных террористок Народного фронта освобождения Палестины Лейла Халад сказала: «Видите ли, у меня был приказ занять самолет, а не взрывать его... Я забочусь о людях. Если бы я хотела взорвать этот самолет, то никто бы меня от этого не удержал». По мнению террористов, их действия морально и психологически оправданы той благородной и возвышенной целью, которой они служат, — установлению национально-этнического равноправия, подавляемого государством и правительственными властями. Но террористические акты аналогичны обычным войнам в том смысле, что их трудно ограничивать и контролировать, раз они начались. Они часто сопровождаются жертвами и трагедиями среди гражданского населения, случайно попавшего в сферу их действия. Отсюда вытекает необходимость самооправдания и попытка оправдания своих действий в глазах общественности: в публикациях и в своих коммунике руководители террористических движений пытаются оправдать себя и освободить себя от ответственности за совершенные насилия.

Хотя террористы, связанные с правым экстремизмом, на первый взгляд, действуют спонтанно, хаотично и бесцель-

но, лишь бы вызывать своими уличными драками, бомбовыми атаками и другими бесчинствами симпатию со стороны потенциально симпатизирующих им слоев населения, при более внимательном анализе оказывается, что их действия также преследуют определенные цели и отнюдь не являются полностью иррациональными. Правые экстремисты выбирают своими объектами террора в первую очередь общежития беженцев и рабочих иммигрантов, дома анархистов, офисы политических партий, прохожих африканского и арабского происхождения, а также собственность и магазины владельцев еврейской национальности. На самом же деле, они рассчитывают на примитивную националистическую симпатию более широкой группы населения, заинтересованной, так же, как они сами, в создании авторитарного правительства в своей стране. К этой целевой группе относятся крайние националисты, расисты и ненавистники людей других национальностей, реакционные консервативные элементы и милитаристские антикоммунисты. При этом, за исключением некоторых террористических актов, их действия обычно не выходят за пределы, которые могли бы вызвать со стороны правительства массированные репрессивные ответные меры. Наконец, религиозно-ориентированный терроризм зиждется на психологии его сторонников и руководителей, которая заключается в том, что насилие становится самоцелью и является священным долгом, выполнение которого есть реализация божественного требования или священного завета. Поэтому для них нет обязательной взаимосвязи между террористическим актом и его объектом. Так, руководитель египетской террористической группировки, узнав о том, что жертвами его теракта стали не еврейские жители Египта, а девять случайных немецких туристов, комментировал это словами: «Неверующие все равны». К этому типу террористов относятся также американские белые супрематисты и сторонники японской секты Аум. Поскольку все эти религиозно инспирированные эк-

стремисты и террористы своими терактами не обращаются к каким-либо светским властям, а действуют только от имени своего бога, у них нет необходимости дозированного планирования насилия, свои террористические действия они считают не заслуживающими наказания.

Все перечисленные террористические группировки объединяет одна психологическая особенность — они живут в идеалистическом будущем, живут ради того далекого и в то же время кажущегося близким момента, который им подарит триумф над врагами и окончательное достижение цели их движения. Для религиозных группировок это будущее дано самим богом, и поэтому оно неотвратимо. Следовательно, им надо вести свою борьбу до победного конца, срок которого предписан самим богом. Для светски ориентированных террористов победа также предопределена — гарантом этого для них является внутренняя справедливость их правового дела. Они внушают себе уверенность в этой победе, помогающую им преодолевать трудности настоящего момента. Путем игнорирования реальностей настоящего времени, путем «продолжения борьбы» в прямом смысле этого слова террористы в состоянии преодолевать апатию или даже враждебность со стороны той группы людей, которых они, по их убеждению и самовнушению, репрезентируют. Этим самовнушением они сами себя ободряют, в том смысле, что трудности, страдания и изоляция в подполье являются лишь промежуточными ступенями на пути к конечной победе.

Рассмотрим психологические грани этнического и политического терроризма.

Наиболее стабильной психологией личности обладают этнические террористы. Это обусловлено следующим:

- исторически корни их этнического самосознания и этнической самоидентификации уходят в далекое прошлое и у членов террористических организаций осознавались с детства и юношества как элемент стабильной психологии;

- они явно и неявно осознают себя частью своего этноса и своей более или менее многочисленной национальной группы и, кроме того, они часто имеют собственную коллективную революционную традицию;
- будущее, к которому они стремятся, является ясным, четким и представляемым в воображении — создание или воссоздание национальной родины внутри существующего на сегодня государства,
- они получают, как правило, прямую моральную и материальную поддержку со стороны своей национальной группы;
- они постоянно возобновляют свой состав из своей национальной группы и
- в силу названных причин эти террористические группировки существуют достаточно долго («Аль Фтах» была создана в 1954 г., «ПЛО» Я. Арафата существует уже 38 лет, «ЭТА» существует с 1959 г., «ИРА» исполняется 34 года, а ее предшественнице, «Official IRA» около ста лет).

Совершенно другая ситуация у политически ориентированных группировок. В частности, такие группы левой ориентации отличаются следующим:

- их членам гораздо труднее создавать стабильную психологическую основу поведения;
- у них отсутствует масштабная общественная поддержка, естественным образом связанная с их идеологией, наоборот, они затрачивают большие усилия на поиск сторонников среди населения, и на этом пути вынуждены идти на идейные компромиссы, что порождает дестабилизирует их психологическую устойчивость;
- у них наиболее запутанное и наименее ясное видение будущего;
- они получают, как правило, слабую материальную поддержку со стороны населения;

- они имеют постоянные трудности при возобновлении и воспроизводстве своего состава и
- в силу названных причин эти террористические группировки, как правило, имеют короткий срок жизни.

Считается, что 90% террористических группировок существует менее одного года, а из тех, которые существуют более одного года, половина исчезает менее чем за 10 лет. Еще одной особенностью лево-ориентированных террористических организаций является некоторая тяга их членов к наркотикам; среди них есть даже идеологи, которые считают, что мировая революция формирует нового человека и что на этом пути наркотики необходимы.

Но, как показали исследования итальянской секретной службы, наиболее склонны к наркотикам правые террористы. Двое итальянских психиатров, Франко Ферррути и Франческо Бруно, которые проводили эти исследования, приписывают эту тенденцию внутренней психологической нестабильности правых, по крайней мере, по сравнению с итальянскими левыми экстремистами: «В право-террористическом движении отдельные террористы, как правило, являются психопатами и их идеология бессодержательна; в лево-террористическом движении мы встречаемся с идеологией, чуждой реальности, но при этом левые террористы являются более нормальными и более фанатичными».

Но террористов всех мастей объединяет одна психологическая особенность: их всех толкает вперед внутренняя нетерпимость, сопряженная с непоколебимой верой в ответственность насилия. Будущее, которое они ожидают, не представляется им продуктом планомерного действия с определенным временным масштабом, оно — автоматический продукт насилия. Декарт сказал: «Я думаю, значит я есть», а террористы считают: «Мы боремся, значит мы есть». В конце концов, это желание бороться, производя террористические акты, приводит отдельных их представителей к одержимости насилием (*Gewaltbesessenheit*). Таких случа-

ев описано немало. Так, например, некий Eamon Collins описывает эту психологическую трансформацию у своего двоюродного брата Mickey, вооруженного киллера ИРА, который шаг за шагом «потерял всякое чувство относительно какого-то разумного будущего и который стал интересоваться как одержимый исключительно деталями очередной акции убийства». Очень известного террориста, основателя немецкого РАФ, Баадера, для которого «единственный язык террориста это язык действия», охарактеризовали «как одержимого оружием человека, который с течением времени развил у себя почти сексуальное отношение к пистолетам, причем именно к маркам типа Хеклер и Кох». Баадер однажды сказал: «Спать с женщиной и стрелять — одно и то же дело». И хотя Баадер — это крайний случай, насилие как действие, в силу напряженности и одурманивающих ощущений, связанных с ним, оказывает очень сильное влияние на психику всех террористов. Так, автобиографическая книга Пекиса, бывшего члена «Красных бригад», почти целиком состоит из описания типов и технических характеристик оружия, которое применялось в конкретных операциях, а также сообщений о том, кто из членов организации действительно применял это оружие в терактах. Бауманн откровенно рассказывает, какое катарсическое облегчение приносил успешно проведенный террористический акт или террористическое действие небольшой группе людей, тесно и постоянно живущих в подполье, в постоянном бегстве и в постоянной опасности быть арестованными или преданными. Предельная психологическая нагрузка, считает он, возникает в результате совместной жизни в группе, а не в результате планирования и проведения теракта.

Другие члены группы РАФ еще более четко и прямо высказываются об «адреналиновом шоке», удовлетворении, которое они получают, производя насилие над другими людьми, имея власть над ними. Террорист стремится влиять на окружающий его мир, вместо того чтобы быть пас-

сивной его частью, при этом он объединяет в своих ощущениях внутреннюю взволнованность с чувством глубокого удовлетворения. По этой причине публичность действий террористов является для многих из них одной из главных движущих сил дальнейших террористических актов, отражение которых в средствах массовой информации дает им чувство самоуверенности, гордости, смелости и побуждает их к еще более «ярким» террористическим актам. Экстремист Карлос, «Шакал», по сообщениям близких ему людей, тщательно вырезал газетные статьи о себе и о своих деяниях, давал их переводить на родной язык. «Чем больше обо мне пишут и говорят, тем более опасным я кажусь окружению, следовательно, и тем лучше это для меня», — говорил он своему бывшему коллеге по террористическим акциям Г. Клейну. Но это приравнивание публичности и всеобщего внимания к ощущению успеха и самоутверждению часто приводит террористов к эскалации насилия — лишь бы не ослабили СМИ обращенное на них внимание. Таким образом закручивается спираль все усиливающихся террористических актов, являющихся результатом все возрастающего стремления к признанию и успеху, стремления, подогреваемого сообщениями в СМИ. Последствия этого психологического давления приводят к тому, что террористы считают себя обязанными производить все более и более драматические и разрушительные действия для достижения того же эффекта, которого они достигали в прошлом менее тщеславными и менее кровавыми действиями.

Но при этом террористические организации оказываются способными к самоусовершенствованию своих действий. Помимо ужесточения террористических актов, руководители «успешных» террористических организаций уделяют особое внимание обучению членов своих групп технологическим приемам террора, а также тренировкам с целью формирования адекватной этим действиям психологии. Известно, что такие систематические программы обучения и

усовершенствования проводятся в террористических группировках ИРА, ЭТА и, особенно после терактов в США 11 сентября 2001 г., во всемирно действующей группе АЛЬ-КАИДА. Из публикаций известны мельчайшие подробности многолетней психологической подготовки террористов-захватчиков самолетов, разрушивших Всемирный торговый центр в Нью-Йорке и часть Пентагона в Вашингтоне: они годами психологически подготавливались с использованием мусульманских религиозных догм к исполнению своего задания, сочетая духовные стороны тренировки с обучением высокопрофессиональным технологиям террора.

Следовательно, для того чтобы сформировалась настоящая террористическая организация, необходимы три условия:

- 1) доступ к деньгам, оружию и взрывчатым веществам;
- 2) военные звания и возможность обучения своих членов;
- 3) надежные убежища, что предполагает наличие государств, которые поддерживают террористов вне своей территории и используют их в своих политических и военных целях.

Часто терроризм ошибочно оценивается как стохастическое и бессмысленное движение. На самом же деле, он представляет собой сознательное и планомерное применение силы, которое делится на пять следующих друг за другом процессов, направленных на достижение определенных целей.

Социальный интерес. С помощью драматических силовых актов террористы пытаются обратить на себя и на свое дело всеобщее внимание. Это осуществляется благодаря публикациям, которые освещают эти террористические акты.

Социальная поддержка. После того как террористы привлекли к себе своими действиями общественное внимание и тем самым поставили на повестку дня правительства

или международной общественности забытую до этого или игнорируемую проблему, они пытаются это внимание трансформировать в подтверждение собственного дела и даже в симпатию со стороны общественного мнения.

Социальное признание. Речь идет о признании легитимности цели террористических действий со стороны соответствующей целевой группы, а также о признании ею данной террористической организации «спикером» своих мнений и стремлений.

Социальное влияние. На основе приобретенной легитимности террористы теперь добиваются авторитета, который нужен для того, чтобы вызывать изменения в правительстве и/или в обществе для достижения стратегических целей. Это могут быть изменения внутри правительства, перемены структуры общества, перераспределение материальных ценностей, изменения географических границ, признание прав меньшинств и другие.

Реальная власть. На основе завоеванного авторитета террористы пытаются получить и укрепить прямой и полный контроль над государством, родиной и/или над своим народом.

Первые три цели, как правило, достигаются многими террористическими организациями, в то время как две последние практически не достигаются никем. Общей психологической чертой всех современных террористических группировок, тем не менее, является то, что они воспринимают эти последние цели, лежащие в будущем, как свою «реальность».

МЕТОДЫ ПСИХОЛОГИЧЕСКИХ ИЗМЕРЕНИЙ ЭТНИЧЕСКИХ РАЗЛИЧИЙ

ГЛАВА 29. КЛАССИФИКАЦИЯ МЕТОДОВ, ИСПОЛЪЗУЕМЫХ В ЭТНИЧЕСКОЙ ПСИХОЛОГИИ

Эмпирическая этническая психология предполагает изучение общего и отличного в психологических параметрах личности и деятельности представителей разных народов. При этом объектом изучения могут выступать как индивидуально-психологические, так и социально-психологические феномены, измерение которых осуществляется как непосредственно, так и опосредованно. Каждый из этих способов имеет свою специфику.

Измерение этнопсихологических параметров происходит с помощью наблюдения, опросов, интервью, тестов и т. п., с использованием методов сравнительного анализа в рамках так называемого сравнительно-культурного подхода. Следует отметить, что сравнение может осуществляться как в явной, так и в скрытой (лагентной) форме, то есть какая-либо этническая группа изучается представителями другой культуры. Однако при этом наблюдатели могут сознатель-

но или бессознательно отмечать те особенности поведения, которые не свойственны им самим как представителям другого этноса.

Теоретически сравнительно-культурный подход может существовать в двух вариантах: *кросскультурном* — сравнение особенностей психической деятельности у народов, живущих в одно и то же время, и *историческом* — сравнение психологических характеристик одного и того же этноса в разные периоды его существования. Однако принято считать, что этническая психология занимается только кросскультурными исследованиями, второй вариант — прерогатива исторической психологии.

Таким образом, классический вариант сравнительно-культурного подхода в этнопсихологии — межкультурные измерения и исследования. Непосредственно могут сравниваться либо разнообразные индивидуально-психологические характеристики (познавательные процессы, характер и т. п.), либо социально-психологические феномены (диспозиции, стереотипы, экспектации и т. д.) личности этнофоров. Общей является исходная схема построения; в зависимости от целей исследования подбирается определенная методика из существующего психологического и этнографического арсенала, адекватная поставленным задачам, и с ее помощью проводится сравнительный анализ психологических параметров личности и деятельности этнофоров.

Специфика этнопсихологического исследования по сравнению с общепсихологическими или социально-психологическими заключается в том, что изучение каких-либо психологических феноменов проводится параллельно в нескольких группах этнофоров, относящихся к различным культурам. Результаты обследования сопоставляются и анализируются. При этом в зависимости от задач, которые ставит перед собой исследователь, акцент может делаться либо на поиске различий в результатах, либо на подчеркивании сходства существенных параметров. Для этих двух

типов ориентации в 1954 г. были введены два специальных термина — *emic* и *etic*, которые стали широко использоваться в этнопсихологической литературе. Данные понятия определяют два лингвистических термина — фонема и фонетика. Под фонемой в современном языкознании понимают «единицу языка, с помощью которой различаются и отождествляются морфемы», фонетический подход ставит акцент на универсальных аспектах языка. Соответственно, в этнопсихологии *etic* — это ориентация на культурно-специфические исследования, а *emic* — на универсальные, общечеловеческие психические явления и ценности.

Несмотря на кажущуюся простоту, доступность и легкость исполнения этнопсихологических измерений существует целый ряд серьезных проблем. Например, проблема валидности методик. Дело в том, что каждая конкретная методика создается в определенной стране и предназначена для изучения представителей ее этноса. Приемлемо ли использование этой методики в других странах? Что нужно сделать, чтобы используемый экспериментальный материал был, с одной стороны, понятным и доступным представителям разных этнических групп, а с другой — максимально идентичным, ведь только в этом случае можно говорить о правоте сравнительного анализа результатов?

Эта проблема нашла, в частности, свое выражение в многочисленных попытках создания так называемого свободного от культуры теста (что приобретало особое значение при исследовании интеллектуальных способностей). При этом исследователи столкнулись с проблемой отношения к процедуре эксперимента у представителей различных этнических групп. Такой невербальный тест, как тест-лабиринт, считается свободным от влияния культуры, однако когда его предложили австралийским аборигенам, выяснилось, что они не хотят следовать инструкции: привыкшие к принятию решения (и тем более — к его реализации) только после коллективного обсуждения, они, во-первых, отказы-

вались приступать к выполнению теста без предварительного выяснения мнений хотя бы старейшин племени, а вторых, не могли согласиться с тем, что сам экспериментатор, которого они недавно столь торжественно провозгласили почетным членом их общества, отказывается участвовать в обсуждении и помогать им. Именно подобного рода казусы и дали основание этнологам утверждать, что попытки создания подобных «свободных методов» обречены на неудачу. Эта позиция, поддержанная многими исследователями, привела к тому, что в последние десятилетия акцент в кросскультурных исследованиях смещается с количественных показателей на глубокий и разносторонний качественный анализ результатов.

Перед этнопсихологами, занимающимися сравнительными межэтническими исследованиями, встает вопрос и о том, сможет ли исследователь объективно и беспристрастно сопоставлять особенности своей и чужой культуры, или же он имеет право изучать и сравнивать только культуры тех этнических групп, к которым сам не принадлежит. Кроме того, существует и проблема коммуникации. Если предположить, что исследователь приехал изучать чужую для него культуру, то возникает вопрос о том, смогут ли испытуемые и исследователь адекватно понимать друг друга и будут ли полученные результаты избавлены от погрешностей, вносимых в коммуникацию представителями разных культур.

Следовательно, если говорить о методической оснащенности межкультурных исследований, то необходимо подчеркнуть, что кросскультурное направление в этнопсихологии не предполагало необходимости создания каких-либо специфических методов исследования, на основе существующих методов социологии и этнологии. Вместе с тем, оно демонстрировало принципиально новые результаты за счет выхода за пределы одной культуры, за счет сравнительного анализа данных, полученных при параллельном исследовании нескольких этнических групп.

Опосредованное этнопсихологическое исследование базируется на анализе индивидуально-психологических и социально-психологических феноменов в более широком контексте переменных: в связи с особенностями культуры, экологии, истории и т. п. Анализ подобной взаимосвязи может проводиться с использованием различных принципов. Простейший вариант — анализ чисто корреляционных связей и отношений (типичным примером подобных исследований являются работы, выполненные в рамках НКФ — «Региональной картотеки человеческих отношений» и ее аналогов).

Однако принцип корреляции не является единственным основанием для анализа этнопсихологических закономерностей в расширенном контексте переменных. Другим таким основанием часто выступает принцип аналогии. Наиболее выразительно он проявляется в исследованиях, базирующихся на идее единства или однотипности законов поведения и психической деятельности в сообществах животных и в этнических группах. Соответственно, способом изучения этнического своеобразия некоторых видов реакций у людей становится анализ этих реакций у животных (выражение агрессии, ритуальное поведение и т. п.), а выявленные закономерности межпопуляционного или межвидового поведения переносятся на человеческое общество и рассматриваются как аналоги законов межнационального взаимодействия.

Считается, что наиболее интересным вариантом опосредованных исследований является анализ психологических и иных переменных в рамках причинно-следственных связей и отношений. Существует множество теоретических и эмпирических работ, в которых была сделана попытка установить влияние различных факторов (биологических, экологических, исторических, культурных, социальных и т. д.) на этнопсихогенез, на особенности формирования и протекания различных психических процессов, черт, состояний.

Есть исследования и противоположного характера. Считается, что сама психическая деятельность может определять специфику многих явлений культурной, общественной, исторической жизни этноса. Исследователи, работающие в рамках данной научной парадигмы, пытаются связать этнические особенности психической деятельности с тем, как они воплощаются в продуктах деятельности данного народа, в его творчестве, истории, в его аккомодивности и креативности.

Таким образом, в качестве методической основы опосредованного исследования выступает кросскультурный анализ тех переменных, которые рассматриваются ученым как причина, аналог или коррелят этнического своеобразия психической деятельности.

Другой подход сформировался значительно позднее. При этом подходе в качестве объекта изучения выступают этнические сознание и самосознание в их взаимосвязи с непосредственным поведением. Этим он отличается от описанного выше, в котором внимание ученых сосредоточено на сравнительном анализе измеряемых параметров индивидуально-психологических («Я») или социально-психологических («Я — другой/другое») феноменов. Главной категорией данного подхода является категория «Мы», точнее, «Мы как этнос». Это понятие может рассматриваться в конкретных этнопсихологических исследованиях в двух плоскостях: в отношении типа «Мы — Я» (в случае изучения этнического самосознания) и в связке типа «Мы — Они» (в случае анализа этнического сознания и различных вариантов межнациональных отношений и взаимодействий).

В отличие от первого подхода, реализация данной исследовательской стратегии требует либо создания оригинальных, специально разрабатываемых методов исследования, либо существенной модификации существующих. Обзор таких методик, как отечественных, так и зарубежных, будет нами представлен в Приложении.

Прежде чем ставить задачу психологических измерений в контексте изучения межэтнических отличий, необходимо провести классификацию существующих психологических методов.

В отечественной психологии существует несколько классификаций методов психологических измерений. Наиболее популярной считается классификация психологических методов, предложенная академиком Б. Г. Ананьевым.

Все имеющиеся в научно-исследовательской практике методы психологических измерений делятся на четыре группы.

Первая группа включает в себя методы организации исследования, разделенные на три подгруппы:

- сравнительные методы;
- лонгитюдные методы;
- комплексные методы.

Вторая группа включает в себя эмпирические методы, то есть собственно методы психологических измерений, которые разделяются, в свою очередь, на пять подгрупп:

- наблюдательные методы;
- диагностические методы;
- экспериментальные методы;
- биографические методы;
- психометрические методы.

В третью группу входят методы обработки полученных эмпирических результатов, в четвертую — методы интерпретации полученных результатов.

Практически любой из существующих в практике этнопсихологического исследования метод можно отнести к названным выше группам.

Рассмотрим наиболее популярные — эмпирические — методы изучения этнопсихологических феноменов.

ГЛАВА 30. ОБСЕРВАЦИОННЫЕ МЕТОДЫ

Наблюдательные методы (методы наблюдения) широко используются в этнической психологии. Существуют разные виды наблюдения: включенное и невключенное, сплошное и выборочное, прямое и опосредованное, свободное или стандартизованное. Очень широко в психологических исследованиях используется включенное и невключенное наблюдение. Включенное наблюдение предполагает активное участие исследователя — наблюдателя в жизни этнической группы, установление контакта с ее членами и такое «вживание» в жизнь наблюдаемого народа, при котором представители исследуемого этноса привыкают к исследователю и перестают реагировать на его присутствие (таковы, например, наблюдения русского этнолога Н. Н. Миклухо-Маклая за жизнью папуасов острова Новая Гвинея). Невключенное (стороннее) наблюдение, в отличие от включенного, не предполагает личного участия исследователя в жизни народа, который он изучает.

Этнопсихологическое наблюдение по своей технологии может быть свободным или стандартизованным. Их отличие заключается в существовании или отсутствии определенной программы наблюдений. Свободное наблюдение (как следует уже из названия) не имеет жесткой программы, и наблюдатель может по ходу исследования в зависимости от ситуации менять объект наблюдения по своему усмотрению. Стандартизованное наблюдение, напротив, ведется по заранее составленной, жестко заданной программе, от которой исследователь не имеет права отклоняться, независимо от того, что происходит в процессе наблюдения объекта.

В качестве примера применения наблюдательного метода в кросскультурных исследованиях часто приводят «Про-

ект шести культур». Этот проект осуществлялся под руководством профессоров Гарвардского университета супругов Уайтинг. Предметом изучения было социальное поведение детей в естественных условиях их жизни, особенности их взаимодействия с детьми и взрослыми.

Выбирая этнические объекты, Уайтинги остановились на шести небольших населенных пунктах в разных частях света. Большинство исследуемых семей были крестьянскими. Наблюдение проводилось в Японии, Филиппинах, Индии, Кении, Мексике и США. За каждой из выбранных общин вела наблюдение отдельная группа исследователей, которая представляла их подробное этнографическое описание, включая образ жизни и типичные способы воспитания детей.

Объектом исследования были дети (от 16 до 24 человек на общину), всего 67 девочек и 67 мальчиков от 3 до 11 лет. Дети были условно разделены на четыре половозрастные группы: младшие мальчики (от 3 до 6 лет), старшие мальчики (от 7 до 11 лет) и, соответственно, младшие и старшие девочки. Длительность одного сеанса наблюдения была заранее ограничена 5 минутами. При этом поведение ребенка фиксировалось не чаще одного раза в день.

В протоколе фиксировались: место действия (дом, двор, школа, сад); взрослый, который принимал участие в ситуации (мать, отец, бабушка); дети, которые участвовали в этот момент во взаимодействии (члены семьи, соседи, родственники, посторонние); преобладающий вид деятельности (случайное взаимодействие, игра, труд, учеба); размеры группы, с которой взаимодействовал наблюдаемый ребенок, и т. п.

В результате наблюдений было зафиксировано около 20 000 интеракций (150 интеракций на ребенка). Эти интеракции затем группировались и обрабатывались с помощью компьютера и в конечном итоге были сведены к 12 основным типам поведения ребенка, которые условно были названы так: 1) поступает по-дружески; 2) оскорбляет; 3) предлагает помощь; 4) выговаривает, делает замечания; 5) пред-

лагает поддержку; 6) ищет господства, преобладания; 7) ищет помощи; 8) ищет внимания; 9) ответственно советует; 10) дружески нападает; 11) дотрагивается до другого; 12) нападает.

Приведенная классификация представляется на первый взгляд достаточно произвольной, однако отметим, что каждый из выделенных типов поведения подкреплен соответствующим набором эмпирических индикаторов, прошедших квалифицированную экспертную оценку. Сопоставление выделенных типов с различными демографическими, социально-экономическими и культурными факторами представляло огромный интерес как для этнологов, так и для этнопсихологов.

Анализ полученных в ходе исследования результатов позволил шкалировать социальное поведение детей по двум независимым осям. Шкала А была построена на противопоставлении заботливости (поступки типа «предлагает помощь», «предлагает поддержку») и ответственности («ответственно советует») — зависимости («ищет помощи», «ищет внимания») и доминантности («ищет господства»). Шкала Б противопоставляет дружески-доброжелательное поведение (преобладание поступков типа «действует по-дружески» и «прикасается») — авторитарно-агрессивному поведению («выговаривает» и «нападает»). Поведение типа «оскорбляет» исследователям не удалось связать ни с одним из полюсов, поэтому в дальнейшем оно не анализировалось.

Шкала А: заботливость, ответственность — зависимость, доминантность.

Шкала Б: дружески-доброжелательное — авторитарно-агрессивное.

Изучаемые культуры, в свою очередь, также классифицировались по двум критериям. Первый критерий предполагал деление культур на два типа — простые и сложные, в зависимости от степени политической централизации, про-

фессиональной и религиозной специализации, социальной стратификации и дифференциации типов поселений. Простыми обществами, имеющими низкий балл по всем этим индикаторам, оказались общества в Кении, Мексике и на Филиппинах, сложными — в США, Индии и Японии.

Второй критерий предполагал разделение обществ по структуре семьи (в зависимости от того, какая — нуклеарная или большая — семья доминирует в них). Выяснилось, что нуклеарные семьи преобладают в США, Мексике и на Филиппинах, а большие — в Японии, Индии и Кении.

Проведение факторного анализа позволило установить, что оба параметра, описывающие особенности культур, значимо коррелируют с выделенными группировками социального взаимодействия. Так, дети, выросшие в нуклеарных семьях, демонстрируют дружелюбно-теплое поведение, а дети из больших семей — авторитарно-агрессивное. Иными словами, наблюдается высокая корреляция между структурой семьи и шкалой Б. В свою очередь, шкала А хорошо коррелирует с критерием сложности общества; дети, воспитанные в сложных культурах, демонстрируют более высокие показатели по доминантности, чем дети из простых культур, которым скорее свойственны заботливость и ответственность.

Одно из возможных объяснений полученных корреляций заключается в том, что поведение детей было связано с их подготовкой к будущим социальным ролям в обществе. Поэтому вполне естественной выглядит корреляция между структурой семьи и шкалой А. Ведь понятно, что глава большой семьи для того, чтобы сохранить власть и не потерять управление над многочисленными и разновозрастными ее членами, скорее будет прибегать к авторитарно-агрессивному стилю воспитания, нежели в нуклеарной семье, где намного меньше возможностей столкновения интересов разных поколений и, соответственно, проще перейти на неформальные дружески-доброжелательные отношения.

Менее аргументированной представляется интерпретация другой корреляционной зависимости: в простых культурах, где высоко ценится выполнение обязательств, основанных на родстве и соседской взаимовыручке, альтруистское «предложение помощи и поддержки» наблюдается чаще, чем в сложных культурах, где родственники и соседи нередко выступают как конкуренты и где гораздо чаще проявляются хвастовство и эгоистическая доминантность.

Исследования супругов Уайтинг раскрыли большие возможности наблюдательных методов для этнопсихологии, однако интерпретация полученных ими результатов не получила однозначной оценки. С социологической точки зрения самое уязвимое место их исследования — классификация культур на простые и сложные. С психологической точки зрения не менее уязвимым является и выделение шкалы А: из всех упомянутых в ней типов поведения трудно создать систему и, главное, содержательно ее описать. Поэтому естественно, что и корреляционную связь между двумя достаточно неопределенными параметрами интерпретировать достаточно сложно.

В заключение следует отметить, что наблюдательные методы ввиду сложности проведения исследований с их помощью, а также возможных искажений результатов, вызванных субъективизмом наблюдателей, в последнее время используются все реже. Гораздо чаще их используют в комплексе с другими методами психологических измерений.

ГЛАВА 31. ДИАГНОСТИЧЕСКИЕ И ЭКСПЕРИМЕНТАЛЬНЫЕ МЕТОДЫ

Одним из наиболее широко распространенных в этнопсихологии диагностических методов является метод опроса. При этом он может использоваться и как основной

метод исследования, и как дополнительный в комплексе с другими методами. В последние годы в литературе все чаще ставится вопрос о том, чтобы метод опроса рассматривался как обязательный компонент программы этнопсихологического исследования, поскольку он, как ни один другой метод, позволяет быстро и удобно выявить наиболее значимые контекстуальные характеристики проводимого исследования.

Метод опроса характеризуется тем, что испытуемый должен ответить на ряд задаваемых ему вопросов. При этом форма опроса может быть различной — устной или письменной, свободной или стандартизированной, индивидуальной или групповой, очной или заочной. Рассмотрим эти формы подробнее.

Устный опрос осуществляется с помощью беседы или интервью. Он применяется в тех случаях, когда для исследования важен не только ответ на заданный вопрос, но и реакции, которыми он сопровождался, тон, поза, интонация, жестикация и прочие невербальные компоненты коммуникации. Индивидуальный контакт во время устного опроса позволяет глубже проникнуть в психологическое состояние испытуемого, однако данная форма опроса занимает много времени и требует наличия у исследователей специальных навыков.

Наиболее распространенным видом *письменного* опроса является анкета. Поскольку анкетирование может проводиться не только индивидуально, но и в группах, эта форма дает возможность опросить большое количество респондентов, что крайне важно для этнопсихологических исследований; поэтому письменный опрос встречается чаще, чем устный.

И *устный*, и *письменный* опросы могут существовать в свободной или в стандартизированной форме. Различие между ними — в степени свободы, предоставляемой экспериментатору при проведении опроса. Понятно, что при стан-

дартизованном опросе исследователь более ограничен в своих возможностях: он не имеет права произвольно изменять ни содержание вопросов, ни их последовательность. Однако именно благодаря однотипности вопросов результаты подобных исследований легче поддаются обработке и интерпретации.

Степень свободы испытуемых при ответах на вопросы также может варьировать. Она имеет следующие вариации: 1) открытый опрос — когда опрашиваемый отвечает в свободной форме; 2) закрытый опрос — когда все возможные варианты ответов составлены заранее и приведены в опроснике, задача испытуемого сводится только к выбору нужного (нужных) вариантов; 3) полузакрытый опрос — когда комбинируются черты предыдущих вариаций.

В зависимости от способа общения исследователя с опрашиваемым различают также очные опросы, которые реализуются в форме непосредственного контакта, и заочные, где непосредственный контакт не предусмотрен.

Особенностью метода опроса является то, что источник информации для исследователя — словесное высказывание опрашиваемого. В связи с этим продолжает оставаться актуальной проблема достоверности и надежности полученных результатов — ведь реальное поведение и вербальные высказывания о нем у опрашиваемого часто могут не совпадать. В какой-то мере эта проблема снимается повышением уровня доверия испытуемого к экспериментатору и повышением степени его информированности о сути заданного вопроса: чем осведомленнее и искреннее будет опрашиваемый, тем выше достоверность получаемой информации. Этот момент необходимо учитывать при проведении опроса, однако даже максимальные доверие и информированность не дают гарантии достоверности ввиду неравнозначности вербальных ответов и реального поведения.

Наиболее популярным видом опроса является тест.

Тест характеризуется тем, что предполагает стандартизованную, жестко регламентированную процедуру сбора данных, их обработку и интерпретацию. Тесты широко используются в этнопсихологии, так как они позволяют изучать и сравнивать между собой людей, давать оценки их поведению, психологическим качествам, процессам и состояниям.

Существует *три основных типа тестов*. Это тесты-опросники, тесты-задания и проективные тесты.

Материалом **тестов-опросников** является набор заранее отобранных и проверенных с точки зрения их валидности и надежности утверждений. По ответам испытуемых исследователи судят о наличии (или отсутствии) и степени выраженности тех или иных психологических характеристик. Использование тестов-опросников в кросскультурных исследованиях осложняется трудностями, связанными с необходимостью перевода вопросов, адаптацией их к условиям данной культуры, неизбежностью рестандартизации, что в конечном итоге вызывает новую проблему — проблему идентичности исходного материала, необходимой для правомерности сравнительного анализа. Учитывая все эти нюансы, предпочтение в кросскультурных исследованиях отдается другим — невербальным — типам тестов.

Тест-задание предполагает возможность определения психологических качеств людей не на базе того, что они *говорят* (как в тестах-опросниках), а на основании того, что и как они *делают*. В тестах этого типа человеку предлагается серия специально подобранных заданий, направленных на выявление и содержательную характеристику тех психологических особенностей, которые подлежали определению. Примером кросскультурного использования таких тестов является уже упоминавшийся тест-лабиринт для исследования интеллектуальных способностей.

Общим недостатком как тестов-опросников, так и тестов-заданий является их «прозрачность» и вытекающая из этого возможность произвольно влиять на свои резуль-

таты: сознательно или бессознательно улучшать, ухудшать или искажать свои показатели-характеристики. Поэтому более предпочтительными являются проективные тесты.

В основе **проективных тестов** лежит механизм проекции — способность человека воспринимать окружающих и различные ситуации сквозь призму тех проблем, которые волнуют его самого, и приписывать другим людям (проецировать) те положительные или отрицательные качества, которые сам испытуемый может в себе осознавать (а может и не осознавать). При использовании проективных тестов испытуемых вводят в неопределенную, многозначную, неструктурированную ситуацию и выясняют, какие качества и свойства они приписывают задействованым в ней героям, объектам, явлениям. Такими ситуациями могут быть, например, завершение неоконченных предложений, ассоциации, возникающие при восприятии набора черно-белых и цветных пятен, отыскание смысла в сюжетно-неопределенных картинках и т. п. По ответам испытуемых судят об особенностях их личности. Однако тесты данного типа, в отличие от рассмотренных выше, предъявляют более высокие требования и к уровню интеллектуального развития испытуемых, и к профессионализму и опыту самого исследователя, например, работа с тестами Розенцвейга и Роршаха.

Кросскультурные исследования с помощью проективных тестов начались с изучения особенностей восприятия серии чернильных пятен теста Роршаха в разных культурах.

Несмотря на определенные методические трудности, использование проективных тестов для кросскультурных исследований личности во второй половине XX века было очень популярным. Однако по мере накопления опыта исследователи начали отмечать, что использование проективных тестов в кросскультурных исследованиях имеет ряд недостатков, а именно:

- субъективизм при интерпретации данных, выделение личностных особенностей не столько по результатам тестов, сколько на основе собственных представлений и знаний о данной культуре;
- методы обработки и интерпретации, разработанные при изучении образованных американцев и европейцев, часто некритично использовались при исследовании других, совершенно непохожих на них, культур, что также искажало результаты;
- полученные в результате исследований усредненные профили личности часто трактовались как репрезентирующие «модальную» личность; в то же время обнаруженные в исследованиях существенные индивидуальные различия заведомо игнорировались.

И хотя использование проективных методов в кросскультурных исследованиях продолжается, однако масштабность их применения уменьшилась.

Традиционно принято считать, что начало экспериментальным кросскультурным исследованиям было положено работой Риверса по исследованию восприятия. В 1901–1905 гг. во время антропологических экспедиций в район Торресова пролива (между Новой Гвинеей и Австралией) Риверс экспериментально доказал, что жители острова Уэррей, а также аборигены племени года в меньшей степени подвержены иллюзиям Мюллер-Лайера, чем европейцы. Он демонстрировал своим испытуемым рисунок и задавал вопрос: одинакова ли длина горизонтальных отрезков? Оказалось, что жители данного региона гораздо чаще дают правильный ответ, чем европейцы и американцы, у которых возникает иллюзия большей длины нижнего отрезка. Это исследование, привлечшее внимание психологов всего мира, повлекло за собой множество аналогичных работ.

Однако действительно ли работа Риверса была первым кросскультурным исследованием? Подобные исследования

в конце XIX века проводились и в России под руководством профессора П. И. Ковалевского в Харьковском университете. Его ученик А. Н. Игнатов в это время провел экспериментальные исследования психофизиологических реакций с учетом социально-демографических особенностей, одной из них была национальность испытуемых. Игнатов подобрал две группы молодых образованных людей — русских и евреев — и провел сравнительное межэтническое исследование. Он тщательно проанализировал и описал полученные результаты: скорость простых и сложных психофизиологических реакций в этих группах, особенности выполнения проб на продуктивную ассоциацию, на специфику внутренней ассоциации представлений и т. п. Результаты этой работы были опубликованы в 1890 г. и можно предполагать, что это было первое экспериментальное этнопсихологическое исследование в России.

Социально-психологические феномены гораздо реже становились объектом кросскультурных экспериментальных исследований, однако в последние десятилетия и они оказались востребованными. В отечественной психологии ярким примером такого исследования стала совместная работа В. С. Агеева и вьетнамской исследовательницы Ву Тхи Фыонг. Это исследование было посвящено атрибуции ответственности, то есть изучению закономерностей субъективной интерпретации причин различных событий и ответственности за них в русской и вьетнамской культурах. В исследовании участвовали русские и вьетнамские студенты различных факультетов МГУ, всего 92 человека (по 46 представителей каждой национальности). Половину в каждой группе составляли девушки, половину — юноши. Испытуемым зачитывали текст, описывающий ситуацию, чреватую различными последствиями, и один из вариантов исхода, который мог быть одновременно как положительным, так и отрицательным. Например, предлагался текст следующего

содержания: «Лаборантка проводит со студентами практическое занятие по химии. Во время занятий в лабораторию входит ее подруга и предлагает ей, оставив студентов одних, пойти посмотреть новый интересный фильм. Лаборантка соглашается, и студенты продолжают работать одни. Они случайно перепутали препараты, в результате чего получилось новое химическое соединение; совершенно крупное открытие в науке; однако произошел взрыв, и один из студентов был ранен».

Результаты данного эксперимента показали, что атрибуция ответственности в русской и вьетнамской культурах имеет свою специфику. Она сводится к следующему.

Говоря о позитивном исходе данной ситуации, вьетнамцы оценили ответственность, точнее, меру причастности к успеху всех участников ситуации — лаборантки, подруги, студентов — более высоко, нежели русские. Наибольшие различия наблюдались в оценках причастности к успеху подруги лаборантки; вьетнамцы определили ее значительно большую причастность, чем русские.

Общее распределение ответственности между персонажами в случае позитивных последствий носит сходный характер. Наибольшая причастность к позитивному исходу приписывается студентам, наименьшая — подруге лаборантки. Однако величина этих различий была выше у русской группы испытуемых.

Оценивая отрицательные последствия ситуации, вьетнамцы приписали почти равную ответственность и лаборантке, и студентам (студентам даже чуть большую), в то время как русские испытуемые посчитали более ответственной за этот исход лаборантку, а не студентов (однако различия не достигают статуса статистически значимых).

Если рассматривать данные по всем положительному и отрицательному исходам раздельно, то выясняется, что у вьетнамцев по мере увеличения тяжести последствий растет доля ответственности лаборантки, несколько меньше она

в отношении ее подруги и снижается мера ответственности, приписываемая студентам. У русских испытуемых эта тенденция не выражена.

Наряду с методикой свободного описания и тем более «подбора черт» в этнопсихологии используется и метод этнических ассоциаций как способ изучения этнических предпочтений. Практикуется несколько вариантов оценки этнических ассоциаций. Условно можно выделить три основных варианта:

- а) направленно-ассоциативный, когда количество реакций ограничено (сам ассоциативный поток также ограничен рамками определенного грамматического класса). При этом слова-стимулы и слова-реакции могут быть выражены либо одной, либо разными частями речи, что четко оговорено в инструкции (например, на стимул, выраженный существительным, должна следовать реакция, выраженная также только существительным);
- б) свободно-ассоциативный (наиболее часто встречающийся), когда количество реакций по-прежнему ограничено, но в выборе самих реакций испытуемый свободен;
- в) свободный с множеством различных ассоциаций — в данном случае испытуемый не ограничен ни в количестве реакций, ни в их выборе; более того, экспериментатор может поощрять максимальное разнообразие актуализируемых ассоциаций.

В этнопсихологических исследованиях можно выделить два основных направления использования метода этнических ассоциаций: *кросскультурный сравнительный анализ ассоциативных полей* и *анализ этнических реакций-ассоциаций на стимулы*.

Характерным примером первого направления исследований является изучение этнической специфики ассоциаций, где в качестве стимулов используются наименования основ-

ных цветов и их оттенков. Так, анализ стимулов: «красный», «белый», «желтый», «синий» у представителей 12 этнических групп: русских, украинцев, белорусов, словаков, поляков, англичан, американцев, немцев, французов, казахов, киргизов и узбеков — показал, что основные ассоциативные связи между стимулами и реакциями этноспецифичны.

1. Резко различается у различных групп частота подведения стимульного наименования цвета под общее понятие (типа «белый» — это цвет): у немцев, американцев, поляков, словаков, русских, украинцев и белорусов эта частота значительно выше, чем у тюркоязычных испытуемых, особенно казахов и киргизов.
2. Резко различается также увязывание слова-стимула с объектами окружающего мира, типичными носителями данного цвета. Так, стимул «желтый» у русских ассоциируется с одуванчиком, у украинцев — с подсолнухом, у французов — с золотом и яичным желтком, у американцев, казахов и киргизов — с маслом, а у узбеков — с просом.
3. Выразительно различны у разных этносов также реакции, обусловленные устойчивым, типичным для данного языка словосочетанием (например, на исходный стимул «красный» русские дают такие этноспецифические реакции, как «Октябрь», «партизан», американцы — «цвет кожи», поляки — «шапочка»; «белый» у американцев «дом»; «зеленый» у узбеков чай и т. п.).
4. Этноспецифичны такие реакции, в которых реализовано символическое переосмысление исходного слова. Так, желтый цвет у русских, немцев, белорусов, украинцев, поляков и французов символизирует измену или разлуку; у немцев он связан с ненавистью, завистью, фальшью; у поляков — со злостью; у американцев — с трусостью; у русских, поляков, американцев и немцев этот цвет связан также с предупреждением об опасности.

Таким образом, данный эксперимент наглядно демонстрирует специфику ассоциативных полей у представителей различных этнических групп по всем основным видам связей.

Другая возможность использования метода этнических ассоциаций в этнопсихологии связана с изучением этнического сознания, этнических стереотипов. Схема проведения такого исследования крайне проста: испытуемому предъявляются слова-стимулы, в числе которых находятся названия изучаемых этнических групп, заданные в множественном числе («русские», «украинцы», «цыгане») и т. п. в зависимости от региона и целей исследования).

Исследования ассоциаций проводятся обычно на большой выборке, и на основе полученных данных выстраивается таблица частотного распределения слов-реакций на каждое слово-стимул. В ней представлена совокупность реакций всех испытуемых на определенный стимул-этноним, — то, что принято называть структурой ассоциативного поля данного стимула. В первой колонке таблицы приводятся все реакции на слово-стимул, вынесенное в головку колонки. Реакции принято располагать по мере убывания частоты их встречаемости. Реакции, встретившиеся одинаковое количество раз, вносятся в колонку в алфавитном порядке. Отказы, если они есть, рассматриваются как один из возможных вариантов реакций и наряду с другими вариантами вносятся в первую колонку таблицы. Во второй колонке указывается частота, с которой каждая реакция встретилась в исследуемой выборке. Если выборка испытуемых не однородна по этническому составу, то в следующих колонках необходимо указать частоту встречаемости каждой из представленных в первой колонке реакций у представителей той или иной этнической группы. Под первой колонкой необходимо проставить общее количество различных реакций, под второй — сумму частот реакций, которая должна быть равна общему количеству испытуемых, если по инструкции количество реакций испытуемого на данный стимул ограничено одной.

Показатель стереотипности ответов испытуемых на определенный стимул-этномим изменяется от нуля до единицы, увеличиваясь с возрастанием стереотипности ответов. Иными словами, чем более стереотипен образ той или иной этнической группы в общественном сознании, тем менее разнообразными будут ассоциации испытуемых при актуализации образа данной этнической группы.

Многие этнопсихологи рассматривают в качестве эффективного способа экспериментального измерения этнических отличий метод семантического дифференциала (СД) как разновидность ассоциативной методики. Логика рассуждений при этом следующая: оценивая какое-либо слово-стимул методом СД, испытуемый сопоставляет его с полюсами заданного экспериментатором шкал, что соответствует самоизмерению силы ассоциаций анализируемого слова с антонимической парой, которая и является полюсами шкалы. Высокие по модулю оценки слова на той или иной шкале означают высокую интенсивность ассоциирования между стимулом и данной шкалой. Иными словами, если слово-стимул «ураган» оценивается по шкале «сильный — слабый», то тем самым выявляется мера ассоциации заданного слова-стимула с полюсами данной шкалы. При этом если стимул ассоциируется с одним из полюсов (предположим, что оценка слова «ураган» сдвинута к полюсу «сильный»), то это соотносится с большей частотой встречаемости слова-реакции «сильный» по сравнению со словами-реакцией «слабый» на стимул «ураган» в ассоциативном эксперименте.

Вместе с тем, исследователи, придерживающиеся подобной точки зрения, отмечают, что «несколько сложнее обстоит дело с теми шкалами, которые не ассоциируются или слабо ассоциируются со стимулом». Очевидно, это не случайно. Как уже отмечалось в отечественной литературе, слова-стимулы в классическом методе СД оцениваются не по «прямым» шкалам-признакам, а по шкалам, построенным на метафорическом принципе, а это значит, что они вряд ли бу-

дут соотносимы с частотой ассоциативных реакций. Так, оценивая слово-стимул «ураган», экспериментатор, по замыслу авторов метода СД, должен предложить испытуемому шкалы с такими полюсами: свежий — черствый, мелкий — глубокий и т. п., которые никак прямо не связаны с заданным стимулом: ведь именно этот прием и дает возможность выявить личностный смысл, когнитивный аспект значения. Поэтому маловероятно, чтобы в ассоциативном эксперименте у испытуемых на стимул «ураган» встретились реакции типа «черствый» или «мелкий», что требует осторожного отношения к методу СД как разновидности ассоциативной методики.

В литературе также отмечалось, что метод СД обладает рядом преимуществ по сравнению с другими методами психосемантики, особенно при исследовании этнических стереотипов. В качестве таких преимуществ называют:

- возможность получить не только содержательные качественные характеристики, но и количественные параметры стереотипов;
- возможность сравнительных исследований, обеспечиваемая идентичностью факторных структур у представителей различных языковых структур;
- возможность работы с любым контингентом испытуемых, поскольку для многих из них метод СД проще и доступнее, чем другие методы психосемантики.

Метод СД, как и другие методы, используется в этнопсихологии и для кросскультурных исследований, и для изучения этнического сознания. Яркий пример последнего — исследование Е. Л. Коневой, выполненное под руководством В. С. Агеева, цель которого заключалась в выяснении содержания этнических представлений у советской молодежи. Существует стандартная схема построения подобных исследований: экспериментатор предлагает испытуемому подобраный и хорошо зарекомендовавший себя в пилотажном исследовании набор шкал (в упрощенном варианте это мо-

жет быть личностный семантический дифференциал), а также список слов-стимулов, типичных для представителей тех этнических групп, стереотипные образы которых подлежат изучению («русский», «американец» и т. д.). В. С. Агеев и Е. Л. Конева внесли интересные изменения в стандартную схему, которые действительно полезно учесть: во-первых, традиционный вариант предъявления полюсов шкал в форме имен прилагательных был заменен ими парами онтонических наречий, с тем чтобы ослабить момент прямого «наделения» национальностей качествами и тем самым снизить влияние эффекта социальной желательности; во-вторых, во избежание установки на мужской образ типичных представителей этносов авторы предложили задавать оцениваемые объекты не в мужском роде, а с использованием множественного числа (не «русский», а «русские»).

Целесообразным можно считать дополнение стандартного набора слов-стимулов понятиями «я» и «идеал», что при соответствующей обработке результатов позволяет получить более обширную и разнообразную информацию об особенностях этнического сознания.

Обработка полученных результатов с использованием факторного анализа дала весьма интересные материалы для интерпретации.

Так, сопоставляя образ «я» с образами изучаемых этносов и учитывая в расчетах соответствующие значения показателей факторов, можно получить представление об этнической идентификации испытуемого, выяснить, с какой этнической группой испытуемый отождествляет себя в наибольшей степени, а с какой — в наименьшей. Чем меньше в данном случае будет значение показателя, тем выше степень идентификации испытуемого с данным этносом, чем больше будет данный показатель, тем более чужд и далек для испытуемого данный этнос.

Сопоставляя образ «идеал» у данного испытуемого с образами разных этносов и учитывая в расчетах соответствующие

этому значения, можно получить представление о степени этнических предпочтений респондента. Чем меньше будет значение показателя в расчетах, тем более положительным является данный стереотип. И наоборот: чем больше будет показатель, тем более далек образ данного этноса от образа «идеал» испытуемого, а значит, тем важнее учитывать его отношение к представителям данного этноса.

ГЛАВА 32. БИОГРАФИЧЕСКИЕ И ПРАКСИМЕТРИЧЕСКИЕ МЕТОДЫ

История этноса, результаты его жизнедеятельности являются теми реалиями, которые должны обязательно учитываться в этнопсихологическом исследовании.

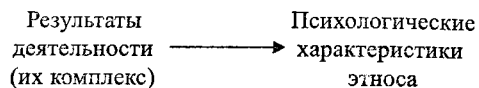
Биографические методы позволяют раскрыть особенности воздействия на психологию народа, его истории, тех событий, которые некогда произошли, но остались в памяти людей, отложив неизгладимый отпечаток на их мировоззрение и мировосприятие. Основной принцип биографического метода таков: «Расскажи нам историю своего народа, и мы скажем, кто ты такой».

Биографические методы позволяют изучать особенности психологической деятельности этноса посредством анализа различных параметров природной среды обитания: своеобразия климатической зоны, ландшафта, флоры, фауны и т. д., а также разнообразных социально-экономических характеристик жизни этноса (соотношения различных социальных групп или классов в структуре общества, особенности разделения труда, специфики семейных ролевых структур и т. п.).

Праксиметрические методы измерения этнических различий основаны на предположении о том, что этнопсихо-

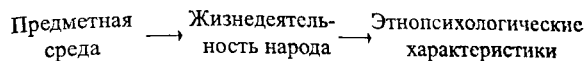
логические особенности не могут не отражаться, не проявляться в характерных чертах материальной и духовной культуры. Следовательно, изучение образцов и явлений материальной культуры — то, что дает основание говорить и о наиболее существенных психологических характеристиках этноса.

Таким образом, в результатах жизнедеятельности народа проявляется целый комплекс параметров — исторических, экологических, культурных, социально-экономических в любых возможных сочетаниях. Однако и в том и в другом случае анализ, как правило, выполняется в соответствии со следующей схемой:

Обращает на себя внимание то, что при работе в рамках подобной схемы из одних и тех же причин (результатов деятельности) разными исследователями выводятся различные психологические особенности, и наоборот, — полученные результаты объясняются причинами, которые не имеют между собой ничего общего.

Недостатки этой схемы обусловлены не только тем, что многие исследователи часто увлекаются лишь одной группой параметров, проявляя субъективизм и игнорируя значение всех остальных параметров. В отечественной психологии еще в 1920–1930-х гг. была выдвинута идея деятельностиного опосредования, представленная в трудах Л. С. Выготского, А. Н. Леонтьева и других ученых. Преломление данной идеи в этнопсихологическом контексте означает, что национальное своеобразие психики есть отражение национальных особенностей жизнедеятельности этноса. Иными словами, рассматриваемая схема может иметь следующий вид:

На практике это означает, что определение психологических характеристик любого этноса невозможно без тщательного анализа предметной специфики жизнедеятельности этноса, отражением которых она является.

Согласно теории деятельности А. Н. Леонтьева, генетически исходным вариантом жизнедеятельности субъекта, наиболее простым по структуре, будет непосредственный вариант взаимодействия организма со средой, при котором субъект и объект взаимодействия выступают в неразрывном единстве, а обмен веществ осуществляется в форме внутренней деятельности клеточных структур. На этом уровне и сегодня находятся многие одноклеточные организмы, а также большинство представителей мира растений.

Последующее развитие и, соответственно, усложнение жизнедеятельности связано с изменением ее структуры: с возникновением опосредованных форм.

В качестве первого опосредующего звена выступили различные варианты внешней двигательной активности, прежде всего — разнообразные формы передвижения.

Наличие предметного орудийного опосредования долгие годы считалось признаком, отличающим человека от животных; это красугольный камень классической теории антропогенеза. Однако исследования последних десятилетий (например, наблюдения Д. Лавик-Гудолла, описавшей, как обезьяны очищают ветки от листьев, чтобы использовать их для выуживания термитов), показали, что многие животные также способны не только использовать, но и изготавливать простейшие орудия. Аналогично было продемонстрировано и разделение функций в совместной деятельности многих общественных животных (бобров, пчел, муравьев и др.). Несогласуемость классических представ-

лений и новой информации вновь актуализировала проблему отличительных особенностей человеческой деятельности.

Перспективным вариантом выхода из создавшейся ситуации является переосмысление понятия «орудия труда». Это понятие (особенно употребляемое в контексте антропогенеза) традиционно связывают с каменными рубилами и прочими подобными древнейшими инструментами, которые использовались для более совершенного выполнения функций естественных органов человека (прежде всего рук) путем их «усиления», «удлинения» и т. п. Поэтому их иногда называют естественными орудиями. Многие исследователи (например Б. Ф. Поршнев) считали подобные приспособления чисто природными образованиями и, следовательно, отрицали их в качестве признака, отличающего деятельность человека. Но очевидно, что этим содержанием объем понятия «орудия труда» не исчерпывается.

Все большую популярность приобретает гипотеза, согласно которой у древнего человека было два различных способа опосредования деятельности: предметный — путем естественных орудий труда — и общественный, где в качестве опосредующего элемента выступает представитель того же вида. Каждый из способов опосредования достаточно широко представлен в животном мире, но их сочетание — крайне редкое, если не уникальное, явление. Оно выступило необходимой основой для возникновения третьего, действительно специфичного для человека, средства опосредования деятельности — опосредования с помощью орудий труда, функция которых состоит в замещении другого человека в трудовой деятельности. В этом способе творчески синтезировались два предшествующих способа опосредования.

Таким образом, не орудие совершенствует, увеличивает возможности самого человека, и не другой член племени, а орудие, замещающее этого другого, — вот новый, специфически человеческий способ опосредования деятельности.

Конкретные формы деятельности, реализующие одну и ту же потребность у разных народов, могут различаться по трем параметрам: уровню развития, конкретному содержанию опосредующих звеньев и своеобразию процессуальной стороны деятельности. Анализ всех этих параметров должен проводиться последовательно. Так, сравнивая любую деятельность двух этнических групп, необходимо выяснить уровень ее развития, то есть определить, опосредующие звенья какого типа применяются для ее осуществления. Для реализации деятельности первого уровня не требуются ни материальные средства (инструменты), ни помощь других лиц. Она выполняется самостоятельно, и ее результат зависит только от наличия необходимых навыков и умений. Так, когда мы видим пловца, переплывающего реку, мы сталкиваемся с деятельностью первого уровня.

Для реализации деятельности на втором уровне необходимо применить те или иные средства. Как уже отмечалось, здесь возможны разные варианты: могут использоваться естественные орудия (скажем, лодка с веслами), общественное положение (переплывание реки на спине у плывущего человека), или их сочетание (например, использование труда рабов на галерах).

Деятельность третьего уровня обязательно включает в себя применение орудий, облегчающих или заменяющих физический труд человека (например, моторные лодки). Таким образом, первый необходимый шаг сравнительного анализа деятельности — определение уровня ее развития. Если в результате выяснится, что сравниваемые этнические группы используют деятельность одного уровня, то следующим шагом будет анализ специфики опосредуемых звеньев, их конкретного содержания. Так, если вернуться к тому же примеру и предположить, что сравниваются деятельности второго уровня, в которых используются естественные орудия труда, то ясно, что их этническое своеобразие будет определяться тем, используются в них индейские пироги

или итальянские гондолы. Именно внимание к таким элементам и подчеркивает специфику использования прагматрических методов в этнопсихологических исследованиях.

При этом, конечно, необходимо учитывать социальную структуру этноса как обязательное условие, способствующее возникновению и сохранению материальных носителей культуры — основы формирования этнопсихологических различий.

Приложения

ПРАКТИКУМ ПСИХОЛОГИЧЕСКИХ ИЗМЕРЕНИЙ ЭТНИЧЕСКИХ РАЗЛИЧИЙ

МЕТОДИКА 1. ТЕСТ КУЛЬТУРНО-ЦЕННОСТНЫХ ОРИЕНТАЦИЙ (Тест Л. Г. Почебут)

Этнопсихологические исследования предполагают изучение культуры народа. Понятие «культура» многогранно. В научной литературе насчитывается более 150 ее определений. Культура включает в себя образ жизни этноса, его ценности, веру, нормы поведения, стили общения и пр. При исследовании этнокультурных различий довольно трудно выявить чистый тип той или иной культуры, поскольку в настоящее время происходит процесс интенсивного взаимопроникновения культур вследствие миграции населения, обмена материальными и духовными ценностями (произведениями искусства, достижениями науки и техники, товарами массового потребления и пр.).

Автором предлагаемого теста является американский психолог Дж. Таусенд. Тест культурно-ценностных ориентаций — это личностный тест, он предназначен для определения основных тенденций формирования и становления изучаемой культуры.

Инструкция. «Отметьте, пожалуйста, то утверждение в каждом разделе, которое наилучшим образом описывает культурную ориентацию вашего народа. При этом постарайтесь вспомнить, чему вас учили ваша семья, школа, религия. Просьба при ответе не руководствоваться вашими современными взглядами в том случае, если они отличаются от того, чему вас учили».

1. В моей культуре важнейшим фактором при принятии решений люди считают:
- а) прошлое;
 - б) настоящее;
 - в) будущее.
2. В моей культуре люди обычно считают, что они:
- а) жертвы природных сил;
 - б) живут в гармонии с природой;
 - в) управляют многими природными силами.
3. В моей культуре считается, что если людьми не управлять, то они, вероятно, будут совершать:
- а) плохие поступки;
 - б) как плохие, так и хорошие поступки;
 - в) хорошие поступки.
4. В моей культуре люди считают самым основным в своих взаимоотношениях:
- а) наследство и происхождение;
 - б) большую семью;
 - в) индивидуальность, самобытность личности.
5. В моей культуре люди полагают, что:
- а) существование само по себе достаточно для жизни;
 - б) рост и развитие личности является самой важной целью в жизни;
 - в) практическая деятельность и достижение совершенства — лучшая цель.

В основу теста заложено представление о трех типах культуры. Первый тип — *традиционная культура* (ТК) — характеризуется ориентацией людей на прошлое, приверженностью традициям, интересом к истории. Люди этой культуры воспринимают природу как вечную тайну бытия, как неразрешимую загадку, отгадать которую они не стремятся. Человек рассматривается как существо, зависимое от ближайшего социального окружения. Большое значение придается семейным связям, традиционности родственных ролевых отношений, религиозным ориентациям. В такой культуре не допускается внутренняя свобода человека. За его действиями, поступками и даже мыслями осуществляется постоянный строгий надзор со стороны сообщества. Процедура принятия решений проходит коллективно, а результат решения зависит от старших по возрасту. Деятельность человека строго регламентирована. За успехи в работе и творческое отношение к делу человека, как правило, вознаграждают не сразу, а через какое-то время.

Второй тип — *современная культура* (СК) — характеризуется ориентацией людей на настоящее, на современные им события. Люди стараются жить в гармонии с природой, беречь ее, интересуются экологическими

вопросами. Человеческая натура понимается как противоречивое явление. Ценности этой культуры сосредоточены на человеке, его правах, призвании, развитии его способностей, самореализации и самоактуализации. Отношения между людьми обычно формализованы, четко определены их статусом и ролью в социальной системе. Дружеские отношения складываются медленно и отличаются глубиной и преданностью друг другу. Общество стремится регулировать поведение человека посредством морали, этических норм и правил. В межличностном общении люди обычно сдержанны, стараются соблюдать социальную дистанцию и ролевые предписания. Принятие индивидуального решения осуществляется в процессе согласования взаимных потребностей, интересов и планов на будущее с группой, семьей, трудовым коллективом. За результаты своей деятельности человек в основном стремится получить не материальное, а моральное вознаграждение (слава, признание, успех).

Третий тип — *динамически развивающаяся культура* (ДРК) — характеризуется ориентацией людей на будущее, на достижение быстрых значительных результатов. Люди строят краткосрочные планы и стараются реализовать их как можно более энергично. Для людей данной культуры «время — это деньги». Природа не представляет собой загадки. Поскольку жизнь — это проблема, которую необходимо быстро и успешно решить, природа должна подчиниться человеку. Все ее тайны должны быть раскрыты, законы ее развития установлены и описаны. Предназначение человека состоит в управлении природой. Человеческая натура свобододолюбива. Культивируется индивидуальность, независимость, автономность от социального окружения. Процесс принятия решения осуществляется самостоятельно. Признается значимость индивидуальных интересов и ценностей. В общении люди откровенны, непосредственны, ориентированы не на иерархию, а на равенство ролевых взаимоотношений. Социально признанной ценностью является предоставление обществом равных возможностей для развития каждого члена. Основу общественного контроля составляет не мораль, а законность, неотвратимость наказания и обязательность материального вознаграждения. Внимание людей этой культуры сосредоточено на деле, задании, работе. Человек часто сознательно сам приносит себя в жертву делу, успеху, прогрессу, материальному достатку. Успешная деятельность предполагает прежде всего быстрое материальное вознаграждение.

Математическая обработка теста не сложная и предполагает определение процентного соотношения ответов респондентов по разделам и средним показателей по типам культуры. На этой основе делается вывод о тенденции в принадлежности изучаемой культуры к одному из трех типов. При проведении массовых опросов можно получить надежные и репрезентивные данные.

Ключ

Номер раздела	ТК	СК	ДРК
1	а	б	в
2	а	б	в
3	а	б	в
4	а	б	в
5	а	б	в

МЕТОДИКА 2. ОПРОСНИК АДАПТАЦИИ ЛИЧНОСТИ К НОВОЙ СОЦИОКУЛЬТУРНОЙ СРЕДЕ (Тест Л. В. Янковского)

Человек с рождения усваивает правила и нормы, определяемые культурной средой, которые в дальнейшем регулируют его поведение. Ценности, установки, социальные нормы обладают и адаптивной функцией. Они позволяют личности успешно существовать в своей культурной среде и порождают чувство принадлежности к ней и сопричастности с ней. Эмигрируя, человек прежде всего сталкивается с проблемой адаптации к новой социокультурной среде, к новым ценностным ориентациям, нормам поведения, традициям, ритуалам, природным условиям, климату и пр.

Разработанный нами опросник позволяет выявить уровень и тип адаптации эмигрантов к новой социокультурной среде. В данном варианте он предназначен для русских эмигрантов, поскольку здесь отражена специфика их прошлого опыта, приобретенного в условиях русской культуры.

Инструкция. «Перед вами ряд утверждений, которые помогут определить степень успешности вашей адаптации к новой социокультурной среде. Если вы согласны с утверждением, рядом с его номером поставьте знак «+» («да»), если нет — знак «-» («нет»), если какое-нибудь утверждение к вам не относится, поставьте знак «0». Отвечайте, пожалуйста, искренне и честно».

1. Мне нравится ...* культура.
2. Мне нравится знакомиться с коренными жителями.
3. По-моему, я здесь гораздо способнее и находчивее, чем был в России.
4. У меня есть близкие люди среди коренного населения.
5. У новоприбывших всегда одинаковые проблемы.
6. Я сам виноват в своих неудачах.
7. Я с удовольствием изучаю ... язык.
8. Если я попаду в беду, я всегда могу рассчитывать на помощь.
9. Я знаком с ... законами.
10. На низкоквалифицированной работе человек теряет уважение знакомых.
11. Я хотел бы работать по специальности, аналогичной той, по которой я работал в России.
12. Я смотрю ... телевидение.
13. Материально обеспеченные люди добрее.
14. Я рассчитываю только на собственные силы.
15. Я провожу свое свободное время так, как мне хочется.
16. Мне достаточно того внимания и той заботы, которые мне уделяют.
17. У меня есть желание переселиться в другую страну.
18. Я верю в будущее.
19. Я постоянно озабочен своим материальным положением.
20. Я чаще бываю доволен, чем наоборот.
21. Здесь мне чего-то не хватает.
22. Здесь я работаю по желаемой специальности.
23. Я выбит из колеи.
24. В нашей семье много проблем.
25. Мне нравится здешняя природа.
26. Я представлял себе жизнь здесь такой, какой она и оказалась.
27. Люди часто разочаровывают меня.
28. Мне нравится бывать в местах, где я раньше никогда не был.
29. Я соблюдаю религиозные праздники.
30. Временами я не уважаю себя.
31. Я с удовольствием буду работать на любом месте, лишь бы работа была высокооплачиваемой.
32. В течение последнего времени я чувствую себя хуже.
33. Я думаю, что каждый должен заботиться о другом.
34. Временами мы с коллегами проводим свободное время вместе.
35. Мне не хочется, чтобы о моем положении знали в России.
36. Я хорошо себя чувствую среди местного населения.

* Вместо многоточия в опросник вставляются слова, соответствующие названию той страны, где живет эмигрант.

37. Я не испытываю материальных затруднений.
38. Очень многие живут хуже, чем могли бы.
39. Лучше никому не доверять.
40. Здесь у меня есть ощущение скованности, внутренней несвободы.
41. У меня мало свободного времени.
42. Я всегда следую чувству долга, воспитанному в детстве.
43. Я предпочитаю путешествовать с друзьями, нежели с родственниками.
44. Я буду работать по желаемой специальности, даже если для этого понадобится много времени.
45. Мои ожидания с приездом оправдались.
46. Я против подачи милостыни.
47. Материальная обеспеченность — самое главное в жизни.
48. Я интересуюсь происходящими здесь событиями.
49. Я редко устаю на работе.
50. Я безразличен к религии.
51. Я люблю вспоминать о прошлом.
52. Люди, как правило, нравятся мне.
53. Я хорошо был проинформирован перед отъездом о жизни в...
54. В России я был материально независим.
55. Религиозный человек более нравственный.
56. Будущее не зависит от меня.
57. Я охотно знакомлюсь с людьми.
58. Миром правит справедливость.
59. Я люблю праздники.
60. Если ты хороший специалист, то работу тебе найти — нет проблем.
61. Миллионеры в основном люди честные.
62. В ... жили мои родственники до моего приезда.
63. Я деятельен, энергичен, инициативен.
64. Мне не хватает знаний, чтобы работать по желаемой специальности.
65. В России остались близкие мне люди.
66. Здесь я чувствую себя защищенным.
67. Я считаю, что мир должен быть без границ.
68. Временами я чувствую себя никому не нужным.
69. Моя повседневная жизнь занята интересными делами.
70. Мне помогают мои близкие.
71. Наша семья всегда придерживалась религиозных убеждений.
72. При определенных обстоятельствах я готов вернуться обратно.
73. Я никогда не начинаю разговор первым.
74. Временами я скуочу по русской природе.

75. Я посоветовал бы своим близким приехать сюда.
76. Я делаю то, что мне нравится.
77. Мои чувства и отношения к окружающим становятся более зрелыми.
78. Если я испытываю какие-нибудь затруднения, я с легкостью спрашиваю совета.
79. Я контролирую свое поведение в соответствии с нормами...
80. Я чувствую неприязнь к тому, что меня окружает.
81. Я интересуюсь событиями, происходящими в России.
82. У меня нет здесь близкого мне человека.
83. Я хотел бы сменить место работы.
84. Еще в России я планировал, по какой специальности буду работать здесь.
85. Временами я думаю о моем приезде в Россию.
86. Я уехал бы раньше, если бы у меня была такая возможность.
87. Я думал, что здесь мне будет лучше.
88. Неудачники должны винить прежде всего себя.
89. Здесь я чувствую себя дома.
90. Меня не волнует, кто какой национальности.
91. Мои знания и опыт, привезенные из России, выше, чем приходится применять здесь.
92. Временами мне не хватает общения.
93. Мне нравится ... телевидение.
94. Иногда мне нечем занять себя.
95. Язык этой страны станет для меня в будущем родным.
96. Все имеют одинаковые возможности добиться материального благополучия.

Опросник включает в себя 6 шкал, соответствующих различным типам адаптации.

Шкала адаптивности. Высокие оценки свидетельствуют о личной удовлетворенности; положительном отношении к окружающим и принятии их; чувстве социальной и физической защищенности; чувстве принадлежности к данному обществу и сопричастности с ним. Для эмигрантов характерны: стремление к самореализации; высокий уровень активности; уверенность в отношениях с другими; планирование своего будущего, основанное на собственных возможностях и прошлом опыте.

Шкала конформности. Высокие оценки означают: стремление при любых условиях поддерживать отношения с людьми; ориентацию на социальное одобрение; зависимость от группы; потребность в привязанности и эмоциональных отношениях с людьми; принятие системы ценностей и норм поведения данной среды. Поведение эмигрантов фор-

мируется под воздействием ожиданий группы в зависимости от степени заинтересованности в достижениях своих целей и от предполагаемого вознаграждения.

Шкала интерактивности. Высокие оценки соответствуют: принятию данной среды; активному вхождению в эту среду; настроенности на расширение социальных связей; чувству уверенности в своих возможностях; критичности к собственному поведению; готовности к самообразованию; желанию реализовать себя путем достижения материальной независимости; направленности на сотрудничество с другими; контролю над собственным поведением с учетом социальных норм, ролей и социальных установок данного общества; направленности на определенную цель и подчинению себя этой цели.

Шкала депрессивности. Высокие оценки говорят о дистармонии личности. Весь мир для такого эмигранта окрашивается в мрачные тона и воспринимается как лишенный смысла и ценностей. Это сопровождается невозможностью реализовать свой уровень ожиданий, связанный с социальной и профессиональной позицией; пониженной самооценкой; беспомощностью перед жизненными трудностями, сочетающейся с чувством бесперспективности; чувством вины за прошлые события; сомнением, тревогой относительно социальной идентичности; нереализацией собственных способностей, связанной с неприятием себя и других; чувствами подавленности, опустошенности, изолированности.

Шкала ностальгии. Высокие оценки означают: потерю связи с культурой, причастности с ней; внутреннее расстройство и смятение, проистекающее из-за чувства разьединенности с традиционными ценностями и нормативами и невозможности обрести новые; бесприютности, ощущение того, что человек «не на своем месте». Эмоциональное состояние таких эмигрантов характеризуется мечтательностью, тоской, меланхолией, опустошенностью.

Шкала отчужденности. Высокие оценки соответствуют: утверждению норм, установок и ценностей данного общества; неприятию нового социума; низкой самооценке; несогласованию притязаний и реальных возможностей; озабоченности своей идентичностью и своим статусом; влиянию внешнего контроля на общее неприятие себя и других; убежденности, что собственные усилия могут лишь в незначительной степени повлиять на ситуацию. Для таких эмигрантов характерны беспокойство по поводу неспособности удовлетворить свои потребности, паника, беспомощность, ощущение покинутости, нетерпеливость.

Ключ

Шкала	Номер утверждения
Шкала адаптивности	+ : 22, 25, 52, 57, 59, 60, 69, 79, 89 - : 35, 40, 50, 56, 64, 80, 87
Шкала конформности	+ : 1, 5, 13, 38, 53, 55, 61, 66, 71, 75, 78, 96 - : 14, 67, 73, 76
Шкала интерактивности	+ : 2, 3, 6, 7, 8, 15, 28, 43, 44, 46, 47, 77, 88 - : 54, 62, 90
Шкала депрессивности	+ : 10, 19, 23, 27, 32, 39, 68, 81, 84 - : 16, 18, 20, 58, 63, 70, 86
Шкала ностальгии	+ : 17, 30, 51, 65, 72, 74, 85, 94 - : 4, 12, 26, 41, 42, 45, 49, 93
Шкала отчужденности	+ : 11, 21, 24, 31, 33, 82, 83, 91, 92 - : 9, 29, 34, 36, 37, 48, 95

Математическая обработка. При совпадении с ключом за каждое утверждение начисляется 1 балл, при несовпадении — 0 баллов (ответ «это ко мне не относится» не учитывается). По каждой шкале баллы суммируются и определяется уровень адаптации: высокий — сумма баллов превышает 12, средний — от 6 до 12, низкий — менее 6 баллов. Далее определяется преобладающий тип адаптации из шести возможных вариантов: адаптивный, конформный, интерактивный, депрессивный, ностальгический и отчужденный.

Информация, полученная при тестировании, оказывается полезной в процессе психологической консультации и психокоррекции личности эмигранта. Используя ее, можно более эффективно помочь ему адаптироваться в новой социокультурной среде, реализовать свой личностный потенциал для преодоления трудностей, связанных с изменением стереотипов поведения, преобразовать деятельность, самого себя и систему отношений к окружающим людям.

МЕТОДИКА 3. ОЦЕНКА МОТИВАЦИИ ОДОБРЕНИЯ (Тест-опросник С. Марлоу— Крауна)

Внимательно прочтите каждое из приведенных ниже суждений. Если Вы считаете, что оно соответствует Вам, то поставьте крестик в колонке «Да», в противном случае, зачеркните его номер; если оно не соответствует Вам, зачеркните его номер; если оно не соответствует Вам, зачеркните его номер; если оно не соответствует Вам, зачеркните его номер.

1. Я внимательно читаю документ, прежде чем его подписываю.
2. Я не испытываю колебаний, когда кому-нибудь нужно помочь в беде.
3. Я всегда внимательно слежу за тем, как я одет.
4. Дома я веду себя за столом так же, как и в ресторане.
5. Я никогда не испытываю ни к кому сильных симпатий.
6. Был случай, когда я бросил что-то делать, потому что не был уверен в своих силах.
7. Иногда я люблю позлословить об отсутствующих.
8. Я не всегда внимательно слушаю собеседника, кем бы он ни был.
9. Был случай, когда я придумывал всякую причину, чтобы оправдаться.
10. Случалось, что я воспользовался оплошностью человека.
11. Я всегда охотно признаю свои ошибки.
12. Иногда, вместо того чтобы простить человека, я стараюсь отплатить ему тем же.
13. Были случаи, когда я настаивал на том, чтобы делали по-моему.
14. У меня не возникает внутреннего протеста, когда меня просят оказать услугу.
15. У меня никогда не возникает досады, когда высказываемое кем-либо мнение противоположно моему.
16. Перед длительной поездкой я всегда тщательно продумываю, что взять с собой.
17. Были случаи, когда я действительно завидовал удаче других.
18. Иногда меня раздражают люди, которые обращаются ко мне с просьбами.
19. Когда у людей неприятности, я иногда думаю, что они получили их по заслугам.
20. Я никогда никому с умыслом не говорил неприятных вещей.

Ключ к опроснику

Каждый зачеркнутый номер, совпадающий с ключом, оценивается в 1 балл. Обработка результатов опроса включает подсчет итогового показателя с помощью ключа. Ключ для обработки

ответ «да» по следующим позициям:

ответ «нет» по следующим позициям:

Общий итоговый показатель мотивации одобрения получают суммированием всех полученных баллов. Итоговый показатель может находиться в диапазоне от 0 до 20 баллов. Чем он выше, тем выше мотивация одобрения у испытуемого. Итоговый результат характеризует мотивационную сторону субъекта, в частности степень его зависимости от благоприятных оценок со стороны других людей, его ранимость и чувствительность к межличностным влияниям и влияниям среды.

Опросник позволяет определить повышенную меру потребности человека в одобрении. Чем выше эта потребность, тем больше поведение человека будет зависеть от оценок окружающих. В крайней мере, из вербальной форме — соответствует следующему описанию:

типичный человек, который работает в неформальной обстановке и нуждается в поддержке и одобрении. У него высокая потребность в признании. Как правило, он любит:

карьерные лестницы, которые отражают привычный стиль реагирования; жесткие критерии и ориентации; ситуации самооценки; социальную поддержку. Суммарный показатель 10 баллов характеризует среднюю мотивацию одобрения.

Показатель 13 и выше характеризует высокий уровень одобрения; показатель 7 и ниже характеризует низкий уровень одобрения. Собственные убеждения дороже, а также о независимости субъекта от группы.

Нормативы:	Мужчины	Женщины
	475 М	287 Ж
среднее статистическое значение	10,5	10,2
среднее отклонение	3,15	3,02
зона нормы	10,5 ± 3,15	11,35 ± 3,02

Отклонение, выходящее за зону, может считаться определенным нарушением.

Этот тест имеет и другую систему норм в процентах и рангах.

Сумма баллов	М, %	Ж, %
1	—	—
2	1	—
3	2	1
4	6	3
5	11	4
6	15	7
7	23	12
8	36	20
9	49	31
10	61	39
11	73	53
12	83	67
13	90	78
14	94	87
15	96	94
16	98	97
17	99	98
18	99	99
19	100	99
20	100	100

Если сумма баллов равна 15, то это значит, что только 94% опрошенных женщин дают результаты ниже 15 баллов, или 6% больше 16 баллов.

Высокие показатели говорят об ориентированности субъекта на мнение других людей, отражают потребность человека в одобрении со стороны других. Такие люди более конформны, подвержены социальным влияниям, у них очень развита потребность в общении с другими людьми, они могут сдерживать агрессивные реакции.

Низкие показатели свидетельствуют о способности субъекта вести себя, не ориентируясь на мнение других людей. Такие люди способны к антисоциальному и склонны к неконформному поведению, они конфликтны и неподатливы социальному влиянию, не стремятся походить на образец.

Мотивация одобрения — это независимое свойство, которое надо рассматривать самостоятельно. С другими мотивациями она не связана.

МЕТОДИКА 4. ТЕСТ АГРЕССИВНОСТИ (Опросник Л. Г. Почебут)

В этнопсихологических исследованиях особое место занимает проблема изучения агрессивного поведения. Определение уровня агрессивности может помочь в профилактике межэтнических конфликтов и стабилизации социальной и экономической ситуации в стране. Агрессивное поведение — это специфическая форма действий человека, характеризующаяся демонстрацией превосходства в силе или применением силы по отношению к другому человеку либо группе лиц, которым субъект стремится причинить ущерб.

Агрессивное поведение целесообразно рассматривать как противоположное поведению адаптивному.

Адаптивное поведение предполагает взаимодействие человека с другими людьми, согласование интересов, требований и ожиданий его участников. Психологи Б. Басс и Р. Дюрки разработали тест, оценивающий уровень агрессивного поведения человека.

Инструкция. «Предлагаемый опросник выявляет ваш обычный стиль поведения в стрессовых ситуациях и особенности приспособления в социальной среде. Вам необходимо однозначно («да» или «нет») оценить 40 приведенных ниже утверждений».

1. Во время спора я часто повышаю голос.
2. Если меня кто-то раздражает, я могу сказать ему все, что о нем думаю.
3. Если мне необходимо будет прибегнуть к физической силе для защиты своих прав, я, не раздумывая, сделаю это.
4. Когда я встречаю неприятного мне человека, я могу позволить себе незаметно ущипнуть или толкнуть его.
5. Увлечшись спором с другим человеком, я могу стукнуть кулаком по столу, чтобы привлечь к себе внимание или доказать свою правоту.
6. Я постоянно чувствую, что другие не уважают мои права.
7. Вспоминая прошлое, порой мне бывает обидно за себя.
8. Хотя я и не подаю вида, иногда меня гложет зависть.
9. Если я не одобряю поведение своих знакомых, то я прямо говорю им об этом.
10. В сильном гневе я употребляю крепкие выражения, сквернословлю.
11. Если кто-нибудь поднимет на меня руку, я постараюсь ударить его первым.
12. Я бываю настолько взбешен, что швыряю разные предметы.

13. У меня часто возникает потребность переставить в квартире мебель или полностью сменить ее.
14. В общении с людьми я часто чувствую себя «пороховой бочкой», которая постоянно готова взорваться.
15. Порой у меня появляется желание зло подшутить над другим человеком.
16. Когда я сердит, то обычно мрачнею.
17. В разговоре с человеком я стараюсь его внимательно выслушать, не перебивая.
18. В молодости у меня часто «чесались кулаки» и я всегда был готов пустить их в ход.
19. Если я знаю, что человек намеренно меня толкнул, то дело может дойти до драки.
20. Творческий беспорядок на моем рабочем столе позволяет мне эффективно работать.
21. Я помню, что бывал настолько сердитым, что хватал все, что попадало под руку, и ломал.
22. Иногда люди раздражают меня только одним своим присутствием.
23. Я часто удивляюсь, какие скрытые причины заставляют другого человека делать мне что-нибудь хорошее.
24. Если мне нанесут обиду, у меня пропадает желание разговаривать с кем бы то ни было.
25. Иногда я намеренно говорю гадости о человеке, которого не люблю.
26. Когда я взбешен, я кричу самое злобное ругательство.
27. В детстве я избегал драться.
28. Я знаю, по какой причине и когда можно кого-нибудь ударить.
29. Когда я взбешен, то могу хлопнуть дверью.
30. Мне кажется, что окружающие люди меня не любят.
31. Я постоянно делюсь с другими людьми своими чувствами и переживаниями.
32. Очень часто своими словами и действиями я сам себе приношу вред.
33. Когда люди орут на меня, я отвечаю тем же.
34. Если кто-нибудь ударит меня первым, я в ответ ударю его.
35. Меня раздражает, когда предметы лежат не на своем месте.
36. Если мне не удастся починить сломавшийся или порвавшийся предмет, то я в гневе ломаю или рву его окончательно.
37. Другие люди мне всегда кажутся более преуспевающими.
38. Когда я думаю об очень неприятном мне человеке, я могу прийти в возбуждение от желания причинить ему зло.
39. Иногда мне кажется, что судьба сыграла со мною злую шутку.
40. Если кто-нибудь обращается со мной не так, как следует, я очень расстраиваюсь по этому поводу.

Агрессивное поведение по форме проявления подразделяется на 5 шкал.

Вербальная агрессия (ВА) — человек вербально выражает свое агрессивное отношение к другому человеку, использует словесные оскорбления.

Физическая агрессия (ФА) — человек выражает свою агрессию по отношению к другому человеку с применением физической силы.

Предметная агрессия (ПА) — человек срывает свою агрессию на окружающих его предметах.

Эмоциональная агрессия (ЭА) — у человека возникает эмоциональное отчуждение при общении с другим человеком, сопровождаемое подозрительностью, враждебностью, неприязнью или недоброжелательностью по отношению к нему.

Самоагрессия (СА) — человек не находится в мире и согласии сам с собой; у него отсутствуют или ослаблены механизмы психологической защиты; он оказывается беззащитным в агрессивной среде.

Ключ для обработки теста

Тип агрессии	Номер утверждения	Нет: 17
ВА	Да: 1, 2, 9, 10, 25, 26, 33	Нет: 17
ФА	Да: 3, 4, 11, 18, 19, 28, 34	Нет: 27
ПА	Да: 5, 12, 13, 21, 29, 35, 36	Нет: 20
ЭА	Да: 6, 14, 15, 22, 30, 37, 38	Нет: 23
СА	Да: 7, 8, 16, 24, 32, 39, 40	Нет: 31

Математическая обработка. Вначале суммируются баллы по каждой из пяти шкал. Если сумма баллов выше 5, это означает высокую степень агрессивности и низкую степень адаптированности по шкале. Сумма баллов от 3 до 4 соответствует средней степени агрессивности и адаптированности. Сумма баллов от 0 до 2 означает низкую степень агрессивности и высокую степень адаптированности по данному типу поведения. Затем суммируются баллы по всем шкалам. Если сумма превышает 25 баллов, это означает высокую степень агрессивности человека, его низкие адаптационные возможности. Сумма баллов от 11 до 24 соответствует среднему уровню агрессивности и адаптированности. Сумма баллов от 0 до 10 означает низкую степень агрессивности и высокую степень адаптированного поведения.

В результате проведенных исследований валидность теста проверяется на 483 испытуемых. Внутришкальные коэффициенты корреляции превышают 0,35 и значимы на 5%-ном уровне.

МЕТОДИКА 5. ТЕСТ ЭМПАТИИ (Опросник И. М. Юсупова)

Эмпатия — это эмоциональный отклик человека на переживания других людей, проявляющийся как в сопереживании, так и в сочувствии. При сопереживании эмоциональный отклик человека идентичен эмоциям, переживаемой другим, это возможно только при осознании чувств переживающего. При сочувствии эмоциональный отклик выражается лишь в участливом отношении к другому. Для эмпатии характерно то, что она может возникнуть и проявляться с большой силой в отношении людей или животных не только реально существующих, но и изображенных в художественных произведениях (литература, кино, театр, живопись, скульптура).

В этнопсихологических исследованиях изучение уровня и направленности эмпатии людей разных национальностей важно для установления и поддержания контакта между ними, для эффективного межкультурного диалога и сотрудничества.

Инструкция. «Вам предлагается оценить несколько утверждений. Ваши ответы не будут расцениваться как хорошие или плохие, поэтому просим Вас быть откровенными. Над ответами не следует долго раздумывать. Достоверные ответы — те, которые первыми пришли Вам в голову. Прочитав в опроснике утверждение, в соответствии с его номером отметьте в опросном листе Ваше мнение, используя одну из шести следующих градаций: «не знаю», «нет, никогда», «иногда», «часто», «почти всегда», «да, всегда». Ни одно из утверждений пропускать нельзя».

1. Мне больше нравятся книги о путешествиях, чем книги из серии «Жизнь замечательных людей».
2. Взрослых детей раздражает забота старших.
3. Мне нравится размышлять о причинах успехов и неудач других людей.
4. Среди всех музыкальных передач предпочитаю «Современные ритмы».
5. Чрезмерную раздражительность и несправедливые упреки больного надо терпеть, даже если они продолжаются годами.
6. Больному человеку можно помочь даже словом.
7. Посторонним людям не следует вмешиваться в конфликт между двумя лицами.
8. Старые люди, как правило, беспричинно обидчивы.
9. Когда я в детстве слушал грустную историю, на мои глаза сами по себе наворачивались слезы.

10. Раздраженное состояние моих родителей влияет на мое настроение.
 11. Я равнодушен к критике в свой адрес.
 12. Мне больше нравится рассматривать портреты, чем картины с пейзажами.
 13. Я всегда прощал своим родителям все, даже если они были не правы.
 14. Если лошадь плохо тянет, ее нужно хлестать.
 15. Когда я читаю о драматических событиях в жизни людей, то чувствую, словно это происходит со мной.
 16. Родители относятся к своим детям справедливо.
 17. Видя ссорящихся подростков или взрослых, я вмешиваюсь.
 18. Я не обращаю внимания на плохое настроение своих родителей.
 19. Я подолгу наблюдаю за поведением птиц и животных, откладывая другие дела.
 20. Фильмы и книги могут вызывать слезы только у несерьезных людей.
 21. Мне нравится наблюдать за выражением лиц и поведением незнакомых людей.
 22. В детстве я приводил домой бездомных собак и кошек.
 23. Все люди необоснованно озлоблены.
 24. Глядя на постороннего человека, мне хочется угадать, как сложится его жизнь.
 25. При виде покалеченного животного я стараюсь ему чем-то помочь.
 26. В детстве младшие по возрасту ходили за мной по пятам.
 27. Человеку станет легче, если внимательно выслушать его жалобы.
 28. Увидев уличное происшествие, я стараюсь не попасть в число свидетелей.
 29. Младшим нравится, когда я предлагаю им свою идею, дело или развлечение.
 30. Люди преувеличивают способность животных чувствовать настроение своего хозяина.
 31. Из затруднительных конфликтных ситуаций человек должен выходить самостоятельно.
 32. Если ребенок плачет, значит, на то есть свои причины.
 33. Молодежь должна всегда удовлетворять любые просьбы и чудачества стариков.
 34. Мне хотелось разобраться, почему некоторые мои одноклассники иногда задумчивы.
 35. Беспорядочных домашних животных следует уничтожать.
 36. Если мои друзья начинают обсуждать со мной свои личные проблемы, я перевожу разговор на другую тему.
- Если в процессе работы у испытуемого возникнут какие-либо вопросы, то экспериментатор должен дать разъяснение, но так, чтобы испытуемый не оказался сориентированным этим разъяснением на тот или иной ответ.

Опросник содержит шесть диагностических шкал эмпатии: с родителями, животными, стариками, детьми, героями художественных произведений, с незнакомыми или малознакомыми людьми.

Таблица для обработки теста

Шкала	Номер утверждения
Эмпатия с родителями	10, 11, 13, 16, 18, 31
Эмпатия с животными	14, 19, 22, 25, 30, 35
Эмпатия со стариками	2, 5, 6, 8, 27, 33
Эмпатия с детьми	9, 17, 26, 29, 32, 34
Эмпатия с героями художественных произведений	1, 4, 12, 15, 20, 23
Эмпатия с незнакомыми или малознакомыми людьми	5, 7, 21, 24, 28, 36

Математическая обработка. Вначале следует определить достоверность полученных данных. Для этого необходимо подсчитать, сколько ответов определенного типа дано на указанные в скобках номера утверждения: «не знаю» (2, 4, 16, 18, 33); «да, всегда» (2, 7, 11, 13, 16, 18, 23). Кроме того, следует выявить, сколько раз ответ типа «да, всегда» получен на оба утверждения в следующих парах: 7 и 17, 10 и 18, 17 и 31, 22 и 35, 34 и 36; сколько раз ответ типа «да, всегда» получен для одного из утверждений, а типа «нет, никогда» — для другого в следующих парах: 3 и 36, 1 и 3, 17 и 28. Затем нужно просуммировать результаты этих подсчетов. Если общая сумма равна 5 и более, то результат исследования недостоверен; при сумме, равной 4, результат сомнителен; если же сумма не более 3 — результат исследования может быть признан достоверным. При достоверных результатах дальнейшая обработка данных направлена на получение количественных показателей эмпатии и на определение ее уровня. Пользуясь таблицей, можно получить общую характеристику эмпатии. Вариантам ответа «не знаю», «нет, никогда», «иногда», «почти всегда», «да, всегда» соответствуют числовые значения: 0, 1, 2, 3, 4, 5. Затем определяется уровень эмпатии в отношении каждой из составляющих ее шкал и в целом по всем пяти шкалам:

Уровень эмпатии	Количество баллов в целом
Очень высокий	82–90
Высокий	63–81
Средний	37–62
Низкий	12–36
Очень низкий	5–11

МЕТОДИКА 6. ШКАЛА СОЦИАЛЬНОЙ ДИСТАНЦИИ (Вариант Л. Г. Почебут)

Понятие *социальной дистанции*, которое ввел американский социолог Э. Богардус в начале XX в., характеризует близость (отчужденность) социальных или этнических общностей, групп, отдельных людей. С помощью шкалы социальной дистанции (или шкалы Богардуса) оценивается степень социально-психологического принятия людьми друг друга, поэтому ее часто называют шкалой социальной приемлемости. Она используется для измерения дистанции, связанной с расовой или национальной принадлежностью, возрастом, полом, профессией, религией, для измерения дистанции между детьми и родителями. Шкала социальной дистанции показывает степень психологической близости людей, способствующей легкости их взаимодействия. Максимальная социальная дистанция означает, что человек (или этнос) держится обособленно, автономно. Вежливость и этикет как культурные способы общения позволяют скрывать свою личность, собственную оригинальность и культуру; большинство коммуникаций в таких случаях символичны и формальны. Минимальная социальная дистанция способствует конкретизации представлений о других людях, поскольку когда люди хорошо знакомы, интересуются друг другом, национальной культурой, они вовлекаются во взаимодействие и каждый принимает во внимание оригинальность и индивидуальность друг друга.

Предлагаемая шкала измеряет отношение к той или иной национальности.

Инструкция испытуемому. «Проранжируйте представителей указанной национальности, отмечая степень приемлемости их для себя лично только по одному из семи предложенных ниже критериев. Отвечайте по принципу: для меня лично возможно и жетательно в отношении людей данной национальности (номер ответа — это величина балла):»

1. Принятие как близких родственников посредством брака.
2. Принятие как личных друзей.
3. Принятие как соседей, проживающих на моей улице.
4. Принятие как коллег по работе, имеющих ту же профессию, что и я.
5. Принятие как граждан моей страны.
6. Принятие только как туристов в моей стране.
7. Предпочел бы не видеть их в моей стране.

Математическая обработка предполагает, во-первых, определение процентного соотношения ответов испытуемых по всем семи критериям. Во-вторых, обработка производится по ключу, что позволяет дать психологическую интерпретацию полученных данных.

Ключ

Критерий	Оценка	Критерий	Оценка
1	+3	4	0
2	+2	5	-1
3	+1	6	-2
		7	-3

Шкала социальной дистанции дает возможность определить два основных показателя, каждый из которых имеет два варианта, оценивающих возможную и реальную социальные дистанции. Первый показатель — *социальная приемлемость* — отражает стремление к взаимодействию и интеграции и даже ассимиляции с другим этносом. Второй показатель — *социальная экспансивность* — отражает выраженность и направленность социальных чувств представителей одного этноса по отношению к другому. Чем сильнее выражены позитивные чувства людей по отношению друг к другу, тем меньше между ними социальная дистанция, тем плотнее их взаимодействие. Поэтому изучение этнических общностей с помощью шкалы социальной дистанции дает возможность определить и степень выраженности этнических чувств.

1. Возможная социальная приемлемость (СПв) рассчитывается по формуле

$$СПв = \frac{n}{n-1},$$

где n — количество респондентов.

2. Реальная социальная приемлемость (СПр) рассчитывается по формуле

$$СПр = \frac{\sum(+)+\sum(-)}{n(n-1)}.$$

Если СПр положительная и больше 50% от СПв, то это свидетельствует о большой приемлемости людьми одной национальности представителями другой национальности, о стремлении к интеграции, близости, ассимиляции с ними. Если СПр положительная, но меньше 50% от СПв, это говорит об автономности данного этноса, об отсутствии стремления к интеграции с другим этносом. Если же СПр отрицательная и больше 50% СПв, то это свидетельствует о стремлении одного этноса целиком

обособиться от другого, поддерживать по возможности только поверхностные, формальные контакты с его представителями.

3. Возможная социальная экспансивность (СЭв) рассчитывается по формуле

$$СЭв = \frac{N}{N-1}.$$

4. Реальная социальная экспансивность (СЭр) рассчитывается по формуле

$$СЭр = \frac{\sum(+)+\sum(-)}{n(N-1)}.$$

Если СЭр положительная и больше 50% от СЭв, то это свидетельствует о глубоких позитивных чувствах и об искреннем интересе представителей одной национальности к другой. Если же СЭр положительная и меньше 50% от СЭв, это говорит об определенной напряженности в отношениях, о том, что не все представители этой национальности с искренним интересом и сочувствием относятся к другой национальности. Если СЭр отрицательная и больше 50% от СЭв, то это говорит о глубокой психологической неприязни людей данной национальности к другой национальности в целом, но не к конкретным, реально живущим и действующим ее представителям.

5. Дополнительный показатель — *коэффициент изменчивости (КИ)* — рассчитывается по формуле

$$КИ = \frac{\sigma}{m} \cdot 100\%,$$

где σ — среднее квадратическое отклонение, m — среднее арифметическое.

При положительной СПр значение $КИ < 50\%$, означает естественную избирательность в оценках приемлемости представителями одного этноса представителями другого и в целом позитивное отношение, если же $КИ > 50\%$, то это говорит о значительной напряженности в отношениях некоторых представителей одного этноса к другому.

МЕТОДИКА 7. ОПРОСНИК ИССЛЕДОВАНИЯ САМООТНОШЕНИЯ ЛИЧНОСТИ (Тест В. В. Столина)

Самоотношение понимается как сложная, уровневая эмоционально-ценочная система. Самоотношение может быть понято как выражение смысла «я» для субъекта, как некоторое устойчивое чувство в адрес собственного «я», которое, несмотря на обобщенность, содержит ряд специфических модальностей (измерений), различающихся как по эмоциональному тону, переживанию, так и по семантическому содержанию соответствующего отношения к себе.

Для разработки опросника в качестве исходных было отобрано девять измерений (модальностей), которые наиболее существенно характеризуют самоотношение как чувство в адрес собственного «я»:

- 1) осознанность «я»;
- 2) самоуважение и уверенность в себе;
- 3) саморукводство и последовательность «я»;
- 4) ожидаемое отношение других;
- 5) безусловное самопринятие;
- 6) переживание ценности собственной личности;
- 7) чувство привязанности к своему «я»;
- 8) непонимание себя, переживание конфликтности «я»;
- 9) чувство самообвинения.

Шкала 1 — внутренняя честность. Шкала включает 11 пунктов, связанных с такими аспектами образа «я», самоотношения, поведения, которые, являясь значимыми для личности, с трудом допускаются до осознания.

Низкие значения шкалы говорят о глубокой осознанности «я», повышенной рефлексивности и критичности, способности не скрывать от себя и других даже значимую неприятную информацию. Крайне низкие значения могут свидетельствовать о самообниженности, порой граничащей с цинизмом. Высокие значения говорят о закрытости, неспособности или нежелании осознать и выдавать значимую информацию о себе. В крайнем выражении — о прямой лжи и фальсификации результатов в сторону социально желательных ответов.

Шкала 2 — уверенность в себе — содержит 14 пунктов, задающих представление о себе как самостоятельном, волевом, энергичном, надежном человеке, которому есть за что себя ухватить.

Положительный полюс шкалы соответствует высокому самонению, самоуверенности, отсутствию внутренней напряженности. Низкие значения говорят о неудовлетворенности собой и своими возможностями, сомнениями в способности вызывать уважение.

Шкала 3 — саморукводство — содержит 12 пунктов. Шкала отражает представление о том, что основным источником активности и результатов, касающихся как деятельности, так и собственной личности субъекта, является он сам. Человек с высоким баллом по шкале отчетливо переживает собственное «я» как внутренний стержень, интегрирующий его личность и жизнедеятельность, считает, что его судьба находится в собственных руках и испытывает чувство обоснованности и последовательности своих внутренних побуждений и целей. Низкие баллы свидетельствуют о вере субъекта в подвластность его «я» временным обстоятельствам, неспособности противостоять судьбе, плохой саморегуляции, размытом локусе «я», отсутствии тенденции искать причины поступков и результатов в себе самом. Конструкт, лежащий в основе шкалы, близок по содержанию к психологической переменной, которую называют локус контроля.

Шкала 4 — отраженное самоотношение — включает 11 пунктов, связанных с ожидаемым отношением к себе со стороны других людей. Высокие значения шкалы соответствуют представлению субъекта о том, что его личность, характер и деятельность способны вызывать в других уважение, симпатию, одобрение и понимание. С низкими значениями связано ожидание противоположных чувств от обобщенного другого.

Шкала 5 — самооценочность — содержит 14 пунктов. Высокие оценки по шкале отражают заинтересованность в собственном «я», любовь к себе, ощущение ценности собственной личности и одновременно предполагаемую ценность своего «я» для других. Шкала отражает эмоциональную оценку себя, своего «я» по внутренним интимным критериям любви, духовности, богатства внутреннего мира. Низкие баллы по шкале говорят о недооценке своего духовного «я», сомнениях в ценности собственной личности, отстраненности, граничащей с безразличием к своему «я», потере интереса к своему внутреннему миру.

Шкала 6 — самопринятие — включает 12 пунктов. Высокий полюс соответствует дружескому отношению к себе, согласно с самим собой, одобрению своих планов и желаний, эмоциональному, безусловному принятию себя таким, каков ты есть, пусть даже с некоторыми недостатками. Низкий полюс свидетельствует об отсутствии перечисленных качеств — недостаточном самопринятии, что является важным симптомом внутренней дезадаптации.

Шкала 7 — самопривязанность — содержит 11 пунктов. Высокие значения шкалы говорят о ригидности Я-концепции, привязанности, желании меняться на фоне общего положительного отношения к себе. Данные переживания часто сопровождаются привязанностью к неадекватному Я-образу. В последнем случае тенденции к сохранению такого образа — один из защитных механизмов самосознания. Низкие значения свидетельствуют о противоположных тенденциях: желании что-то в себе изменить, тяге к соответствию с идеальным представлением о себе, неудовлетворенности собой.

Шкала 8 — внутренняя конфликтность — содержит 15 пунктов. Высокие значения по этой шкале свидетельствуют о наличии внутренних конфликтов, сомнений, несогласия с собой, тревожно-депрессивных состояний, сопровождаемых переживанием чувства вины. Умеренное повышение по шкале говорит о повышенной рефлексии, глубоком проникновении в себя, осознании своих трудностей, адекватном образе «я» и отсутствии вытеснения. Крайне низкие значения шкалы свидетельствуют об отрицании проблем, закрытости, поверхностном самодовольстве, импунитивных тенденциях.

Шкала 9 — самообвинение — включает 10 пунктов. Высокие значения говорят об интрапунитивности, самообвинении, готовности поставить себе в вину свои промахи и неудачи, собственные недостатки. Шкала является индикатором отсутствия симпатии, что сопровождается негативными эмоциями в свой адрес, даже несмотря на высокую самооценку качеств и достижений.

В методике можно выделить три независимых и хорошо интерпретируемых фактора.

Первый фактор составили шкалы внутренней честности, самоуверенности, саморуководства и отраженного самоотношения. В один фактор их объединяет то, что все эти шкалы выражают оценку собственного «я» испытуемого по отношению к социально-нормативным критериям моральности, успеха, воли, целеустремленности, социального одобрения и т. п. Это дает основание интерпретировать данный фактор как самоуважение.

Во второй фактор вошли три шкалы: самооценочность, самопринятие и самопривязанность. Эти шкалы не связаны ни с социально-нормативными критериями, ни с теми или иными чертами личности и характера объекта. Они в наиболее чистом виде отражают эмоциональное отношение субъекта к своему «я» и могут быть интерпретированы как шкалы аутосимпатии.

Третий фактор, содержащий шкалы внутренней конфликтности и самообвинения, связан с негативным самоотношением и получил название самоуничижение.

Проведение опроса и интерпретация результатов

Испытуемому предъявляется тестовый буклет, содержащий 110 пунктов, и стандартный бланк ответов. Инструкция подразумевает две градации ответов: «согласен» — «не согласен», которые фиксируются испытуемым в соответствующих позициях бланка ответов.

Шкальные значения подсчитываются по 9 шкалам с помощью специального ключа-трафарета, накладываемого на бланк. Полученные таким образом сырые баллы по специальной таблице переводятся в стандартные оценки — «стены».

Интерпретация проводится путем анализа профиля деятельности показателей, которые совместно дают целостную картину самоотношения испытуемого.

Опросник МИС

1. Мои слова довольно редко расходятся с делом.
2. Случайному человеку я, скорее всего, покажусь человеком приятным.
3. К чужим проблемам я всегда отношусь с тем же вниманием, что и к своим.
4. У меня нередко возникает чувство, что то, о чем я с собой мысленно говорю, мне неприятно.
5. Думаю, что все мои знакомые относятся ко мне с симпатией.
6. Самое разумное, что может сделать человек в своей жизни, — это не противиться собственной судьбе.
7. У меня достаточно способностей и энергии, чтобы воплотить в жизнь задуманное.
8. Если бы я раздвоился, то мне было бы довольно интересно общаться со своим двойником.
9. Я не способен причинять душевную боль самым любимым и родным мне людям.
10. Я считаю, что иногда не грех пожалеть самого себя.
11. Совершив какой-то промах, я часто не могу понять, как мне могло прийти в голову, что из задуманного могло получиться что-то хорошее.
12. Чаще всего я одобряю свои планы и поступки.
13. В моей личности есть, наверное, что-то такое, что способно вызывать у других острую неприязнь.
14. Когда я пытаюсь оценить себя, я прежде всего вижу свои недостатки.
15. У меня не получается быть для любимого человека интересным длительное время.
16. Можно сказать, что я ценю себя достаточно высоко.
17. Мой внутренний голос редко подсказывает мне-то, с чем бы я в конце концов не согласился.

18. Многие мои знакомые не принимают меня так уж всерьез.
19. Бывало, и не раз, что я сам остро ненавидел себя.
20. Мне очень мешает недостаток энергии, воли и целеустремленности.
21. В моей жизни возникали также обстоятельства, когда я шел на сделку с собственной совестью.
22. Иногда я сам себя плохо понимаю.
23. Порой мне бывает мучительно больно общаться с самим собой.
24. Думаю, что без труда мог бы найти общий язык с любым разумным и знающим человеком.
25. Если я и отношусь к кому-нибудь с укоризной, то прежде всего к самому себе.
26. Иногда я сомневаюсь, можно ли любить по-настоящему.
27. Нередко мои споры с самим собой обрываются мыслью, что все равно выйдет не так, как я решил.
28. Мое отношение к самому себе можно назвать дружеским.
29. Вряд ли найдутся люди, которым я не по душе.
30. Часто я не без издевки подшучиваю над самим собой.
31. Если бы мое второе «я» существовало, то для меня это был бы довольно скучный партнер по общению.
32. Мне представляется, что я достаточно сложился как личность и поэтому не трачу много сил на то, чтобы в чем-то стать другим.
33. В целом меня устраивает то, какой я есть.
34. К сожалению, слишком многие не разделяют моих взглядов на жизнь.
35. Я вполне могу сказать, что уважаю сам себя.
36. Я думаю, что имею много и надежного советчика в себе самом.
37. Сам у себя я довольно часто вызываю чувство раздражения.
38. Я часто, но довольно безуспешно пытаюсь в себе что-то изменить.
39. Я думаю, что моя личность гораздо интереснее и богаче, чем это может показаться на первый взгляд.
40. Мои достоинства вполне перевешивают мои недостатки.
41. Я редко остаюсь непонятым в самом важном для меня.
42. Думаю, что другие в целом оценивают меня достаточно высоко.
43. То, что со мной случается, — это дело моих собственных рук.
44. Если я спорю с собой, то всегда уверен, что найду единственно правильное решение.
45. Когда со мной случаются неприятности, как правило, я говорю: «И поделом тебе».
46. Я не считаю, что я достаточно духовно интересен для того, чтобы быть привлекательным для многих людей.
47. У меня нередко возникает сомнение: а таков ли я на самом деле, каким себе представляюсь?
48. Я не способен на измену даже в мыслях.
49. Чаще всего я думаю о себе с дружеской иронией.

50. Мне кажется, что мало кто может подумать обо мне плохо.
51. Уверен, что на меня можно положиться в самых ответственных делах.
52. Я могу сказать, что в целом я контролирую свою судьбу.
53. Я никогда не выдаю понравившиеся мне чужие мысли за свои.
54. Каким бы я ни казался окружающим, я-то знаю, что в глубине души я лучше, чем большинство других.
55. Я хотел бы оставаться таким, какой есть.
56. Я всегда рад критике в свой адрес, если она обоснованна и справедлива.
57. Мне кажется, что если бы таких людей, как я, было больше, то жизнь изменилась бы в лучшую сторону.
58. Мое мнение имеет достаточный вес в глазах окружающих.
59. Что-то мешает мне понять себя по-настоящему.
60. Во мне есть немало такого, что вряд ли вызывает симпатию.
61. В сложных обстоятельствах я обычно не жду, пока проблемы разрешатся сами собой.
62. Иногда я пытаюсь выдать себя не за того, кто я есть.
63. Быть снисходительным к собственным слабостям — вполне естественно.
64. Я убедился, что глубокое проникновение в себя — малоприятное и довольно рискованное занятие.
65. Я никогда не раздражаюсь и не злюсь без особых на то причин.
66. У меня бывали такие моменты, когда я понимал, что и меня есть за что презирать.
67. Я часто чувствую, что мало влияю на то, что со мной происходит.
68. Именно богатство и глубина моего внутреннего мира и определяет мою ценность как личности.
69. Долгие споры с собой чаще оставляют горький осадок в моей душе, чем приносят облегчение.
70. Думаю, что общение со мной доставляет людям искреннее удовольствие.
71. Если говорить откровенно, иногда я бываю очень неприятен.
72. Можно сказать, что я себе нравлюсь.
73. Я — человек надежный.
74. Осуществление моих желаний мало зависит от везения.
75. Мое внутреннее «я» всегда мне интересно.
76. Мне очень просто убедить себя не расстраиваться по пустякам.
77. Близким людям свойственно меня недооценивать.
78. У меня в жизни нередко бывают минуты, когда сам себе противен.
79. Мне кажется, что я все-таки не умею злиться на себя по-настоящему.
80. Я убедился, что в серьезных делах на меня лучше не рассчитывать.
81. Порой мне кажется, что я какой-то странный.
82. Я не склонен пасовать перед трудностями.

83. Мое собственное «я» не представляется мне чем-то достойным глубокого внимания.
84. Мне кажется, что, глубоко обдумывая свои внутренние проблемы, я начинаю гораздо лучше себя понимать.
85. Сомневаюсь, что вызываю симпатию у большинства окружающих.
86. Мне случалось совершать такие поступки, которым вряд ли можно найти оправдание.
87. Где-то в глубине души я считаю себя слабаком.
88. Если я искренне и обвиняю себя в чем-то, то, как правило, обличительного запала хватает ненадолго.
89. Мой характер, каким бы он ни был, вполне меня устраивает.
90. Я вполне ясно представляю себе, что ждет меня впереди.
91. Иногда мне бывает довольно трудно найти общий язык со своим внутренним «я».
92. Мои мысли о себе по большей части сводятся к обвинениям в собственный адрес.
93. Я не хотел бы меняться сильно даже в лучшую сторону, потому что каждое изменение — это потеря какой-то дорогой частицы самого себя.
94. В результате моих действий слишком часто получается совсем не то, на что я рассчитывал.
95. Вряд ли во мне есть что-то, чего бы я не знал.
96. Мне еще немного не хватает, чтобы с уверенностью сказать себе: «Да, я вполне созрел как личность».
97. Во мне вполне мирно уживаются как мои достоинства, так и мои недостатки.
98. Иногда я оказываю «бескорыстную» помощь людям только для того, чтобы выглядеть лучше в собственных глазах.
99. Мне слишком часто и безуспешно приходится оправдываться перед самим собой.
100. Те, кто меня не любит, просто не знают, что я за человек.
101. Убедить меня в чем-то не составляет для других большого труда.
102. Я не испытываю недостатка в близких и понимающих меня людях.
103. Мне кажется, что мало кто уважает меня по-настоящему.
104. Если не мелочиться, то в целом мне себя не в чем упрекнуть.
105. Я сам создал себя таким, каков я есть.
106. Мнение других обо мне вполне совпадает с моим собственным.
107. Мне бы очень хотелось во многом себя переделать.
108. Ко мне относятся так, как я того заслуживаю.
109. Думаю, что моя судьба все равно сложится не так, как бы мне хотелось теперь.
110. Уверен, что в жизни я на своем месте.

Ключи к МИС

1. Открытость: 1, 3, 9, 21, 48, 53, 56, 62, 65, 86, 98.
2. Самоуверенность: 7, 20, 24, 30, 35, 36, 51, 52, 58, 61, 73, 80, 82, 103.
3. Саморукводство: 43, 44, 45, 74, 76, 84, 90, 105, 106, 108, 109, 110.
4. Зеркальное «я»: 2, 5, 13, 18, 29, 34, 41, 42, 50, 85, 102.
5. Самоценность: 8, 15, 16, 26, 31, 39, 46, 54, 57, 68, 70, 75, 83, 100.
6. Самопринятие: 10, 12, 17, 28, 40, 49, 63, 72, 77, 79, 88, 97.
7. Самопривязанность: 6, 32, 33, 55, 89, 93, 95, 96, 101, 104, 107.
8. Конфликтность: 4, 11, 22, 23, 27, 38, 47, 59, 64, 67, 69, 81, 91, 94, 99.
9. Самообвинение: 14, 19, 25, 37, 60, 66, 71, 78, 87, 92.

Нормы МИС (в стенах):
внутри таблицы значения по шкале

Стены Шкалы	1	2	3	4	5	6	7	8	9	10
1	0	0	1	2-3	4-5	6-7	8	9	10	11
2	0-1	2	3-4	5-6	7-9	10	11-12	13	13	14
3	0-1	2	3	4-5	6	7	8	9-10	11	12
4	0	1	2	3-4	5	6-7	8	9	10	11
5	0-1	2	3	4-5	6-7	8	9-10	11	12	13-14
6	0-1	2	3-4	6	6-7	8	9	10	11	12
7	0	1	3	4-5	6	7-8	7-8	9	10	11
8	0	0	1-2	3-4	5-7	8-9	11-12	13	14	15
9	0	1	2	3-4	5	6-7	8	9	10	10

МЕТОДИКА 8. ДИАГНОСТИЧЕСКИЙ ТЕСТ ОТНОШЕНИЙ (Тест Г. У. Кцовой-Солдатовой)

С помощью этого теста исследуется эмоционально-оценочный компонент стереотипа. С целью выявления наличия противоставлений и последующего определения их выраженности как возможного эмпири-

ческого индикатора эмоционально-оценочного компонента этнического стереотипа используются двадцать шкал:

- 1) осторожный — трусливый;
- 2) бесхарактерный — покладистый (мягкий);
- 3) любезный — льстивый;
- 4) остроумный — ехидный;
- 5) сдержанный — равнодушный;
- 6) тактичный — лицемерный;
- 7) педантичный — пунктуальный;
- 8) веселый — шумный;
- 9) любознательный — лезет в чужие дела, интересуется тем, что его не касается;
- 10) чувствительный — нервный;
- 11) смелый — безрассудный;
- 12) непринужденный (непосредственный) — наглый (развязный);
- 13) беззаботный — легкомысленный (беспечный);
- 14) обладает чувством собственного достоинства — относится к окружающим с чувством превосходства;
- 15) общительный — навязчивый (надоедливый);
- 16) прямолинейный — грубый;
- 17) экономный — жадный;
- 18) темпераментный — вспыльчивый;
- 19) настойчивый — упрямый;
- 20) находчивый — хитрый.

Названные качества размещаются на пяти карточках по восемь качеств на каждой. Карточка содержит четыре пары свойств, расположенных с учетом их коннотативных параметров. Например:

1. Экономный.
2. Темпераментный.
3. Упрямый.
4. Вспыльчивый.
5. Находчивый.
6. Настойчивый.
7. Хитрый.
8. Жадный.

Первой процедурой теста является самооценка по предложенным качествам, проводимая по 4-балльной системе.

На втором этапе респонденты оценивают по данным качествам абстрактный образ «идеал», который в контексте каждой личности рассматривают как «правильную» или «нормативную» отношенческую атрибуцию.

Следующими процедурами теста являются оценки респондентами абстрактного «типичного» представителя собственной этнической общ-

ности и «типичных» представителей иноэтнических групп, участвующих в процессе межэтнического взаимодействия.

Такая последовательность процедур основана на предположении, что процесс самооценки или оценки «идеала», произведенной на основе социального сравнения, может быть сопоставлен с оценками «других» как на индивидуальном, так и на групповом уровне. Вероятно, что при оценке других личностей или целых групп будут использоваться те же самые сравнительные уровни, которые применяются человеком для самооценки.

Инструкция испытуемому. «Опишите последовательно по предложенным характеристикам: себя; „идеал“; типичного представителя собственной общности; типичных представителей иноэтнических групп, участвующих в процессе межэтнического взаимодействия. В соответствии с каждой карточкой заполняйте поочередно ряды соответствующей таблицы, оценивая каждое качество по 4-балльной системе;

0 — данное качество отсутствует;

1 — качество выражено слабо;

2 — качество выражено средне;

3 — качество выражено в полной мере».

Данный тест позволяет измерить такие параметры, как амбивалентность, выраженность и направленность. Эти параметры являются содержательными характеристиками этнических стереотипов, измерениями их «образности». Количественные показатели параметров рассматриваются как эмпирические индикаторы эмоционально-оценочного компонента этнического стереотипа.

Амбивалентность предполагает измерение степени эмоциональной определенности стереотипа. Высокие коэффициенты амбивалентности (высокая неопределенность) возможны в случае низкой поляризации оценок противоположных качеств каждой пары, когда не выявляется четкое предпочтение позитивного или негативного полюса оценки. Низкий коэффициент амбивалентности (высокая определенность стереотипа), наоборот, соответствует несомненной поляризации качеств.

Коэффициент амбивалентности по данной паре качеств определяется формулой:

$$Ai = \min(ai + ai^{-}) / (\max(ai + ai^{-}))$$

где ai^{+} — оценка респондентом положительного качества, ai^{-} — оценка отрицательного качества. Общий коэффициент амбивалентности A определяется на основе коэффициентов амбивалентности всех 20 шкал.

$$A = 1/n \sum Ai$$

$$A = 0,05 \sum Ai$$

$n = 20$.

14 Ю. П. Платонов

Итак, чем выше общий коэффициент амбивалентности, характеризуется большей неопределенностью, тем отношение к данному объекту, чем ниже этот коэффициент, тем более определено отношение.

Выраженность (интенсивность) стереотипа характеризует силу стереотипа. Расчет коэффициента выраженности (S) основан на суммировании четко поляризованных пар качеств. Отдельный коэффициент выраженности по данной паре будет тем выше, чем больше расстояние между оценками качеств. Наибольший вклад в значение коэффициента выраженности вносят те пары качеств, расстояние между оценками которых на континууме выше среднего или максимального. Кроме того, подсчет коэффициентов выраженности производится с учетом знака оценок, в результате чего выявляется не просто интенсивность стереотипа, но и ее позитивная или негативная направленность (валентность).

Коэффициент выраженности по данной паре качеств определяется формулой:

$$S_i = (a_i^+ - a_i^-) / (3(1 + A_i))$$

где: a_i^+ — оценка респондентом положительного качества, a_i^- — оценка отрицательного качества, A_i — коэффициент амбивалентности данной пары качеств.

Общий коэффициент определяется на основе учета коэффициентов выраженности всех 20 шкал:

$$S = 1/n \sum S_i, \quad S = 0,05 \sum S_i$$

$n = 20$.

Направленность стереотипа выражается диагностическим коэффициентом — D . Он основан на определении знака и величины общей эмоциональной направленности субъекта по отношению к данному объекту при оценке всех качеств теста. Диагностический коэффициент определяется следующей формулой (числовое значение диагностического коэффициента близко числовому значению коэффициента выраженности, но диагностический коэффициент «более чувствителен» к изменению знака стереотипа):

$$D = (Ea^+ - Ea^-) / Ea, \quad D = (Ea_i^+ - Ea_i^-) / Ea_i$$

где: Ea^+ — сумма оценок всех положительных качеств, Ea^- — общая сумма всех оценок, Ea^- — сумма оценок всех отрицательных качеств. Обработка материалов, полученных на основе данного теста, осуществляется с помощью компьютера.

Строится таблица средних значений коэффициентов амбивалентности (A), выраженности (S) и направленности (D) самооценки, оценки «идеал», автостереотипов и гетеростереотипов.

МЕТОДИКА 9. ЦВЕТОВОЙ ТЕСТ ОТНОШЕНИЙ (Тест А. Н. Лутошкина)

Как известно, одним из центральных компонентов социально-психологической структуры личности является ее отношение к самой себе и к людям, составляющим ее непосредственное окружение. Согласно теории отношений В. Н. Мясищева, система отношений, развиваясь в течение всей жизни человека, оказывает решающее влияние на социальное функционирование личности.

Естественно поэтому, что среди методов социально-психологического исследования личности важное место принадлежит способам изучения ее отношений со значимыми другими.

Цветовой тест отношений (ЦТО) предназначен для изучения эмоциональных компонентов отношений человека к значимым для него людям и к себе и отражает как сознательный, так и частично неосознаваемый уровень этих отношений. Теоретической основой ЦТО являются теория отношений В. Н. Мясищева, идеи Б. Г. Ананьева об образной природе психических структур любого уровня и сложности, представления А. Н. Леонтьева о чувственной ткани смысловых образованных личности, регулирующие сложнейшие процессы ее общения и деятельности.

Методической основой ЦТО является цветоассоциативный эксперимент. Он базируется на предположении о том, что существенные характеристики невербальных компонентов отношений к значимым другим и к самому себе отражаются в цветовых ассоциациях. Цветоассоциативный эксперимент, согласно этому предположению, позволяет выявить достаточно глубоко, частично неосознаваемые компоненты отношений, минуя при этом искажающие защитные механизмы вербальной системы сознания.

Цветовая сенсорика весьма тесно связана с эмоциональной жизнью личности. Эта связь, подтвержденная во многих экспериментально-психологических исследованиях, давно используется в ряде психодиагностических методов (тесты Роршаха, Люшера и др.). Во всех этих методах, однако, реакция человека на цветовые стимулы использовалась как индикатор общего аффективного состояния. ЦТО отличается от этих методов своеобразным способом извлечения реакций на цветовые стимулы (ассоциативные реакции в ЦТО — в отличие от измерения порогов

или предпочтений в других тестах) и иной постановкой задачи тестового исследования (изучение конкретных отношений личности в ЦТО — в отличие от изучения ее общих свойств и состояний в других тестах).

При разработке ЦТО был использован набор цветowych стимулов из восьмицветового теста М. Люшера. Этот набор отличается достаточной компактностью, удобен в применении. При относительно небольшом количестве стимулов в нем представлены основные цвета спектра (синий, зеленый, красный, желтый), два смешанных тона (фиолетовый и коричневый) и два ахроматических цвета (черный и серый). Как показывает опыт, ассоциативные реакции на цвет весьма чувствительны к изменению его сенсорных характеристик. Поэтому возникает безусловная необходимость пользоваться во всех проводимых экспериментах строго стандартным набором цветов.

Проведение ЦТО включает в себя следующие этапы:

1. Исследователь составляет список лиц, а также понятий, имеющих для испытуемого существенное значение.

2. Перед испытуемым раскладываются на белом фоне в случайном порядке цвета. Затем исследователь просит испытуемого подобрать к каждому из людей и понятий, которые последовательно им зачитываются, подходящие цвета. Выбранные цвета могут повторяться. В случае возникновения вопросов исследователь разъясняет, что цвета должны подбираться в соответствии с характером людей, а не по их внешнему виду.

Тест имеет два варианта проведения, различающиеся по способу извлечения цветowych ассоциаций. В кратком варианте ЦТО от испытуемого требуется подобрать к каждому лицу или понятию какой-нибудь один подходящий цвет. В полном варианте испытуемый ранжирует все восемь цветов в порядке соответствия их понятию или лицу, от «самого похожего, подходящего» до «самого непохожего, неподходящего». Краткий вариант ЦТО предназначен для задач экспресс-диагностики, полный вариант — для исследовательских целей.

3. После завершения ассоциативной процедуры испытуемый ранжирует цвета в порядке предпочтения, начиная с самого «красивого», приятного для глаза, и кончая самым «некрасивым», неприятным.

4. Интерпретация результатов теста осуществляется в два этапа:

а) сопоставление цветов, ассоциируемых с определенным понятием, с их местом (рангом) в раскладке по предпочтению. Если с некоторым лицом или понятием ассоциируются цвета, занимающие первые места в раскладке по предпочтению, значит, к данному лицу или понятию испытуемый относится положительно, эмоционально принимает его, удовлетворен своим отношением к нему. И, наоборот, если с понятием или лицом ассоциируются цвета, занимающие последние места в раскладке по предпочтению, значит, испытуемый относится к нему негативно, эмоционально его отвергает. Формальным показателем этого в

кратком варианте ЦТО является ранг цвета, ассоциируемого в раскладке по предпочтению с данным понятием; эта цифра может меняться от 1 до 8. В полном варианте соответствующий показатель может быть рассчитан как коэффициент ранговой корреляции Спирмена между ассоциативной раскладкой и раскладкой по предпочтению;

б) интерпретация эмоционально-личностного значения каждой цветовой ассоциации, на основе чего может быть составлено представление о содержательных особенностях отношения.

Таким образом, ЦТО основывается на двух исходных положениях:

Первое — каждый из испытуемых цветowych стимулов обладает определенным и устойчивым эмоциональным значением;

Второе — существует закономерность переноса эмоциональных значений цветов на стимулы, с которыми они ассоциируются.

Применение данного теста прежде всего требует изучения эмоциональных значений используемых цветов. Каждый из цветов ЦТО обладает собственным, ясно определенным эмоционально-личностным значением.

«Личностные» характеристики цветов, входящих в ЦТО

1. Синий: честный, справедливый, невозмутимый, добросовестный.
2. Зеленый: черствый, самостоятельный, невозмутимый.
3. Красный: отзывчивый, решительный, энергичный, напряженный, чувствительный, сильный, обаятельный, деятельный.
4. Желтый: разговорчивый, безответственный, открытый, общительный, энергичный, напряженный.
5. Фиолетовый: несправедливый, неискренний, эгоистичный, самостоятельный.
6. Коричневый: уступчивый, завистливый, спокойный, добросовестный, расслабленный.
7. Черный: неприглядный, молчаливый, упрямый, замкнутый, эгоистичный, независимый, враждебный, нелюдимый.
8. Серый: нерешительный, вялый, расслабленный, неуверенный, несамостоятельный, слабый, пассивный.

МЕТОДИКА 10. ИЗМЕРЕНИЕ ЛОКУСА КОНТРОЛЯ

(Тест Е. Ф. Бажина, Е. А. Голынкиной,
А. М. Эткинда)

Одной из важных интегральных характеристик самопознания, связывающих чувство ответственности, готовность к активности и переживания «я», является качество личности, получившее название локуса контроля.

Согласно Д. Роттеру, одним из элементов знания о себе является гипотеза людей об источнике их достижений и неудач, успехов и поражений, положительных и отрицательных результатов. В зависимости от содержания этой гипотезы Д. Роттер предложил различать между собой людей в соответствии с тем, где они локализируют контроль над значимыми для себя событиями, или иначе: различать людей с внутренней и внешней стратегиями. Существуют два крайних типа такой локализации, или локуса контроля: интернальный и экстернальный.

В первом случае человек считает, что его достижения зависят прежде всего от его личностных качеств, таких, как компетентность, целеустремленность или уровень интеллектуальных способностей. Для него успехи и неудачи определяют не случайности или внешние условия, а собственные рациональные действия.

Во втором случае человек убежден, что его успехи и неудачи являются результатом действия внешних сил — везения, случайностей, давления окружения, других людей и т. д., на которые он не может оказывать влияние.

Существует континуум, крайними точками которого являются индивиды с ярко выраженными внешними или внутренними стратегиями. Большинство людей занимают промежуточные позиции между этими крайностями.

В соответствии с тем, какую позицию занимает на континууме индивид, ему приписывается определенное значение локуса контроля.

Локус контроля является особой личностной характеристикой, в зависимости от которой индивиды делятся на тех, кто более чувствителен к ситуационным воздействиям, и тех, чье поведение в основном определяется личными диспозициями. Принадлежность человека к тому или иному типу локализации контроля оказывает влияние на многообразные характеристики его психики и поведения.

Инструкция испытуемому. «Вам будут предложены опросник и бланк ответов. Опросник содержит 32 пункта. Каждый состоит из двух утверждений: а) и б).

Внимательно прочитав утверждения пункта, выберите то, с которым Вы больше согласны, и зачеркните в бланке ответов букву, соответствующую данному утверждению. После этого переходите к следующему пункту. Отвечайте по возможности быстро, не стоит слишком задумываться и советоваться с другими.

Нельзя зачеркивать сразу две буквы в пункте или не зачеркивать совсем. Вы должны зачеркнуть только одну букву в пункте, даже если оба утверждения не совсем Вам подходят или Вы согласны с каждым из них. Если Вы не можете сделать выбор, зачеркните любую букву из пункта, но только одну.

Опросник

1. а) Дети становятся неблагополучными, потому что родители наказывают их слишком строго.
б) В наше время неблагополучие детей зависит от того, что родители недостаточно строги к ним.
2. а) Многие несчастья в жизни людей объясняются невезением.
б) Людское невезение — результат их собственных ошибок.
3. а) Большинство недостатков в работе сферы обслуживания связано с тем, что мы плохо боремся с ними.
б) В ближайшее время улучшить работу сферы обслуживания невозможно.
4. а) К людям относятся так, как они заслуживают.
б) К несчастью, достоинства человека остаются непризнанными, как бы он ни старался.
5. а) Спокойная жизнь студента на факультете зависит от его отношения с деканатом.
б) У добросовестного студента не бывает конфликтов с учебной частью.
6. а) Идея о том, что преподаватели несправедливы к студентам, бессмысленна.
б) Большинство студентов не сознают, что их оценки в основном зависят от случайности.
7. а) Без везения никто не может преуспеть в жизни.
б) Если способный человек немногого добился в жизни, значит, он не использовал свои возможности.
8. а) Как бы вы ни старались, некоторым людям вы все равно не поярвываетесь.

- б) Люди, которые не могут понравиться другим, просто не умеют ладить с окружающими.
9. а) Настойчивость играет главную роль в определении личности.
б) Человека определяет его жизненный опыт.
10. а) Из моего опыта следует, что если что-то должно произойти, то это обязательно произойдет.
б) Я убедился, что принять решение о выполнении определенного действия лучше, чем положиться на случай.
11. а) Студент, который всегда тщательно готовится к занятиям, редко получает несправедливую оценку.
б) Заниматься систематически не обязательно, поскольку экзаменационные вопросы не связаны с курсом.
12. а) Успех приносит усердная работа, он не связан или мало связан с везением.
б) Чтобы получить хорошую работу, надо оказаться в нужном месте в нужное время.
13. а) Мнение студентов будет учтено, если оно объективно.
б) Студенты не могут оказать влияние на решение деканата.
14. а) Что бы я ни планировал, я почти всегда уверен, что мне удастся осуществить намеченное.
б) Планирование будущих действий не всегда разумно, так как многое зависит от везения.
15. а) Есть категория людей, в которых нет ничего хорошего.
б) Что-то хорошее есть в каждом.
16. а) Если принять верное решение, то достижение того, что я хочу, мало связано или совсем не связано с везением.
б) Очень часто мы можем принять решение, гадая бросив монету.
17. а) Кто станет руководителем, часто зависит от того, кому повезет оказаться в нужном месте.
б) Нужны специальные способности, чтобы заставить выполнить людей то, что необходимо.
18. а) Мировые события зависят от сил, которыми мы не можем управлять.
б) Принимая активное участие в политике и общественных делах, люди могут контролировать мировые события.
19. а) Если в общежитии скучно, значит, студком никуда не годится.
б) Будет ли жизнь в общежитии веселой и интересной — зависит от самих студентов.
20. а) Большинство людей не осознают, до какой степени их жизнь определена случайностью.
б) Не существует реально такой вещи, как везение.
21. а) Человек иногда должен признавать свои ошибки.

- б) Обычно лучше всего скрыть свои ошибки.
22. а) Трудно узнать, нравишься ли ты людям.
б) Количество друзей которых ты имеешь, зависит от того, что ты за личность.
23. а) Неприятности, которые с нами случаются, сбалансированы удачами.
б) Большинство несчастий — результат отсутствия способностей, невежества и лени.
24. а) Аспирант — это в прошлом способный, трудолюбивый студент.
б) Чтобы поступить в аспирантуру, нужны связи.
25. а) Иногда я не могу понять, на основе чего преподаватели ставят оценки.
б) Есть прямое соотношение между моим усердием и полученной оценкой.
26. а) Хороший лидер в коллективе ожидает, что каждый сам решаст, что ему делать.
б) Хороший лидер в коллективе определяет, что каждому нужно делать.
27. а) Добросовестно работая сейчас, я обеспечиваю себе будущие научные достижения.
б) Большинство крупных научных открытий — результат везения.
28. а) Много раз я чувствовал, что у меня мало влияния на события, которые со мной случаются.
б) Я не могу поверить, что везение или удача играют важную роль в моей жизни.
29. а) Люди одиноки потому, что они не стараются быть дружелюбными.
б) Не много пользы в том, чтобы стараться быть приятным людям; если ты им нравишься, то и так нравишься.
30. а) В высшей школе слишком много внимания уделяют спорту.
б) Заниматься спортом — лучшее средство воспитания характера.
31. а) То, что со мной случается, — это мои собственные действия и поступки.
б) Иногда я чувствую, что у меня нет достаточного контроля над направленностью моей жизни.
32. а) Студенты не в состоянии понять, на основе чего деканат выносит свои решения.
б) Часто студенты сами виноваты, если деканат выносит строгое решение.

Ключ

Внутренние локусные альтернативы:

2б, 3а, 4а, 5б, 6а, 7б, 8б, 10б, 11а, 12а, 13а, 14а,
16а, 17б, 18б, 19б, 20б, 22б, 23б, 24а, 25б, 27а, 28б,
29а, 31а, 32б.

Внешние локусные альтернативы:

2а, 3б, 5а, 6б, 7а, 10а, 11б, 12б, 13б,
14б, 16б, 17а, 18а, 19а, 20а, 22а, 23а, 24б,
26а, 27б, 28а, 29б, 31б, 32а.

Маскировочные пункты: 1, 9, 15, 21, 26, 30.

Порядок подсчета:

Значение локуса контроля ЛК рассчитывается по формуле

$$ЛК = (E_1 - E) : 2 \quad ЛК = 0,5\Sigma.$$

где E_1 — суммарное количество ответов, характеризующих внутренние локусные альтернативы стратегию. Эта формула может быть упрощена до такой: $ЛК = E_1 - 13$. Так как опросник содержит 26 пунктов, то значения локуса контроля укладываются в 27-балльную шкалу от -13 до 13, включая 0. Значение 13 соответствует максимальному внутреннему локусу контроля; -13 — максимальному внешнему.

МЕТОДИКА 11. ИССЛЕДОВАНИЕ ЦЕННОСТНЫХ ОРИЕНТАЦИЙ (Тест М. Рокича)

Испытуемым предлагают два списка социально-психологических ценностей, каждый из которых содержит 18 наименований. Это ценности-цели (терминальные) и ценности-средства (инструментальные), которые испытуемый должен ранжировать по их субъективной значимости для него. В списке содержатся ценности, непосредственно относящиеся к предмету изучения: учеба, приятное времяпрепровождение, самостоятельность, активность, ответственность и т. д.

Эксперимент, занимающий до 30 минут, заключается в ранжировании карточек из плотной бумаги с наименованием ценностей и обозначением на оборотной стороне «Т» или «И». Ранжируются сначала тер-

минальные, а затем инструментальные ценности. По окончания работы с карточками «Т» испытуемого просят сделать на специальном бланке с делениями от 50 до 100 отметку — насколько он уверен в том, что при повторном опыте подтвердил бы тот же порядок. Затем производится ранжирование карточек «И» и опять делается отметка об уверенности.

Карточки с наименованием ценностей предлагаются испытуемому в произвольном порядке.

Список терминальных ценностей

1. Активная, деятельная жизнь.
2. Жизненная мудрость (зрелость суждений и здравый смысл, достигаемые жизненным опытом).
3. Здоровье (физическое и психическое).
4. Интересная работа.
5. Красота природы и искусства (переживание прекрасного в природе и в искусстве).
6. Любовь (духовная и физическая близость с любимым человеком).
7. Материально обеспеченная жизнь, отсутствие материальных затруднений.
8. Наличие верных друзей.
9. Общая хорошая обстановка в стране, сохранение мира между народами (как условие благополучия каждого).
10. Общественное признание (уважение окружающих, коллектива, товарищей по учебе).
11. Познание (возможность расширения своего образования, кругозора, общей культуры, интеллектуальное развитие).
12. Равенство (равные возможности для всех).
13. Самостоятельность как независимость в суждениях и оценках.
14. Свобода как независимость в поступках и действиях.
15. Счастливая семейная жизнь.
16. Творчество (возможность творческой деятельности).
17. Уверенность в себе (свобода от внутренних противоречий, сомнений).
18. Удовольствия (жизнь, полная удовольствий, развлечений, приятно проведенного времени).

Список инструментальных ценностей

1. Аккуратность (чистоплотность, умение содержать в порядке свои вещи, порядок в делах).
2. Воспитанность (хорошие манеры, вежливость).
3. Высокие запросы (высокие притязания).
4. Жизнерадостность (чувство юмора).

5. Независимость (возможность действовать самостоятельно, решительно).
6. Непримируемость к недостаткам в себе и в других.
7. Исполнительность (дисциплинированность).
8. Образованность (широта знаний, высокая общая культура).
9. Ответственность (чувство долга, умение держать слово).
10. Рационализм (умение здраво и логично мыслить, принимать обдуманные и рациональные решения).
11. Самоконтроль (сдержанность, самодисциплина).
12. Смелость в отстаивании своего мнения, своих взглядов.
13. Твердая воля (умение настоять на своем, не отступать перед трудностями).
14. Терпимость (к взглядам и мнениям других, умение прощать другим их ошибки и заблуждения).
15. Широта взглядов (умение понять чужую точку зрения, уважать иные вкусы, обычаи, привычки).
16. Честность (правдивость, искренность).
17. Эффективность в делах (трудолюбие, продуктивность в работе).
18. Чуткость (заботливость).

МЕТОДИКА 12. ИССЛЕДОВАНИЕ ПРЕДСТАВЛЕНИЙ ЧЕЛОВЕКА О СЕБЕ И О ДРУГИХ ЛЮДЯХ (Тест Т. Лири)

Данный опросник применяется для социально-психологической диагностики личности. С этой целью дается оценка таким относительно устойчивым свойствам, которые обеспечивают деятельность человека, его социальное поведение в процессе реального взаимодействия с другими членами группы. Тест позволяет выявить уровень и направленность межличностных притязаний, зоны конфликтов, а также причины нездорового психологического климата в группе.

Тест может быть полезен при изучении соотношения представления человека о себе с представлениями о нем других членов группы, что является важным для анализа детерминант социально-перцептивных процессов.

Концептуальный анализ взаимосвязей между отдельными личностными переменными привел к созданию так называемой «круговой структуры личностных свойств», в которой ближайшие по кругу свойства обладают максимальным сходством, а диаметрально противоположные — минимальным. Дискорама 16 личностных свойств, попарно объединенных в 8 основных секторов (октант) и определенным образом ориентированных относительно двух главных осей (доминирование-подчинение, дружелюбие-агрессивность), стала основой системы межличностной психодиагностики Лири.

Октанты характеризуют следующие психологические тенденции:

- 1) тенденция к лидерству — властность — деспотизм;
- 2) уверенность в себе — самоуверенность — самовлюбленность;
- 3) требовательность — непримируемость — жестокость;
- 4) скептицизм — упрямство — негативизм;
- 5) уступчивость — кротость — пассивная подчиняемость;
- 6) доверчивость — послушность — зависимость;
- 7) добросердечие — несамостоятельность — чрезмерный конформизм;
- 8) отзывчивость — бескорыстие — жертвенность.

Инструкция к тесту. Необходимо ответить на утверждение в виде «да» или «нет».

1. Способный к сотрудничеству, взаимопомощи.
2. Уверен в себе.
3. Пользуется уважением других.
4. Не терпит, чтобы им командовали.
5. Откровенный.
6. Жалобщик.
7. Часто прибегает к помощи других.
8. Ищущий одобрения.
9. Доверчив и стремится радовать других.
10. Любит ответственность.
11. Производит впечатление значительности.
12. Обладает чувством достоинства.
13. Стремится подбодрить.
14. Благодарный.
15. Злой, жестокий.
16. Хвастливый.
17. Свокорыстный.
18. Способен признать свою неправоту.
19. Деспотичный.
20. Умеет настоять на своем.

21. Великодушен и терпим к недостаткам.
22. Начальственно-повелительный.
23. Стремится покровительствовать.
24. Способен вызвать восхищение.
25. Предоставляет другим принимать решение.
26. Прощает все.
27. Кроткий.
28. Может проявить безразличие.
29. Бескорыстный.
30. Любит давать советы.
31. Зависимый, несамостоятельный.
32. Самоуверен и напорист.
33. Ожидает восхищения от каждого.
34. Часто печален.
35. На него трудно произвести впечатление.
36. Общительный и уживчивый.
37. Открытый и прямолинейный.
38. Озлобленный.
39. Любит подчиняться.
40. Распоряжается другими.
41. Способен быть критичным к себе.
42. Щедрый.
43. Всегда любезен в обращении.
44. Уступчивый.
45. Застенчивый.
46. Любит заботиться о других.
47. Думает только о себе.
48. Покладистый.
49. Отзывчивый, всегда придет на помощь.
50. Умеет распоряжаться, приказывать.
51. Часто разочаровывается.
52. Неумолимый, но беспристрастный.
53. Часто гневлив.
54. Критичен к другим.
55. Всегда дружелюбен.
56. Сноб (судит о людях по рангу и достатку, а не по личным качествам).
57. Способен проявлять недоверие.
58. Очень почитает авторитеты.
59. Ревнивый.
60. Любит поплакаться.
61. Робкий.
62. Обидчивый, шепетильный.

63. Часто недружелюбен.
64. Властный.
65. Безынициативный.
66. Способен быть суровым.
67. Деликатный.
68. Всем симпатизирует.
69. Деловой, практичный.
70. Переполнен чрезмерным сочувствием.
71. Внимательный и ласковый.
72. Хитрый и расчетливый.
73. Дорожит мнением окружающих.
74. Надменный и самодовольный.
75. Чрезмерно доверчив.
76. Готов довериться любому.
77. Легко смущается.
78. Независимый.
79. Эгоистичный.
80. Нежный, мягкосердечный.
81. Легко поддается влиянию других.
82. Уважительный.
83. Производит впечатление на окружающих.
84. Добросердечный.
85. Охотно принимает советы.
86. Обладает талантом руководителя.
87. Легко попадает впросак.
88. Долго помнит обиды.
89. Легко поддается влиянию друзей.
90. Проникнут духом противоречия.
91. Портит людей чрезмерной добротой.
92. Слишком снисходителен к окружающим.
93. Тщеславный.
94. Стремится снискать расположение каждого.
95. Восхищающийся, склонный к подражанию.
96. Охотно подчиняется.
97. Со всеми соглашается.
98. Заботится о других в ущерб себе.
99. Раздражительный.
100. Стыдливый.
101. Отличается чрезмерной готовностью подчиняться.
102. Дружелюбный, доброжелательный.
103. Добрый, вселяющий уверенность.
104. Холодный, черствый.

105. Стремящийся к успеху.
106. Нетерпим к ошибкам других.
107. Благорасположен ко всем без разбора.
108. Строгий, но справедливый.
109. Всех любит.
110. Любит, чтобы его опекали.
111. Почти никогда и никому не возражает.
112. Мягкотелый.
113. Другие думают о нем благосклонно.
114. Упрямый.
115. Стойкий и крутой, где надо.
116. Может быть искренним.
117. Скромный.
118. Способен сам позаботиться о себе.
119. Скептичен.
120. Язвительный, насмешливый.
121. Навязчивый.
122. Злопамятный.
123. Любит соревноваться.
124. Стремится ужиться с другими.
125. Неуверенный в себе.
126. Старается утешить каждого.
127. Склонен к самобичеванию.
128. Бесчувственный, равнодушный.

Ключ к опроснику

Номера октант

I	3, 10, 11, 19, 20, 22, 24, 30, 33, 40, 50, 64, 83, 86, 105, 113
II	2, 12, 16, 28, 32, 47, 56, 69, 72, 74, 78, 79, 93, 104, 118, 123
III	5, 15, 17, 37, 52, 53, 54, 63, 66, 69, 99, 106, 108, 115, 116, 120, 128
IV	4, 6, 34, 35, 38, 51, 57, 59, 60, 62, 88, 89, 90, 114, 119, 122
V	18, 27, 4, 44, 45, 48, 61, 65, 77, 96, 100, 101, 112, 117, 125, 127
VI	9, 7, 8, 14, 25, 31, 39, 39, 75, 82, 85, 87, 95, 110, 111, 121
VII	1, 3, 6, 43, 55, 68, 71, 73, 76, 81, 84, 94, 97, 102, 107, 109, 124
VIII	13, 21, 23, 26, 29, 42, 46, 49, 67, 70, 80, 91, 92, 98, 103, 126.

На первом этапе обработки данных производится подсчет баллов. Количество баллов равно количеству ответов «да» по каждой октанте с помощью ключа к опроснику, а результаты заносятся в таблицу.

На втором этапе полученные баллы переносятся на круговую диаграмму, при этом расстояние от центра круга соответствует количеству баллов по данной октанте (минимальное значение — 0, максимальное —

16). Концы таких векторов соединяются и образуют профиль, отражающий представление о личности данного человека. Очерщенное пространство заштриховывается. Для каждого представления строится отдельная круговая диаграмма, на которой оно характеризуется по выражению признаков каждой октанты.

На третьем этапе обработки по специальным формулам определяются показатели по двум основным параметрам: «Доминирование» и «Дружелюбие».

$$\begin{aligned} \text{Доминирование} &= I-V + 0,7 \cdot (VIII+II-IV-VI), \\ \text{Дружелюбие} &= VII-III + 0,7 \cdot (VIII-II-IV+VI), \end{aligned}$$

где римские цифры обозначают номера октант, а арифметические действия производятся с баллами, полученными по каждой октанте.

Следовательно, система баллов по 16 межличностным переменным превращается в два цифровых индекса, которые характеризуют то или иное представление субъекта по параметрам «Доминирование» и «Дружелюбие». Качественный анализ полученных данных проводится путем сравнения круговых диаграмм, наглядно демонстрирующих направление и степень различий между теми или иными представлениями. Количественный анализ производится путем сопоставления числовых показателей по параметрам «Доминирование» и «Дружелюбие».

Данные параметры определяют общее впечатление о человеке в процессах межличностного восприятия, выступают главными компонентами при анализе стиля межличностного поведения, а также при анализе групп.

Утверждения, располагаемые в случайном порядке, могут быть предъявлены испытуемому либо списком, либо на отдельных карточках. Ему предлагают решить, относится то или иное утверждение к нему самому, другому человеку, к его идеалу и т. д. При предъявлении списка подсчет баллов по каждой октанте производится с помощью ключа к опроснику путем суммирования ответов «да». Затем результаты могут быть нанесены на дискотграмму с помощью заштриховывания октант пропорционально полученным по ним баллам. По приведенным уже формулам определяются показатели по параметрам «Доминирование» и «Дружелюбие».

Таким образом, мы получаем индивидуальный профиль качеств личности.

МЕТОДИКА 13. ИЗМЕРЕНИЕ НОРМАТИВНЫХ ПРЕДПОЧТЕНИЙ В ГРУППЕ

(Тест О. И. Комиссаровой)

Данный тест предназначен для исследования предпочтения индивидом различных типов норм, регулирующих процесс межличностного восприятия в группах со сложившейся системой межличностных отношений. Тест позволяет выделить два типа нормативных предпочтений: коммуникативный и деловой. На основе выделенных нормативных предпочтений у индивидов в группе складываются два типа нормативных ожиданий, которые предъявляются субъекту восприятия: коммуникативное и функциональное. Знание нормативных ожиданий помогает исследователю в объяснении ошибок, возникающих при восприятии другого, и позволяет более адекватно описывать процесс социальной регуляции поведения в группе.

Данный тест можно рассматривать и как один из инструментов, позволяющих прогнозировать поведение индивидов в группе. Применяя дополнительно другие методики, можно ответить на вопросы: как строится процесс межличностного восприятия на основе нормативных ожиданий? почему это происходит и что можно изменить в поведении индивидов?

К процедуре исследования предъявляется ряд требований.

1. Исследование проводится в группе со сложившейся системой отношений, срок существования группы — не меньше 1 года.
2. Группа должна иметь известный опыт совместной деятельности.
3. Опросные листы заполняются каждым испытуемым индивидуально.

Методика состоит из опросного листа, содержащего 51 вопрос, и ключа. Исследователь раздает испытуемым опросные листы и зачитывает инструкцию:

«Перед Вами опросный лист, содержащий ряд высказываний. Если Вы согласны с высказываниями, то поставьте знак «+»; если нет, то «-». В отдельных случаях допускается знак «минус-плюс», если Вы не уверены в ответе».

Опросный лист

1. Самое большое удовлетворение люди получают от высокой оценки своей работы.

2. Счастливы лишь те люди, которые приобрели в жизни настоящих друзей.
3. Все спортсмены стремятся к известности.
4. Рациональные люди часто страдают от дефицита общения.
5. Я не считаю себя человеком бескорыстным.
6. Лучшими преподавателями я считаю тех, кто хорошо знает свой предмет.
7. Каждый должен вести себя так, чтобы не вызывать недовольство окружающих.
8. Успехи студента зависят от его добросовестного отношения к своим обязанностям.
9. Любое дело никогда не заменит радости человеческого общения.
10. Иногда мне доставляет удовольствие посплетничать.
11. Чтобы нравиться другим, надо хорошо делать свое дело.
12. На работе между коллегами должны быть только деловые отношения.
13. Самое страшное для человека — чувство одиночества.
14. Когда я был ребенком, я любил, чтобы меня хвалили.
15. Большинство людей использует работу в группе как возможность проявить себя, получить оценку со стороны.
16. Лучшими друзьями человек считает тех, кто его понимает.
17. Основная роль школы должна заключаться в подготовке учеников к правильному выбору профессии.
18. Человек испытывает необычайный прилив сил, когда работает с симпатичными ему людьми.
19. Я помогаю только тем людям, к которым хорошо отношусь.
20. Я предпочитаю вести по телефону только деловые разговоры.
21. Мне не нравятся учреждения, где в интересах дела забывают об интересах сотрудников.
22. Критика моей работы окружающими отрицательно влияет на результаты.
23. Свободное время необходимо проводить в общении с друзьями.
24. Я стараюсь спланировать свой будущий день.
25. Хороший руководитель — прежде всего специалист в своей области.
26. Для большинства работа в группе — еще одна возможность пообщаться с новыми людьми.
27. Я предпочитаю книги о жизни известных людей.
28. Коллеги на работе должны быть в товарищеских отношениях.
29. Мне тяжело работать с людьми, которые не умеют сдерживать свои чувства.
30. Школа прежде всего должна воспитывать в учениках лучшие человеческие качества.

31. Мои лучшие друзья должны много знать и уметь.
32. Я часто говорю с другими о вещах, никак не связанных с моими деловыми интересами.
33. Человек способен на большие дела лишь тогда, когда его усилия достаточно вознаграждаются.
34. Ухудшение товарищеских отношений на работе отрицательно сказывается на деятельности сотрудников.
35. Я считаю, что ради дела можно пожертвовать отношениями сотрудников.
36. В незнакомой компании меня привлекают общительные люди.
37. Хороший руководитель прежде всего создает на работе атмосферу взаимопонимания.
38. Свободное время необходимо использовать для самообразования и любимых дел.
39. Успехи студента в значительной степени зависят от отношений с людьми, окружающими его в вузе.
40. Я считаю прямых и откровенных людей бестактными.
41. При условии одинакового финансового успеха я предпочел бы принять участие в конкурсе, чем организовывать его.
42. Самое большое удовольствие человек получает от сознания того, что находится в кругу близких друзей.
43. Люди слишком много времени тратят на выяснение отношений.
44. Я часто сужу о людях по первому впечатлению.
45. В жизни человек должен надеяться только на себя.
46. Главная задача учителя — построить хорошие взаимоотношения между учащимися.
47. Мне бывает трудно признать свои ошибки.
48. Люди, посвятившие жизнь любимому делу, достойны восхищения.
49. Для человека большое удовольствие — быть душой компании.
50. Мне всегда тяжело разочаровываться в людях.

Обработка результатов

Для удобства обработки результатов необходимо выделить номера вопросов, положительные ответы на которые позволяют предполагать наличие у индивида определенного типа нормативного предпочтения.

Вопросы 1, 3, 6, 8, 11, 13, 16, 18, 21, 23, 25, 26, 28, 30, 32, 34, 36, 39, 42, 44, 46, 49 связаны со сферой деловых предпочтений. Положительные ответы на эти вопросы позволили бы со 100%-ной вероятностью отнести нормативные предпочтения индивида к деловой сфере.

Вопросы 2, 4, 7, 9, 12, 14, 17, 19, 22, 24, 27, 29, 31, 33, 35, 37, 38, 40, 43, 47, 50, 51 связаны со сферой коммуникативных предпочтений. Кроме того, опросный лист имеет так называемую «шкалу искренности»,

которая включает в себя вопросы 5, 10, 15, 20, 45, 48. Пять отрицательных ответов и более по этой шкале позволяют судить о неискренности испытуемого.

Подсчитав количество положительных ответов по каждому типу нормативного предпочтения, результаты, полученные по каждому индивидуальному опросному листу, заносятся в таблицу, которая позволяет судить о соотношении различных типов нормативных предпочтений в группе.

МЕТОДИКА 14. ИЗМЕРЕНИЕ СОЦИОМЕТРИЧЕСКОГО СТАТУСА (Диагностика межличностных отношений на основе теста субъективных предпочтений Д. Морено)

Суть социометрического теста — субъективные межличностные предпочтения (выборы) членов группы по определенным сферам (учеба, совместная работа, совместное проведение свободного времени, отдых). На основе полученного членом группы числа субъективных выборов определяются индивидуальный социометрический статус индивида (лидер, отверженный, изолированный), эмоциональная экспансивность, структура межличностных отношений, сплоченность группы и т. д.

1. Коллектив представляет собой ограниченное множество людей (N), объединенных общей целью. Коллектив может состоять из некоторого числа K групп.

2. Сплоченность рассматривается как стремление членов коллектива или группы к взаимному сотрудничеству. Мера стремления может быть определена по результатам социометрического теста.

3. Полностью сплоченным коллективом называется такой, в котором общая сумма числа выборов равна разности $N^2 - N$. Это имеет место в тех редких случаях, когда каждый член коллектива выбирается всеми другими.

4. Сплоченным коллективом называется такой, в котором

$$\sum b > (N^2 - N)/2.$$

5. Признаком сплоченности может обладать не весь коллектив, а отдельная группа или группы (подгруппы); группа полностью сплочена при условии $\Sigma b = n^2 - n$.

6. По итогам социометрического теста составляется матрица оценок: те, кто выбирает (*i*), располагаются в матрице по строкам, кого выбирают (*j*) — по столбцам. Если *i* выбирает *j*, то соответствующий элемент матрицы $x_{ij} = 1$.

В случае, когда *i* не выбирает *j*, $x_{ij} = 0$ (в матрице нули опускаются).

7. Число выборов членов *i* не ограничивается и колеблется от 0 до $n - 1$. Сумма возможных выборов в группе $<n^2 - n$.

8. Полностью сплоченной группой называется такая, где

$$\Sigma b = n^2 - n.$$

Отсюда вытекает наличие обязательного взаимного выбора между всеми ее членами. Если никто из них не выбирает членов других групп, то такую совокупность называют сплоченной и замкнутой группой.

9. Если *j* имеет наибольшее число выборов и является формальным руководителем, то он называется лидером. Если *j* имеет наибольшее число выборов и является рядовым членом, назовем его «любимцем». И тот и другой рассматриваются как лица, наиболее приобщенные к группе.

10. Если *i* и *j* принадлежат к разным группам, но выбирают только друг друга, тогда имеет место замкнутая неформальная группа.

11. Если *i* никого не выбирает, то это «индивидуалист». Если *i* никто не выбирает, но он выбирает по меньшей мере одного, то это «примкнувший» член. Если никто не выбирает *i* и он никого не выбирает, то это «изолят». «Индивидуалистов», «изолятов» и «примкнувших» назовем периферическими членами.

12. Чем меньше «изолятов» и «индивидуалистов», тем выше сплоченность группы. Мера сплоченности группы (*A*) определяется по формуле:

$$A = \Sigma b / (n^2 - n).$$

Мера сплоченности группы (*A*) определяется:

13. Если *j* выбирают в своей группе и по меньшей мере еще в одной группе, назовем его «признанным членом коллектива». Если *j* выбирают только в своей группе — «признанным членом группы».

14. «Центральным» членом коллектива назовем того, которого выбирают чаще, чем другого, в том числе представители разных групп.

15. Если *i* никого не выбирает в своей формальной группе, но делает выбор в коллективе, назовем его «внегрупповым членом».

16. Если *i* выбирает только в своей формальной группе, назовем его «внутригрупповым членом».

17. Если *j* выбирают члены всех групп, то он называется «маргинальным» членом.

18. Если в коллективе выбор осуществляется только в пределах своих групп, то имеет место расщепление коллектива по изолированным группам.

19. Если число выборов внутри группы больше выборов вне группы, то такую группу называют устойчивой.

МЕТОДИКА 15. ИЗМЕРЕНИЕ СОЦИАЛЬНО-ТРУДОВОЙ АКТИВНОСТИ (Тест Ю. П. Платонова)

При исследовании трудовых коллективов, состоящих из людей разных национальностей, важно выявить психологические факторы, способствующие или препятствующие слаженной совместной работе. Деятельность полиэтнической группы усложняется в результате влияния этнокультурных особенностей членов группы. Возможны трудности, конфликты, недоразумения, связанные с различным пониманием и толкованием людьми разных национальностей целей, мотивов, этнических чувств, отношений к работе и людям, организации труда и пр.

Данная методика, апробированная автором в различных социальных и этнических группах, позволяет измерить социально-трудовую активность полиэтнической группы. В целом активность группы характеризуется такими психологическими параметрами, как целенаправленность, мотивированность, эмоциональность, стрессоустойчивость, коллективность, интегративность и организованность.

Инструкция испытуемому. «В Вашем коллективе работают люди разных национальностей, в том числе и _____. Отметьте свое мнение о совместной с ними работе по 7-балльной шкале, отвечая на вопрос: «Как Вы думаете, они...»

Шкала целенаправленности раскрывает готовность группы к достижению групповых целей в процессе совместного взаимодействия. Цель взаимодействия является необходимым стимулом внутригрупповой активности.

Шкала мотивированности описывает особенности активного, заинтересованного действенного отношения членов группы к этносоциальному взаимодействию.

Шкала эмоциональности выявляет чувственное отношение к членам группы, формируемое под влиянием различных этносоциальных факторов. Эмоциональность проявляется прежде всего в удовлетворенности членов группы степенью реализации выдвинутых целей.

Шкала стрессоустойчивости характеризует способность этнической группы согласованно и быстро мобилизовать эмоционально-волевой потенциал для противодействия различного рода деструктивным воздействиям.

Шкала коллективности определяет способность этнической группы к совместному достижению результата деятельности, к созданию отношений взаимопомощи и поддержки.

Шкала интегративности раскрывает способы, применяемые в группе для создания общности, единства целей и интересов, внутригрупповых норм и традиций.

Шкала организованности показывает уровень самоорганизации группы, степень исполнительности, дисциплины, требовательности к себе и другим.

Обработка результатов. Психологические параметры социально-трудовой активности оцениваются через набор признаков (по 10 признаков каждого параметра). Для оценки предлагается 7-балльная система, где 7 баллов означает максимальную оценку признака, а 1 балл — минимальную. Максимальная оценка по всему опроснику в баллах равна 490, а минимальная — 70. По сумме признаков группу можно отнести к одному из четырех уровней социально-трудовой активности.

Высший, **продуктивный, уровень** (от 386 баллов и выше) — группа превышает нормативные показатели.

Нормативный уровень (от 245 до 385 баллов) — группа соответствует заданным параметрам социально-экономической деятельности.

Репродуктивный уровень (от 105 до 244 баллов) — группа не соответствует заданным параметрам социально-экономической деятельности.

Низший, **деструктивный, уровень** (ниже 105 баллов) — группа дезорганизована, имеют место деструктивные конфликты.

1. Шкала целенаправленности	7 6 5 4 3 2 1
1.1. Считают, что главное — это высокие результаты труда	7 6 5 4 3 2 1
1.2. Считают, что необходимо рационально использовать рабочее время	7 6 5 4 3 2 1
1.3. Считают, что необходимо качественно выполнять работу	7 6 5 4 3 2 1
1.4. Считают, что необходимо проявлять бережливость и трудолюбие	7 6 5 4 3 2 1
1.5. Считают, что в работе необходимо взаимопонимание	7 6 5 4 3 2 1
1.6. Считают, что в работе необходимо взаимодействие	7 6 5 4 3 2 1
1.7. Считают, что работа должна приносить пользу обществу	7 6 5 4 3 2 1
1.8. Считают, что в работе главное — единство	7 6 5 4 3 2 1

1.9. Считают, что главное — высокая организованность труда	7 6 5 4 3 2 1
1.10. Считают, что важно достижение не столько личных, сколько коллективных целей	7 6 5 4 3 2 1
2. Шкала мотивированности	
2.1. Стремятся достичь максимально возможных результатов	7 6 5 4 3 2 1
2.2. Стремятся получить как можно большее материальное вознаграждение	7 6 5 4 3 2 1
2.3. Стремятся развивать свои трудовые умения и навыки	7 6 5 4 3 2 1
2.4. Стремятся активно участвовать в делах коллектива	7 6 5 4 3 2 1
2.5. Стремятся принести пользу своему коллективу	7 6 5 4 3 2 1
2.6. Стремятся проявить свои лучшие качества	7 6 5 4 3 2 1
2.7. Стремятся лучше разобраться в выполняемой работе	7 6 5 4 3 2 1
2.8. Стремятся проявить высокую работоспособность	7 6 5 4 3 2 1
2.9. Стремятся получить признание окружающих	7 6 5 4 3 2 1
2.10. Стремятся решить свои личные проблемы	7 6 5 4 3 2 1
3. Шкала эмоциональности	
3.1. Удовлетворены взаимоотношениями в коллективе	7 6 5 4 3 2 1
3.2. Удовлетворены взаимоотношениями с руководителями	7 6 5 4 3 2 1
3.3. Удовлетворены результатами своего труда	7 6 5 4 3 2 1
3.4. Удовлетворены отношениями к делу своих товарищей	7 6 5 4 3 2 1
3.5. Удовлетворены своими обязанностями	7 6 5 4 3 2 1
3.6. Удовлетворены тем, что работают в этом коллективе	7 6 5 4 3 2 1
3.7. Удовлетворены условиями труда	7 6 5 4 3 2 1
3.8. Удовлетворены возможностью достичь желаемых результатов	7 6 5 4 3 2 1
3.9. Удовлетворены тем, как организована работа	7 6 5 4 3 2 1
3.10. Удовлетворены материальным вознаграждением своего труда	7 6 5 4 3 2 1
4. Шкала стрессоустойчивости	
4.1. Заботливы и чутки друг к другу в работе	7 6 5 4 3 2 1

4.2. Осуждают нарушителей трудовой дисциплины	7 6 5 4 3 2 1
4.3. В затруднительных ситуациях проявляют сдержанность	7 6 5 4 3 2 1
4.4. Проявляют такт и уважение друг к другу	7 6 5 4 3 2 1
4.5. Спорные вопросы решают с учетом мнений всех сторон	7 6 5 4 3 2 1
4.6. Хорошо информированы о результатах своего труда	7 6 5 4 3 2 1
4.7. Не делают оскорбительных замечаний	7 6 5 4 3 2 1
4.8. Объективно оценивают свои успехи и неудачи	7 6 5 4 3 2 1
4.9. Доброжелательны друг к другу	7 6 5 4 3 2 1
4.10. С пониманием относятся к трудностям в работе руководителя	7 6 5 4 3 2 1
5. Шкала коллективности	
5.1. Проявляют высокую работоспособность	7 6 5 4 3 2 1
5.2. Инициативны и деловиты в работе	7 6 5 4 3 2 1
5.3. Добросовестно относятся к своим обязанностям	7 6 5 4 3 2 1
5.4. Критически относятся к недостаткам	7 6 5 4 3 2 1
5.5. Исполнительны и дисциплинированы в работе	7 6 5 4 3 2 1
5.6. Заинтересованы в своей работе	7 6 5 4 3 2 1
5.7. Требовательны в работе к себе и другим	7 6 5 4 3 2 1
5.8. Ответственно относятся к своим обязанностям	7 6 5 4 3 2 1
5.9. Трудолюбивы и бережливы в работе	7 6 5 4 3 2 1
5.10. Проявляют соревновательную активность	7 6 5 4 3 2 1
6. Шкала интегративности	
6.1. Осуждают проявления индивидуализма в совместной работе	7 6 5 4 3 2 1
6.2. Возникающие в работе проблемы решают сообща	7 6 5 4 3 2 1
6.3. Личные интересы подчиняют интересам коллектива	7 6 5 4 3 2 1
6.4. Не равнодушны, если возникают помехи в трудовой деятельности	7 6 5 4 3 2 1
6.5. Придерживаются общих норм поведения	7 6 5 4 3 2 1
6.6. Поддерживают полезные для дела начинания	7 6 5 4 3 2 1
6.7. Верят в большие возможности коллективного труда	7 6 5 4 3 2 1
6.8. Оказывают сопротивление силам, мешаю-	7 6 5 4 3 2 1

	щим трудовому процессу	
6.9.	Поддерживают хорошие трудовые традиции	7 6 5 4 3 2 1
6.10.	Забьются о результатах совместного труда	7 6 5 4 3 2 1
7.	Шкала организованности	
7.1.	Хорошо знают свои обязанности	7 6 5 4 3 2 1
7.2.	Деловые вопросы решают должным образом	7 6 5 4 3 2 1
7.3.	Понимают общие цели деятельности	7 6 5 4 3 2 1
7.4.	Как руководители — авторитетные организаторы	7 6 5 4 3 2 1
7.5.	Должным образом ведут дела	7 6 5 4 3 2 1
7.6.	Хорошо выполняют свои производственные обязанности	7 6 5 4 3 2 1
7.7.	Организованны и дисциплинированы	7 6 5 4 3 2 1
7.8.	В критических ситуациях могут действовать быстро и организованно	7 6 5 4 3 2 1
7.9.	Важные для дела решения обсуждаются в коллективе	7 6 5 4 3 2 1
7.10.	С доверием относятся к руководителям	7 6 5 4 3 2 1

ЭТНОПСИХОЛОГИЧЕСКИЙ ГЛОССАРИЙ

- Автономизация** — становление самобытности, уникальности этноса.
- Автостереотипы** — устойчивые представления этноса о своих качествах.
- Адаптация этническая** — приспособление индивида или группы к условиям этнической среды.
- Акультурация** — процесс приобретения одним этносом тех или иных форм культуры другого народа, происходящий в результате общения этих народов.
- Акметическая фаза** — вторая фаза этногенеза, в которой пассионарная напряженность достигает максимума, период гражданских войн и смут (Л. Н. Гумилева).
- Анимизм** — вера в духовные существа, души и духов, одна из первичных форм религии.
- Антропogenesis** — учение о происхождении человека.
- Апартеид** — принцип раздельного проживания представителей различных этнорасовых групп.
- Архетип** — неосознаваемая базовая схема представлений, тенденция к образованию общих для людей представлений независимо от их этнической принадлежности, языка, культурных традиций, уровня психического развития и т. д.
- Ассимиляция** — тип этнических процессов, представляющих собой взаимодействие двух этносов, в результате которого один из них поглощается другим и утрачивает этническую идентичность. Может происходить как естественным, так и насильственным путем.
- Беженец** — лицо, вынужденное под угрозой жизни эмигрировать в другое государство и получающее там, в соответствии с международными договорами (Конвенция 1951 г., Протокол 1967 г. и др.) и национальным законодательством, определенный статус.
- Билингвизм** — функционирование двух языков для обслуживания нужд этнического коллектива и его отдельных членов; отличается от простого знания еще одного языка наравне с родным и предполагает возможность пользоваться разными языками в различных жизненных ситуациях.
- Брак** — форма отношений между мужчиной и женщиной, санкционируемая и регулируемая государством, церковью, обществом в целом.
- Брахикефалы** — люди, у которых отношение ширины черепа к его длине («головной указатель») больше 80%.

- Брачный возраст** — возраст, начиная с которого закон или обычай допускает вступление в брак.
- «Брачный рынок»** — система соотношений численностей различных групп бракоспособного населения, способного к заключению брака.
- Брутто-коэффициент воспроизводства населения** — сводная характеристика воспроизводства населения. Представляет собой среднее количество девочек, которое родила бы одна женщина в возрасте от 15 до 49 лет при отсутствии смертности детей и при сохранении в каждом возрасте уровня рождаемости этих лет.
- «Бэби-бум»** — значительное увеличение рождаемости, наблюдаемое, в частности, после Второй мировой войны (1946–1964 гг.), в США, Канаде и ряде других государств и обусловленное компенсационным ростом отложенных на военное время рождений.
- «Бэби-спад»** — период, следующий за «бэби-бумом» и характеризующийся быстрым снижением рождаемости до рекордно низкого уровня (что, в частности, имело место в конце 1960-х гг. в США, Канаде и некоторых других странах).
- Валовая миграция** — общая численность мигрантов, включающая в себя как прибывающих в страну, так и выбывающих из нее за определенный промежуток времени.
- Внебрачная рождаемость** — рождаемость, обусловленная рождением детей женщинами, не состоящими на этот момент в браке.
- Воспроизводство населения** — постоянное обновление народонаселения в результате процессов рождаемости и смертности, а для отдельных регионов — и миграции. В более узком понимании — возобновление поколений людей (сменяемость поколений) в результате рождений и смертей. Выделяют суженное, простое и расширенное воспроизводство населения.
- Вынужденная миграция** — переселение людей как за пределы той или иной страны, так и внутри нее, обусловленное причинами (политическими, национальными, расовыми, военными, экологическими), ставящими под угрозу человеческую жизнь и требующими быстрого решения о миграции. В рамках В. м. выделяют беженцев, перемещенных лиц (вынужденных переселенцев, депортированных), экологических беженцев, лиц, ищущих политического убежища.
- Вынужденный переселенец** — лицо, вынужденное под угрозой жизни покинуть постоянное место жительства в пределах страны. Этот термин, введенный законодательством РФ, соответствует международному понятию «перемещенное лицо».
- Геноцид** — истребление отдельных групп населения по расовым, национальным или религиозным мотивам.

- Геополитика** — наука о географической детерминации этнополитических процессов в государстве и о межгосударственных отношениях.
- Геостратегия** — военные аспекты геополитики.
- Геронтология** — отрасль научного знания о продолжительности жизни и старении живых организмов применительно к развитию наций и национальных взаимоотношений.
- Гетерогенность** — неоднородность этноса по составу населения.
- Гетто** — первоначально часть города, отведенная для поселения евреев; обозначение района города, в котором селятся определенные этнические меньшинства, нередко дискриминируемые или испытывающие социальный дискомфорт в иноэтническом окружении.
- Гомеостатический этнос** — этнос, находящийся в состоянии равновесия с природой, относящийся к ней бережно.
- Гомогенность** — однородность этноса по составу населения.
- Город** — место жизнедеятельности больших масс населения, занятых несельскохозяйственной деятельностью, отнесенное в соответствии с законодательством стран к категории городов. Для разных стран критерии отнесения поселений к городским существенно различаются, в России таковыми считаются населенные пункты с количеством жителей не менее 12 тысяч человек, в которых доля рабочих, служащих и членов их семей в населении составляет не менее 85%.
- Городская агломерация** — сложная, многокомпонентная система, объединяющая группу поселений вокруг крупного города.
- Государство-нация** — светское государство с ярко выраженным централизмом. Политическое образование, в котором государственные формы приводят к рождению этноса и его культуры.
- Движение народонаселения** — изменение количественных и качественных характеристик народонаселения. Выделяют три вида Д. н.: естественное, миграционное и социальное.
- Демография** — практическое применение демографической информации в бизнесе, маркетинге.
- Демографическая политика** — целенаправленная деятельность государственных органов и других социальных институтов в сфере регулирования процессов воспроизводства населения.
- Демографическая статистика** — совокупность данных о демографических процессах и динамике изменения численности населения, а также статистические методы, используемые для анализа этих данных.
- Демографические индексы** — показатели, характеризующие интенсивность демографического процесса в данном населении по сравнению с другим населением, принимаемым за эталон (стандарт).

- Демографические таблицы** — числовые модели, отображающие изменение интенсивности соответствующего демографического события в зависимости от собственного времени когорты и изменения численности самой когорты под воздействием разных процессов (таблицы смертности, рождаемости, брачности и др.).
- Демографический взрыв** — быстрый рост численности мирового населения, обусловленный сохранением относительно высокой рождаемости и резким снижением смертности (например, высокие темпы роста численности населения, 2,5–3,5% в год, наблюдаемые с конца 1950-х гг. в развивающихся странах).
- Демографический кризис** — резкое уменьшение численности народонаселения, обусловленное, в частности, депопуляцией.
- Демографический переход** — переход от традиционного типа воспроизводства населения, для которого характерны максимально высокие рождаемость и смертность и низкая миграционная подвижность, к современному типу воспроизводства населения с максимально низкими рождаемостью и смертностью и высокой миграционной подвижностью. Можно выделить три составляющие Д. п.: «наталистический переход», определяющий переход от естественной рождаемости (то есть не регулируемой супругами) к контролируемой рождаемости (то есть регулируемой прежде всего на внутрисемейном уровне); «эпидемиологический переход», характеризующий снижение смертности, переход от экзогенных (внешних) к эндогенным (внутренним) причинам смерти; «миграционный переход», объясняющий эволюционные изменения в направлениях и масштабах миграции населения, переход к интенсивным формам и видам миграционного движения.
- Демография** — наука о народонаселении, изучающая воспроизводство населения, численность, структуру и расселение населения, происходящие в них изменения, причины и последствия этих изменений.
- Демополитика** — влияние демографических параметров на структуру государства.
- Депопуляция** — систематическое уменьшение численности населения как следствие суженного воспроизводства, когда последующие поколения численно меньше предыдущих, смертность превышает рождаемость, высока численность эмигрантов.
- Депортация** — насильственное переселение населения в пределах страны или за пределы страны или выселение определенной группы.
- Десегрегация** — устранение сегрегации, отказ от политики, разделяющей население по расовому признаку.
- Дезэтнизация** — процесс потери этносом или его отдельными представителями своих этнических черт; начинается с потери родного языка, затем национального самосознания и этнической идентификации.

- Диаспора** — часть населения города, проживающая вне страны своего происхождения. Диаспоры образовывались в результате насильственного выселения, угрозы геноцида и других социальных причин.
- Дивергенция этническая** — распад этнической системной целостности с потерей ощущения комплиментарности на заданном уровне этнической иерархии.
- Динамический этнос** — этнос, развивающийся за счет покорения и разрушения природы.
- Дискриминация** — ограничение или лишение прав определенной категории граждан по признаку расовой или национальной принадлежности, по признаку пола, по религиозным и политическим убеждениям и т. д.
- Долюксофалы** — люди, у которых отношение ширины черепа к его длине («головной указатель») меньше 75,9%.
- Домохозяйство** — группа людей, совместно проживающих и ведущих общее домашнее хозяйство, имеющих общие интересы и обязанности. В отличие от семьи, отношения родства между членами домохозяйства не обязательны; более того, оно может состоять из одного человека, живущего самостоятельно.
- Европоцентризм** — идеологическая концепция, согласно которой ведущую роль в развитии современной цивилизации и культуры сыграла Европа.
- Естественная рождаемость** — рождаемость, не ограничиваемая противозачаточными мерами и абортными.
- Естественное движение населения** — совокупность рождений и смертей, браков и разводов, изменяющих численность населения так называемым естественным путем.
- Естественный прирост населения** — разность между количеством родившихся и количеством умерших за определенный интервал времени. Может быть отрицательным в случае превышения умерших над родившимися.
- Жизненное пространство** — минимальный территориальный объем, позволяющий народу реализовать свои исторические и политические стремления.
- Идентификация** — перенесение личностных качеств другого человека на себя, стремление актуализировать в своей личности те же качества, которым обладает выбранный образец.
- Иммигрант** — иностранец, прибывший в какую-либо страну на постоянное жительство.
- Иммиграция** — въезд в страну иностранных граждан с целью постоянного в ней проживания и, как правило, получения ее гражданства.

Империя — государственное образование, объединяющее несколько этносов под эгидой универсальной идеи религиозного, этического или идеологического характера.

Индекс жизнениности (коэффициент Покровского) — отношение количества родившихся к количеству умерших за год.

Индивидуализация — процесс становления личности путем отбора информации, получаемой из окружающей среды, и производства новых духовных ценностей, значимых для общества.

Инструментализм — подход к определению этноса и этничности, делающий акцент не на объективной основе существования этноса, а лишь на той роли, которую он выполняет в культуре.

Интенсивность миграции — характеристика частоты миграции в определенных территориально-демографических группах. Выражается правильной дробью, числитель которой — количество мигрантов (прибывших, выбывших или их сумма), а знаменатель — средняя численность населения за определенный период.

Истеблишмент — система ключевых социальных, культурных и политических статусов, обеспечивающая реальное и символическое существование государства.

Историческая память этноса — важнейший компонент духовной культуры этноса, позволяющий поддерживать непрерывность этнической эволюции, преемственность культуры этноса и передавать ее последующим поколениям.

Календарь рождений — распределение рождений во времени в течение детородного периода или периода брака.

Каста — замкнутая группа людей, у которых сложились специфические традиции, нормы, поведение и стиль жизни.

Категории населения — в соответствии с определенными правилами регистрации жителей какого-либо населенного пункта выделяют постоянное население, наличное население, юридическое население.

Качество народонаселения — совокупность свойств народонаселения, характеризующих его развитие в системе социальных и природных отношений.

Когорта — совокупность людей, у которых в один и тот же период времени произошло определенное демографическое событие (например, группа лиц, вступивших в брак в течение календарного года, и т. д.).

Колония — территория, подконтрольная метрополии, отделенной водным пространством. Рассматривается как временная и внешняя база, отчужденная от общего геополитического пространства метрополии.

Колониализм — политическое, экономическое и духовное порабощение стран, как правило, менее развитых в социально-экономическом отношении.

Комплементарность — взаимная симпатия (антипатия) индивидов, определяющая деление на «своих» и «чужих».

Конвенциональные роли — роли, связанные с официальными требованиями организации.

Конвергенция — схождение, сближение.

Конвексия — группа людей с однохарактерными бытом и семейными связями, иногда переходящая в субэтнос (термин Л. Н. Гумилева).

Конкорданция — процесс формирования установок, интересов, умений и навыков личности, позволяющих ей осуществлять свою жизнедеятельность согласованно с деятельностью других членов общества.

Консолидация — упрочение, укрепление, сплачивание отдельных лиц, групп, организаций для усиления борьбы за общие цели.

Конфессиональный — связанный с определенным вероисповеданием.

Конформизм — приспособленчество, пассивное принятие существующего порядка вещей, господствующих мнений и т. п.

Консерция — группа людей, объединенных на короткое время одной исторической судьбой (термин Л. Н. Гумилева).

Коренной этнос — аборигенный народ, ведущий племенной образ жизни.

Космополитизм — отрицание национальной обособленности, ограниченности и замкнутости, стремление к созданию наднациональных обществ, к миру без государственных границ.

Коэффициент брачной рождаемости — отношение количества детей, родившихся в браке, в течение года к количеству замужних женщин в возрасте 15–49 лет.

Коэффициент брачности — отношение количества всех зарегистрированных браков за определенный период к средней численности населения за этот период.

Коэффициент естественного прироста населения — отношение естественного прироста населения к среднему населению за определенный период времени или разность между общим коэффициентом рождаемости и общим коэффициентом смертности (в промилле).

Коэффициент иммиграции — отношение количества иммигрантов, прибывших в страну, в течение года к средней численности населения этой страны.

Коэффициент миграционного прироста населения — отношение миграционного прироста населения как разницы между прибывшими и выбывшими за определенный период к средней численности населения данной местности (в промилле).

Коэффициент младенческой смертности — отношение количества детей, умерших в возрасте до 1 года за год, к количеству детей родившихся в данный и прошлый годы.

- Коэффициент прироста населения** — отношение общего прироста населения в течение года к среднему населению.
- Коэффициент рождаемости** — отношение количества детей, родившихся живыми в течение календарного года, к средней численности населения за этот год.
- Коэффициент чистой миграции** — отношение чистой миграции как разности между количеством иммигрантов и эмигрантов к средней численности населения данной страны или региона за календарный год.
- Коэффициент эмиграции** — отношение количества эмигрантов, покинувших страну, в течение года к средней численности населения этой страны за этот год.
- Ксенофобия** — враждебное отношение к иностранцам и ко всему чужому — языку, образу жизни, стилю мышления и т. п.
- Культуризация** — процесс усвоения индивидом ценностей и опыта других социумов и этносов.
- Культурная дистанция** — степень близости или отдаленности культур.
- Культурный релятивизм** — утверждение равноправия всех типов культур, отказ от выделенных систем культурных ценностей.
- Летальность** — отношение количества людей, умерших по какой-либо причине (болезни, ранения и т. п.), к количеству людей выживших. Один из показателей качества и эффективности работы лечебно-профилактических учреждений.
- Магия** — общее обозначение обрядов, в основании которых лежит вера в сверхъестественное воздействие человека на предметы природы, животных и других людей; неразрывно связана с мифологией.
- Маятниковая миграция** — ежедневные, иногда еженедельные, передвижения населения из одного населенного пункта страны в другой на работу или учебу и обратно.
- Межгрупповая дискриминация** — установление различий между собственной и чужой группой, нередко приобретающее ярко выраженную оценочную окраску.
- Межэтническая коммуникация** — обмен между двумя или более этническими общностями, материальными и духовными продуктами их культурной деятельности, осуществляемой в различных формах.
- Менталитет** — относительно целостная совокупность мыслей, верований, создающих картину мира и скрепляющих единство культурной традиции или какой-либо общности.
- Меньшинство этническое** — группа людей той или иной этнической принадлежности, существенно уступающая по своей численности окружающему ее иноэтническому населению.

- Метис** — потомок от брака между представителями разных человеческих рас.
- Миграция населения** — движение людей через границы тех или иных территорий с целью постоянного устройства, относительно длительного или краткого пребывания на новом месте жительства либо приложения труда. Различают международную и внутреннюю миграцию населения.
- Моногамия** — единобрачие, форма брака, предполагающая устойчивое сожительство одного мужчины с одной женщиной.
- Наличное население** — основная категория населения, объединяющая совокупность людей, находящихся в данном населенном пункте или на данной территории на момент переписи.
- Народ** — субъект истории; совокупность классов и социальных групп общества; население государства, страны.
- Народность** — этническая общность людей, исторически следующая за племенем и предшествующая нации. Возникает в результате смешения племен и образования племенных союзов в период разложения первобытнообщинного строя и утверждения частнособственнических отношений.
- Народонаселение** — совокупность людей, проживающих и постоянно развивающихся на какой-либо территории или же на всей Земле. Этот термин, свойственный, по существу, только русскому языку, появился в России в 1806 г. Синоним — «население».
- Натурализация** — процесс вживания иммигранта в новое, иноязычное окружение, освоение им новых форм общения, культуры, правил общежития.
- Национализм** — идеология, общественная психология, политика и общественная практика, сущностью которой являются идеи национальной исключительности, обособленности, пренебрежения и недоверия к другим нациям и народам.
- Национальная идеология** — теоретически оформленная система взглядов этнофора на национальные проблемы, национальные интересы, национальные ценности, вырабатываемая государством и обществом в лице социальных институтов.
- Национальная психология** — стихийно возникающая совокупность чувств, настроений, потребностей, реализуемых преимущественно внутри этнической общности.
- Национальное самосознание** — осознание индивидом принадлежности к определенной нации как к социально-экономической и политической общности.
- Национальный вкус** — исторически сложившееся своеобразное понимание прекрасного и безобразного большинством представителей нации.

- Нация** — исторический тип этноса, представляющий собой социально-экономическую целостность, которая складывается и воспроизводится на основе общности территории, экономических связей, языка, некоторых особенностей культуры, психологического склада и этнического самосознания.
- Негритюд** — учение об особой сущности африканской культуры, ее выделение в качестве идеала и образца, эталона для всех других, прежде всего европейских, культур.
- Нетто-коэффициент воспроизводства населения** — обобщающая характеристика режима воспроизводства населения, показывающая, сколько дочерей родит некоторая совокупность новорожденных девочек в течение всей предстоящей им жизни при данном режиме рождаемости и смертности.
- Обскурация** — старость этноса, наступающая после 1100 лет его существования (термин Л. Н. Гумилева).
- Общество** — результат распада общинных образований. В отличие от общины, принципиально делимо на атомарных членов (индивидов), регулируется традицией.
- Общий прирост населения** — алгебраическая сумма естественного и миграционного прироста населения.
- Объективная этнопсихологическая маргинальность** — усвоение ценностей, норм и идеалов разных культур, не вызывающее у человека ощущения кризиса личности.
- Ожидаемая продолжительность жизни при рождении** — термин, используемый в последнее время вместо термина «средняя продолжительность предстоящей жизни при рождении». Наиболее адекватная обобщающая характеристика современного уровня смертности во всех возрастах.
- Оптимум населения** — наиболее рациональный из всех возможных с точки зрения избранного критерия (или их системы) тип воспроизводства населения в его широком понимании.
- Открытое население** — население, общая численность и возрастно-половой состав которого изменяются под влиянием не только естественного передвижения населения, но и миграции.
- Пассионарии** — индивидуумы, импульс поведения которых значительно превышает импульс инстинкта самосохранения.
- Пассионарное напряжение** — количество имеющейся в этнической системе пассионарности, деленное на количество индивидов, составляющих этническую систему индивидуумов (термин Л. Н. Гумилева).
- Пассионарность** — способность и стремление этнического сообщества к изменению окружения; уровень активности этнического сообщества.

- Перепись населения** — быстрый сбор (от одних суток до двух недель) и обработка с последующей публикацией демографических, экономических и социальных данных, характеризующих на определенный момент времени всех без исключения жителей страны.
- Периферия** — территория, не имеющая самостоятельной геополитической ориентации, удаленная от стратегической столицы, от лица которой принимаются все основные геополитические решения.
- Персонификация** — перенесение своего «я», своих личностных качеств на другого человека в процессе сравнения себя с ним.
- Племя** — исторический тип этноса, внутренняя структура которого создается по принципу кровного родства; имеет небольшую численность, что вызвано слабым развитием производительных сил; не имеет общего языка и постоянной территории.
- Плотность населения** — соотношение численности населения и размеров территории, на которой оно проживает.
- Плотность рождений** — количество рождений в единицу времени.
- Поколение** — совокупность людей, родившихся в один и тот же период, находящихся в любой момент в равном или почти равном возрасте.
- Полигамия** — многобрачие (многоженство или многомужество); чаще употребляется в значении многоженства.
- Поперечный анализ** — метод изучения условного, или гипотетического, поколения.
- Постоянное население** — совокупность людей, для которых данный населенный пункт или территория представляют место обычного (постоянного) проживания в данное время.
- Потестарность** — форма организации общественной власти в доклассовых и раннеклассовых обществах, еще не имевших политического, государственного характера.
- Прекращение брака** — распад брачного союза вследствие смерти одного из супругов или расторжения брака.
- Пробная перепись населения** — сплошное обследование небольшой части населения страны, проводимое для проверки метода переписи, формулировки вопросов программы переписи, решения организационных вопросов и т. п.
- Продольный анализ** — когортный метод, или метод реального поколения, при котором демографические процессы описываются и анализируются для когорт.
- Промилле** — единица измерения демографических процессов. Означает количество тех или иных демографических событий (рождений, смертей, браков и т. д.) на 1000 чел. населения.

- Психический склад этноса** — специфический способ восприятия и отражения членами этнической общности различных сторон окружающей действительности.
- Психологическая культура** — совокупность имеющихся у индивида, группы или этноса представлений о психике; используемые формы регулирования и развития психики.
- Психологическая культура этноса** — характерные для данного этноса представления о психике, формы регулирования и развития психики.
- Раса** — исторически сложившаяся группа людей, объединенная общностью происхождения, выражающейся в общности наследственных, передаваемых потомству второстепенных внешних физических особенностей.
- Расизм** — идеология и общественная психология, сущностью которой являются представления о биологическом превосходстве либо, наоборот, неполноценности тех или иных этносов.
- Раселение населения** — процесс распределения и перераспределения населения по территории. Включает в себя размещение населения, функциональные территориальные взаимосвязи населенных мест и миграции населения.
- Режим воспроизводства населения** — совокупность конкретных количественных характеристик процесса воспроизводства населения (рождаемость, смертность, соотношение мальчиков и девочек среди новорожденных), рассматриваемого в фиксированный период времени.
- Репродуктивное поведение** — система действий и отношений, опосредующих либо рождение, либо отказ от рождения ребенка в браке или вне брака.
- Репродуктивный возраст** — возраст женщины, в котором она способна к деторождению, как правило от 15 до 49 лет.
- Репродуктивный период** — часть жизни женщин, в течение которой они способны к деторождению.
- Реципрокность** — взаимосвязь, сотрудничество между отдаленными родственниками или индивидами, не связанными отношениями родства; способствует выживанию этих людей.
- Резмиграция** — возвращение эмигрантов на родину.
- Род** — кровно-родственная группа людей, связанная единым происхождением по материнской или отцовской линии.
- Рождаемость** — процесс деторождения в совокупности людей, составляющих поколение, или в совокупности поколений представляет собой одну из возможных форм реализации плодовитости.
- Сакральная география** — совокупность представлений о пространстве у древних. Современная геополитика руководствуется типологически сходным пониманием пространства, только выражает это в рациональной естественнонаучной форме.

- Сакральный** — священный, относящийся к религиозному культу и ритуалу.
- Сальдо миграции** (нетто-миграция, чистая миграция, миграционный прирост) — разность между количеством иммигрантов и количеством эмигрантов в стране за определенный год. Косвенно может быть получено как разница между общим и естественным приростом населения за год.
- Самоидентификация** — социально-психологический процесс, представляющий собой осознание социальной группой своей тождественности (единства всех членов на основе каких-либо признаков), а отдельным индивидом — своей принадлежности к определенной группе.
- Сегрегация** — принудительное разделение населения на группы по определенному социальному признаку, чаще всего расовому и этническому; вид расовой дискриминации.
- Сезонная миграция** — миграция населения, как правило, на срок до одного года с целью трудоустройства (уборка урожая, строительные работы и т. п.) в другом районе или государстве.
- Семья** — группа лиц, связанных родственными отношениями, проживающих совместно и имеющих общее хозяйство и бюджет.
- Сепаратизм** — социально-политические и идеологические устремления группы людей к отделению одной части государства от другой.
- Сепарация** — отделение от этноса сравнительно небольшой части, преобразующейся со временем в самостоятельный этнос.
- Смертность** — процесс вымирания поколения, складывающийся из множества единичных смертей, наступающих в разных возрастах.
- Социализация** — становление личности в процессе усвоения индивидом основного набора духовных ценностей, выработанных человечеством.
- Социальная дистанция** — степень близости или отдаленности социальных либо этнических общностей, групп, отдельных людей.
- Социальная установка** — состояние психики, характеризующееся готовностью человека реагировать определенным образом на то, что связано с актуальностью для него потребностью и ситуацией.
- Социальная экспансивность** — степень выраженности и окрашенности социальных чувств по отношению к другому этносу.
- Социально-стратификационная дистанция** — степень близости или отдаленности классов, социальных групп, слоев в обществе.
- Социальный контроль** — система способов воздействия общества и социальных групп на личность с целью регуляции ее поведения.
- Социальный стереотип** — схематизированный, упрощенный образ какого-либо явления социальной действительности, фиксирующий лишь некоторые, иногда несущественные, черты.

- Социополитика** — изучение социальных аспектов государства.
- Социум** — большая группа людей, объединенных на основе общности территории, экономики и политики, выработавшая единые поведенческие требования (законы и социальные нормы) к различным сторонам жизни.
- Социумизация** — процесс усвоения индивидом духовных ценностей и опыта того социума, к которому он принадлежит.
- Специальный коэффициент рождаемости** — отношение количества родившихся детей к численности женщин репродуктивного возраста.
- Среднегодовая численность населения** — среднее арифметическое значение численности на начало данного года.
- Средняя численность населения** — обобщающий показатель численности населения для всего рассматриваемого периода.
- Средний возраст** — характеристика возрастной структуры населения. Вычисляется как среднее арифметическое значение возрастов всех людей в данном населении или поколении.
- Средняя продолжительность предстоящей жизни при рождении** — количество лет, которое в среднем предстоит прожить представителю поколения.
- Стабильное население** — теоретическая модель населения с неизменными во времени возрастными интенсивностями рождаемости, смертности и возрастной структурой.
- Старение населения** — увеличение доли пожилых и старых людей (60 лет и старше) в общей численности населения.
- Старое население** — обобщенная характеристика возрастной структуры населения, в которой, по классификации ООН, доля лиц в возрасте 65 лет и старше превышает 7%.
- Стационарное население** — теоретическая модель населения, в которой плотность рождений и порядок вымирания не меняются, то есть рождаемость равна смертности. Величина, обратная средней продолжительности жизни. Представляет собой частный случай стабильного населения.
- Стереотип** — схематизированная модель, программа поведения; упрощенный образ какого-либо явления, фиксирующий лишь некоторые, иногда несущественные, черты.
- Субэтнос** — этническая система как часть этноса (термин Л. Н. Гумилева).
- Суммарный коэффициент рождаемости** — среднее число рождений у одной женщины в гипотетическом поколении за всю ее жизнь при сохранении существующих уровней рождаемости в каждом возрасте независимо от смертности и изменений возрастного состава. Высчитывается как сумма возрастных коэффициентов рождаемости во всех возрастных интервалах.

- Суперэтнос** — этническая система, состоящая из нескольких этносов, возникших одновременно в одном регионе, связанных экономически, идеологически и политически (термин Л. Н. Гумилева).
- Тип воспроизводства населения** — категория, отражающая общность наиболее важных качественных черт воспроизводства населения. Выделяют два основных Т. в. н.: традиционный (с высокими рождаемостью и смертностью) и современный (с низкими рождаемостью и смертностью), а также один промежуточный (с высокой рождаемостью и низкой смертностью).
- Титульный этнос** — этнос, давший наименование тому или иному национально-государственному образованию.
- Тотемизм** — первичная форма религии, отождествляющая род или племя с животным или растением, верящая в происхождение своего народа от тотема.
- Урбанизация** — исторический процесс повышения роли города в развитии общества, который выражается в росте городов, особенно больших, увеличении доли городского населения в общей численности населения страны, мира в целом (если в 1800 г. доля городского населения в мире составляла около 3%, то в 1994 г. — уже 45%).
- «Утечка умов»** — безвозвратная эмиграция высококвалифицированных специалистов, в том числе потенциальных специалистов (студентов, стажеров, аспирантов), обусловленная особой политикой стран иммиграции и имеющая негативные последствия для стран эмиграции.
- Феномен** — совокупность всех признаков и свойств организма, сформировавшихся в процессе его индивидуального развития.
- Этническая фрустрация** — психологическое состояние этнической группы или общности, которое характеризуется потерей перспективы исторического развития, тревогой, неуверенностью в завтрашнем дне, чувством безысходности.
- Функция дожития** — количественная характеристика процессов смертности.
- Харизма** — особое свойство человеческого характера, способность увлечь за собой людей.
- Хозяйственно-культурный тип** — определенный комплекс особенностей хозяйства и культуры, складывающийся исторически у разных народов, находящихся на близких уровнях социально-экономического развития и обитающих в сходных условиях среды.
- Человечество** — общность людей всех этносов, проживающих на Земле; все народонаселение планеты.
- Шовинизм** — крайняя форма национализма, состоящая в проповеди национальной исключительности и направленная на разжигание национальной вражды и ненависти.

- Целенаправленность этнического коллектива** — состояние коллектива, при котором совместная деятельность определяется целью; готовность к достижению групповых целей социального взаимодействия.
- Ценностные ориентации** — обобщенная концепция природы, места в ней, отношение к человеку, тип межличностных отношений и отношений человека с окружающим миром.
- Человеческий капитал** — совокупность знаний, навыков, способностей и мотиваций человека, имеющих экономическую ценность. Размер Ч. к. может уменьшаться под воздействием износа (физического и морального) и увеличиваться в результате своеобразного инвестирования (рождений и воспитания детей, образования, миграции населения и др.).
- Эволюционизм** — направление в изучении культур, в основе которого лежит представление об эволюционно-прогрессивном характере историко-культурного процесса.
- Экзогенные причины смерти** — условно выделяемая группа причин смерти, связанных с воздействием внешней среды (несчастные случаи, травмы и отравления, инфекционные и паразитарные болезни и т. п.).
- Экологический кризис** — резкое обострение противоречий в отношениях между обществом и природой, в частности между неконтролируемым быстрым ростом населения и ограниченными возможностями природной среды.
- Экономически активное население** — люди, имеющие самостоятельный доход от занятий. Включает в себя как занятых людей, так и ищущих работу (зарегистрированных безработных).
- Экспоненциальное население** — математическая модель, описывающая население с постоянными во времени темпами роста и одним из двух параметров его воспроизводства — возрастной структурой или функцией дожития.
- Элита** — система, состоящая из конкретных личностей — людей-творцов, призванных ценностно атрибутировать, адаптировать этнос, придавая ему специфичный культурно-этнический образ.
- Эмиграция** — выезд из страны в другое государство с целью постоянного жительства, получения его гражданства.
- Эндогенные причины смерти** — условно выделяемая группа причин смерти, вызванных болезнями, связанными прежде всего с внутренними процессами в организме человека (болезни системы кровообращения и т. п.).
- Эпикантус** — складка кожи верхнего века у внутреннего угла глаза, прикрывающая слезный бугорок.

- Этнизация** — процесс усвоения индивидом духовных ценностей того этноса, к которому он принадлежит.
- Этническая антропология** — отрасль научного знания на стыке этнологии и антропологии, занимающаяся изучением вопросов происхождения этносов, роли условий социальной жизни народов, их образа жизни в различных регионах мира.
- Этническая доминанта** — явление (или комплекс явлений — религиозных, идеологических, военных, бытовых), определяющее переход от начального для процесса этногенеза этнокультурного многообразия к целеустремленному культурному единообразию.
- Этническая идентификация** — причисление себя к группе людей определенной национальности.
- Этническая иерархия** — этногенетически динамичная соподчиненность этнических систем разных таксономических уровней (рангов).
- Этническая общность** — любая общность, которая складывается на определенной территории среди людей, находящихся между собой в реальных социально-экономических связях, говорящих на взаимопонимаемом языке, сохраняющих на протяжении своего жизненного пути культурную специфику и осознание себя отдельной самостоятельной группой.
- Этническая парциалия** — разделение единого этноса на несколько более или менее равных частей.
- Этническая регенерация** — восстановление этнической структуры после социальных потрясений.
- Этническая фузия** — слияние нескольких ранее самостоятельных народов, родственных по языку и культуре, в новый, более крупный этнос.
- Этнические обычаи и традиции** — компоненты психического склада, объективирующие субъективные представления о нормах поведения, передающиеся из поколения в поколение.
- Этнические чувства** — эмоциональное отношение людей к своей этнической общности и ее интересам, а также к другим этносам и их интересам.
- Этнические экспектации** — ориентации человека как члена этнической группы, в основе которых лежат ролевая и нормативная регуляции социального взаимодействия людей.
- Этнический гомеостаз** (или гомеостатический уровень этноса, или статическое состояние этноса) — устойчивое состояние этнической системы (структуры), при котором пределы колебания «энергии» ограничены, что определяет этноландшафтное равновесие и отсутствие смены фаз этногенеза.
- Этнический императив поведения** — идеальный принцип отношения этнического коллектива к индивиду.

- Этнический контакт** — процесс взаимодействия двух и более этносов или разных рангов этнической иерархии.
- Этнический конфликт** — форма гражданства, политического или вооруженного противоборства, в котором стороны или одна из сторон мобилизуются, действуют и страдают по принципу этнических различий.
- Этнический маргинал** — человек, имеющий родителей разной национальности.
- Этнический стереотип** — упрощенный, схематизированный, эмоционально окрашенный и чрезвычайно устойчивый образ какой-либо этнической группы или общности, легко распространяемый на всех ее представителей (этнический образ); схематизированная программа поведения, типичная для представителей какого-либо этноса.
- Этнический темперамент** — внешнее выражение национального характера. Наиболее ярко проявляется в особенностях общения (темпе речи, движения, жесты, дистанция и пр.).
- Этнический характер** — целостная структура, отражающая специфику исторически сложившихся свойств психики, которые отличают один этнос от другого.
- Этническое меньшинство** — часть этноса, отделенная от основного этнического массива и проживающая в иноэтнической окружности; не следует отождествлять с малочисленными народами.
- Этническое самосознание** — осознание индивидами принадлежности к определенной этнической общности.
- Этническое сознание** — совокупность ментальных представлений этнической общности о своем месте в мире, включающая социально-психологические установки и стереотипы.
- Этничность** — совокупность характерных, культурных черт, отличающих одну этническую группу от другой.
- Этногенез** — процесс развития этнической системы от ее возникновения до исчезновения.
- Этнодемография** — научная дисциплина на стыке этнологии и демографии, изучающая особенности естественного воспроизводства этноса и динамики их численности.
- Этнолингвистика** — научная дисциплина на стыке этнологии и лингвистики, изучающая взаимоотношения этнической культуры и языка.
- Этногенетическая миксация** — слияние людей, не связанных родством, в новый этнос.
- Этнография** — часть этнологии, описательный уровень исследований, фиксирующий культурно-бытовые и социальные отличия между народами, и прежде всего отличия неевропейских народов от европейских.

- Этнологическое самосознание** — осознание индивидами принадлежности к определенной этнической общности как социально-экономической и политической организации.
- Этнология** — наука, изучающая становление этносферы Земли как результат процессов этногенеза.
- Этноним** — самоназвание, а также и название этноса, которое ему дают другие народы.
- Этнопсихологическая двойственность** — усвоение ценностей, норм и идеалов разных культур, сопровождающееся ярко выраженным комплексом субъективного переживания кризиса этнической идентичности.
- Этнос** — исторически сложившаяся на определенной территории устойчивая совокупность людей, обладающих общими, относительно стабильными особенностями культуры (в том числе языка), а также сознанием своего единства и отличия от всех других подобных образований (самосознанием), фиксированным в самоназвании (этнониме).
- Этносоциология** — междисциплинарная наука на стыке этнологии и социологии, занимающаяся сравнительными исследованиями социальных проблем жизнедеятельности этносов.
- Этнопсихология** — научная дисциплина на стыке этнологии и психологии, изучающая психологические и психические особенности этноса.
- Этносфера** — совокупность племен, народов и наций, населяющих Землю.
- Этнофор** — индивид как носитель этнического сознания.
- Этноцентризм** — свойство этнического самосознания воспринимать и оценивать окружающий мир сквозь призму традиций и ценностей собственного этноса.
- Этология** — одно из направлений в изучении поведения животных.
- Этос** — квинтэссенция культуры, система идеалов, ценностей, доминирующих в каждой конкретной культуре и контролирующей поведение ее членов.
- Юридическое население** — категория населения, объединяющая совокупность людей, связанных с данным населенным пунктом правилами регистрации.

1. Агеев В. С. Межгрупповое взаимодействие. Социально-психологические проблемы. М., 1990.
2. Актуальные проблемы этнической психологии / Под ред. А. Ф. Шикуну, Ю. П. Платонова. Тверь, 1992.
3. Арутюнян Ю. В., Дробизева Л. М., Сусоколова А. А. Этносоциология. М., 1998.
4. Бороноев А. О., Павленко В. Н. Этническая психология. СПб., 1994.
5. Бороноев А. О., Смирнов П. И. Россия и русские. Характер народа и судьбы страны. СПб., 1992.
6. Бромлей Ю. В. Очерки теории этноса. М., 1983.
7. Брук С. И. Население мира: Этнодемографический справочник. М., 1981.
8. Введение в этническую психологию / Под ред. Ю. П. Платонова. СПб., 1995.
9. Вундт В. Проблемы психологии народов. М., 2000.
10. Гегель Г. Энциклопедия философских наук. Т. 1–3. М., 1974.
11. Геродот. Истории. М., 1972.
12. Гумилев Л. Н. Конец и вновь начало. М., 2001.
13. Гумилев Л. Н. Этногенез и биосфера Земли. Л., 1989.
14. Емельянов Ю. Н. Основы культурной антропологии. СПб., 1994.
15. Иванов К. П. Проблемы этнической географии. СПб., 1998.
16. Казьмин О. Е., Пучков П. И. Основы этнодемографии. М., 1994.
17. Катица С. П. Общая теория роста человечества. М., 1999.
18. Кеннеди П. Вступая в двадцать первый век. М., 1997.
19. Ковалев Е. М. Гуманитарная география России. М., 1995.
20. Коул М., Скрибнер С. Мышление и культура. М., 1994.
21. Лебедева Н. М. Новая русская диаспора. Социально-психологический анализ. М., 1997.
22. Лебон Г. Психология народов и масс. СПб., 1995.
23. Лурье С. В. Историческая этнология. М., 1997.
24. Льюис Р. Д. Деловые культуры в международном бизнесе, от столкновения к взаимопониманию. М., 1999.
25. Мастюгина Т. Н., Перепелкин Л. С. Этнология. Народы России: история и современное положение. М., 1992.
26. Народы и религии мира: Энциклопедия. М., 1998.
27. Платонов Ю. П. Народы мира в зеркале геополитики. СПб., 2000.
28. Платонов Ю. П. Этническая психология. СПб., 2001.
29. Пленков О. Ю. Мифы наций против мифов демократии. СПб., 1997.
30. Психология национальной нетерпимости / Сост. Ю. В. Чернявская. Минск, 1998.
31. Садохин А. П., Грушевицкая Т. Г. Этнология. М., 2000.
32. Саракуев Э. А., Крысько В. С. Введение в этнопсихологию. М., 1996.
33. Сикевич З. В. Русские. «Образ» народа. СПб., 1996.
34. Скворцов Н. Г. Проблема этничности в социальной антропологии. СПб., 1996.
35. Солдатова Г. У. Психология межэтнической напряженности. М., 1998.
36. Социальная психология / Под ред. Е. С. Кузьмина, В. Е. Семенова. Л., 1979.
37. Социальная идентификация личности. М., 1994.
38. Стефаненко Т. Г. Этнопсихология. М., 1999.
39. Урланис Б. Ц. Народонаселение. М., 1976.
40. Хотинцев В. Ю. Этническое самосознание. СПб., 2000.
41. Шихирев П. И. Введение в российскую деловую культуру. М., 2000.
42. Шпет Г. Г. Введение в этническую психологию. М., 1997.
43. Чебоксаров Н. Н., Чебоксарова И. А. Народы. Расы. Культуры. М., 1985.
44. Этнические аспекты власти / Под ред. В. В. Бочарова. СПб., 1995.
45. Этнические меньшинства в современной Европе / Под ред. А. Н. Брусилловской. М., 1997.
46. Этнология / Под ред. Г. Е. Маркова, В. П. Пименова. М., 1994.
47. Юм Д. Сочинения. В 2 т. М., 1966.

<i>Предисловие</i>	3
Раздел I. Этносфера как объект этнической психологии	6
Глава 1. Этносфера Земли: племена, народы, нации	6
Глава 2. Географическое описание этносферы	22
Глава 3. Хозяйственно-культурное описание этносферы	26
Глава 4. Антропологическое описание этносферы	34
Глава 5. Конфессиональное описание этносферы	48
Глава 6. Лингвистическое описание этносферы	61
Раздел II. Этнический мир России	67
Глава 7. Этнолингвистический портрет	67
Глава 8. Этнодемографические процессы	105
Глава 9. Особенности миграции в России	124
Глава 10. Мотивация миграционного поведения	131
Глава 11. Эмиграция как проблема развития России	139
Раздел III. Становление и развитие этнической психологии <i>(Исторический аспект)</i>	146
Глава 12. Становление этнической психологии в контексте европейской культуры	146
Глава 13. Современная западная этническая психология	158
Глава 14. Становление этнической психологии в России <i>(Дореволюционный период)</i>	168
Глава 15. Отечественная этническая психология в XX в.	180
Раздел IV. Этнический мир человека как предмет этнической психологии	192
Глава 16. Этнические грани личности	192
Глава 17. Этническая идентичность личности	209
Раздел V. Элементы этнической психологии	223
Глава 18. Детерминанты этнического поведения	223
Глава 19. Этнические диспозиции	228
Глава 20. Этнические стереотипы	239
Глава 21. Этнические экспектации	254
Глава 22. Поведение этнической диаспоры	275
Раздел VI. Межэтнические конфликты	290
Глава 23. Природа межэтнических конфликтов	290
Глава 24. Детерминанты межэтнических конфликтов	297
Глава 25. Модальность межэтнических конфликтов	304
Глава 26. Типология межэтнических конфликтов	311
Глава 27. Способы разрешения межэтнических конфликтов	316
Глава 28. Специфика этнического терроризма	325
Раздел VII. Методы психологических измерений этнических различий	340
Глава 29. Классификация методов, используемых в этнической психологии	340
Глава 30. Обсервационные методы	347
Глава 31. Диагностические и экспериментальные методы	351
Глава 32. Биографические и прагматические методы	365
Приложения	371
Методика 1. Тест культурно-ценностных ориентаций <i>(Тест Л. Г. Почебут)</i>	371
Методика 2. Опросник адаптации личности к новой социокультурной среде <i>(Тест Л. В. Янковского)</i>	374
Методика 3. Оценка мотивации одобрения <i>(Тест-опросник С. Марлоу – Крауна)</i>	380
Методика 4. Тест агрессивности <i>(Опросник Л. Г. Почебут)</i>	383
Методика 5. Тест эмпатии <i>(Опросник И. М. Юсупова)</i>	386
Методика 6. Шкала социальной дистанции <i>(Вариант Л. Г. Почебут)</i>	389
Методика 7. Опросник исследования самоотношения личности <i>(Тест В. В. Столина)</i>	392
Методика 8. Диагностический тест отношений <i>(Тест Г. У. Кцовой-Солдатовой)</i>	399
Методика 9. Цветовой тест отношений <i>(Тест А. Н. Лутошкина)</i>	403
Методика 10. Измерение локуса контроля <i>(Тест Е. Ф. Бажина, Е. А. Голькиной, А. М. Эткинда)</i>	406
Методика 11. Исследование ценностных ориентаций <i>(Тест М. Рокича)</i>	410
Методика 12. Исследование представлений человека о себе и о других людях <i>(Тест Т. Лири)</i>	412
Методика 13. Измерение нормативных предпочтений в группе <i>(Тест О. И. Комиссаровой)</i>	418

Методика 14. Измерение социометрического статуса (<i>Диагностика межличностных отношений на основе теста субъективных предпочтений Д. Морено</i>)	421
Методика 15. Измерение социально-трудовой активности (<i>Тест Ю. П. Платонова</i>)	424
Этнопсихологический глоссарий	429
Литература	448

Юрий Петрович Платонов
Основы этнической психологии

Главный редактор *И. Ю. Авидон*
Художественный редактор *П. В. Борозенец*
Технический редактор *Л. В. Васильева*
Директор *Л. В. Янковский*

ООО Издательство «Речь».
199004, Санкт-Петербург, В. О., 3-я линия, 6 (лит. «А»)
Лицензия ЛП № 000364 от 29.12.99.
e-mail: info@rech.spb.ru
интернет-магазин: www.internatura.ru

Сдано в набор 08.11.2003. Подписано в печать 08.12.2003.
Формат 84×108^{1/32}. Гарнитура Таймс Нью-Роман. Печать высокая.
Печ. л. 29. Тираж 4000 экз. Заказ № 1287.

Отпечатано с диапозитивов в ФГУП «Печатный двор»
Министерства РФ по делам печати, телерадиовещания
и средств массовых коммуникаций.
197110, Санкт-Петербург, Чкаловский пр., 15.